

Предисловие.

Сегодня 20 января 2021 года. Вот и минул год как Ты ушёл. Всего год или уже год, даже не знаю. И вот я сегодня берусь за неизвестное мне доселе занятие – написание летописи нашей семьи и нашего рода - дело, которое ты так хотел, но не успел завершить. Папа, ты много времени и сил посвятил тому, чтобы по крупицам создать семейное древо, разместив на его ветках имена всех наших предков и ныне живущих родственников. Ты очень хотел нас тоже привлечь к этому занятию, пытаюсь убедить в важности этого дела, как для нас самих, так и для наших потомков. Но, как это часто бывает в жизни, осознание того, что это действительно важно, пришло ко многим из нас только после того как ты ушел.

Незадолго до твоей кончины я обещал тебе помочь с изданием летописи, но мне и в голову не могло прийти, что я должен буду написать её вместо тебя. И теперь, когда я пытаюсь это сделать, то с горестью понимаю сколько же всего ушло вместе с тобой и ушло, увы, безвозвратно и навсегда. Течение твоей болезни было таким стремительным, что мы, да и ты наверняка, просто полностью растерялись. Всё рухнуло и пропало в одно мгновение - дела, которые ты не завершил и все твои неосуществленные планы. Также с тобой ушёл огромный пласт знаний о нашем роде, полученный тобой на протяжении многих лет поиска. Что-то ты не записал, понадеявшись на свою память, что-то я вовремя не расспросил, ошибочно полагаясь на ощущение бесконечности жизни.

Оказывается, найти какую-либо информацию о событиях, даже из недавнего прошлого, является порой весьма непростой задачей. Что уж говорить про даты и события сто или двухсотлетней давности. Видимо, мне придется во многом повторить твой путь исканий, для того чтобы задуманная тобой летопись семьи вышла в свет. Даже не знаю что это – перст судьбы или наши оплошности?

Сегодня я начинаю писать книгу в которую включу информацию и факты, которые продолжаю собирать по сей день. Надеюсь её довести до какого-то логического конца, одновременно понимая, что она будет переиздаваться с уточнениями и дополнениями неограниченное количество раз. Я буду стараться придерживаться фактов, лишь изредка пускаясь в какие-нибудь витиеватые художественные предположения.

Зачем всё это? Ты знаешь, меня уже сегодня некоторые про это спрашивают. Раньше я бы, наверное, сказал, что это память и что это интересно. Так вот, во-первых — это действительно интересно и увлекательно. И этот интерес приходит именно во время поиска. Это как какой-то исторический детектив, в котором ты самый настоящий сыщик. Имея какие-то факты, ты строишь гипотезу, потом опять ищешь факты чтобы её подтвердить или отвергнуть. Во-вторых, это какое-то оживление и очеловечивание имён, расположенных на ветках семейного древа. За простыми именами и датами ты начинаешь видеть их жизнь и

судьбы. Ты начинаешь понимать их поступки. Мне кажется, что знание истории своих предков может даже помочь понять свои собственные особенности поведения в тех или иных жизненных обстоятельствах. И, наконец, может быть самое главное: если кто-то, пусть не в следующем и даже не в последующем за ним поколении, а ещё позже, вдруг заинтересуется вопросами - кто я, откуда я, чьи гены во мне, которые определяют моё поведение, привычки, болезни, то благодаря этой летописи, у него будут хоть частичные ответы на эти вопросы. А если кто-то, на что я очень надеюсь, решит продолжить эту летопись, то начнёт он уже не с нуля.

Когда ты ушёл то даже не подозревал, что твой младшенький переживёт тебя всего только на пять месяцев. Судьба уберегла тебя от этого ужаса. Мы так боролись за него, так надеялись и верили в чудо. Мы очень ждали этого чуда. Однако, ровно через пять месяцев после тебя Серёжа ушёл, оставив нас в горестном недоумении: как же так, почему, за что. Так что эта летопись, задуманная прежде всего, как мой долг перед тобой, посвящается также и моему горячо любимому брату. Вы «там» уже вместе и выяснили все вопросы и точно знаете все ответы, ниспошлите же и мне озарение пока я буду здесь искать ответы и писать.

Эту книгу я решил разделить на две большие части. Первая часть будет в основном информационно-исторической, а вторая уже непосредственно коснётся истории рода. В первой части исторические факты будут перекликаться с моими фантазмагорическими описаниями диалогов некоторых исторических и мифологических личностей. Я попытаюсь написать здесь всё в лёгкой ироничной форме с надеждой, что вы прочитая это там улыбнётесь с нами.

Итак, с чего бы начать? С чего бы начал ты? Наверное, надо бы начать с начала, но я не знаю, где оно, это начало. Надо с чего-то главного. Что же тут главное? Наверное, главное это фамилия. Ну значит с фамилии и начнём.

Часть Первая.

Глава 1. «Фамилия Илиади»

В начале было слово и словом было имя. По-видимому, личное имя человека возникло одновременно с членораздельной речью. Для успешной коммуникации между индивидуумами прежде всего надо было как-то себя обозначить или выделить кого-то из других. Вы, наверное, не раз видели как пытаются общаться между собой люди, которые не знают ни слова на языке другого: «Михаил Светлов» ту-ту...» (из кинофильма Бриллиантовая рука) т.е. первичная формула простого предложения на неизвестном языке довольно проста — «личное имя + разные звуки и жесты». Или вот, например, с чего начинается изучение любого иностранного языка? С вопроса и ответа: - Как тебя зовут? - Меня зовут... А с чего началось общение Робинзона с Пятницей? Правильно, с имён. «...с того же дня я начал учить его необходимым словам. Прежде всего я сообщил ему, что буду называть его Пятницей. Затем я научил его произносить мое имя...» (Д. Дефо. Робинзон Крузо).

«Что в имени тебе моём? ...» Изначально личное имя скорее всего олицетворяло то, на что или на кого был похож определённый человек либо кем бы хотели его видеть родители. Естественно, что все настоящие имена имеют в своей основе древние корни. Давайте рассмотрим историю нескольких наиболее часто встречающихся мужских имен рода Илиади. Это имена Георгий и Константин. Георгий – мужское личное имя греческого происхождения, которое происходит от древнегреческого Γεώργιος («Георгиос») и означает «земледелец». Само имя Георгиос, состоит из двух греческих слов *ge* (γῆ), которое означает *землю*, и *ergon* (ἔργον) – *работа*. Я вам скажу даже больше - сам Зевс звался Георгием. Так, например Элий Геродиан (2 век н.э.), греческий грамматист и писатель римской эпохи, определил имя Георгиос как имя, созданное в честь божества, намекая на Зевса Георгоса (бога сельского-хозяйства)¹. Таким образом, перед тем как стать самым главным и могущественным древнегреческим богом Зевсом Громовержцем, Зевс Георгос просто ковырял землю и собирал урожай. Так вот откуда у папы была такая любовь к земледелию на даче... и получается, что каждый год, падая от усталости, мы перекапывали землю на дачном участке не забавы для, но по воле божьей. Имя Георгиос крайне полюбилось многим народам и приобрело множество вариантов: Юрий (укр.), Егор (рус.), Жорж (фр.), Джордж (англ.), Ежи (польск.), Иржи (чеш.), Гиви (груз.), Хорхе (исп.). А вот имя Константин (Konstantin, Constantin, Constantine, Constantinos, Konstantinos) хоть и стоит на четвертом месте по популярности среди мужских имен в Греции имеет латинское

происхождение, которое означает «постоянный, стойкий». И всё, никаких богов. Постоянный и стойкий ли я? Ну постоянный – это да. Как решил в 10 лет стать биологом, так и стал без каких-либо шатаний и сомнений, как понравился мне “Queen” в 12 лет, так и остался любимой группой на всю жизнь, как женился 30 с хвостиком лет назад, так и ... А вот про стойкость не знаю. Не помню, чтобы обо мне кто-то говорил: «смотри, какой стойкий»

Ну вот с именами вроде понятно. А вот фамилии для чего? Ну представьте себе: сидят двое и разговаривают.

- Я вчера Костю видел, он купил новый “Buick”.

- Какой Костя? Я двоих знаю.

- Тот, который биолог.

- Так они, вроде, оба биологи.

- Ну тот, что «Квинов» любит.

- Да кто же их не любит?

- Ну тот, что с бородкой.

- Так они оба с бородкой.

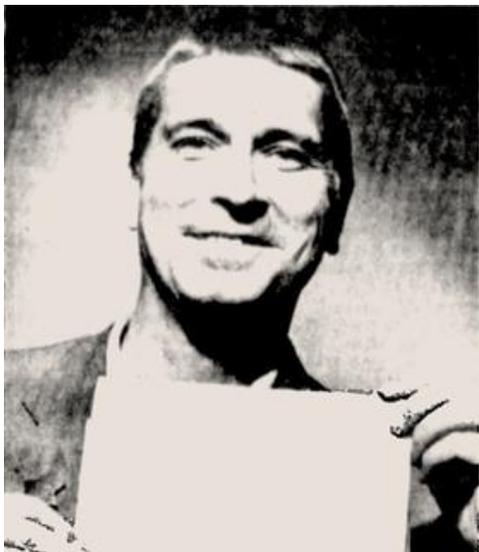
- Ну тот, который из Кишинёва.

- А ну так бы и сказал, Костя-кишинёвский...

В подавляющем большинстве происхождение фамилии связано с несколькими основными критериями: (1) происходит от имени отца или матери (Степановы, Васильевы, Петреску, Георгицэ, Димитропулос, Николаидис), (2) указывает на место рождения или проживания (Москвичев, Мунтян – житель Мунтении, исторической области Румынии, Таис Афинская, Александр Македонский), (3) указывает на профессию или ремесло (Сапожников, Чобану - пастух овец, Метаксас - человек занимавшийся производством шёлка), а также (4) фамилии, которые отражают прозвище, данное за какие-то личные качества (Смирнов – смирный, спокойный человек, Урсу – на русский переводится Медведь, Фасулаки – смешной, забавный человек).

Фамилии бывают очень разные и порой даже удивляешься как можно жить с такими. Например, русские фамилии Какашкин, Сухозад или Гнида. Или, вообще за гранью - фамилии Нипиздит или Чобля. Это на полном серьёзе, если не верите - погуглите. Очень распространённая в Молдове и Румынии фамилия Попа означает поп (в смысле священник) вызывает улыбку у русских. В греческой фамилии Эксархидис можно услышать корень "эксархос" - от слова "начало" или "начальник", а можно и "экс" и "архидья", то есть Шестийцев. Фамилии также отличаются по длине. В Западной Европе самая короткая фамилия – О, в Азии – Е и И. А самая длинная (официально зарегистрированная) цельная фамилия в мире состоит из 700 букв, и принадлежала одному американцу немецкого

происхождения и пишется как *Wolfeschlegelsteinhausenbergdorffwelchevoralternwarengewissenhaftschaferswessenschafewarenwohlgepflegesorgfaltigkeitbeschutzenvorangreifen-durchihrraubgierigfeindewelchevoralternzwolfhunderttausendjahresvorandieerscheinenvonder-ersterdemenschderraumschiffgenachtmittungsteinundsiebeniridiumelektrischmotorgebrauch-lichtalsseinursprungvonkraftgestartseinlangefahrthinzwischensternartиграумаufdersuchennach-barschaftdersternwelchegehabtbewohnbarplanetenkreisedrehensichundwohinderneuerassevon-verstandigmenschlichkeitkonntefortpflanzenundsicherfreuenanlebenslanglichfreudeundruhemit-*

Обладатель самой длинной фамилии
Вольфешлегел... (Фото из Wikipedia).

nichteinfurchtvorangreifenvorandererintelligentgeschopfvonhinzwischensternartиграум, которая на русский язык может переводиться следующим образом: Вольфшлегельштайнхаузенбергдорфы, которые ранее являлись добросовестными пастухами, а их овцы были ухоженными и заботливо охраняемыми от нападения хищных врагов, которые 12 000 лет назад предстали перед ними, когда первый человек с Земли на космическом корабле, воспользовавшись светом как источником энергии, начал свой длинный путь по звёздному пространству в поисках звёзд, на орбитах которых обращаются обитаемые планеты, где новая раса разумных людей была бы способна производить потомство и

наслаждаться радостью, которая продолжается на протяжении всей жизни, и миром без боязни быть атакованными другими разумными созданиями из звёздного пространства. Конечно, жить с такой фамилией просто морока, поэтому для удобства он сократил её до *Вольфешлегелстейнхаузенбергердорф*. Жуть. Есть фамилии, которые состоят из многих отдельных фамилий и имен, и в которых перечислена куча всяких предков. Например, полная фамилия художника Пабло Пикассо выглядит так: Пабло Диего Хозе Франциско де Паула Хуан Непомукено Криспин Криспиано де ла Сантисима Тринидад Руиз Пикассо.

Нередко в личное дело людей на право носить определенную фамилию может вмешиваться государство. Например, в Исландии фамилия - большая редкость, их заменяют отчествами. Фамилии у исландцев есть лишь примерно у каждого десятого, а остальным иметь фамилии законодательно запрещено, кроме тех, кто умудрился обзавестись фамилией за границей. В Германии, за исключение особых случаев, нельзя менять фамилии. Многие представители испаноговорящих народов имеют личное имя и две фамилии: первую они получают от отца, вторую - от матери, например Хуан Карлос Мария. В Южной Индии с фамилиями наблюдается такая картина: отчество отца

становится именем сына, а фамилии может не быть. У арабов система имен тоже непроста. Например, полное имя Омара Хайяма звучит как Гийяс ад-Дин (псевдоним) Абу-ль-Фатх (отец Фатха) Омар (имя) ибн Ибрахим (сын Ибрагима) Хайям (прозвище) Нишапури (из какого селения).

Недавно были проведены исследования задачей которых было выяснить какие фамилии являются самыми распространёнными в разных странах мира. Исследователи использовали данные взятые из переписей населения, проведённых в разных странах и генеалогического портала www.forebears.io. Потом чешский лингвист и математик Якуб

Мариан проанализировал наиболее часто встречаемые фамилии в Европе и на основе собранных данных составил карту, по которой можно понять где и какая фамилия популярна и истоки ее происхождения.

Вообще же сама идея наличия передающейся из поколения в поколение фамилии возникла в Западной Европе относительно недавно – в раннем Средневековье. А на востоке Европы ещё позже - к 19 веку. И главной причиной для возникновения фамилий являлись деньги, а точнее их отъём у населения государством в виде налогов. В древности большинство крестьян рождались, работали и умирали в своем селе и очень редко переезжали с места на место. Поэтому уследить за тем кто заплатил налог, а кто нет было легко. Приехал налоговый в деревню, прошелся по избам, собрал с каждой налог и всё. Ещё даже во время всеобщей переписи населения в 1897 году выяснилось, что 75% сельского населения не имеют фамилий, а довольствуют уличными фамилиями-прозвищами, известными только их ближайшим соседям. Но как было поступать со всякими ремесленниками, торговцами, музыкантами и прочим снующим туда-сюда народом? Как понять, заплатили ли они уже дань, и если да, то кому и сколько? Вот тут и появились списки, а в списках для того, чтобы отличить одного Ивана от другого, стали использовать фамилии и даже отчества. Так кузнец Ваня, сын Степана стал Иваном Степановичем Кузнецовым. У власть имущих, всяких там князей и бояр, а затем у дворян и именитых купцов фамилии появились раньше. Главными причинами возникновения у них фамилий были почёт, указание на принадлежность к именитому роду, обозначение владений и возможность передачи всего этого по наследству.

Греческие фамилии и их особенности. Также как и у всех народов, греческие фамилии ведут своё происхождение либо от места рождения человека, либо от профессии, либо от имен родителей или предков, либо от многочисленных прозвищ, которыми греки любят наделять своих сограждан. Находясь на перекрестке большинства морских путей средиземноморья, Греция всегда являлась важнейшим соединительным звеном между Европой и Малой Азией. Такое её расположение приводило к тому, что на ее территории постоянно происходило перемещение и смешивание народов и это, сопутствовало появлению огромного разнообразия фамилий. Среди греческих фамилий, можно встретить следы турецких, славянских и итальянских слов.

Итак, если вы вдруг услышите фамилию оканчивающуюся на **-ади(с)**, **-иди(с)**, **-акис** или **-пулос** (молдаванам – молчать!) можно с большой долей уверенности ожидать, что носитель её имеет отношение к грекам. Давайте рассмотрим на некоторых примерах, что зашифровано в этих окончаниях, а точнее в суффиксах.

1. **-ίδης** и **-άδης** — **-идис**, **-адис** являются обычные окончания фамилий понтийских греков, то есть греков, живших вокруг Эвксинского Понта (Черного моря). Подробнее про понтийских греков мы обязательно поговорим позже. Такие фамильные окончания также присущи и жителям греческой Македонии. Здесь я только хочу заметить, что в греческих фамилиях последняя буква «с» означает принадлежность к мужскому полу, у женщин буква «с» теряется или иногда замещается на «ου». То же прослеживается в русских фамилиях, например Иванов (муж.) Иванова (жен.), Васильев (муж.) Васильева (жен.). Однако, по каким-то не совсем понятным причинам, мужские фамилии понтийских греков, которые переселились в Российскую империю, почти все потеряли последнюю букву "с". Из-за этой неразберихи моего пращура, который в 1823 году приехал из Греции и пересёк границу тогдашней Российской империи, сначала записали как **Георгій Иліадисъ**, а через 12 лет в ревизской справке за август 1835 года он уже пишется как **Георгій Ивановъ** (Иванович) **Илиади**.

Однажды и я столкнулся с ситуацией, когда потерянная в процессе скитаний моих предков последняя буква «с» мужского варианта фамилии поставила меня в трудное положение. Дело было в Греции, на Крите, где я принимал участие в научной конференции. Во время регистрации в отеле я сказал милой девушке-администратору что по интернету зарезервировал номер на фамилию Илиади. Она подтвердила, что такая резервация есть, но для мисс Илиади.

- Но я совсем не мисс, - резонно возразил я.

Она внимательно посмотрела на меня и вроде бы удостоверилась. Борода, усы, хитрый мужской прищур - все указывало на мою принадлежность к мужскому полу, однако она опять взялась за своё:

- Этот номер зарезервирован для женщины.

Что делать? Устал дико. Все-таки 16 часовой перелет с двумя пересадками. Катись оно всё к ... матери. Согласиться, что я женщина и вселиться в номер или все же сохранить своё мужское достоинство?

Попробовал ещё раз. Тычу в свой паспорт. Показываю:

- Вот - смотрите, моя фамилия «Илиади», - а вот моя фотография.

И тут она спрашивает:

- Ты грек?

- Конечно, отвечаю я ей.

- Так ты «понти»?

Я сначала не понял на какие-такие «понты» она намекает. Подумал и решил, что скажу: «да», может хуже не будет. После этого она всё быстро оформила и дала мне ключи от

номера. И только потом я узнал, что в Греции моя фамилия звучит как женская, но если ты «понтиец» тогда ладно... можешь быть и мужчиной.

С женским вариантом «Илиади» тоже не всё просто. Например, одну мою племянницу зовут Юлия Илиади, а другую Юлия Илиадоу. Вот такая непонятка. Ну ладно, поехали дальше.

2. **-οὔλου** — **-оглу** окончание фамилий выходца из Малой Азии или как это место называли греки Анатолія (греч. Ανατολία) - срединная часть территории современной Турции.

3. **-πουλος** — **-пулос** - родом с Пелопоннеса.

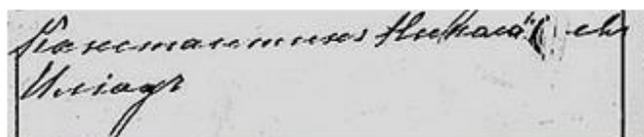
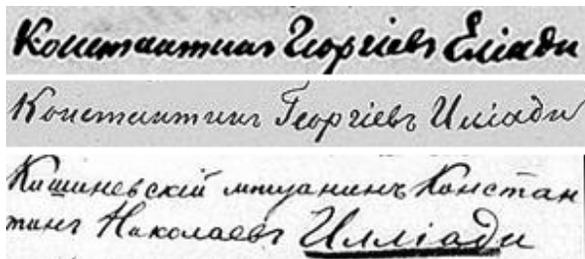
4. **-άκης** — **-акис** - родом с Крита.

5. **-ούδας** или **-ούδης** — **-удас** или **-удис** – такие суффиксы характерны для выходцев из Центральной и Восточной Македонии (Салоники, Халкидики).

Интересно, что эти же суффиксы могут означать и родство: «**-ос**», Николаос – это, по сути, сын Николая; «**-идис**» – «сын», Александридис – это потомок Александра. Суффикс «**-акис**» значит «маленький». В этом случае фамилия Димитракис – это Димитриос-младший. Суффикс «**-пуло**» переводится как «потомок» или «птенец». Вергопуло, Аргиропуло – это, соответственно, отпрыски, вылетевшие из родового гнезда Верга или Аргира.

Самая распространённая греческая фамилия – Пападопулос (переводится, как сын священника). Посчитано, что примерно 74233 человека в мире несут эту фамилию, из них 59044 в Греции. В Греции она встречается в соотношении 1:188. В нашем семейном древе тоже есть представитель этой фамилии. Моя двоюродная сестра Надежда вышла замуж за Адониса Пападопулоса. Моя фамилия Илиадис (в её греческом мужском варианте) более изыскана и находится на 124 месте по популярности в Греции, где встречается в соотношении 1:1973. В мире 6475 человек несут эту фамилию, из них 5616 в Греции. К этим цифрам можно добавить ещё примерно 1000 носителей Илиади без «с» на конце фамилии, куда входят как женщины из Греции (755), так и женщины и мужчины из России (107), Узбекистана (33), Молдовы (27), Казахстана (9), Грузии (8), Израиля (7) и ещё несколько десятков из разных стран мира. Фамилия Раптис (переводится как портной) в Греции встречается чаще 1:1370, занимает 59 место по популярности и насчитывает в мире 9568 человек, из которых в Греции проживает в Греции 8088 (вышеизложенные данные взяты из сайта <https://forebears.io/> и действительны на март 2021 года).

«Не важно, что обо мне говорят, главное, чтобы фамилию не коверкали». Попробуем теперь разобраться, что может означать фамилия Илиади. Для начала я перечислю все варианты её коверкания. Илиадис или Илиади — это единственно правильное (каноническое) написание фамилии. К сожалению, даже в официальных

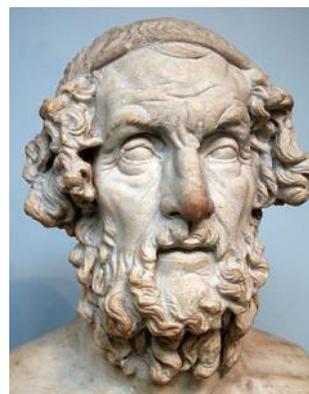
документах фамилию Илиади писали по-разному. В метрических книгах можно встретить такие её варианты как: Илиадиий, Ильяди, Ельяди, Илияди, Елиади, Илиад, Ильяд и т.д. Можно себе представить сколько неправильно-написанных Илиади бродят по свету и даже не подозревают о своей фамильной неполноценности. Руки бы поотрывать тем попам, которые делали записи в документах.

Какая первая ассоциация приходит на ум образованному человеку, когда он слышит слово Илиади? Правильно, нетленное Гомеровское произведение «Илиада». Есть ли тут какая-то связь между фамилией и поэмой? Давайте попробуем проанализировать. Прежде всего обратимся к греческому написанию. В греческой транскрипции фамилия Илиадис пишется как **Ηλιάδης** так и **Ιλιάδης**. Название поэмы пишется - **Ιλιάδα** или на античном греческом **Ίλιάς** (Илиас). Илиас, в свою очередь, означает «эпос Илиона», а

ΙΛΙΑΣ

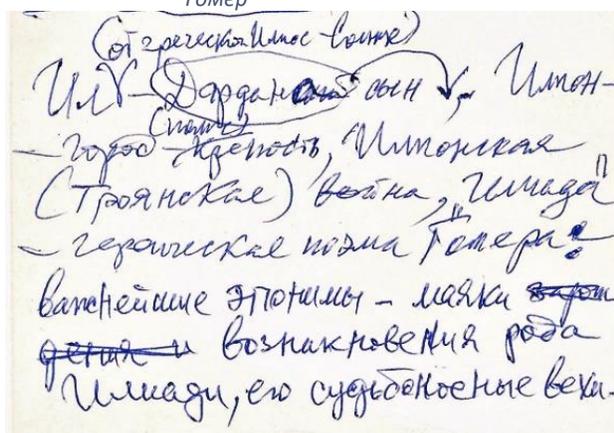
Μῆνιν ἄειδε, θεὰ, Πηληϊάδεω Ἀχιλῆος
οὐλομένην, ἣ μυρὶ Ἄχαιοῖς ἄλγε' ἔθηκε,
πολλὰς δ' ἰφθίμους ψυχὰς Ἄϊδι προΐαφεν
ἠρώων, αὐτοὺς δὲ ἐλώρια τεύχε κύνεσσιν
οἰωνοῖσι τε πᾶσι· Διὸς δ' ἐτελείετο βουλή·
ἐξ οὗ δὴ τὰ πρῶτα διαστήτην ἐρίσαντε
Ἄτρεϊδης τε ἄναξ ἀνδρῶν καὶ δῖος Ἀχιλλεύς.

Первая печатная версия ИЛИАДЫ. фото из <https://en.wikipedia.org/wiki/Iliad>

Гомер

Илион это древнегреческое название Трои. Той самой Трои, которая являлась городом-театром легендарной Троянской войны. Илиадис и Илиада и на русском, и на греческом имеют общее **Илиад (Ιλιάδ)** (кстати название поэмы Илиада по английски «The Iliad»). Примерно также рассуждал и папа. Он полагал, что существует какая-то связь между

Размышления отца о происхождении нашей фамилии.

Илиадой, причем в любом её проявлении: с самим названием поэмы «Илиада» или названием эпоса «Илиас», или названием города «Илион», так и фамилией Илиади. Интересно, что когда я однажды спросил отца кого, по его мнению, представляли наши предки в Троянской войне: защитников Трои или нападавших? Он без заминки ответил:

- Конечно защитников.
- Почему? – спросил я.
- Я это явно чувствую, – был его ответ.

Хоть тут и просматривается какое-то сходство, по-моему, оно все-таки немного притянута за уши. Но как версию мы все же это оставим.

Вторая версия происхождения фамилии Илиади/Илиадис, согласно найденной интернетовской информации, тоже определенным образом связанна с Троей, а точнее ведет

Рубенс (1617). Марс и Рея Сильвия

свое начало от имени мифологического персонажа – **Илия (Ἰλία, Πία)**. В греческой мифологии *Илия* (другое имя - Рея Сильвия) была потомком легендарного героя Троянской войны *Энея*, который был родственником царя Трои – *Приама*. Считается, что *Илия* была матерью Ромула и Рема от бога *Марса* т. е. родоначальницей народа римлян. Эта версия, выдвинутая почему-то только в русскоязычном интернете, мне кажется ещё слабее предыдущей. Кроме созвучия фамилии Илиади и именем Илия (имеющей далекое отношение к Трое-Илиону) больше ничего нет. Как-то малоубедительно.

И, наконец, согласно третьей версии и, по-видимому, самой правдоподобной в основе фамилии Илиади/Илиадис лежит мужское имя Илиас (**Ἠλίας**) (русский вариант имени - Илья). В переводе с древнегреческого Илья означает «солнечный». Также происхождение фамилии может быть связано с именем святого Ильи-пророка. Это также хорошо согласуется с правилами происхождения греческих фамилий, с которыми мы познакомились выше. **-idis** или **-ides** и **-adis** или **ades** (**-ίδης/-ύδης**): означает «сын» или «потомок». Суффикс **-idis** (часто транслитерируемый **-ides** в английском и французском языках) является самым старым из используемых. *Зевс*, например, также упоминался как Кронидис (**Κρονίδης**) - сын *Кроноса*. Этот суффикс был наиболее распространенным суффиксом в Византии, Вифинии и Византийской Фракии и также использовался понтийскими и кавказскими греками в Понтийских Альпах, северо-восточной Анатолии, Грузии, бывшей Карской области, а иногда и в Эпире, Корфу и некоторых островах Эгейского моря. Примеры включают: «Ангелидис», «Георгиадис». (источник: греческое имя - https://ru.qaz.wiki/wiki/Greek_name). Так, что мы как-бы Ильины на русский манер или Илиеску на румынский. Кстати, родоначальник нашего рода (первый мужчина в древе) был Илья. Можно, конечно, ещё предположить, что Илиадис это сын Трои (Илиона), но это, по моему мнению, из разряда пустых домыслов.

Критические заметки по национальному вопросу. Именно так называлась одна из работ Ленина по которой всем советским людям разъясняли, что «лозунг рабочей демократии — не национальная культура, а интернациональная культура демократизма и всемирного рабочего движения». Иными словами, нас учили быть интернационалистами и не заморачиваться всякими национальными вопросами. В детстве я, конечно, не знал об этой ленинской работе, тем не менее вся окружающая меня действительность видимо строго придерживалась этим ленинским принципам и поэтому вопрос о моей национальности для меня никогда не возникал. Но периодически были некие «звоночки», которые заставляли меня задумываться и задавать родителям уточняющие вопросы.

Звоночек первый – раннее детство. Первые восемь лет своей жизни я провёл в доме-квартире на улице Иринопольской, которая находилась в нижнем центре Кишинёва. Описанию этой улицы в дальнейшем я уделю особое место, сейчас же просто хочу заметить, что двор где находилась квартира был полностью (за исключением нашей семьи) заселён евреями. Естественно, что идиш (еврейский язык германской группы, на котором говорят евреи ашкенази, проживающие преимущественно в странах центральной и восточной Европы и Северной Америке) звучал вокруг меня не реже чем русский язык. Ещё надо заметить, что друзей или сверстников у меня там практически не было, то есть раннее моё детство было довольно социально изолированным. Свои походы в детский сад помню

Первая железнодорожная школа.

Первый класс. Вовка Львовский и Я (справа). 1972 год.

смутно. Помню только что ревел белугой упрашивая чтобы меня туда не водили. Мама жалела меня и очень часто таскала с собой на работу. В первый класс я пошел в 1-ую железнодорожную школу, здание которой раньше принадлежало Михаилу Константиновичу Зоти, греку по происхождению, который в 1880-х годах был депутатом Городской Думы от греческой общины (*знаки - они повсюду*). В первый же день учебы, когда я увидел одновременно человек 25-30 сверстников, я испытал некий социальный шок, который сказался на моём пищеварительном тракте. Такое начало жизни, по-видимому,

Дворы нашего детства

оказало на меня определённое воздействие, и до сих пор одиночество меня не тяготит и мне не бывает скучно с самим собой. Позже, когда мне было восемь лет, отец получил квартиру в новой пятиэтажке и мы переехали туда жить. Таким образом, из обстановки социальной изоляции я попал в настоящий муравейник. В доме было около 90 квартир и почти в каждой были дети, и подавляющее большинство из них были моего возраста. А таких домов там было с десяток. Я попал как будто на другую планету. Говорили мы все на русском языке, однако много слов я не понимал, особенно мат, которого я до переезда никогда не слышал,

и что интересно по привычке или автоматически я вставлял в свою речь слова из поневоле знакомого мне идиша. Из-за этого, дети, цепкие до всего чуждого в своей стае, начали обзывать меня «жидом». Не понимая что это значит, я шел с расспросами к маме.

- Мама, а я жид?

- Кто тебе сказал? – спросила она.

- Мальчишки говорят.

- Скажи им, что нет.

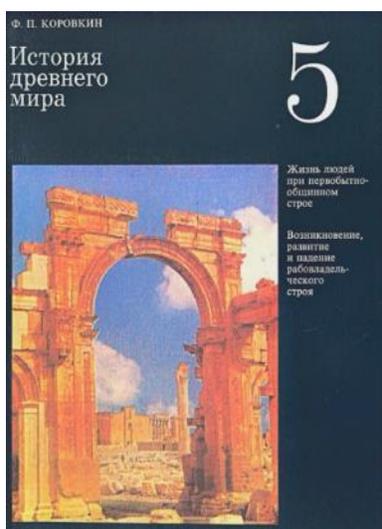
- А кто это жид? – не унимался я.

- Так неинтеллигентные люди называют евреев, – попыталась объяснить она. При этом надо заметить, что быть «неинтеллигентным» для меня было почти что сродни «преступным».

- А кто такие евреи? – продолжал я допрос.

Мама, что-то и как-то пыталась мне объяснить, но получалось у неё всё запутанней и запутанней. В конце концов она нашла легкий выход и сказала, чтобы я спросил отца, когда он придет с работы домой. Папа тоже не внес ясности в вопрос, но сказал мне, что я грек. А что такое грек он мне расскажет потом. Так впервые в жизни мне сказали, что я грек, хотя тогда я так ничего про это и не понял.

Звоночек второй – середина средней школы. В пятом классе нам начали преподавать уроки истории. Один из разделов был посвящен истории древней Греции, и включал главу о поэмах Гомера «Илиада» и «Одиссея». Все конечно же заметили сходство

§ 26. Поэмы Гомера «Илиада» и «Одиссея»

1. Происхождение поэм. Особенно много сказаний было о походе на Трои. На основе этих сказаний были созданы две большие поэмы «Илиада» и «Одиссея». По преданию, их сочинил великий поэт слепой *Гомер*. Предполагают, что поэмы были составлены в VIII веке, а записаны в VI веке до н. э. Они не только рассказывают о самом походе, но содержат яркие картины жизни, обычаев, верований, существовавших у греков в течение столетий.

2. Народное собрание греков. Название «Илиада» произошло от имени города *Илион*. Так греки называли Трои. В «Илиаде» описываются события десятого года войны.

Учебник истории для 5 класса (слева) и фрагмент главы о поэмах Гомера (справа).

между моей фамилией и названием поэмы. Девочки придурковато хихикали, тыкали в меня пальцами и приговаривая: - Илиада, - Илиада... Были в учебнике картинки, изображающие битву 300 спартанцев и Александра Македонского с его фалангой. Мой приятель

одноклассник Сашка Коврига имел талант к рисованию и изображал сцены сражений греческих воинов у меня в тетрадке, а я представлял себя героем гомеровских поэм и переносился в то время. Это были первые, ещё довольно робкие проявления «сопричастности». А вот про объяснения отца имеет ли поэма «Илиада» какое-то отношение к нашей фамилии я почему-то совсем не помню.

Звоночек третий – раннее тинейджерство. Когда я учился в 7 классе, в один из дней после нового года, мама пришла с работы и задала мне неожиданный вопрос:

- Не хочешь ли ты поехать в санаторий на Черное море, в Анапу?

- А как же школа? – спросил я для приличия, задавая этот наименее волнующий меня вопрос.

- Там будут и школьные занятия и лечебные процедуры.

- А как надолго?

- На всю третью черверть.

- Ничего себе замануха, - подумал я. Третья четверть самая длинная и противная и провести её на курорте было голубой мечтой всего моего школьного детства. Но, как это часто бывает, когда мечта становится реальностью, наступает некое легкое недоумение и нерешительность. И я задал контрольный вопрос:

- А можно я поеду с другом?

Надо сказать, что путёвки эти выдали членам профсоюза медицинских работников. Мама как передовик производства у которой есть жутко болезненный сын (что тоже истинная правда, не было и года чтобы я не болел какой-нибудь фоликулярной ангиной) получила одну из этих путёвок. Хотя и это было конечно «по блату» (для новых поколений поясню: «по блату» выражение периода расцвета социализма и означает получить что-то благодаря

Оздоровительный детский лагерь-санаторий "Приморский", Анапа.

выгодному знакомству, через «нужных» людей). На следующий день, видимо после консультации с «блатом», мама сказала, что если ребенок будет сыном медработника, то может и получится поехать вместе с другом. Какая удача, подумал я, что у моего закадычного друга Алика Купершляка мама тоже медработник. Вопрос решился положительно и вот мы, небольшая группа молдавских болезненных школьников, отправляемся на самолёте в Новороссийск. А оттуда в Анапу, точнее тогда это был пригород Анапы, в детский санаторий «Приморский» на целых два с половиной месяца. Такова краткая предыстория третьего звоночка. Теперь собственно о нём. Были у нас там два работника санатория, которые проявляли ко мне какую-то братско-отеческую заботу. Первым был физрук санатория. Несмотря на то, что я не плохо играл в футбол, чтобы быть вождем среди остальных ребят у меня явно не хватало авторитета прежде всего по возрасту, так как некоторые были на год старше меня (восьмиклассники). А в том возрасте разница в год была очень существенна в детских иерархических взаимоотношениях. Тем не менее, физрук назначил меня капитаном сборной лагеря и доверил ключи от кладовки в которой хранился спортивный инвентарь.

- Почему я буду капитаном? - спросил я физрука.

- Как почему? Потому-что ты Илиади, потому что ты грек, - ответил он.

Я удивился. Я сам об этом только смутно догадываюсь, а он знает точно.

- Так значит вы тоже грек?

- Обязательно, - ответил он.

- А есть ещё греки здесь? - пошел я вразнос.

- Есть и много. Кто за музыку, за радио и за всякие дискотеки ответственный знаешь?

- Знаю.

- Он тоже грек.

Не долго думая, я пошел к парню ответственному за радио в лагере. У него была своя звукостудия, откуда он вел трансляцию музыки, радиопередач и всяких объявлений по лагерю.

- Привет, - говорю я. Моя фамилия Илиади и я грек. Можно послушать музыку у тебя в студии?

- Конечно проходи, я знаю что ты грек из Молдавии, что хочешь слушать?

- А Queen и Wakeman у тебя есть? – спросил я.

- Нет, дорогой, этого здесь у меня нет.

- А у меня есть.

Была у меня бобина моей сестры, которую я тайком забрал с собой в лагерь. Бобина была с четвертым концертом «Квинов» и жутко редкая запись Рика Уэкмана. Я её взял с надеждой,

что в лагере будет где-то магнитофон и можно будет пофарсить таким сокровищем перед пацанами и главное перед девушками.

- Можно я принесу послушать?

- Конечно.

- А можно я пару пацанов приведу?

- Ладно, только не больше трех.

Я привел своего кореша Алика и ещё двух старших ребят из Прибалтики в надежде, что они оценят мою крутость. Они внимательно прослушали записи поцокали языками, типа это именно то, что они мечтали послушать всю жизнь, но раньше это никак не удавалось. Таким образом, я своим «гречеством» ещё приподнял свой «лагерный» авторитет. Физрук, потом мне как-то сказал, чтобы я на массаж ходил к какой-то определенной массажистке. Что она тоже гречанка и он обо мне ей сказал. Вообще же в лагере было много работников греков. Жили они поблизости - в поселках «Витязево» и «Джемете», которые считались греческими. Вот так «анапские» греки дали мне понять что значит национальная сопричастность.

Звоночек четвертый – армия. Четвертый звонок о моей сопричастности к грекам прозвучал уже во время службы в Советской Армии. Осенью 1983 года я был призван защищать Родину и отправлен для начала в школу авиационных специалистов в Москву,

Школа младших авиационных специалистов, Москва 1983г.

попросту говоря в учебку. Мы все были «молодые» войны с одного призыва (то есть равны по сроку службы) поэтому кучковались там в основном по до-армейским интересам или по национально-этническо-региональным признакам. Ребята, которые представляли малые народы России или национальные республики (для которых русский язык был не родным) кучковались особо дружно и когда кому-то из них приходили из дома посылки они приглашали на ночное пиршество в основном только своих соплеменников. И вот однажды ночью, где-то перед новым годом будит меня один из моих сослуживцев – Гия. Гия был грузином из Сухуми. Накануне вечером он получил посылку и сейчас приглашал принять

участие в трапезе. Ну кто же от такого счастья откажется?! В бытовке собрались его соплеменники из Грузии и я. Они бурно что-то обсуждали по-грузински, а я молча поглощал разные угощения: чурчхелу, козинаки и пеламуши. Потом я его спросил:

- Гия, ты знаешь, что я не грузин, так почему ты меня пригласил?

- Понимаешь Илико (так он меня называл), я вед из Сухума.

- Я знаю, но я же из Кишинёва.

- Прауилно, прѣдставь у сэбэ, если ты приедешь в Сухум и встретишь там своего родственника, и он тѣбя спросит то да сѣ, как тѣбе нрауится Сухум?

- Гия, но насколько я знаю у меня нет родственников в Сухуми.

- Э дарагой, ты можеш счас просто нэ знать этого. На улице, где я живу, живут много грѣков Илиади, и они ошен сурьѣзные луди, мѣжду прочим... И вот ты им скажешь, у меня в армии бил один солдат из Сухума, Гия. Они спросят и как он бил тѣбе другом? Давал тебе кушат подарки из посылки? А? У нас много грѣков в Сухуми и ми жыуём с ними как братя, поэтому и ты мне брат, Илико.

Так случайно мой грузинский товарищ опять мне напомнил, что я не просто Костя-кишинёвский, но Илиади-грек.

Вот, пожалуй, и все звоночки, которые иногда в период детства и юности подавали мне некие сигналы, свидетельствующие о моей определенной причастности к грекам. Потом, уже спустя много лет папа, пытаясь привить у меня интерес к изучению своих корней потащил меня на заседание греческого общества, которое только организовывалось в Молдавии. На этих встречах собирались прекрасные люди единомышленники разных возрастов и профессий, эти энтузиасты объединились с целью изучения языка и истории своего народа, поддержания его культурных традиций.

Как относился отец к вопросу своего этнического происхождения в детстве, юности и молодости мне известно мало. По аналогии со мной можно предположить, что первые его попытки добиться ответа от своего отца на вопрос о происхождении фамилии и предках приходились примерно на его ранний подростковый возраст. Однако, он всегда получал однозначный и неизменный ответ: «Тебе этого знать не надо». В то время ещё был жив «вождь всех народов» и, видимо, мой дед решил четко придерживаться правила: «если не знаешь, тогда и не разболтаешь». А причин скрывать прошлое своей семьи у деда было «сажать, не пересажать». Половина родственников, в 1940 перед передачей Молдавии в СССР, ушла в Румынию; наличествовал (хоть и умерший уже) брат белогвардеец; дед и прадед были далеко не пролетарии и даже не царане (крестьяне); у жены ещё во время войны было поместье в 5 гектаров, короче было много поводов для того чтобы если не посадить то выслать. Только тѣтя Анна (мы её называли Анюта) иногда по секрету шептала отцу что он грек и пыталась втихаря научить его каким-то простым греческим словам.

Примечательно, что сама тётя Аня по материнской линии была армянкой, а по отцовской - гречанкой. Она вышла замуж за армянина и родила четырёх сыновей (уже довольно убедительных армян), которые приходились моему отцу двоюродными братьями. И вот, когда пришла пора отцу получать паспорт, на вопрос в милиции про национальность он ответил – армянин (думая, что раз братья армяне, значит и он армянин). Прийдя домой, папа гордо показал свой паспорт, но тут же был отправлен назад в милицию, чтобы поменять запись в графе о национальности. Бабушка кричала, что не хватало ей ещё чтобы её сын был армянином, хватит мол с неё и родственников армян. Как отреагировал мой дед неизвестно, но паспорт был поменян. Ещё моя мама рассказывала, что когда она меня родила и находилась в роддоме, папа передал ей записку в которой она прочитала: «корми хорошо будущего короля Греции». Причем тут Греция мама так и не поняла, а потом об этом просто забыла.

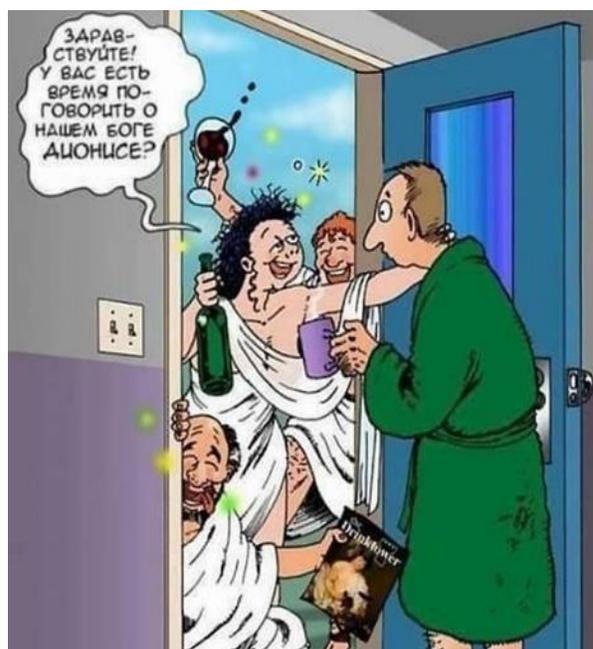
Настоящее национальное пробуждение у моего отца произошло в самом конце 80-х. История эта начиналась очень забавно. Люди, которые решили организовать общество греческой культуры в Молдове поступили просто и гениально. Они открыли телефонный справочник Кишинёва и прошлись по спискам выискивая абонентов с фамилиями явно греческого происхождения после чего обзванивали отобранных людей. Таким образом, в один прекрасный вечер в нашем доме раздался телефонный звонок. Мама подняла трубку и услышала примерно следующее:

- Ваша фамилия Илиади?

- Да.

- Вы знаете, что вы греки?

Мама подумала что что-то здесь не так. При этом надо заметить, что в самом конце 80-х была совершенно благодатная пора для мощного расцвета мошенников всех мастей начиная от астрологов, магов, хиромантов, лекарей и кончая свидетелями различных религиозных героев и сказок. Поэтому она ответила, что это фамилия у неё по мужу и пусть они перезвонят позже, когда он придёт с работы. Они действительно перезвонили и потом пришли в гости познакомиться. С тех пор отец стал серьёзно заниматься своими греческими корнями. Он скупал все какие только видел книги по истории Греции, записался на курсы греческого языка, начал

готовить доклады по тем или иным вопросам эллинизма с которыми выступал перед различной аудиторией. Он очень много времени проводил в архивах, где по крупицам добывал информацию с помощью которой начал строить фамильное древо. Пытался он и нас привлечь к этому делу. Я в то время заканчивал уже университет и готовил себя к научной карьере, и поэтому вопросы моих корней не были у меня приоритетными.

Мой младший брат Сергей к вопросу изучения своих этнических корней отнесся более радикально чем отец. Он решил, что лучший способ познать культуру и традиции своей исторической родины - это заниматься такими исследованиями непосредственно в Греции. Тогда они с женой и детьми приобрели тур-путёвки в Грецию, куда они отправились и где потом и остались. А через какое-то время, благодаря огромному количеству собранных папой документов и при помощи вновь обретенных в Греции друзей, Сергей и его дети, уже проживая в Афинах, получили греческое гражданство. Также поступила и моя двоюродная сестра Надежда, она ещё раньше брата отправилась туристом в Грецию, где через некоторое время нашла работу и своего будущего мужа. Примерно в то же время, моя племянница Ирина поступила на учебу в Афинский Университет. Она в короткое время прекрасно освоила язык и после пяти лет учебы защитила диплом. Ещё будучи студенткой Афинского университета она получила греческое гражданство.

Таким образом они стали одними из первых членов нашего рода, вернувшихся обратно в Элладу.

Глава 2. «Скитания эллинов».

Откуда мы взялись и куда нас занесло. Как мы выяснили в предыдущей главе, фамилия Илиади, судя по всему, имеет понтийское происхождение. В отличие от истории древней Греции, которую, наверное, изучают во всех школах мира, история эллинистических государств, располагавшихся вне территории Греции, как правило широкой публике менее известна. В следующей главе мы попробуем восполнить пробел, связанный с историей одного из таких государств - Понтийским царством. Но, прежде чем мы рассмотрим вопрос почему греков туда понесло, давайте вкратце разберёмся откуда, собственно, сами греки взялись.

«Откуда мы? (часть первая: мифическая)». Согласно греческой мифологии родоначальником всех греков был *Эллин*, который жил в районе Фессалия. Потомки *Эллина* были основателями четырёх эллинских ветвей - ионийцев, эолийцев, ахейцев, дорийцев. Сам же *Эллин* был сыном *Девкалиона* и *Пирры* и внуком *Прометея* и *Климены*, а также *Эпиметея* и *Пандоры*. Хотя разные античные авторы часто трактуют события и персонажей

по-разному, мы рассмотрим более-менее общую версию этих мифов. Коротко познакомимся с генеалогическим древом *Эллина*:

Генеалогическое древо Эллина, прародителя греков.

Прометей (дед *Эллина*) - один из титанов в древнегреческой мифологии, защитник людей от произвола богов, царь скифов и двоюродный брат *Зевса*. После того как *Прометей* создал людей (вылепил их из глины, смешав землю с водой, а богиня *Афина* наделила дыханием) он похитил огонь у *Гефеста*, унёс его с горы Олимп и передал людям. Он также показал им, как сохранять огонь, присыпая его золой. За такое дикое самоуправство был наказан *Зевсом*. *Зевс* приказал обворованному *Гефесту* приковать *Прометея* к скале в Кавказских горах, а вновь и вновь прилетающий орёл выклёвывал его печень, которая у него как у бессмертного (мечта всех людей), снова отрастала (мечта всех алкоголиков). Эти муки длились по некоторым античным источникам до 30 тысяч лет. Да уж, никто никуда не спешил. Роль его жены *Климены* в создании людей непонятна. По другой версии, принадлежащей уважаемому в древней Греции драматургу *Эсхилу* (отцу европейской трагедии) жену *Прометея*, звали

Прикованный Прометей, 1611-1612 Питер Пауль Рубенс. Хеймат музей, Олденбург, Германия.

Гесиона (нимфа-океанида). По материнской линии дед *Эллина* был *Эпиметей*. Он, в отличие от своего брата *Прометей*, думал после того, как что-то сделал (в переводе *Прометей* – «мыслящий прежде», *Эпиметей* – «думающий после»). Из-за этой черты характера он женился на *Пандоре*, которую ему подарил интриган *Зевс*, и от чего его всячески отговаривал брат («...что-то мне знакомое, так-так...»). Вообще же *Зевс* создал *Пандору* как первую женщину на земле в наказание людям за похищение для них *Прометеем* огня. Любопытная *Пандора*, в свою очередь, открыв сосуд, подаренный ей всё тем же интриганом *Зевсом*, выпустила на свет все людские беды и несчастья, а на дне, под захлопнутой крышкой, осталась одна лишь надежда. Отсюда пошло выражение «открыть ларец Пандоры».

Чарльз Эдвард Перуджини, Ларец Пандоры. 1893.

Так, с дедами и бабками разобрались, теперь перейдём к родителям *Эллина*. Его папаша *Девкалион* и маманя *Пирра* были единственными людьми, спасшимися после потопа, который учинил неугомонный *Зевс*, решив наказать людское племя за грехи. На мой взгляд версия так себе...чтобы эталон греха и разврата наказывал за грехи и разврат,

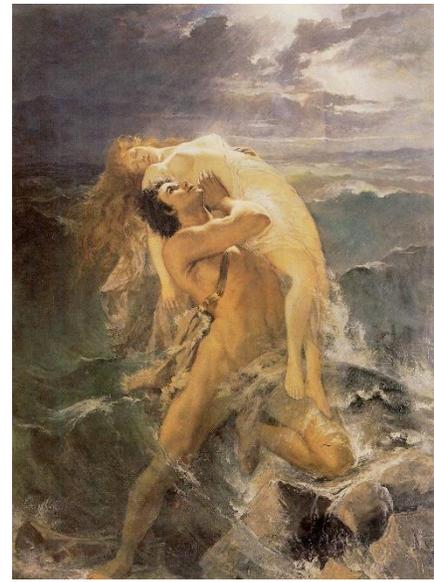

Всемирный потоп. Айвазовский И. К., 1864 г.

не логично, хотя тогда ещё не было Аристотеля - отца логики. Спаслась эта парочка тоже по воле *Зевса* в ковчеге, построенном по указаниям *Прометей* (черт и что, они что пьяные были, когда придумывали это. *Прометей* ведь прикованный был в это время и находился за тысячи километров). Ну ладно, поехали дальше. На девятый день потопа ковчег остановился на горе. Это место остановки в различных преданиях указывается мягко говоря

довольно противоречиво: главные из них называют Парнас в Дельфах или Фессалийский Офрис, либо Афон, либо Этну, которая до сих пор не угомонилась и последний раз

извергалась в декабре 2020 года. После спасения от потопа *Девкалион* высказал *Зевсу* пожелание возобновить человеческий род. *Зевс* подумал, подумал и согласился (наверное, предвкушая дальнейшие забавы с людьми). Он приказал ему и его жене бросать себе за спину «кости великой родительницы». *Девкалион* понял, что под родительницей подразумевается общая всем мать земля, а под костями её - камни. Из камней, брошенных *Девкалионом*, произошли мужчины, из брошенных *Пиррой* - женщины. Кроме упомянутым выше способом восстановления рода человеческого, эта парочка использовала и традиционный (физиологический) метод размножения и наплодила таким образом несколько детей среди которых был и *Эллин*.

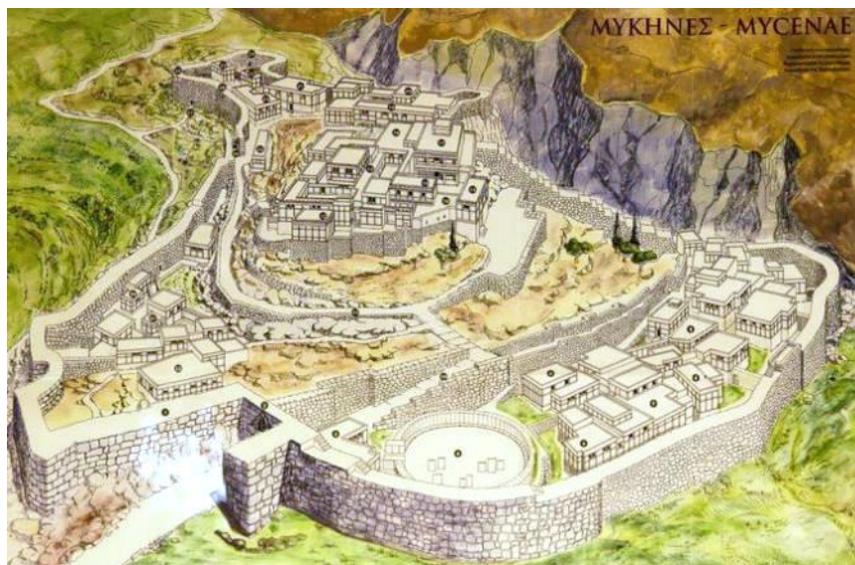
Поль Мерварт. Девкалион, держащий свою жену Пирру. 1855г.

Эллин сошелся с нимфой *Орсеидой* от которой родились три сына *Дор*, *Ксуф* и *Эол*. От *Дора* произошли *дорийцы*, а от *Эола* - *эолийцы*. Сыновья *Ксуфа*, *Ион* и *Ахей*, стали родоначальниками греческих племен *ионийцев* и *ахейцев*. *Эллин* назвал по своему имени народ эллинами и разделил между детьми землю, сам же женился и обосновался с женой в Фессалии, где они жили-поживали, да добра наживали.

Вот такая вкратце мифологическая версия. Уж больно на библейскую похоже, не находите? Впрочем, кто у кого позаимствовал эти сказки «...это уже совсем другая история...».

«Откуда мы? (часть вторая: лингвистическая)». Хотя это на первый взгляд может показаться странным, но исследования в области языка (лингвистика), могут оказать существенную помощь в вопросах истории миграции народов². Действительно, народ передвигаясь из одного место в другое нес с собой и свой язык, который, в свою очередь, постепенно видоизменялся впитывая в себя новые слова или оставляя в прошлом менее используемые старые. В современной лингвистической науке существуют методы с помощью которых можно установить какой язык из какого произошел и даже попробовать вычислить когда. Так, например загрузив в мощный компьютер слова из 87 языков и дав компьютеру задание сравнивать эти слова между собой по разным критериям, ученые установили, что греческий язык составляет отдельную ветвь в индоевропейской языковой семье и наиболее тесно связан с армянским, индоиранскими и возможно с албанским языками став самостоятельным примерно 6000 лет назад³. У греческого языка самая длинная задокументированная история из всех живых индоевропейских языков, насчитывающая не менее 3400 лет письменных свидетельств.

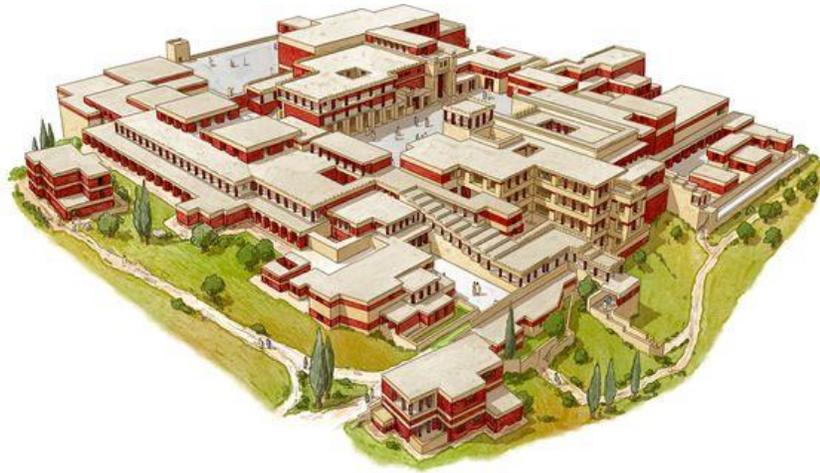
Хотя палеонтологические находки в двух пещерах на территории Греции (Петралонская пещера недалеко от города Салоники и пещера Франкти в восточном Пелопоннесе) ясно показали, что территория Греции была заселена людьми ещё за 20.000 лет до нашей эры, первые прародители греков прибыли на южную оконечность Балканского полуострова где-то в конце 3 тысячелетия до нашей эры. Эти прародительские племена говорили на протогреческом языке, на основе которого потом развились разные диалекты древнегреческого языка. Анализ этих диалектов позволил ученым сделать предположение о том, как перемещались по территории Греции разные греческие племена. Считается, что было по крайней мере два крупных переселения. Первая волна переселения была связана с - ионийцами и ахейцами, которая привела к возникновению микенской цивилизации к 1600 лет до н.э. Далее микенцы быстро проникли на острова в Эгейское море и к 1500 лет до нашей эры достигли Родоса, Крита, Кипра и берегов Малой Азии⁴. При этом надо заметить, что на Крите уже существовала более древняя эгейская цивилизация – минойская, которая как раньше думали, произошла от египетской. В современном представлении считается, что минойская культура привнесена с востока через Анатолию. Согласно другой гипотезе, носители минойской культуры являются потомками северной Месопотамии и северной Сирии, которые под натиском предков шумеров мигрировали на Запад и позднее переселились на Крит. В то время крито-микенская цивилизация жила себе припеваючи, при этом в отличие от минойского Крита, Ахейская (микенская) Греция была миром агрессивной военной аристократии, которая только и делала, что воевала, грабила, убивала и порабощала. Вся история ахейского мира — это история кровопролитных войн. Порой

Ахейские Микены (реконструкция).

несколько царств объединялись в борьбе против более богатого и могущественного (например — поход семи аргосских царей против Фив) или для заморской грабительской

экспедиции под предлогом возвращения в лоно семьи блудной жены тогдашнего правителя Спарты (легендарная Троянская война). На Крите же в стародавние времена царил мир и покой. Даже знаменитый Кносский дворец не имел каких-либо защитных сооружений. Там

Кносский дворец (реконструкция Клаудио Прати).

жили мирные люди, занимающиеся торговлей, земледелием и всякими другими полезными делами, такими, как например ювелирное и гончарное дело. Был правда все же у них один грешок – пиратство. Но что было делать, само расположение острова вынуждало заниматься этим. Все морские торговые пути с Ближнего Востока на запад и с Африки на север проходили через Крит. Вот минойцы тогда и смекнули, почему бы нам не брать дань за то, что ходят тут всякие по нашему морю. Однако, вскоре вся эта их спокойная жизнь почти разом закончилась. И причиной этому стало (кто бы мог подумать) гигантское извержение вулкана на Санторини. Взрыв вулкана Санторини по мощности равнялся взрыву примерно 200.000 атомных бомб, сброшенных на японский город Хиросиму. В

Жерло вулкана Санторини.

«тёмные времена» лет на 200. Этот период характеризуется упадком культуры и утратой письменности. Происходит окончательное разрушение остатков микенской цивилизации, возрождение и господство родоплеменных отношений.

Я специально так детально описал эти перемещения чтобы было понятно кто потом основал понтийское государство. А основали его как раз согнанные со своих исторических мест греки-ионийцы. Бежав от того бардака, который творился на материковой Греции, они колонизировали некоторые земли в Малой Азии (фиолетовый цвет на карте выше) основав там такие полисы как: Фокея, Клазомены, Эрифры, Теос, Лебед, Колофон, Эфес, Приена, Миунт, Милет, а также поселения и на островах: Самос и Хиос⁶. Среди всех полисов Ионии Геродот (отец истории) особо выделял Милет, называя его «жемчужиной Ионии». Выходцы из этого города основали около 90 городов колоний, из которых все главные города Понта: Аполлония, Одесс, Томы, Истрия, Тирас, Ольвия, Пантикапей, Феодосия, Трапезунд, Синоп.

«Откуда мы? (часть третья: генетическая)». Сразу бы хотелось заметить, что в этой части повествования будут встречаться некоторые места, где надо будет хмурить лоб, чтобы понять, о чем речь. Если кому-то это лень делать и вместе с тем есть полное доверие к моим словам, то им эту часть можно смело пропустить.

По сравнению с мифической (...моя бабушка рассказывала, что её прабабушка слышала от её прадедушки...) и лингвистической (кто как мычал, говорил, ругался и что

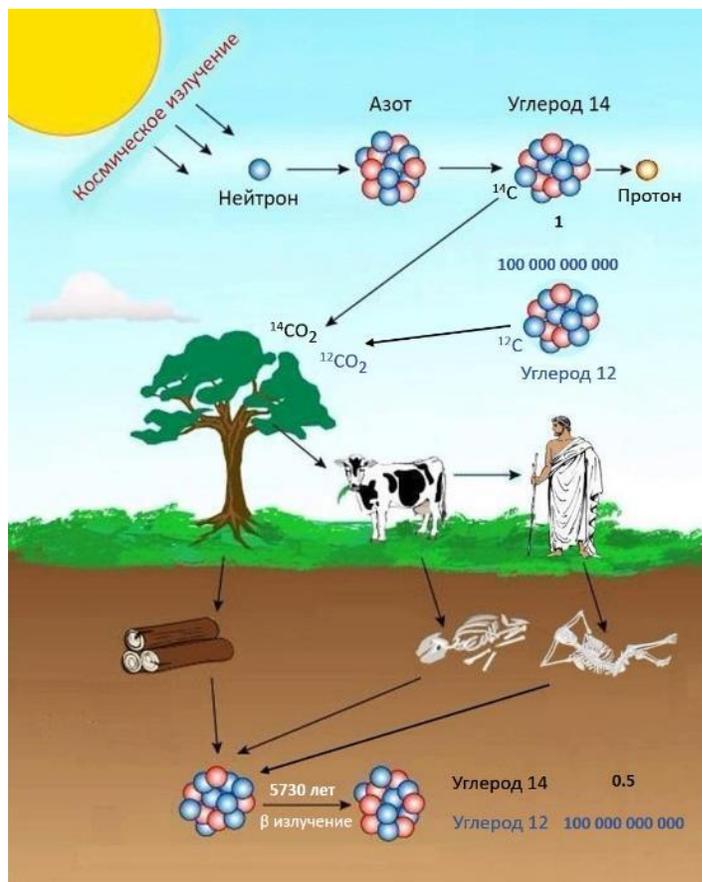
царапали на глиняных табличках) версиями, генетическая версия происхождения эллинов выгодно отличается своей точностью и доказательностью. Здесь я попытаюсь вам это показать. Но для начала я попробую «на пальцах» объяснить вам некоторые понятия генетики, чтобы было ясно как ученые приходят к тем или иным выводам, решая вопрос кто от кого произошел. Пусть меня простят спецы в генетике и молекулярной биологии за примитивизм в изложении, но моя главная задача здесь не сильно умничать, а добиться понимания читателями сути такого рода научных изысканий. Итак, давайте сделаем первое техническое отклонение от основной темы книги.

Отклонение № 1 (*просветительское*). **«Игра на моем поле».** В 2017 году в одном из самых престижных научных журналов мира, журнале «Nature», была опубликована научная статья о генетическом происхождении Минойцев и Микенцев. Авторами статьи был коллектив из 34 ученых биологов, работающих в 25 лабораториях мира, включая лаборатории Гарварда, Кембриджа, института Макса Планка и т. д. Другими словами, очень авторитетный научный коллектив. Ученые хотели понять: (1) отличались ли минойцы и микенцы на генетическом уровне, приходились ли они друг другу родственниками? (2) Кто был их предками? И (3) являются ли современные греки и критяне потомками этих древних цивилизаций? Их исследования сделали большой шаг к разрешению всех этих вопросов, "воскресив" и расшифровав ДНК, выделенную из зубов 19 микенцев и минойцев, живших в те времена. Их останки были найдены на территории бывшей Арголиды, где находились сами Микены (Пелопоннес), острова Саламин (недалеко от Афин), в центральных регионах Крита и в руинах городов-государств на побережье современной малой Азии.

Расположение изученных образцов древней ДНК: минойцы обозначены зелеными значками, микенцы – синими, сиреневый значок – поздний образец с Крита, треугольник – неолитические образцы из Греции, красные значки – неолитические образцы из Анатолии.

Наверное, первое, что надо объяснить откуда ученые знают, что ДНК из зубов найденных останков скелетов принадлежала людям, жившим именно в то время. Чтобы вы поняли суть метода «датирования биологических останков» мы сделаем одну остановку, но уже в области физики и химии. Ниже представлена схема, объясняющая это.

Метод определения возраста останков ранее живых существ основывается на анализе количества радиоактивного углерода в определяемом материале. Углерод, как известно, присутствует во всех живых тканях как растений, так и животных. Для того чтобы было легче понять весь процесс я рекомендую вам прочитать несколько предложений, а потом посмотреть на рисунок слева. В природе углерод состоит из двух стабильных и одной радиоактивной формы (изотопы). Стабильные — это ^{12}C (его в природе примерно 99%) и ^{13}C (1%). Радиоактивный изотоп ^{14}C образуется в верхних слоях атмосферы из азота. Нейтроны из космических лучей сталкиваются с атомом азота

выбивают из него протон, превращая таким образом азот в радиоактивный углерод ^{14}C . В природе на один атом радиоактивного углерода ^{14}C приходится примерно триллион атомов обычного углерода ^{12}C . Скорость образования радиоактивного углерода примерно постоянна, поэтому и соотношение углеродов ^{12}C и ^{14}C также постоянно. Атомы углерода в атмосфере довольно быстро окисляются до углекислого газа CO_2 , который усваивается растениями в процессах фотосинтеза. Растениями питаются животные, животными и растениями люди, поэтому вся живая органическая материя содержит углерод и радиоуглерод. В результате разных обменных процессов содержание радиоактивного ^{14}C в растениях и животных в течение их жизни остается постоянным. Так, в теле человека содержится в среднем одна пятнадцатимиллионная миллиграмма ^{14}C . Это ничтожное количество содержит всё же около 750 триллионов радиоактивных атомов. Но как только обмен с окружающей средой прекращается (вследствие гибели биологического организма), новый радиоуглерод перестаёт поступать в тело, а содержание существующего начинает

очень медленно снижаться - в два раза каждые 5730 лет (называется периодом полураспада). Исследования в области образования и распада радиоуглерода позволило Уилларду Фрэнку Либби совершить в конце 1940-х годов выдающееся открытие и в 1960 году получить Нобелевскую премию по химии «За введение метода использования углерода ^{14}C для определения возраста в археологии, геологии, геофизике и других областях науки.

Вот так выглядит формула для расчета возраста останков живой материи, попросту говоря скелетов животных и человека или всего того, что было сделано из растений.

$$t = \frac{t_{\frac{1}{2}} \ln\left(\frac{N_t}{N_0}\right)}{-\ln 2}$$

Несмотря на её кажущуюся сложность здесь все просто. t – это возраст объекта (косточки от скелета), который надо определить. $t_{1/2}$ – это время полураспада углерода (всегда одинаковое - 5730 лет). $\ln$ – это просто натуральный логарифм. N_t/N_0 – это соотношение количества содержания радиоактивного углерода в образце в момент анализа (N_t) к количеству которое было когда объект был живой (N_0) (если выразить в процентах, то очевидно, что N_0 всегда будет 100%). $-\ln 2$ это постоянное число, которое равняется -0.693 и означает скорость бета-распада радиоактивного углерода. Итак, у нас есть всё в наличии для расчета. Представьте себе, что вы взяли кусочек косточки скелета из раскопок, поставили его в прибор, который вам выдал показания: содержание радиоактивного углерода (N_t) равна 25% от нормы (N_0) которое как мы знаем всегда равно 100%. Берите калькулятор и считайте. Должно получиться, что исследуемому образцу 11460 лет. Надо сказать, что данный метод работает для образцов не свыше 50.000 лет, что для исследований древних цивилизаций вполне достаточно.

Радиоуглеродный метод очень широко применяется в археологии, геофизике, медицине, биологии, океанологии и так далее. Иногда радиоуглеродный метод применяется в криминалистике – он используется для выявления контрабанды, торговли слоновой костью, произведениями искусства и т. д.

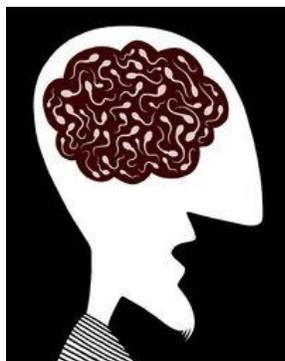
Один из наиболее известных случаев применения радиоуглеродного метода — исследование фрагментов Туринской плащаницы, проведённое в 1988 году. Туринская плащаница — христианская реликвия, четырёхметровое льняное полотно, в которое, по преданию, было завернуто тело *Иисуса Христа* после его крестных страданий и смерти. Анализ возраста плащаницы проводился независимо в трёх известнейших лабораториях (в Оксфорде, Цюрихе и Туссоне), которые получили сходные результаты: с вероятностью

более 95% материал плащаницы был сделан в интервале от 1260 до 1390 года. Сколько же лет попы дурили народ!

Другой пример связан с искусством, а именно с подлинностью полотна модерниста *Фернана Леже*, чьи картины оцениваются в миллионы долларов. Точка в этом деле была поставлена в 2014 году, когда кусочек холста был датирован в Национальном институте ядерной физики во Флоренции. Анализ показал, что картина никак не могла быть написана в 1913-1914 годах, как предполагалось ранее, потому что холст соткан из хлопка, собранного после 1959 года — после смерти художника. Вот такие дела.

Теперь, когда мы познакомились с методом научной датировки можно вернуться к генетическим исследованиям наших скелетов из Греции в более доверительном к ним отношении. Итак, мы остановились на том, что из останков костей 19 людей, живших в разных местах Греции во время крито-микенской цивилизации, была выделена ДНК, которую подвергли сравнительному анализу. Опа! Опять нужна остановка: *как сравнивают ДНК и почему мы должны верить этим результатам?* Хорошо, но, прежде чем мы начнём знакомится с методами сравнения ДНК давайте обратимся немного к истории и к основам биологии в рамках школьной программы. Нам надо это сделать т.к. без того, чтобы освежить наши знания о генетике и ДНК вся мощность генетических доказательств будет, мягко сказать - непонятна.

Ещё в глубокой древности люди обращали внимание на то, что дети похожи на своих родителей, а первые попытки объяснить это были предприняты всё теми же древними греками. Надо сказать, что несмотря на то, что объяснения кардинально не отличались друг от друга, всё же каждое из них имело свою изюминку. Началось всё с того, что где-то в

Спермамозг

начале 5 века до н.э. *Алкмеон Кротонский* (древнегреческий ученый, врач и философ) выдвинул идею, что решающая роль в передаче наследственных признаков принадлежит семени. Пока вроде всё нормально, но потом он заявляет, что семя вырабатывается в головном мозге, передаётся по каналам и зачатие происходит в результате смешения мужского и женского семени. То есть выражение медиков-циников: «сперма давит на мозги» имеет довольно древние корни. Дальше он пишет, что наследственные признаки определяется борьбой двух противоположных начал - мужского и женского. То семя, которое побеждает в этой борьбе, определяет пол и признаки потомства. Сразу видно, что *Алкмеон* был явным последователем *Пифагора* и придерживался его учения о *противоположностях*, в соответствии с которыми все явления в мире осуществляются в противоборстве двух антагонистических сущностей.

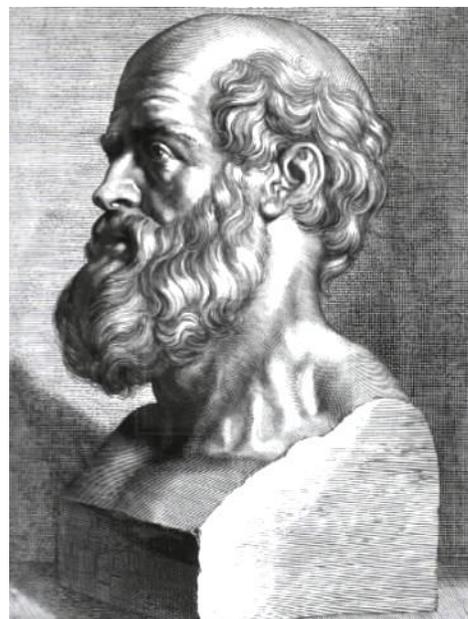
Чуть позже *Алкмеона* ещё двое греческих ученых *Анкасагор* и *Демокрит* высказали схожие идеи о наследовании признаков. В соответствии с их теориями в семени, дающем начало живому существу, в миниатюрном виде содержатся семена всех органов будущего организма. Здоровые части тела дают здоровое семя, а нездоровые – болезненные. Соответственно, от уродливых рождаются уродливые, от флегматика – флегматик и т. д. Примерно ещё через лет 100 идеи этих двух философов поддержал отец медицины *Гиппократ*. Правда ему приписывают ещё одно «открытие», которое, наверное, можно было бы назвать «*концепцией материнских впечатлений*». Говорят, что это правда⁷, но так это

Остров Кос.

или нет, кто его знает, однако история презабавная. Слушайте. Представьте себе на минутку один великолепный греческий остров Кос, который находится в окружении кристально чистых вод Эгейского моря. Однажды, в один прекрасный солнечный день, ещё на заре цивилизации, некая красивая молодая женщина, представительница благородного рода, незаметно проникла через черный ход в храм науки. Она обратится с

просьбой к одному из первых и самых знаменитых в мире врачей - *Гиппократу*. В полном отчаянии, но с огромной надеждой получить мудрый совет она, преодолевая природное женское смущение поведала великому врачевателю о своей необычной проблеме. Она недавно родила мальчика. И хотя он был здоровым и пухленьким, у него оказался темный цвет кожи, который красноречиво свидетельствовал о пылкой страсти женщины к одному африканскому торговцу. Пока ещё никто не видел младенца нужно было срочно придумать правдоподобную версию, чтобы избежать сплетен и скандала, способных вызвать нешуточную ярость её мужа. *Гиппократ* подробно расспросил женщину о её муже и доме. С наслаждением выпытывал подробности процесса «беременения» что, да где, да как. Внимательно выслушав её, он нахмурил свой лоб и откинувшись на спинку кресла начал шевелить

Отец медицины - Гиппократ

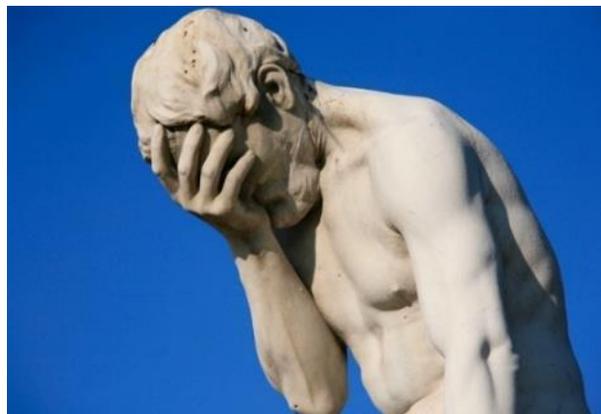
извилинами. Через некоторое время гений воскликнул: «Эфиоп – твою мать!!!» - и выдал блестящую версию произошедшего. В соответствии с ней, дети могут приобретать черты, возникающие в зависимости от того, на что их матери смотрели во время зачатия. Поскольку будущая мать слишком пристально изучала портрет какого-то эфиопа, который — так уж вышло — висел на стене в ее спальне, то ребенок, скорее всего, приобрел негроидные черты. Назвав своё изобретение концепцией «материнских впечатлений», он спас женщину от сплетен и гнева мужа. Как женщина отблагодарила гения история умалчивает. Интересно, что теория «материнского впечатления» была в значительной степени отвергнута только к 20-му веку с развитием современной генетической теории.

В песне разгадка даётся
Тайны улыбки, а в ней
Женское племя смеётся
Над простодушьем мужей!

(В. Высоцкий)

Следующим в списке разработчиков теории наследования, как и положено, идет отец всех наук *Аристотель*. Он как ученый муж уже конечно же был знаком с тем, что говорили о наследственности его предшественники и для того, чтобы быть оригинальным придумал свою версию. К сожалению, единственно разумным в ней было только отрицание того, что дочерний зародыш не может быть построен из элементов, представляющих разные части тела родителей, поскольку, во-первых, среди признаков, передаваемых родителями потомству есть и такие, которые проявляются лишь в старости (например, седина) и, во-вторых, далеко не всегда дети калек и уродов обладают дефектами, которыми наделены их родители. А вот дальше, желая выделиться на фоне своих предшественников, он включил в свои размышления немного сексизма, который в конце концов запутал его основательно. Он считал, что тело служит лишь упаковкой зародыша, которое обеспечивается женским началом, а основное формообразующее начало это мужское. Т. е. при зачатии семя самца смешивается с семенем самки – последняя, как слабосильная, требует оформления. Именно семя самца определяет форму развития зародыша, внося в женский материал душу, которой он ранее не имел. Подобная идеалистическая концепция, привела *Аристотеля* к заключению, отрицающему равное участие в оплодотворении и развитии зародыша мужского и женского начал и отдающему главную роль в передаче наследственных признаков самцу. Однако, такое утверждение нуждалось в объяснении того факта, что в потомстве появлялись особи похожие и на отца, и на мать. Пытаясь разобраться с этим, *Аристотель* использовал старый добрый принцип борьбы противоположных начал –

мужского и женского: в тех случаях, когда женское начало оказывается сильнее, появляется женская особь. Но такое объяснение оказывается противоречащим основному положению *Аристотеля* о том, что за форму отвечает исключительно мужское начало. Таким образом, предложенная концепция оказалась внутренне противоречивой, *Аристотель* запутался окончательно и от отчаяния ушел на какое-то время депрессию или в запой пока не занялся другими делами.

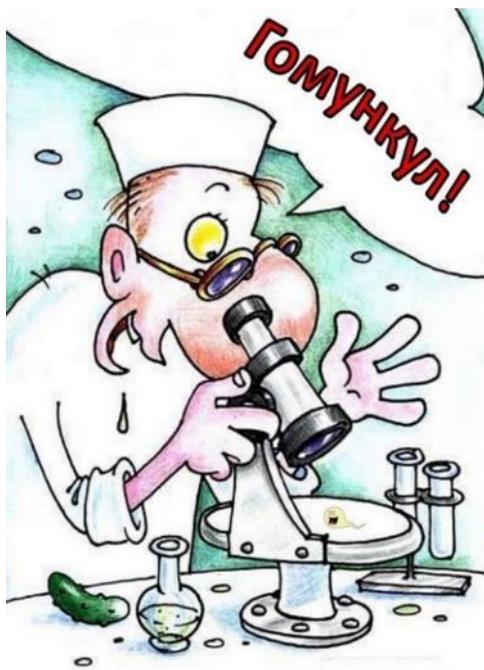
Аристотель в отчаянии

Последующее Средневековье и эпоха Возрождения почти ничего нового в развитие представлений о наследственности не привнесли. Правда одно интересное событие в то время все же возникло – это возникновение представлений о *гомункуле* (лат. *homunculus* — человек). Всё началось с того, что с концом инквизиции научный люд вконец распоясался

«Алхимик», гравюра Филиппа Галле по рисунку Питера Брейгеля Старшего (около 1558 г.)

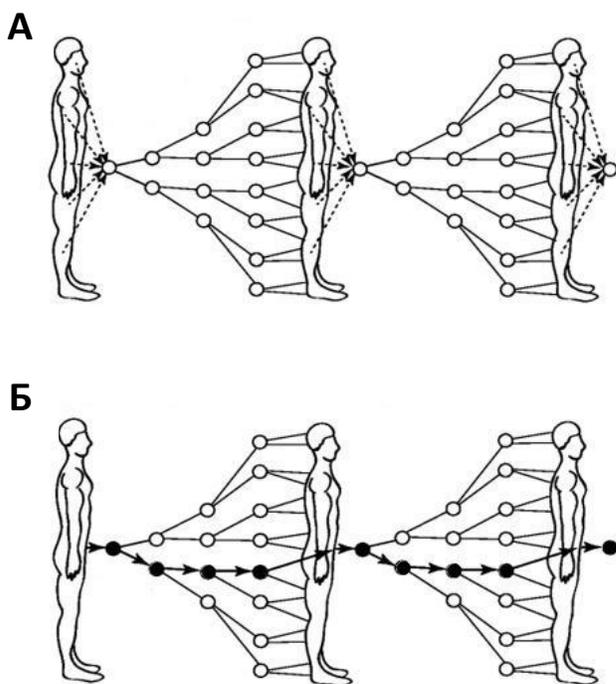
и с утроенным рвением начал заниматься алхимией. Главной же задачей всей этой одержимой алхимической братии было создание философского камня, с помощью которого можно было бы осуществлять разные превращения (трансмутации) металлов в золото, а также сотворение эликсира жизни (средства, избавляющего человека от всех негативных последствий старения и других возрастных изменений, которые связаны с общей деградацией большинства систем человека (нервная, иммунная, половая и др.)). Так вот, некоторые из алхимиков решили попробовать создать в лаборатории миниатюрного искусственного человека. Ниже приведен один из наиболее известных «рецептов» для получения гомункула предложенный в 16 веке *Парацельсом*. Он считал, что заключённая в особом сосуде человеческая сперма при нагревании и некоторых других манипуляциях (закапывании в конский навоз, «магнетизации», суть которой окончательно так и не ясна) становится *гомункулом*. «Вскармливался» гомункул путём добавления в колбу небольшого количества человеческой крови. Время вызревания гомункула, по *Парацельсу*, — сорок дней, рост гомункула — около 25 см. Забористая видать у него была «трава». Единственное с чем он угадал, так это со спермой. Гомункул, согласно представлениям 17-18 веков, содержится в сперматозоиде, а при попадании в материнский организм преобразуется в человека. Уже тепло и я бы даже сказал горячо, но ещё не то... Можно представить какое было удивление, у *Левенгука* (это тот, кто изобрёл первый микроскоп), когда он, рассматривая сперму под микроскопом (чем он там занимался, проказник) увидел сперматозоид похожий на гомункула.

Гомункул

Даже великий *Чарльз Дарвин* высказался о том, что он думает по этому поводу. Он придумал теорию (*пангенезиса*), согласно которой во всех тканях организмов присутствуют субмикроскопические гранулы — геммулы, которые несут наследственные признаки из клеток тела в половые клетки. Строго говоря ничего нового от того, что за пару тысяч лет до его озарения сказал *Гиппократ*.

Немного позже после *Дарвина* в 1892 году немецкий зоолог *Август Вейсман* предложил свою гипотезу наследственности. Он признавал наличие в половых клетках некоего особого вещества носителя наследственности — *зародышевой плазмы*. По его теории наследование происходит только через половые клетки: такие как яйцеклетки и сперматозоиды. Все остальные клетки тела не принимают участие в передаче наследственных признаков.

На картинке слева можно увидеть принципиальную разницу между двумя главными теориями наследственности, с которыми мы познакомились выше (А) *пангенезиса* и (Б) *зародышевой плазмы*. Согласно теории пангенезиса, наследственная информация из разных частей тела направляется в репродуктивные органы, откуда она переносится в половые клетки (спермии и яйцеклетки). Согласно второй теории, клетки *зародышевой плазмы* производят как клетки тела (белые кружочки), так и половые клетки (черные кружочки). Генетическая

информация передаётся другому поколению только через половые клетки.

Вот мы потихоньку и подобрались к тому моменту, когда произошло рождение науки «генетика» в современном её понимании. В одном из аббатств августинцев в городе Брно некий монах *Грегор Мендель* ставит эксперименты с горохом, которые он устраивает прямо в монастырском саду. Он скрещивал желтые семена с зелеными, гладкие с морщинистыми и всё это он делал во всех возможных комбинациях. Человек он по своей природе был жутко педантичный. Это очень важное качество для ученого, но которое, к сожалению, у большинства из них очень редко встречается. *Мендель* аккуратно записывал каждое свое действие и каждый результат опытов в тетрадки, а потом долго пялился на них

ища хоть какие-нибудь закономерности. И что бы вы думали? Однажды, лет примерно через 10, таки нашёл. Результаты его опытов позволили ему сформулировать некоторые

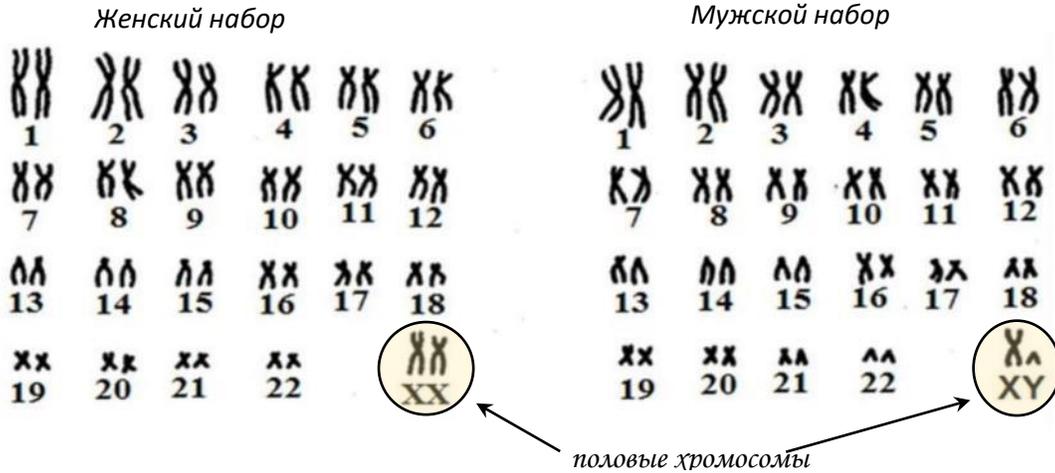
IGDA/G. Nimatallah ПОРТРЕТ ГРЕГОРА ИОАННА МЕНДЕЛЯ

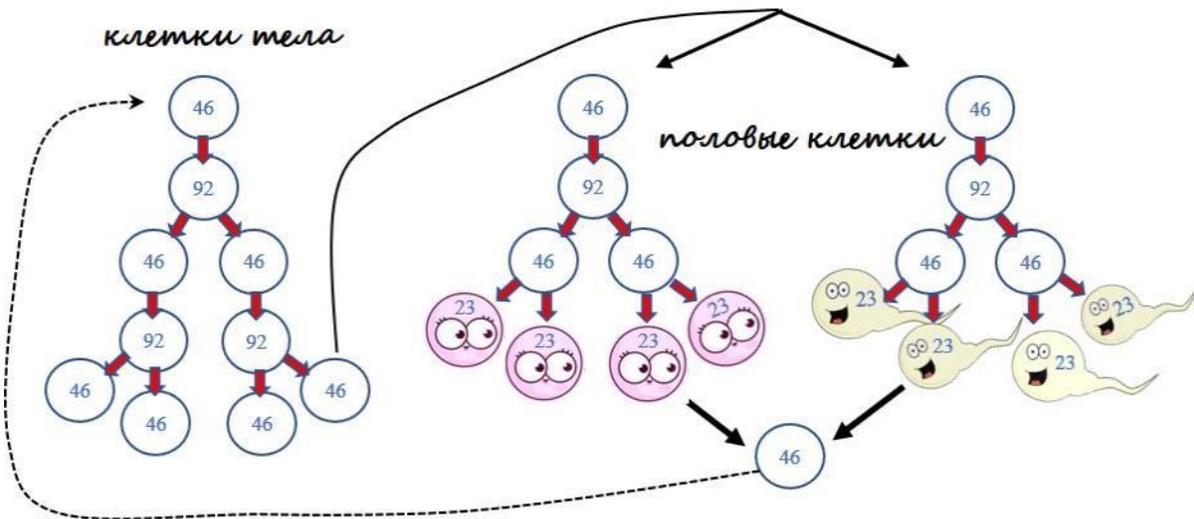
Августинское аббатство Святого Томаша в Старе Брно, Чехия, где жил и работал Мендель.

основные закономерности наследственности, т. е. по каким законам признаки передаются из поколения в поколение. Воодушевленный своими результатами *Мендель* весной 1865 сообщил их обществу естествоиспытателей города Брно и через год его статья была опубликована в трудах этого общества. Печально, но на заседании не было задано ни одного вопроса, а статья не получила откликов. В очередной раз в истории человечества люди опять не поняли гения. И только через 35 лет всеми забытая работа *Менделя* привлекла к себе всеобщее внимание: сразу трёх ученых, *де Фриза* (из Голландии), *Корренса* (из Германия) и *Чермака* (из Австрии). Проведя почти одновременно собственные опыты, они убедились в справедливости выводов *Менделя*. Но монах к этому времени уже 15 лет как помер, а был ли банкет на небесах по этому поводу нам пока ещё не известно. Потом посыпался целый шквал всевозможных открытий в генетике. Ученые поняли, что ген представляет собой элементарный наследственный фактор, который несёт информацию об определённом признаке или функции организма. С развитием оптической техники, ученые различили в ядре живой клетки некие структуры, которые они назвали хромосомами.

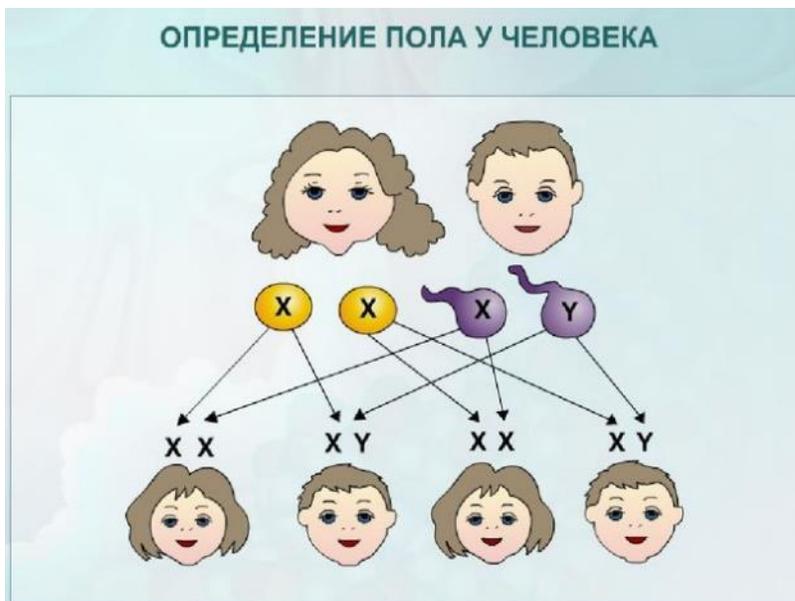
Они также разобрались, что у каждой хромосомы есть гомологичная ей (т. е. её относительная копия). Потом они разобрались, что от каждого из родителей потомок получает по одной от пары гомологичных хромосом, а также смогли наконец-то разобратсья почему рождаются мальчики и почему девочки.

У человека в каждой клетке находится по 23 пары хромосом (т.е. всего 46) из них 22 одинаковые что у мужчин, что у женщин. А вот 23 пара — это половые хромосомы у женщины **XX**, у мужчины **XY**. Перед делением каждая клетка удваивает свой набор хромосом и их становится 92, а потом они по 46 хромосом расходятся по двум дочерним клеткам. Половые клетки (сперматозоид и яйцеклетка) содержат половинный набор хромосом, т.е. по 23 хромосомы. Природа так задумала для того, чтобы, когда сперматозоид оплодотворяет яйцеклетку половина хромосом (23 штуки) пришла от мамы, а вторая половина (тоже 23 штуки) от папы и тогда клетка зародыша в сумме будет иметь опять все 46 хромосомы. Уже потом зародышевая клетка начнёт делиться, образуется много разных клеток, которые будут превращаться (специализироваться) в ткани (нервная, жировая, соединительная, кровеносная и т.д.) и разные органы тела. А какие-то клетки решат дать жизнь половым клеткам (у мужчин – сперматозоидам, у женщин яйцеклеткам) у которых будет опять половинный набор из 23 хромосомы. В зависимости какой сперматозоид X или

У оплодотворит яйцеклетку (они обе X), таким и будет пол ребенка. Поэтому мальчиков и девочек рождается примерно поровну. Смотрите схему справа на которой показаны только половые хромосомы.

После этих открытий в начале 20 века генетика стремительно начала развиваться, раскрывая практически ежегодно какую-нибудь из своих тайн. Всё больше математиков, физиков и химиков начали изучать биологию и применять методы и законы своих наук в попытке объяснить феномен наследственности. Такой бум исследований в конце концов привёл к тому, что структура главной молекулы наследственности ДНК была определена. Сделали это несколько ученых из которых фамилии физика *Фрэнсиса Крика* и биолога *Джеймса Уотсона*, в силу определенных обстоятельств, стали более широко известны. Кстати, с *Д. Уотсоном* я имел честь беседовать за чашкой чая в его институте недалеко от Нью Йорка, когда проходил там научную стажировку. История открытия самой главной молекулы была полна драматизма. *Уотсон* был молодым ученым одержимый идеей определения структуры молекулы ДНК. В детстве Джеймс был вундеркиндом, победителем радиовикторин, популярных в США в 1930-1940 годы. В 15 лет Джеймс поступил в университет, а в 23 защитил диссертацию в лаборатории будущего

Фрэнсис Крик и Джеймс Уотсон.

Нобелевского лауреата *Сальвадора Лурии*. В то время как он приехал в Великобританию в Кембридж ему было 24 года. Там он познакомился с *Фрэнсисом Криком*, так же одержимым

Кембриджский университет

идей раскрытия структуры ДНК. О *Крике* говорили, что он как сойка: много болтает, собирает интересные сведения и шатается по колледжу. Имея общую идею «фикс», они подружились и приступили к совместному мозговому штурму, поскольку у них не было никаких возможностей проводить эксперименты. Эксперименты с ДНК делались в другой лаборатории, тоже в Великобритании, в Лондоне, в Королевском колледже *Морисом*

Королевский колледж, Лондон

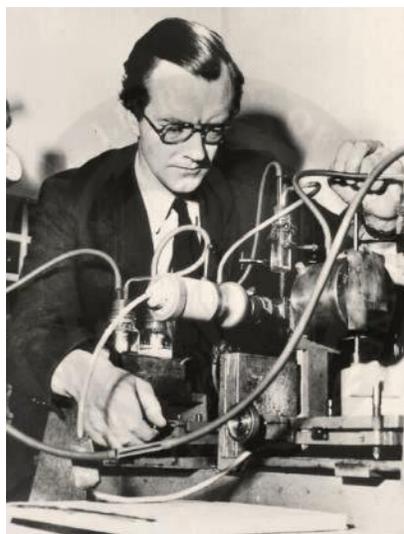
Уилкинсом. Через некоторое время заведующий отделением биофизики, где работал Морис, принял на работу *Розалинду Франклин*, специалиста по рентгеноструктурному анализу и кристаллографии. Непонятно почему, но заведующий не представил доктора *Франклин* её

новым коллегам и не объяснил, что она присоединяется к проекту ДНК. Коллеги, настроенные шовинистически, сначала восприняли её как лаборантку, и даже попытались завалить нудной, тяжелой работой. Хотя недоразумение и разъяснилось, отношения её с коллегами безнадежно испортились.

По характеру Розалинда была вспыльчива, резка, нетерпелива и пристально смотрела собеседнику прямо в глаза, практически не моргая. Она источала вокруг себя "холодную ауру превосходства". Многие историки науки говорят, что причиной этому было то, как в те времена относились к женщинам в науке. Откровенно говоря, их в то время едва терпели в лабораториях и лекционных залах, отказывали в неформальном общении. Хотя с середины 19-го века женщины могли учиться, например даже в Кембридже, им не разрешали носить мантии и жили они в 50 километрах от студенческого городка. Сотрудниц Кембриджа даже не пускали обедать в профессорский зал. Но главное - до 1948 года женщинам даже не выдавали дипломы.

Розалинда Франклин.

Морис Уилкинс

Уилкинс, с которым работала заносчивая Розалинда однажды спросил её как ей удастся так точно настраивать аппаратуру и получать снимки невероятной точности. На что горячка, не забывшая его высокомерные замечания и предложения мыть пробирки, ответила достаточно резко. *Уилкинс* же был полная противоположность Розалинде. Застенчивый, всегда продумывающий свои слова и никогда не смотрящий прямо в глаза собеседнику, после этого больше попыток к сближению не делал. Лаборатория стала местом столкновений ученых, и их развели по разным углам. Каждый исследовал свой фрагмент, чтобы в дальнейшем сложить их в единое целое.

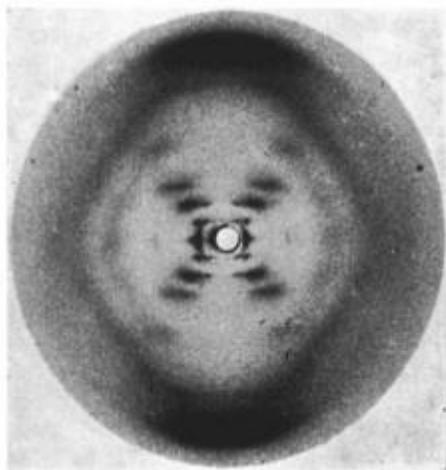
Так и работали две группы над проектом ДНК - одна теоретизировала в Кембридже (*Уотсон-Крик*) другая, экспериментировала в Лондоне (*Уилкинс-Франклин*).

Однажды *Уотсон* приехал в Лондон, где встретился с *Франклин* и показал ей их первую модель ДНК. Та же, увидев их модель подняла коллег на смех сказав, что это полная ерунда. Узнав об этом, начальник *Уотсона* и *Крика* — *Лоуренс Брэгг* — так разозлился из-за этой неудачи, что запретил им дальше заниматься ДНК. Однако, через какое-то время он

передумал. Всё дело в том, что в его лаборатории работал сын *Лайнуса Полинга* (руководителя третьей в мире, американской группы), который рассказал, что его отец создал свою модель ДНК. В *Брэгге* выиграло самолюбие, и он сообщил сотрудникам: «ладно мы все еще в игре». Через некоторое время в Кембридже раздобыли еще не опубликованную статью *Полинга* с описанием модели. Ко всеобщему удивлению, ДНК в ней представлялась примерно такой же, как за год до этого предлагали *Крик* и *Уотсон*. Правда сейчас мы знаем, что обе они были неправильными. Но и злюка *Розалинда* тоже тогда зря смеялась, её представления так же были ошибочны. Гонка продолжалась.

Весной 1952 года *Розалинда Франклин* усовершенствовала метод кристаллографии и получила знаменитую фотографию, на которой было четко видно, что ДНК представляет собой двойную спираль. *Розалинда* хотела определить структуру ДНК сама и не хотела, чтобы кто-то в этот процесс вмешивался. Одни говорят, что у нее никак не доходили руки до того, чтобы разобраться как следует в этой рентгенограмме, другие считают, что она просто никак не могла додуматься.

По рассказам *Уотсона*, он приехал в Лондон, чтобы обсудить статью *Полинга* с *Франклин*, но та не поделила его энтузиазм и сказала, что молекула ДНК не может быть спиральной. Хотя, как стало известно потом, в лабораторном журнале *Франклин*

Самая главная фотография (фотография 51) 20 века.

сохранились более ранние записи о том, что одна из двух форм ДНК может представлять собой именно спираль. Со слов *Уотсона*, этот случай стал последней каплей для работавшего с *Франклин* *Мориса Уилкинса*. Её упрямство так надоело, что он в сердцах достал из ящика рентгеновский снимок ДНК и показал его *Уотсону*. У того отпала челюсть. Квадратная пластинка размером всего несколько сантиметров вошла в историю как "Фотография 51". Чтобы сделать этот кадр, *Франклин* положила вытянутый в нить и кристаллизованный образец человеческой ДНК в специальную камеру, где рентгеновские лучи больше 60 часов отскакивали от него на пленку, формируя

изображение — полосатый крест. Для *Уотсона* этот крест стал очевидным доказательством того, что ДНК состоит из двух закрученных цепочек. *Франклин* же этого не разглядела.

Некоторое время *Уотсон* и *Крик* обдумывали новую модель, а 21 февраля 1953 года на *Уотсона* снизошло озарение, и он решил последнюю недостающую часть головоломки. "Мы разгадали тайну жизни!", — ставшую знаменитой фразу *Фрэнсис Крик* произнес в своем любимом баре в Кембридже, где они с *Уотсоном* праздновали открытие.

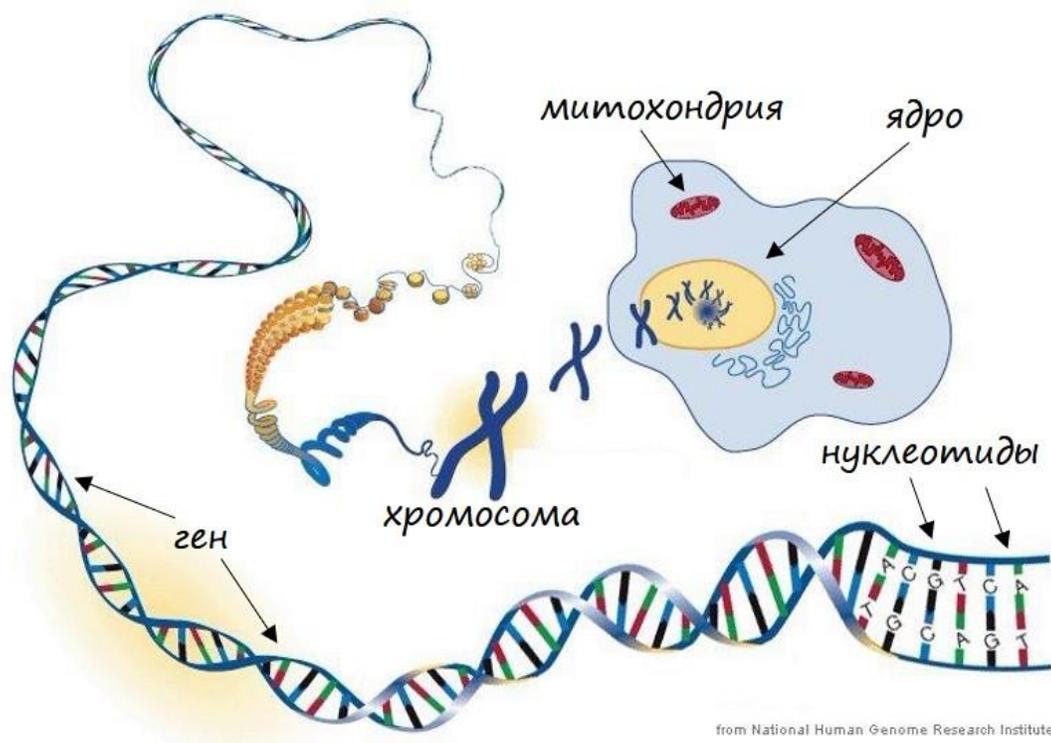
25 апреля 1953 *Крик* и *Уотсон* опубликовали свою модель ДНК в самом престижном научном журнале *Nature*. В конце статьи они упомянули одной фразой, что «мы также были вдохновлены знанием общей природы неопубликованных экспериментальных результатов и идей доктора *Уилкинса*, доктора *Франклин* и их сотрудников». В результате соглашения, заключённого заведующими двух лабораторий, статьи *Уилкинса* и *Франклин*, которые включали данные в поддержку теоретической работы *Крика* и *Уотсона* были напечатаны второй и третьей в том же номере *Nature*.

Модель ДНК Уотсона и Крика. Музей науки, Лондон.

В 1962 году *Уотсону*, *Крику* и *Уилкинсу* присудили Нобелевскую премию. Розалинда умерла в 1958 году в возрасте 37 лет от рака. Вероятно, из-за того, что работала с радиоактивными веществами слишком много и неосторожно. Ей так и не была вручена Нобелевская премия за одно из главных открытий 20-го века, так как согласно уставу Нобелевского комитета, премия не может быть присуждена посмертно.

Впоследствии и Уотсон с Криком публично признали, что не смогли бы построить свою модель ДНК без знаменитого снимка Розалинды Франклин. На этом знаменитая гонка за ДНК закончилась. Теперь давайте знакомиться с этой молекулой.

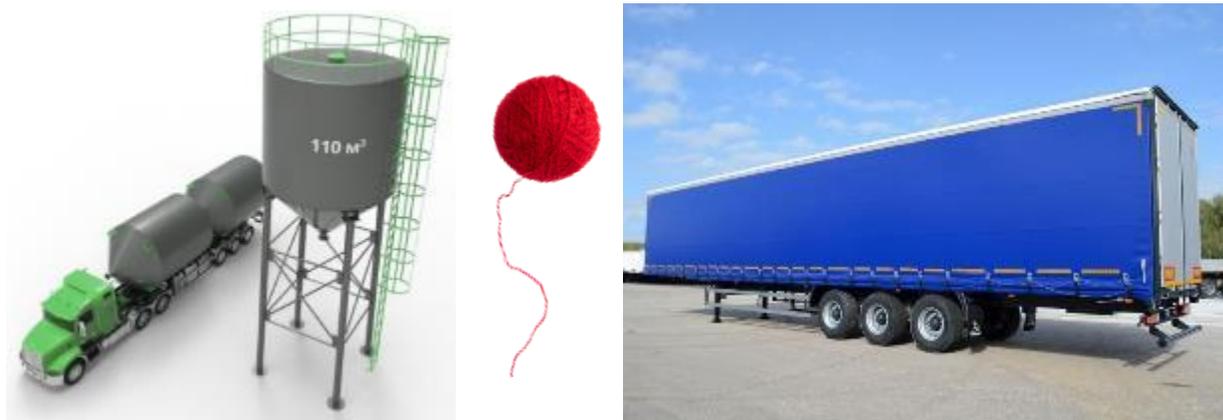

Как мы уже поняли, вся наследственная информация находится в ДНК. Определённый фрагмент ДНК, в котором зашифрована информация о каком-либо признаке или функции организма – называется геном. Молекулы ДНК есть в каждой клетке нашего организма, и они хранятся в ядре. Существует еще одна внеядерная разновидность ДНК – это митохондриальная, хотя она и составляет меньше 1% всей ДНК клетки. При этом, важно

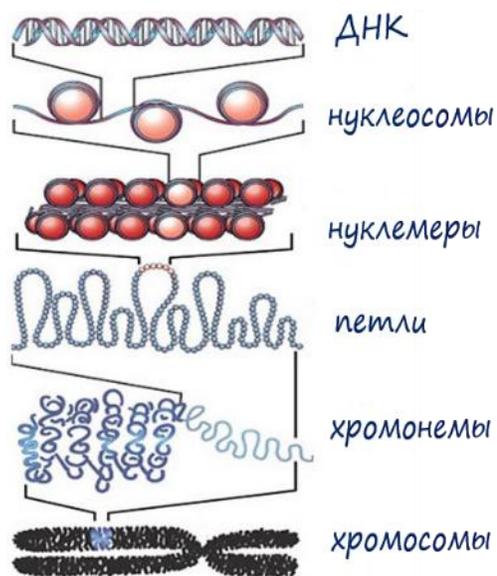
отметить, что она передается только по материнской линии. У сперматозоида, как и у яйцеклетки есть митохондрии и соответственно митохондриальная ДНК. В тот момент, когда он, прорвавшись сквозь рой своих товарищей побеждает в этой бешеной и беспощадной гонке и таки оплодотворяет яйцеклетку, он теряет свой хвостик, который даёт ему возможность двигаться и в котором находятся его митохондрии. Хитрая женская природа яйцеклетки отрубает ему всякую возможность включить заднюю и сбежать после соития. И он остаётся её рабом навсегда, соединяя свою ДНК с её, давая жизнь новому организму.

Если размотать всю ДНК человека только из одной клетки, то получится длина около двух метров. Теперь представьте себе, как надо ей уложить, чтобы она поместилась в ядро клетки. При этом размеры клеточного ядра не превышают 110 микрометров в кубе (микрометр – это одна миллионная часть метра). Чтобы было проще представить — это как нить длиной 2000 километров (от Кишинёва до Лондона, или от Кишинёва до Афин и обратно) и шириной с вязальную нить уложить в коробку (или цистерну) объёмом 110 м³. И надо это сделать так, чтобы ничего не запуталось и порвалось. И даже больше, чтобы в определенный момент можно было бы вытянуть какой-либо фрагмент, скажем в пару сотен метров, а потом закрутить обратно.

Для сравнения: резервуар и прицеп объёмом 110 м³.

Такая супер компактизация достигается за счет нескольких приёмов. Ну во-первых вся ДНК разделяется на 46 (неравных) частей (каждая из этих частей в конечном компактном виде называется хромосомой). Во-вторых, ДНК наматывается на маленькие бусинки (нуклеосомы) обеспечивая плотность упаковки ДНК в 6-7 раз. В-третьих, эти бусинки закручиваются друг с другом, образуя нуклемеры, которые обеспечивают 40-кратное уплотнение ДНК. Далее образуются петли (хромомеры), из-за которых ДНК укорачивается ещё в 600 раз и наконец петли закручиваются в хромонемы и хромосому укорачивая нить в 10 000 раз.

Вот мы уже подошли к моменту, где будем рассматривать вопрос из каких самых маленьких кирпичиков (по-научному – нуклеотидов), состоит ДНК. Хотя, по-моему, лучше было бы их назвать бусинками т. к. они идут друг за другом, но исторически их почему-то называют кирпичиками. Знание о том, в какой последовательности эти кирпичики идут друг за другом и что это означает и есть *знание о самом большом секрете жизни*. Надо сказать, что таких кирпичиков всего четыре и называются они **А** (аденин), **Т** (тимин), **С** (цитозин) и **Г** (гуанин). Как я сказал, они располагаются друг за другом, образуя таким образом молекулу ДНК. ДНК человека состоит примерно из 3.2 миллиарда таких кирпичиков (или давайте называть из просто «буквами») и в этой длинной последовательности представлена информация о примерно 20 тысячах генов. Для примера, в этой последовательности ДНК закодирована информация о молекуле белка инсулина.

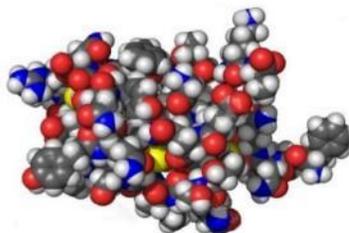
ORIGIN

```

1 agccctccag gacaggctgc atcagaagag gccatcaagc aggtctgttc caaggcctt
61 tgcgtcaggt gggctcagga ttccagggtg gctggacccc aggccccagc tctgcagcag
121 ggaggacgtg gctgggctcg tgaagcatgt gggggtgagc ccaggggcc caaggcaggg
181 cacctggcct tcagcctgcc tcagccctgc ctgtctccca gatcactgtc cttctgccat
241 ggccctgtgg atgcgcctcc tgccccctgt ggcgctgctg gccctctggg gacctgacct
301 agccgcagcc ttgtgaacc aacacctgtg cggctcacac ctggtggaag ctctctacct
361 agtgtgcggg gaacgaggct tcttctacac acccaagacc cgccgggagg cagaggacct
421 gcagggtgag ccaactgccc attgctgccc ctggccgccc ccagccaccc cctgctcctg
481 gcgctcccac ccagcatggg cagaaggggg caggaggctg ccaccagca gggggtcagg
541 tgcacttttt taaaagaag ttctcttggc cacgtcctaa aagtgaccag ctccctgtgg
601 cccagtcaga atctcagcct gaggacggtg ttggcttcgg cagccccgag atacatcaga
661 ggggtgggac gtcctcctcc cactcgcctc ctcaaacaaa tgccccgcag cccatttctc
721 caccctcatt tgatgaccgc agattcaagt gttttgttaa gtaaagtccct gggtgacctg
781 gggtcacagg gtgccccacg ctgcctgcct ctgggcgaac accccatcac gccggagga
841 gggcgtggct gcctgcctga gtgggcccaga cccctgtcgc caggcctcac ggcagctcca
901 tagtcaggag atggggaaga tgcctggggac aggccctggg gagaagtact gggatcacct
961 gttcaggctc cactgtgac gctgccccgg ggcgggggaa ggaggtggga catgtgggcg
1021 ttggggcctg taggtccaca cccagtgtgg gtgaccctcc ctctaacctg ggtccagccc
1081 ggctggagat ggggtgggag gcgacctagg gctggcgggc aggcgggcac tgtgtctccc
1141 tgactgtgtc ctctgtgtc cctctgcctc gccgctgttc cggaacctgc tctgcgcggc
1201 acgtcctggc agtggggcag gtggagctgg gcgggggccc tgggtcaggc agcctgcagc
1261 ccttggccct ggaggggtcc ctgcagaagc gtggcattgt ggaacaatgc tgtaccagca
1321 tctgctccct ctaccagctg gagaactact gcaactagac gcagcccga ggcagcccca
1381 caccgcgccc ctctgcacc gagagagatg gaataaagcc cttgaaccag c

```

//

Молекула белка инсулина, собранная в клетке согласно генетическому тексту (коду), показанному выше.

В 1990 году, под руководством *Джеймса Уотсона* и под эгидой Национальной организации здравоохранения США начался проект «геном человека». Молекулярные биологи поставили перед собой задачу прочесть и расшифровать все 3.2 миллиарда букв человеческой ДНК. Это был грандиозный замысел, который к 2003 году был реализован. Хотя основные работы были выполнены в университетах и исследовательских центрах США, Канады и Великобритании, в этом поистине международном проекте принимали участие также лаборатории из Китая, Франции, Германии и Японии. До завершения проекта

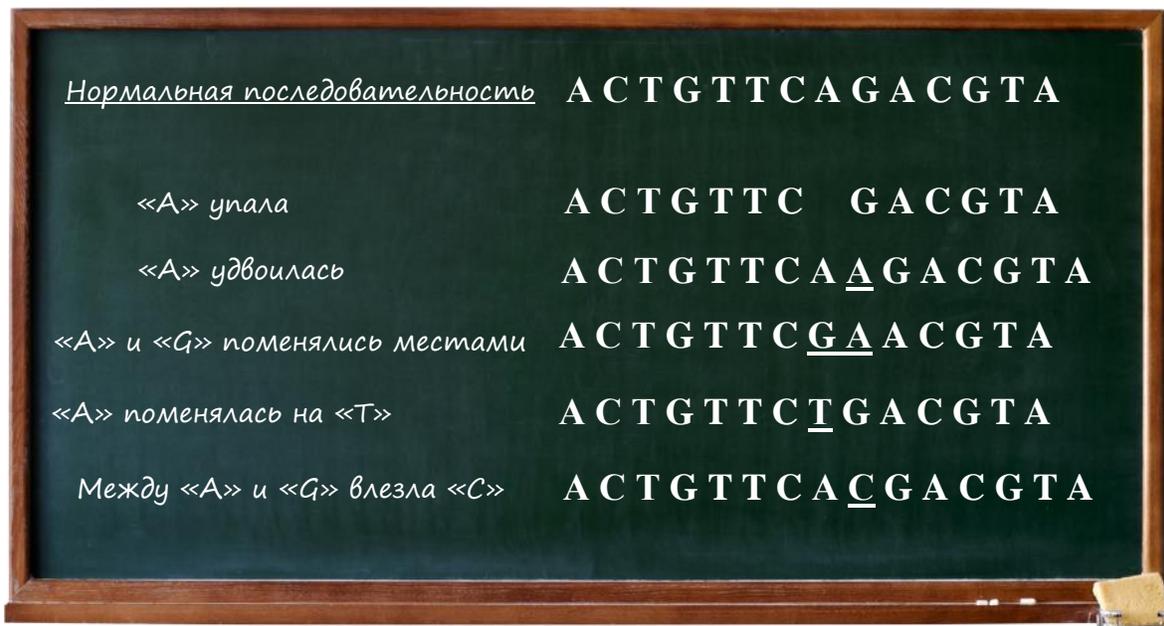

ученые предсказывали, что у человека в ДНК находится около 100 тыс. генов. Предсказывали они, конечно, не по кофейной гуще или внутренностям ягнёнка, а на основе знаний и прошлых экспериментов. Но каково же было их удивление, когда они обнаружили только 20-25 тыс. активных генов. Вычислили средний размер гена, он оказался равен примерно 30.000 букв. Перемножили 25.000 генов на 30.000 букв (длина одного гена) и получили около 750 миллионов букв, что составляет немногим больше 20% всей ДНК. Тогда, что собой представляет остальные 80% (или около 2.5 миллиарда букв)? Дальше больше (или меньше, смотря кому что нравится), оказалось, что примерно только 5% ДНК (из тех 20%, которая выпадает на гены реально) несёт в себе смысловую информацию. То есть получается, что около 95% ДНК это чёрт знает что. Эту ДНК начали сразу обзывать как «мусорную» (просто мусор, не милицейскую), «бесполезную» или более элегантно как «эгоистическую». Но потом потихоньку опомнились, точнее сказать, на основе новых данных и знаний, пересмотрели свои взгляды. Оказалось, что определённая часть этой «оскорбленной ДНК» все же выполняет многие важные функции. Но тем не менее, очень много букв (скажем многим больше 90 процентов от общего числа) так и остались пока ещё «необъяснимым мусором». Среди этой ДНК встречаются ошметки ДНК вирусов, которые встроились в геном предков человека свыше 25 млн лет назад; псевдогенов (гены умершие в процессе эволюции человека и не несущие никакой полезной информации); транспозонов (каких-то участков которым не сидится на одном месте и они иногда прыгают с места на место) и очень большого количества всяких многократно повторяющихся последовательностей. Наверное, пройдёт ещё какое-то время и для этой «мусорной ДНК» тоже найдут какое-то оправдание для её существования.

Перед тем как вы воспользуетесь всеми вашими знаниями, полученными в школе или из вышеизложенного текста для того, чтобы сделать последний шаг к пониманию как генетики определяют происхождение того или иного человека и ответить наконец-то на

вопрос откуда же появились греки, нам надо освоить ещё одно знание «что такое мутации». Строго говоря любые изменения в последовательности ДНК это и есть мутации. Что значит изменения в последовательности? Ну давайте для начала ещё раз вспомним, что в клетке есть ядро, в ядре есть хромосомы, в хромосомах есть гены, гены состоят из 4 видов кирпичиков (букв), которые идут один за другим (напоминает, где искать смерть Кашея: ларец, заяц, утка, яйцо, игла). Так вот любые нарушения в порядке следования кирпичиков и есть мутации.

Примеры мутаций:

В большинстве своём мутации бывают безобидные или нейтральные. Потому что, во-первых, они часто происходят в «мусорной» ДНК (помним, что её больше 90%), во-вторых, они не всегда меняют генетический код (что это объясню при личной встрече, сейчас просто поверьте). Такие мутации остаются в ДНК и передаются из поколения в поколение. Вероятность, что одна и та же мутация (А меняется на Т, например) произойдет в одном и том же месте ДНК (помните там 3.2 миллиарда букв) практически равна «нулю». Вот этим феноменом и воспользовались генетики, чтобы проследить кто от кого произошел (или например, в криминалистике, кто-кого убил).

Вот вы и узнали наконец всё что вам необходимо для того, чтобы с умным видом оценить результаты работы археологов и генетиков по поводу происхождения эллинов. Возвращаемся к тому, о чём говорили в начале: из зубов останков 19 микенцев и минойцев (первоприходцев в Грецию) выделили и расшифровали ДНК. Потом эти ДНК сравнили с ДНК останков 332 древних жителей Средиземноморья, Ирана, Кавказа, Анатолии (район

Турции) и Восточно-европейской степи, и с ДНК 2614 современных европейцев (в том числе критян) и жителей Западной Азии. Древнюю ДНК генетики изучили методом *SNP capture*, т. е. проанализировав 1.2 миллионов мест в ДНК, где один кирпичик (буква) поменялся на другой. Все эти данные они загрузили в мощный компьютер, который сравнивал все последовательности между собой, выявлял сходства и различия, после чего было установлено о тесной связи между минойцами и микенцами. Оба этих этноса получили большую часть своего генома (62–86 %) от ранних земледельцев юга-запада Анатолии. Как у минойцев, так и у микенцев часть ДНК (9–32%) была унаследована и от древних обитателей восточного Кавказа и севера Ирана, причем это произошло еще до разделения минойцев с микенцами. Особенностью микенцев оказались от 4–16 % ДНК, связанных с древним населением Восточной Европы и Сибири. Учёные полагают, что эта часть генома микенцев указывает на миграцию жителей евразийских степей, которые проникли в Грецию через Восточную Европу или Армению, но не достигли Крита.

Ученые особенно выделяют большое сходство ДНК древних минойцев и жителей современного Крита. Лишь небольшая часть ДНК критян оказалась привнесенной позднейшими миграциями. Так что убежденность нынешних обитателей острова в том, что они потомки древней минойской цивилизации, имеет основания.

Куда нас занесло или история греческой колонизации.

«Куда вас, сударь, к черту занесло,

Неужто вам покой не по карману» ...

Как мы уже видели выше, пришествие диких дорийцев на Пелопоннес привело в движение всё население, которое занимало территорию древней Греции. Племена какое-то время потолкались друг с другом за место под солнцем, и в конце концов успокоились, установив новый территориальный статус-кво. Кто-то переселился на другие земли материковой Греции или на острова Эгейского моря, а кто-то уплыл аж в Малую Азию, основав там свои города-поселения. Хотя эти «тёмные времена» и характеризуются упадком культуры и утратой письменности, вместе с тем были и некоторые проявления определённого технического прогресса. Например, в освоении выплавки и обработки железа. На самом деле это было огромное достижение. В микенскую эпоху железо было известно в Греции только как драгоценный металл и шло главным образом на изготовление всякой ерунды, такой как украшения вроде колец, браслетов и т. д. И вдруг металл, в виде железа, впервые стал дешев и широко доступен. Его месторождения встречаются в природе гораздо чаще, чем месторождения меди и олова — основных компонентов бронзы, из которой тогда изготавливали орудия труда и убийства. Второе важное достижение — это существенный прогресс в гончарном деле. Появился так называемый геометрический стиль

орнамента. Поделки из керамики, особенно посуда и амфоры для хранения вина и масла, пользовались бешеным спросом на базарах в разных странах. Это в свою очередь дало толчок к развитию торговли и мореплавания. Таким образом, греки потихоньку начали оправляться от потрясений. Даже дорийцы спрятали свои клыки и начали культурно развиваться. Они начали выращивать виноград и оливки и заниматься кораблестроением, что никак уже не могло сочетаться с их прошлым дикарством. К началу 8 века до нашей эры экономическое восстановление Греции уже шло полным ходом, о чем свидетельствуют многочисленные археологические раскопки. Жить бы им и радоваться, но вот же неугомонный народец, потянуло его на новые земли. Начался новый бурный процесс, называемый историками «великая греческая колонизация». Давайте сначала попробуем разобраться с причинами такого поведения древних греков, а потом посмотрим, что дала им эта колонизация. Прежде всего надо дать определение самому термину «колонизация». Колонизация (в древнегреческом смысле) — это освоение и заселение новых территорий частными лицами (это очень важно), но не государством. Очень важно также понимать

разницу между завоеванием и колонизацией, последняя довольно редко была связана с военными действиями и отвоёвываем территории.

Историки и учебники, которые они пишут, в подавляющем своем большинстве талдычат нам, что причинами греческой колонизации были:

1. Высокая численность населения (перенаселение).
2. Отсутствие плодородной почвы, угроза голода и долгового рабства.
3. Борьба между демосом (народом) и знатью.
4. Политическая борьба в городах.
5. Поиск новых рынков сбыта товаров.

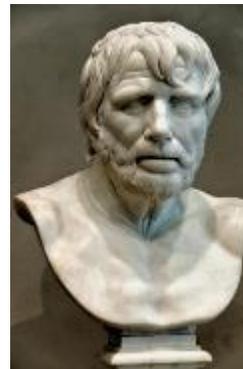
Они (историки), наверное, знают лучше, но как для меня, так эти причины звучат малоубедительно. Какие-то из вышеперечисленных причин может и играли роль в том, чтобы искать себе другое место для жизни, но явно не они были первопричиной. Давайте пройдемся по этим причинам.

Первое: Перенаселение. О каком перенаселении может быть речь в то время? По самым оптимистическим расчетам демографов население древней Греции в то время (это в период великой колонизации: 8-6 век до нашей эры) составляло от 700 тыс. до 2 миллионов человек (https://en.wikipedia.org/wiki/Demographic_history_of_Greece). Т. е. это как минимум от 5 до 14 раз меньше, чем ныне проживает в Греции. Даже сейчас Греция занимает примерно 75 место в мире по плотности населения. Что уж говорить про то время, когда масса народа жила ещё и на территории малой Азии, которая сейчас Греции не принадлежит. Так что перенаселение как причину - вычеркиваем.

Второе: угроза голода и нехватка земли. С одной стороны, мы знаем, что большая часть территории Греции покрыта горами и лишь менее одной пятой ее площади пригодно для земледелия. Известно также, что климат Греции в основном сухой, летом дождей выпадает мало и большинство рек и ручьев пересыхает, и многие области часто страдают от засухи. С другой стороны, горные хребты, разделявшие отдельные районы, хорошо защищали плодородные равнины от неблагоприятных ветров и задерживали на вершинах снег, сохраняя влагу для орошения полей. У каждой равнины был свой микроклимат, к которому приспосабливались её обитатели. В засушливых районах некоторую роль играло хоть и примитивное, но искусственное орошение. А уж на западном побережье Малой Азии, где находился, например город Милет - центр отправления колонизаторов, вообще были одни из самых плодородных земель. Чего же им было искать новые земли аж за Черном Морем, когда они могли двигаться в глубь полуострова, где на сотни километров были плодородные земли. Более того, логично предположить, что даже если бы голод в засушливые и неурожайные года заставлял людей искать другие земли, то они скорее все ушли бы на новые земли, чем посылать туда только колонистов. Возьмём, к примеру

Египет. Всё что там выращивалось, то выращивалось только вдоль Нила. Был ли голод в Египте? Часто и ещё какой. Египтяне даже вымерли от голода, вызванного пересыханием Нила. Отправляли ли они своих жителей строить колонии из-за голода – ни в жизнь.

Нам повезло, что некий древнегреческий землепашец Гесиод, наделённый талантом поэта и живший в то время, оставил нам в виде эпических песен многие сведения о тогдашнем сельском хозяйстве. В одном наиболее значительном своём произведении - поэме «Труды и дни» (мама дорогая, просто советские «трудодни» какие-то), он пытается научить беотийских земледельцев, как надо жить, чтобы не обеднеть. Поучения поэта, обращенные к земледельцам, проповедуют умеренность, трудолюбие, необходимость сбыта части продукции путем развития мореплавания. В голод продукцию не сбывают.

Поэт от сохи - Гесиод.

Дальше. Посмотрим, что в основном везли в колонии и что оттуда. Туда: мёд, вино, оливки и масло, изделия ремесленников. В Элладу: зерно, металлы, рабов. Т.е. не видно, что в колонии отправлялись сугубо за продовольствием. Что касается зерна, то это сушая правда. С зерновыми культурами в Греции всегда были проблемы. Тут вообще просматривается некий парадокс: несмотря на то, что зерна не хватало, тем не менее, оно составляло основу рациона питания. С развитием морской торговли импорт зерна приобрёл главенствующую роль. Его везли отовсюду: из Причерноморья, из Африки и Италии. Но относительная и непостоянная нехватка зерна — это не голод. Так что голод как из основных причин также вычеркиваем.

Борьба между демосом (народом) и знатью. Очень уж завуалированная причина. Трудно представить себе страну, государство или в конце концов любое место на земле в те времена, где между знатью и демосом не было бы противоречий. Тогда по логике все страны, города и села должны были бы иметь свои колонии. Смешно. Судя по всему, в некоторых местах Греции знать так ненавидела кого-то из демоса, что ненавидимые сбежали аж на территорию современной Испании. Это на минуточку более 2.000 км и по тем временам около 1.5-2 месяца пути («...такая личная неприязнь, ... что кушать не могу». «Мимино»). Да и на какие «шиши» ненавидимые отправлялись? И, самое главное, зачем они потом поддерживали связь с метрополией, т. е. со знатью «родины-матери», изгнавшей их? Мне видится более естественная причина - их туда ссылали. Например, ссылали того, кто мучил народ на всякие бунты. Или вот ещё одна реальная причина для «высылки». Спартанцы, например, в 706 г. до н. э. основали колонию Тарент в Южной Италии и отправили туда группу незаконнорожденных сыновей, которых нельзя было включить в число граждан. Если такую борьбу имеют ввиду историки (конечно, едва ли это так), а не ту, что по Карлу Марксу, тогда с натяжкой и для каких-то специфических случаев - пойдёт.

Политическая борьба в городах. Вообще ничего не понятно. Как известно, политической борьбой могли заниматься далеко не все жители древней Греции, а точнее совсем малая часть. Любой полис (город с пригородами) состоял из трёх сословий. Причем, сословие – это пожизненный и наследственный статус, который нельзя менять. Первое сословие — это свободные граждане, которые владеют полисом. Второе – это свободные неграждане – как определяет их историк С. Карпюк «понаехали тут». Они имеют имущественные и юридические права, но не имеют политических прав и права владения землей. Как правило, это ремесленники или торговцы. И третье сословие – рабы, которые не имеют никаких прав вообще. Отсюда видно, что те, кто занимался политической борьбой были совсем не бедными людьми. Представить себе, что те, кто проигрывал выборы или ещё какое голосование, поголовно решали для себя что они так сильно обижены, что поедут жить чёрт те куда. При этом они оставляют свои виллы, богатство, жен, детей и любовниц, только потому что кто-то переорал их на собрании.

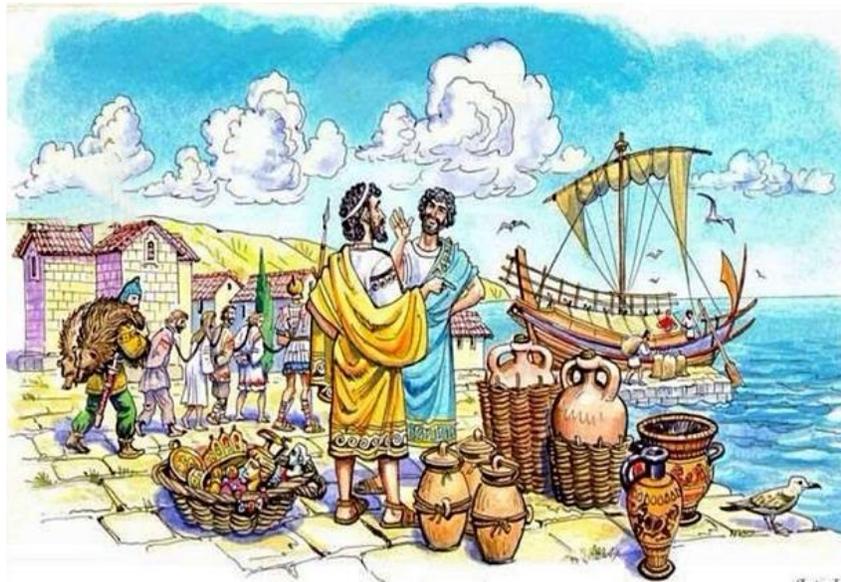

Политическая борьба в древней Греции.

Хотя, не спорю, может кто-то из колонистов и был побеждённым политиком, но приводить его личное решение «плыть куда глаза глядят» как причину «великой греческой колонизации», на мой взгляд, это чрезмерно. Вот вам одна сказка, которую приводят в пример как «колонизации по политическим причинам». Один из современных историков Бордман¹⁰ считает, что знаменитые Сиракузы в Сицилии были основаны коринфянином

Архием, который покинул родину в результате политических раздоров. Однако, согласно древнегреческому философу и писателю *Плутарху*, *Архирий* по приговору дельфийской Пифии отправился в изгнание за то, что своим непристойным (нетрадиционным по нынешним меркам и вполне обыденным в те времена) половым поведением наслал на Коринф засуху и голод¹¹. Хотя *Плутарх* принадлежал эпохе, когда архаическое колониционное движение уже закончилось, он был всё же на пару тысяч лет ближе к нему, нежели современные историки.

Поиск новых рынков сбыта товаров. Но позвольте, ведь во всех странах во все времена были торговцы-купцы, которые и выполняли эту функцию: искали рынки сбыта и приобретения товаров. Зачем им было отправляться за море, строить там города-крепости с амфитеатрами и храмами, когда можно просто приехать, втюхать свой товар и приобрести то, что хорошо идёт на родине. Нет - торговля есть торговля.

Греческие купцы.

Без сомнения, торговля способствовала становлению городов-государств, но это скорее следствие колонизации, а не её причина. Так что все причины мне кажутся не убедительны или, как сказал один театральный классик: «Не верю». Уже после основания колонии эти так называемые причины, в том или ином виде, могли и даже наверняка имели место.

Вы, конечно, можете сказать, что критиковать не предлагать. Так я вам скажу, что по моему мнению, стимулом к колонизации послужило взаимодействие трёх главных компонентов — это географическое положение Греции, людская природа древних греков и широкое развитие науки и техники, которое способствовала расцвету судостроения. И все

эти составные компоненты встретились в одном месте (Греция) и в одно время (8-6 век до нашей эры).

Греки — это народ мореплавателей. Даже дикие дорийцы, пришедшие с северных районов Балкан, быстро освоили мореплавание и через короткое время заселили Крит и другие южные острова Эгейского моря. На всей территории Греции нет точки, которая была бы удалена от моря дальше чем 120 км. А в море нет расстояния больше чем 80 км от одного места суши до другого (имеется ввиду между материком и каким-нибудь островом или между двумя соседними островами). Древнее судоходство считалось каботажным, т. е. прибрежным, в основном греки ориентировались на близкий берег. Такие плавания обуславливались неустойчивостью судов в бурном море, необходимостью быстрого укрытия в каком-нибудь заливе у берега в случае внезапной непогоды или необходимостью пополнить запасы продовольствия и пресной воды.

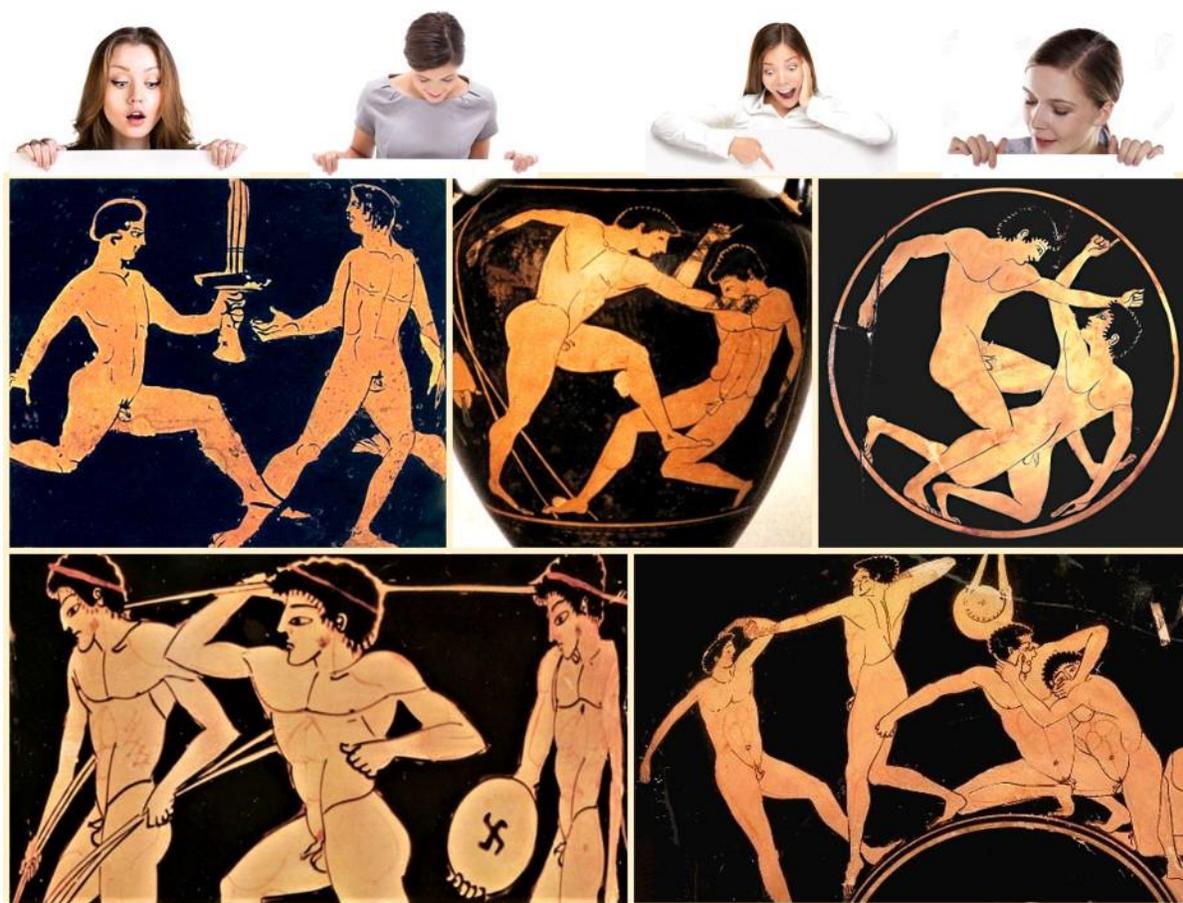
Жажда наживы и страсть к приключениям породили флибустьерство, к которому в те времена относились как к должному. В Афинах существовал закон о пиратах, который регламентировал членство в этом обществе, а также возлагал на общество некоторые обязанности такие как помогать в ведении военных действий. У Гомера в «Одиссее», пираты были полноправными членами общества. Они пользовались уважением сограждан, участвовали в разных формах жизни своего государства. Так *Нестор*, царь Пилоса, с ностальгией вспоминает свое морское прошлое, когда он с товарищами гонялся по «темно-туманному» морю за добычей.

Иллюстрация Антона Батова.

Ещё одна черта греческого характера, которая способствовала успешной колонизации — это природное любопытство. Вся гомеровская поэма «Одиссея» отлично иллюстрирует любопытный и авантюрный характер древних греков. Проанализировав

мифы и сведения об укладе жизни героев *Гомера*, археолог *Поль Фор* попытался подобрать психоаналитический ключ к характеру древнего грека⁹. Он пришёл к выводу, что вечное беспокойство древнего эллина — это его неутолимая жажда приключений, его страстное, азартное любопытство. В самом деле, во многих греческих мифах любопытство является иногда основополагающей темой. Вспомните мифы о *Пандоре*, *Орфее*, *Икаре*. Говорят, что на олимпийские игры замужним женщинам вход был строго воспрещён. Настолько строго, что это каралось смертью. И, тем не менее, каждый раз во время соревнований отлавливали пару-тройку любопытных сеньор. Правда, надо бы заметить, что выступали мужики на играх в чём мать родила, поэтому некоторые женщины, даже под страхом смерти, не могли совладать со своим любопытством.

В архаическое время греки и финикийцы являлись лучшими мореходами и кораблестроителями. Изобретение якоря и разных видов парусов, а также использование разных типов древесины и методов её скрепления между собой, наряду с успехами в географии и ориентировании на море, включая ночное время, дало резкий толчок к развитию и специализации кораблестроения.

Все корабли поначалу разделялись на торговые и военные. Киль торговых судов изготавливался из скального дуба, поперечные рёбра (шпангоуты) - из чёрной акации. Обшивку делали из липы или красного бука. Для мачты, реи и вёсел использовали алеппскую ель. Двигались такие суда в основном под парусом, поскольку гребцы заняли бы большую часть полезной площади.

Судно было беспалубным с одним парусом с традиционной оснасткой и управлялось двумя рулевыми вёслами. Для защиты от волн борта наращивали решёткой из толстых прутьев, обтянутых кожей. Поскольку от военных судов требовалась прежде всего легкость и подвижность, им придавали удлиненную форму. Оснащены они были и парусом, вёслами. Количество гребцов и палуб зависело от типа военного корабля.

Торговое судно.

Строительство военных кораблей достигло более значительного развития, нежели торговых. В первой половине 1 тысячелетия до н. э. самым распространенным типом судна была пентеконтера — 50-весельный корабль — названная так по количеству гребцов, по 25 с каждого борта. Это судно, главным образом, использовалось для пиратства и прибрежных рейдов, оно также подходило для более длительных путешествий в неизвестных водах, где команда была достаточно сильна, чтобы защитить судно от местной угрозы. Важным изобретением было присоединение металлического (чаще бронзового) тарана, крепившегося к носу пентеконтера. Использование тарана требовало увеличения прочности основных конструкций корабля и скорости, с которой он двигался. До сих пор точно не установлено, кто первым изобрел таран — греки или финикийцы. Скорость судна составляла около 9.5 узлов (17.5 км/ч). Увеличение её требовало увеличения количества гребцов, что на одноярусном корабле привело бы к удлинению корабля. Но делать длинные

Спартанский пентеконтер.

и прочные корабли тогда ещё не умели. И тогда древние кораблестроители приняли изящное решение: если корабль нельзя удлинить, значит его необходимо сделать выше и разместить второй ярус гребцов над первым. Так появилась двуярусная бирема (конец 8 века до н. э.), а потом и трёхъярусная триера. Согласно *Фукидиду*, первая триера была

Двужырусная афинская бирема.

построена около 650 г. до н. э. Одни исследователи приписывают изобретение триеры финикийцам, другие называют коринфянина *Аменокка*. Главным оружием триеры был таран - продолжение килевого бруса. Длина судна - 45 метров, экипаж - до 200 человек. Самых сильных гребцов - транитов - размещались на верхней палубе. Это была

Трёхъярусная триера.

самая высокооплачиваемая и привилегированная каста. На среднем ряду располагались зигити, на нижнем ряду - таламиты. Командовал кораблём триерарх, ему подчинялись кормчий и начальник гребцов - гортатор. Скорость хода триеры на вёслах составляла 7 - 8 узлов (14 км/ч), но все три ряда вёсел работали только во время боя. Даже при небольшом волнении нижний ряд втягивали вёсла во внутрь корабля, и вёсельные порты затягивали кожаными пластырями. Парусное вооружение состояло из большого прямоугольного и малого паруса на наклонной мачте в носовой части судна. Третья мачта, столь же короткая, как и носовая, тоже несла небольшой парус и располагалась у самого конца палубы в корме. Мачты делались съёмными и убирались на время боя <https://www.grekomania.ru/greek-articles/ancient-greece/211-drevnegrechskie-suda>).

Итак, что мы имеем: (1) прекрасное Средиземное море со множеством островов;

Фёдор Конюхов совершил 5 кругосветных плаваний, побывал на всех 7 вершинах, 17 раз пересёк Атлантику, причём один раз на вёсельной лодке.

**Цитаты
Великих
Людей**

(2) великолепные, по тем временам суда и мореходы; (3) любопытную и страждущую богатства и славы натуру древнего грека. И как, я вас спрашиваю, удержать таких авантюристов на месте? Как заставить эту братию с горящими глазами и горячей кровью пасти овец, ковырять мотыгой землю или плести корзины слушая сказки с горы Олимп? Никак, кроме как дать им реализоваться в поисках неизведанной земли. Видимо они придерживались того же мнения, которому всю жизнь следует великий путешественник Фёдор Конюхов: «а чё дома делать?». Надо сказать,

что морские путешествия несли с собой определённый риск для жизни экскурсантов. Опасности подстерегали их как на море из-за ветров, скал и штормов, так и на берегу, где дикий нрав варварских племён не сулил путешественникам ничего хорошего. Об опасности морских прогулок недвусмысленно высказался один древний философ *Анахарсис*. На вопрос «Какие корабли безопаснее?» мудрец ответил: «Вытащенные на берег». Узнав, что корабельные доски имеют толщину в четыре пальца, *Анахарсис* сказал, что корабельщики плывут на четыре пальца от смерти. А на вопрос «Кого больше на земле — живых или мертвых?» ответил другим вопросом: «А кем считать плывущих сейчас по морю?»

Тем не менее, «древнегреческие колумбы» короткими рейдами, следуя вдоль берега от бухты к бухте, ещё в начале 8 века до н. э. приступили к исследованию побережья Средиземного и Чёрного морей. Приставая в тех или иных местах к берегу, они конечно же присматривались и оценивали новые земли с точки зрения «а ты бы хотел здесь жить?» На самом деле это свойство людей оценивать новое место с точки зрения перспективы поселения там присуще людям даже сейчас. Вспомните свои мысли, когда приезжаете первый раз в какую-то страну. Естественно, что в первую очередь греки-путешественники обращали внимание на землю. Потому что земля — это самое ценное что было, есть и будет на Земле. Если земля была хорошая, а местные аборигены, в свою очередь, не очень свирепые, то может кто-то из тургруппы и заявлял: «знаете ребята, дальше без меня, я пас» и бросал свои кости на дальнем берегу. И, может быть, когда на обратном пути мореходы держали курс к дому, они заходили проведать товарища, то видели прекрасную картину. И жену он себе уже нашёл, и варварами верховодит и огород разбит, и пашня вспахана и т. д.

- Ребята, если будете в этих краях ещё когда-то, говорил он им, - захватите с собой пару амфор с винцом, нашим эллинским, а то я после местной браги два дня сам не свой.

- Лады, - отвечали они. Но и ты приготовь зерна сколько сможешь, чтоб нам потом не с пустыми руками возвращаться.

И пошло – поехало. Считайте торговый пункт создан. Потом и другие подтянулись и вот уже стабильный бизнес налажен. Они им хлеб, металлы, кожу, а те вино, масло и безделушки всякие, на которые так падки все туземцы.

Финикийцы, кстати придерживались такой же стратегии, являясь грекам конкурентами и товарищами по бизнесу одновременно. Только в отличие от греков, они так и остановились на уровне торговых баз и форпостов, тогда как грекам подавай ещё и культуру, и шоу. Так первые греческие поселенцы после того, как придирчиво выбрав место для колонии (чтобы бухта была удобная, вода питьевая под боком и горы, скалы для естественной защиты от лихого шатающегося кочевого люда) и поделив землю между собой сразу приступали к строительству стен, храмов и амфитеатров, чем наверняка сильно

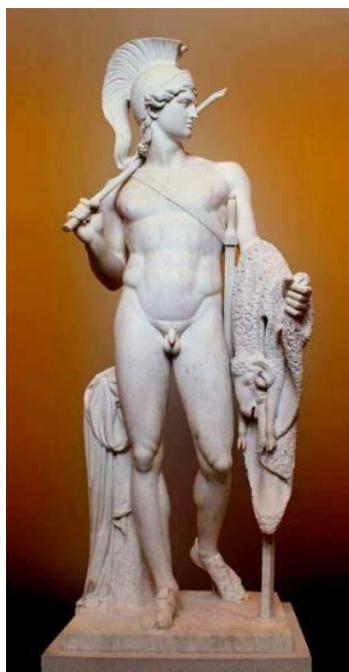
изумляли местных. Конфликты с аборигенами за землю под колонию случались редко. Во-первых, потому что предпочитали договариваться. Во-вторых, селились либо на пустующих землях, либо на землях, где народ не жил постоянно, а кочевал. Ну и греки были народом в общем-то относительно мирным (если слово мирный вообще можно применять к кому-нибудь в те времена) и не очень кровожадным. Не считая Александра Великого, что-то я не припомню, чтобы греки кого-то особо завоёвывали. Между собой воевали – это да. Хотя и эти войны иногда можно было бы считать просто какими-то соревнованиями или состязаниями. Например, война между двумя городами острова Эвбея, Халкидой и Эретрией, в 7 веке до н. э. велась, согласно легенде, как состязание. Торжественный договор, устанавливающий правила брани, был засвидетельствован в храме Артемиды. Время и место битвы были указаны. Метательное оружие: дротик, лук и праща было запрещено, можно было использовать только мечи и копья¹². Да и завоевания Македонского тоже были несколько особенные. Саня отказался от того, чтобы превратить Азию в провинцию македонско-греческой империи. Вместо этого он приближал к своему двору местную знать, которой обеспечивал места в армии и органах власти. В отличие от своих предшественников, Александр относился к жителям покорённых земель не как завоеватель, а как законный правитель их государства, уважающий их традиции. Он женился и женил

Свадьба Александра и Роксаны. Джованни Антонио Баззи, 1517.

своих военначальников на дочерях царей покорённых земель. Не препятствовал развитию их религии, культуры и языка. Он нес с собой культуру, образование, достижения науки и техники. Покорённому народу, особенно его простому сословию, это нравилось и

поначалу они даже очень приветствовали всё это. Не зря в Азии десятки сотен лет сохранилось поклонение перед «Искандером двурогим», как перед неким божеством.

Красавчик Ясон

Но вернёмся к нашим колонистам. Ещё один факт, который даёт мне повод полагать, что колонии создавались именно флибустьерами или искателями приключений и изначально просто как торговые точки — это то, что, отправляясь в дальний путь «жить навсегда», команда состояла только из мужчин. Как же это? Не слишком ли самонадеянно? Конечно, они могли тайком про себя думать, что они неотразимы и очень культурны и стоит им появиться за морем как местные девицы закричат: «Ах Агафон, (или Ах Никандр, или Ах Ясон и т. д.) я навеки ваша». С другой стороны, должны же они были понимать, что никто им за просто так своих женщин не отдаст (самим треба, бо самим не хватает). Оставим за рамками дискуссию о том, как тогда мужчины обходились долгое время без женщин в физиологическом смысле, жизнь же без хозяйки в доме в древности (как, впрочем, и сейчас) для большинства мужчин, наверняка, была немислима. Вот когда место застолбили, всё поделили, конфликты урегулировали, тогда и привозили свой домашний скарб и жён. И уже потом шел полноценный поток из колонистов-переселенцев.

Узнавая от купцов, пиратов и путешественников о подходящих местах, куда можно переселиться в поисках лучшей жизни, греческие колонисты отправлялись туда группами, которые организовывалась в их родном городе (метрополисе). Сначала они спрашивали прорицателя о походе ожидая благоприятного пророчества.

Руины метрополии Милет.

Потом выбирали вождя похода - *ойкиста*, который оказывался впоследствии и главой нового государства. После его смерти создавался культ героя — основателя города. Часто колония даже носила его имя. Несмотря на то, что на новом месте планировалось основать независимый город, предполагалось, что

колонисты, покидавшие дом с такими организованными при общественной поддержке экспедициями, будут поддерживать связи с метрополией.

Первые колонии были основаны выходцами с острова Эвбея. К 800 г. до н. э. они уже установили торговые связи с общиной на побережье Сирии — в местечке, которое сегодня называется Аль-Мина. Примерно к 775 г. до н. э. эвбейцы, которые были, похоже, особенно активными исследователями, также основали торговое поселение в Южной Италии в Питекуссах (ныне остров Искья у западного побережья современной Италии) в Неаполитанском заливе. Там они обрабатывали железную руду, которую получали от этрусков, процветающего народа, населявшего Центральную Италию, и переправляли её в Грецию. Ещё через лет пятьдесят эвбейцы обосновались и на материке, создав город

Сиракузы. Амфитеатр.

Сицилия. Селинунт. Храм Геры.

Капую, а позже и другие города, в том числе Неаполь. Ещё они создали колонию на острове Коркира, на пути из Греции в Италию и Сицилию и приняли активное участие в колонизации восточного берега острова Сицилия. Важнейшим греческим городом на этом острове стал город Сиракузы, который был основан коринфянами и халкидянами.

В колонизации Сицилии принимают участие и греки из других метрополий Греции. Так, мегарцы основали к северу от Сиракуз Мегару Гиблейскую, а родосцы и критяне на южном берегу острова — Гелу. Более отсталые аграрные полисы и области Греции предпочли плодородные земли Южной Италии. Здесь в 8 — начале 6 века до н. э. жители из Ахайи (север Пелопоннеса) основали Кротон и прославившийся затем роскошью Сибарис, спартанцы — Тарент, локрийцы — Локры Эпизефирийские. Скоро в Южной Италии появилось так много греческих городов, что эту часть Апеннинского полуострова и Сицилию стали называть Великой Грецией. Особую роль в колонизации греками крайнего запада Средиземноморья сыграла Фокея — полис в малоазийской Ионии, родина многих отличных мореходов. Около 600 г. до н. э. фокейцы основали на южном побережье нынешней Франции колонию Массилия (современный Марсель), ставшую богатым и

процветающим городом. Фокейцы создали ряд своих поселений и на средиземноморском побережье Испании, в том числе и Гавань Менесфея, возникшую за Гибралтарским проливом на берегу уже Атлантического Океана, которая стала самой западной точкой греческой колонизации.

Греки делают предложение фараону от которого невозможно отказаться.

На африканском побережье Средиземного моря возникли две значительные греческие колонии — Навкратис в Египте, на одном из рукавов нильской дельты, и Кирена на побережье Ливии. Когда Египет освободился от ассирийской власти фараон, ища в греках союзников и помощников, предоставил им возможность поселиться в стране. Земля для создания Навкратиса в Египте была выделена фараоном и была ограничена этой территорией, на которой могли селиться и торговать греки, выплачивая ему налог. Поэтому население Навкратиса составляли переселенцы из различных греческих городов. Эта колония не владела сельскохозяйственной территорией, оставаясь чисто торгово-ремесленным поселением, центром ввоза и вывоза самых различных товаров. Вторая колония на африканском побережье Средиземного моря — Кирена была основана в середине 7 в. преимущественно дорийскими городами. В дальнейшем вокруг Кирены образовалось несколько других поселений. Политическое объединение этих поселений во главе с Киреной (так называемое «пятиградие») охватившее целую область — Киренаику, которая славилась

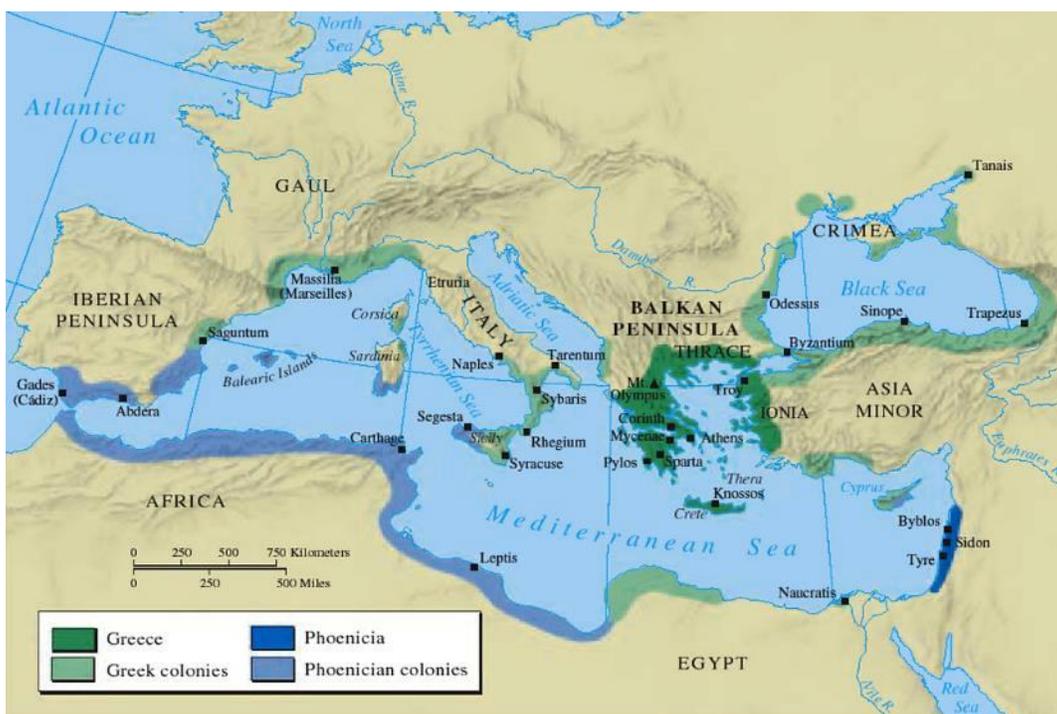

Руины греческого храма в ливийской колонии Кирена.

исключительным плодородием. По некоторым данным в 4 веке до н. э., из Кирена в течение трёх лет вывезли в различные города Греции свыше 40 тыс. тонн зерна.

В конце 8 — начале 7 века до н. э. греки проникают в пролив Геллеспонт (сейчас пролив Дарданеллы) и далее к северу. Здесь первенствующую роль играют полисы островов Восточной Греции (Самос, Хиос, Лесбос) и Малой Азии, (Фокея, Милет, Колофон), а также Мегара, расположенная близ Афин. Вскоре европейские и азиатские берега Дарданеллы и Босфора покрываются сетью эллинских колоний, из которых в будущем особенно прославилась мегарская колония Византий, расположенная в начале пролива Босфор, ведущего в Черное море. Ираноязычные скифы из прибрежных районов Черного моря, называли это море Ахшайна «Темное». Греки восприняли это название как Аксинский Понт — «Негостеприимное море». Отсутствие сплошной цепи островов, столь облегчающей путешествия в Эгейском море, ветры и частые бури, укрепляли эллинов в представлении о негостеприимности черноморских вод. Веря в магию имен, они считали, что такое название не сулит им ничего хорошего. Однако они скоро убедились в богатствах этих вод и побережья. Поэтому они переменили местное название на новое — Эвксинский Понт — «Гостеприимное море», и под этим именем оно и вошло в историю древнего мира.

Всего эллинскими полисами было создано несколько сот колоний в основном вдоль побережья двух морей: Средиземного и Чёрного, на территории 14 нынешних стран включая Египет (1) (здесь и далее в скобках указано количество колоний в стране), Ливия (8), Испания (13), Франция (10), Италия (68), Хорватия (11), Монтенегро (1), Албания (14), Сербия (1), Северная Македония (2), Болгария (14), Румыния (6), Украина (18), Россия (7), Грузия (6), Турция (110).

© 2005 Wadsworth - Thomson

Понт Эвксинский. Немного подробнее остановимся на колониях вокруг Чёрного моря поскольку именно они впоследствии вошли в состав Понтийского Царства. Интересно, что несмотря на относительную близость к греческим метрополиям заселение и освоение греками черноморских берегов выпадает на самый конец «великой колонизации». Возможно, это связано с представлениями древних греков о мире.

Представления древних греков о земле.

В тогдашних представлениях людей древних мир был окружен со всех сторон водным пространством, называемым океаном. Он представляется по-разному: это или бесконечное море, или река, которая обтекает Землю со всех сторон. В то время (до 8 века до н. э.) грекам было известно западное побережье Чёрного моря (территория современной Болгарии), которое было заселено фракийцами, непосредственными соседями греков с севера. Можно предположить, что грекам было отчасти известно южное побережье Чёрного моря,

потому что они с древности имели контакты с народами Анатолии. Но, по-видимому, они считали, что как Северного так и Восточного Причерноморья просто не существует. По их представлению, на этих территориях расстился безбрежный океан. И связаны такие географические представления, по всей вероятности, были с тем, что в Чёрном море практически нет островов. Если через какое-то время отправляясь в плавание на север они не находили землю, то думали, что это предел и дальше находится только океан. Тем не менее, как минимум три факта (мифы о Прометее, Ифигении и Аргонавтах) указывают на то, что про восточное побережье им всё-таки что-то было известно (главное непонятно откуда).

Первый – это миф о *Прометее*. Выше мы уже встречались с этим порядочным титаном, который вылепил людей из глины и воды и украл для них огонь с Олимпа. Последним своим деянием он привёл в ярость злобного тирана-громовержца *Зевса* и тот приказал приковать его к скале в Кавказских горах.

Второй факт – это офигительный миф об *Ифигении*. Один из греческих предводителей похода на Трою микенский царь *Агамемнон* устроил randevu в беотийской бухте, где перед отплытием сдуру оскорбил *Артемиду* (богиню охоты и женского целомудрия), убив на охоте посвященную ей лань. Богиня в отместку на *Агамемнона*, а также за то, что его батяня *Атрей* не принес ей в жертву золотого ягнёнка наслала полное безветрие, из-за чего флот греков не мог двинуться в путь. Тогда чтобы уладить конфликт

позвали прорицателя *Калханта*. Переговорив с богиней, он объявил, что она может быть умилостивлена только принесением ей в жертву *Ифигении*, самой красивой из дочерей *Агамемнона*. *Агамемнон*, по настоянию всей военной братвы и его брательника *Менелая* (у того, у которого троянцы увели жену пока он был в командировке на Крите и якобы из-за чего весь сыр-бор с троянской войной нарисовался), должен был согласиться на это. Коварный *Одиссей* смотался к мамане *Ифигении* и наврал ей с три короба о том, что её муж *Агамемнон* собирается выдать замуж их дочь за мечту всех древнегреческих девиц – красавчика *Ахилла*. Одурев от счастья *Ифигения* бегала по потолку и стенам дворца, часами прыгала по кровати заливаясь слезами от счастья, лихорадочно примеряла туники и сандалии, и потом кокетливо сказала: «что ей надо ещё подумать».

- Чего тут думать-то, - заорала очумевшая маманя. - Быстро в дорогу.

Когда они прибыли к отцу, там всё уже было готово для праздника «чёрной мессы». Можете себе представить недоумение невесты и её мамыши. Первая, от такого поворота и несправедливости жизни лишилась чувств, а вторая вошла в депрессивный ступор. Видя такое дело, *Артемида* сжалилась и в самый момент заклания заменила *Ифигению* козой, а её похитила и на облаке унесла в Тавриду.

Ифигения в Тавриде. В Серов. 1893.

В Тавриде *Ифигения* стала жрицей *Артемиды* и с превеликим удовольствием умерщвляла перед её алтарем странников, заносимых туда бурей. Так вот, нам, в данном случае, надо обратить внимание только на месторасположение Тавриды. Так эллины в древние времена называли южный берег Крыма, а впоследствии и весь Крым.

И наконец третий факт – это всем известный миф о аргонавтах. Миф этот довольно длинный и противоречивый, так что я постараюсь как можно покороче (поверьте это

действительно вкратце) напомнить вам его суть. Жил-был один сбрендивший греческий царь *Афамант*, который решил сковать себя узами брака не с кем иным, как с богиней туч и облаков - *Нефелой*. Та же в это время находилась в поисках развлечений и когда царь предложил ей руку и сердце, она согласилась. Через некоторое время «облачко» родила сына *Фрикса* и дочь *Геллу*. Однако жить с «ветренным облачком» оказалось не сахар, и он, конечно же от отчаяния, изменил жене со стервозной красоткой *Иной*, на которой потом женился. Новая жена жутко ненавидела детей *Нефелы* и всячески изводила бедных детишек. Однажды, когда страшная засуха произвела во владениях *Афаманта* неурожай, *Ино* посредством обмана убедила его, что боги повелевают для прекращения засухи принести *Фрикса* в жертву. Безвольный *Афамант* уже было согласился, но об этом прослышала *Нефела* и выслала на подмогу своим детишкам «ковёр-самолет» в виде барана с золотистой шерстью (руном). Дети забрались на барана и улетели. Однако, пролетая над проливом *Гелла* упала с барана и утонула; этот пролив был после того назван её именем Геллеспонт (морем Геллы). В настоящее время он называется Дарданеллами. *Фрикс* прилетел в «страну Солнца» Эю, которая располагалась в далёкой Колхиде. Вот мы и дошли до сути: Колхида - это местность на северо-востоке Чёрного моря, ныне Грузия.

Но, я чувствую, что надо всё-таки закончить рассказ про золотое руно. Так вот, когда *Фрикс* приземлился в Колхиде, он в благодарность и по древнегреческой доброте душевной зарезал барана и принес его в жертву великому тучеразгонителю и громовержцу *Зевсу*. Потом он содрал с барана шкуру и повесил её в священной роще Ареса, а дракон, дышащий огнем и никогда не спящий, приступил к её охране. Суеверные колхидские аборигены считали, что шкура барана приносит им богатство и прочие радости жизни, судача об этом на каждом углу.

Слухи о чудодейственном золотом руно дошли до греков, и они конечно же

Арго. Парус над тобой, поднятый судьбой, это флаг разлуки, странствий знамя вечное!..

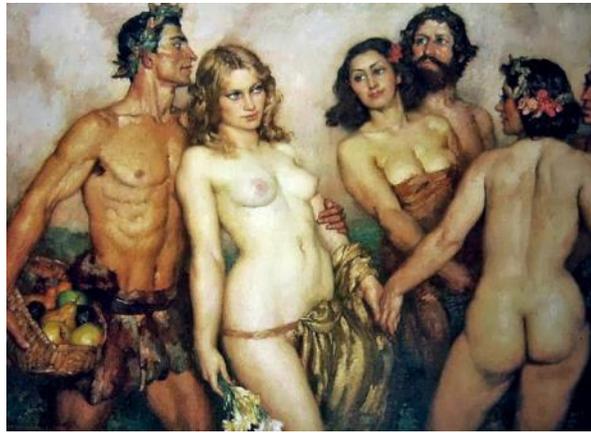
возжелали иметь эту шкуру. Под предводительством *Ясона* собрались все самые крутые братки воители того времени. Кого только не было среди них: и сыновья великого *Зевса* *Кастор* и *Поллидевк* со своими верными друзьями собутыльниками *Идасом* и *Линкеем*, и ещё один его сын *Геракл* - самый мощный качок того времени, и любимец Афин могучий *Тесей*. Среди героев был и рок-звезда певец *Орфей*. Никогда еще не видала Греция такого собрания героев. Могучие и прекрасные как

боги они привлекали восторженные взоры всех жителей Эллады. Да уж, «горячий был народ на пароходе». Какие преграды могли остановить их, кто мог им противиться, что могло их утратить? И корабль у них был не дырявое корыто какое-то. Самый искусный мастер *Арг*, под присмотром богинь *Афины* и *Геры* выстроил для них корабль *Арго*, на котором они отплыли на гастроли в Колхиду.

Прощай любимый город, уходим завтра в море...

Первую остановку в пути аргонавты сделали на острове Лемнос, на котором до этого обезумевшие женщины во главе с царицей Гипсипилой перебили за измены всех своих мужей. Увидев аргонавтов, изголодавшие лемнианки захотели оставить их у себя.

Аргонаты на Лемносе. Норман Линдсей, 1931.

Слабохарактерные герои на время предались с женщинами пирам и забавам, однако

Геракл (в центре) стыдит развратников аргонавтов, призывая их вернуться к плаванию.

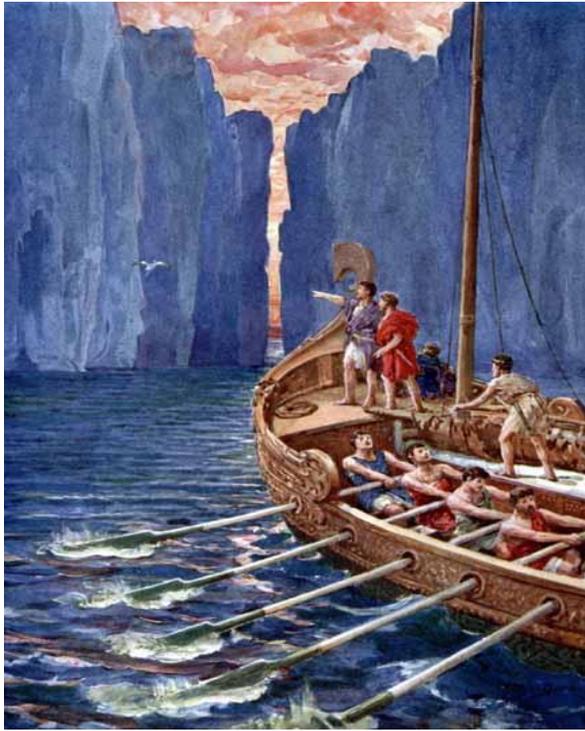
целомудренный Геракл горькими упреками заставил их вспомнить о цели похода. Не без печали покинув Лемнос, аргонавты отправились в дальнейший путь и вскоре прибыли на полуостров Кизик в Пропонтиде (Мраморном море). Там их радушно принял местный царь, а *Ясон* и его спутники помогли ему в борьбе с жившими по соседству злобными шестирукими великанами. Отпраздновав как положено победу и не потрудившись опохмелиться на следующий день, аргонавты отплыли от Кизика и попали в бурю, которая ночью пригнала *Арго* обратно на тот же полуостров. Не полностью протрезвевшие

кизикийцы во тьме приняли аргонавтов за врагов и вступили с ними в битву. Во время битвы *Ясон* по ошибке убил царя Кизика, но наступившее утро принесло всем бойцам горькое раскаяние.

Следующую остановку аргонавты сделали в области Мизии. И пошли первые потери. Там речные нимфы заманили к себе в пучину вод красивого аргонавта *Гиласа*. Пошедший его искать *Геракл* отстал от Арго. Герои пустились в дальнейший путь, поначалу не заметив потери бойца. Потом поднявшийся из глубин морской бог *Главк* объяснил, что *Геракл* разлучён с аргонавтами по воле богов, которые срочно прервали его командировку в Колхиду и предназначили ему совершить двенадцать подвигов на службе у царя *Еврисфея*. Далее, причалив к берегу заpastись водой, аргонавты встретили бывшего царя Фракии *Финея*, прорицателя, ослеплённого богами за то, что он слишком часто открывал вещи тайны людям. Мстительные боги наслали на его дом хищных полудев-полуптиц – гарпий, которые отнимали у несчастного пищу, заставляя его голодать. Но у аргонавтов были свои военно-воздушные силы в виде крылатых героев *Зета* и *Калаида*, которые атаковали в воздухе гарпий и прогнали их.

Смертельный бой аргонавтов с воровками гарпиями.

Герои и Симплегады. Говард Дейв. 1900.

В благодарность за спасение *Финей* открыл аргонавтам способ пройти между сходящимися скалами Симплегадами (самое узкое место в Босфорском проливе) и поведал, что добыть золотое руно им поможет богиня любви *Афродита*. Подплыв к коварным скалам, которые то расходились, то сходились и сталкиваясь друг с другом топили все корабли, которые пытались пройти между ними, аргонавты, следуя совету *Финей*, вначале пустили между Симплегадами голубя. Голубь успел пролететь так, что скалы вырвали у него лишь кончик хвоста. И тогда, в момент, когда Симплегады вновь разошлись, *Арго* проскользнул между ними. Столкнувшиеся позади корабля скалы раздробили у него только конец руля.

Некоторое время спустя аргонавты встретили сыновей унесённого из Эллады золаторунным бараном *Фрикса*. Тех неистово рвало на неизвестную им родину, и они покинули Колхиду, однако в дороге потерпели кораблекрушение. Детишки присоединились к аргонавтам и рассказали им о злобном нраве обладателя золотого руна – колхидского царя *Эта*.

Тут надо бы сделать несколько замечаний. Царь хоть и был грузинский, но, несомненно, с эллинскими корнями («Грузин не знал, что он грузин... - Ему не сообщили? - Сообщили, но поздно. Он уже был Авас!» М. Жванецкий). Во-первых, его родители *Гелиос* (в греческой мифологии бог солнца) и *Персеида* (дочь греческого титана *Океана*); во-вторых, он поклонялся *Зевсу*; в-третьих, у него было поле греческого бога войны - *Ареса*.

Когда аргонавты прибыли в Колхиду, великая богиня *Гера* и богиня *Афина* пришли к богине любви *Афродите*. Они просили ее, чтобы *Афродита* повелела сыну своему *Эроту* пронзить золотой стрелой сердце *Медеи*, дочери *Эта*, и внушить ей неземную любовь к *Ясону*. Богини-пройдохи знали, что одна лишь волшебница *Медея* может помочь *Ясону* в его опасном подвиге. Когда рано утром аргонавты проснулись они решили, что *Ясон* должен вызвать царя *Эту* на стрелку, где он попытается отжать руно без драки, если же откажет гордый царь, то только тогда прибегнуть к угрозам, шантажу, паяльнику и побоям. Делать было нечего, решение уважаемых людей – закон, и вождь аргонавтов пошёл с сыновьями *Фрикса* к *Эту*. Он предложил обмен: золотое руно на обещание

Жан-Франсуа де Труа. Ясон и Медея. 1742.

сослужить взамен любую службу. Ээт офигел от этой просьбы и дал Ясону невыполнимое задание: запрячь царских огнедышащих быков в плуг, распахать на нём поле бога войны Ареса, засеять его зубами дракона и перебить закованных в броню ратников, которые вырастут из этих зубов.

«Это конец», - подумал Ясон. «И зачем мне это надо было?»

Жан-Франсуа де Труа. Ясон запрягает быков. 1742.

Но, пораженная уже стрелой *Эрота*, влюблённая *Медея* заранее вызвала вождя аргонавтов на тайное романтическое свидание в храм богини колдовства *Гекаты*. Там она дала ему чудесную мазь, которая делала человека неуязвимым. *Ясон* ответил многократной взаимностью на любовь *Медеи* и предложил ей бросить всё к чёртовой матери и уплыть вместе с аргонавтами в Грецию.

«Нет, без приданного (золотого руна) я не поеду», - охладила его пыл расчётливая мадмуазель.

Наутро *Ясон* получил от *Эта* зубы дракона, натерся мазью *Медеи* и пошёл на поле *Ареса*. Выпущенные из пещеры огнедышащие быки бросились на *Ясона* и едва не убили его. Но смелый тореадор с помощью аргонавтов *Кастора* и *Полидевка* умирил быков, запряг их в плуг, вспахал священное поле и засеял его зубами. Из земли выросли воины в латах. По совету, данному прежде *Медеей*, *Ясон* зашвырнул в их толпу камень. Обвиняя в этом броске друг друга, придурковатые воины завязали между собой кровавую битву. Немногих уцелевших в ней добил бросившийся с мечом в толпу *Ясон*.

Аннибале Карраччи. Ясон и золотое руно. 1583.

Ожидавший гибели *Ясона* *Эт* был поражён тем, что аргонавт выполнил его задание. Но коварный царь всё равно не хотел отдавать золотое руно и, наверное, догадался, что *Ясон* получил помощь от его бесстыжей доченьки *Медеи*. Поняв, что и ей, и аргонавтам грозит смерть, *Медея* той же ночью вызвала *Ясона* на новое романтическое свидание и, уже потом, повела его похищать золотое руно. Заклинаниями и колдовскими зельями *Медея*

усыпила старого доходягу дракона-сторожа. *Ясон* снял руно с дерева и вместе с *Медеей* и аргонавтами тут же дал дёру из Колхиды на родину.

Узнав о похищении ценной шкуры, *Эт* снарядил за Арго погоню во главе со своим сыном, *Ансиртом*. Ополоумевшая на любовной почве *Медея* хитростью заманила и убила своего брата и разрубил его тело на куски. И пока её батя *Эт* собирал сына по кускам, чтобы его достойно похоронить, аргонавты уже оторвались от преследователей.

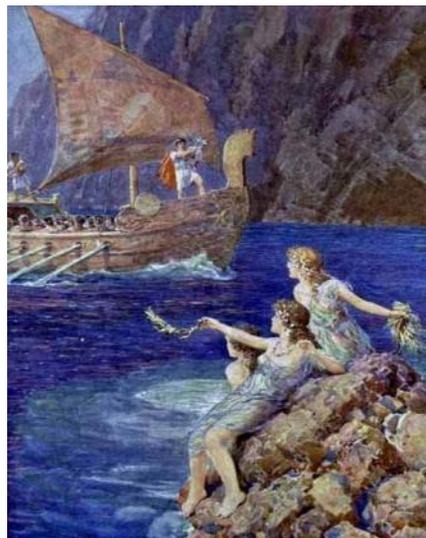
Боги же, офигев от такого вероломства и предательства, единогласно решили наслать на аргонавтов ужасную бурю, грозившую им гибелью. И тогда раздался голос из одной доски корабля:

- Поворачивайте на север, сукины дети, и плывите к острову волшебницы *Кирки*, где *Ясон* и *Медея* должны будут пройти обряд очищения от скверны своего греха.

Делать нечего, пришлось с неохотой подчиниться. После долгого плавания по Дунаю аргонавты вышли с противоположной стороны Италии в Тирренское море. *Кирка* совершила очистительные обряды над *Ясоном* и *Медеей*, и отправила их в Элладу. Но Арго ждало впереди ещё много приключений. Аргонавтам пришлось проплыть между знаменитыми морскими чудищами-людоедами *Сциллой* и *Харибдой*. Потом они

Между Сциллой и Харибдой.

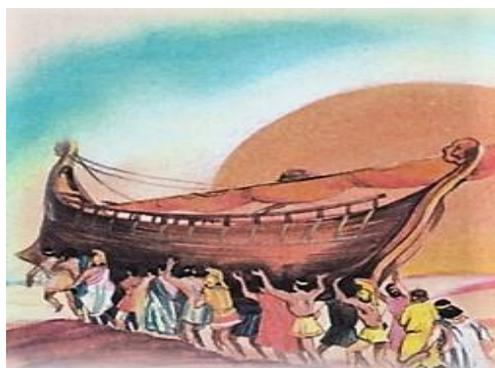

Орфей переигрывает Сирен.

проследовали мимо острова сирен, привлекавших моряков сладким пением, а потом их убивавших. Миновать Сирен аргонавтам помог *Орфей*, он так вдарил по струнам, так душевно слабал, что весь пароход залился горючими слезами. *Орфей* так пел о преданности аргонавтов своей родине и женам, что они зарыдали в голос заглушая жалобное завывание сирен. Таким образом, его чудесная музыка победила чары песен сирен и они успешно миновали и эту ловушку. Затем Арго подошёл к ужасному водовороту *Планктам*, который

поднимал в узком проливе волны, доходившие до верха окружавших его скал. Пройти через Планкты аргонавтам помогла богиня *Гера*.

И вот, когда Арго уже подходил к берегу Пелопоннеса, страшный вихрь понёс его назад в открытое море и забросил в непроходимый из-за густых водорослей залив у пустынного берега Ливии. Выбраться из этого залива было невозможно. Аргонавты уже впали в отчаяние, но нимфы открыли *Ясону*, что ему и его спутникам надо перенести Арго

Париж-Дакар по-древнегречески.

на плечах через всю Ливийскую пустыню, на другой конец Африки. Практически путь гонки «Париж-Дакар». Двенадцать дней аргонавты брели по песку с кораблём на спинах, пока не достигли самого края света - страны Гесперид, где, пройдя ещё через пару-тройку испытаний нашли выход к морю и через какое-то время прибыли таки домой. Так и закончилась история о заезжих греческих гастролёрах из группировки «Аргонавты» в Колхиде, хотя напасти для *Ясона* и *Медеи* были ещё впереди. Но это уже совсем другая история.

Полная маршрут-схема вояжа Аргонавтов. Зеленая – туда, оранжевая – обратно.

Таким образом, эти мифы говорят нам, что эллины всё же были в курсе про Кавказ (кстати это греческое название), про Крым (Тавриду) и про грузинскую Колхиду ещё перед тем, как основывать там колонии.

Вернёмся ещё раз к главным греческим колониям в проливах Дарданеллы и Босфор и на побережье Мраморного моря. Сразу после входа в пролив Дарданеллы со стороны Эгейского моря расположены две стратегические греческие колонии: на правом фракийском берегу колония Сест – основанная эолянами и прямо напротив на левом берегу в Мизии ионическая колония Абидос. Между городами около 2 километров. Такая близость послужила тому, что во время греко-персидских войн между этими городами царь Ксеркс для переправы своих несметных полчищ построил мост. Далее на малоазиатском берегу Мраморного моря ионийцами была основана большая сельскохозяйственная колония Кизик. И наконец, на выходе в Чёрное море расположились два очень важных в стратегическом плане полиса, основанные дорийцами: с азиатской части Халкидон, а с европейской легендарный Византий.

Византий был основан в 659 г. до н. э. выходцами из Мегары, но впоследствии в него переселилось много афинян и милетцев. Находясь на границе двух частей света у слияния двух морей – Византий обладал такими естественными преимуществами, какие едва ли имел или имеет какой-нибудь другой город на свете. Он был окружен плодородными полями, омывался морем, изобилующим рыбой и имел превосходную гавань. Колония полис Византий была разрушена два раза: за пятьсот лет до н. э. персами, во время правления *Дария I*, и в 196 г. н. э. римским императором *Септимием Севером*. Со

времени его основания до наших дней, он осаждался 29 раз и 8 раз был взят неприятелем. В первой половине 4 века Константин Великий сделал Византий столицей Римской империи. С тех пор эта греческая колония стала называться Константинополем.

Эти два дорийских полиса в архейское время контролировали пролив. По легенде, Босфор своё название получил благодаря дочери одного аргивского царя - прекрасной возлюбленной *Зевса* по имени *Ио*. Она была превращена им в белую корову (ну и хам же был громовержец), чтобы избежать гнева его жены *Геры*, которая их застукала вместе. Несчастная *Ио* избрала водный путь к спасению, нырнув в синеву пролива, который с тех пор и называется "коровьим бродом" или Босфором. Древние греки также называли пролив "Боспором Фракийским", чтобы отличать от "Боспора Киммерийского" (современное название - Керченского пролива).

Дальше колонии эллинов расходятся по левому и правому берегу Чёрного моря и в подавляющем своём большинстве они были основаны выходцами из метрополии Милет. Сам город-колония Милет был основан ионийцами, которые бежали в Малую Азию во время вторжения дорийцев на Пелопоннес.

Реконструкция Милета.

Этот город-полис был в то время самой богатой и могущественной из всех колоний. Он достиг такого могущества, что имел от восьмидесяти до ста военных кораблей. В Милете были сильно развиты промышленная деятельность и овцеводство. Его

превосходные ковры и ткани славились во всем древнем мире. Торговое влияние греков Милета простиралось в одну сторону до внутренней Азии, в другую до Гибралтарского пролива, но главным его рынком были побережья Черного моря. Вблизи города находился усердно посещавшийся греками чрезвычайно древний храм Аполлона, со знаменитым

Милет. Храм в котором работал прорицатель.

оракулом, который давал предсказания на плавание. В этом храме был настоящий штаб колонистов куда стекались сведения о всех географических открытиях. Перед походом предводитель будущей колонии спрашивал совет у оракула. Иногда оракул не советовал плыть, тогда через какое-то время предводитель приходил опять и так до тех пор, пока не получал благоприятный прогноз. Милет был

родиной философа и математика *Фалеса*, а также ученых *Анаксимандра* и *Анаксимена*.

Именно выходцы из Милета основали одну из самых важных колоний на южном берегу Чёрного моря – город-полис Синопа. Эта колония возникла в 812 г. до н. э. на месте туземного поселения, на берегу лучшей на южном побережье бухты. Отсюда шла древняя дорога внутрь страны, в Сарды и Вавилон. Местное население — племя халибов — издавна славилось выделкой железа, приближавшегося по своим качествам к стали. Благодаря удобному положению и двум гаваням Синопа вскоре стала богатым торговым городом и даже метрополией для многих черноморских городов включая Трапезунд.

Одним из известных исторических личностей родившихся в Синопе был философ *Диоген*. Человек он был довольно странным, но что-то в его размышлениях есть, о чем следует задуматься. Я бы назвал его самым великим пофигистом в мире. Давайте немного познакомимся с ним. Ещё в юности *Диоген* каким-то образом получил пророчество от дельфийской пифии «переоценивать ценности», которое вначале принял буквально и стал фальшивомонетчиком. После того как его уличили, *Диоген* был вынужден бежать из родного Синопа в Афины. Сбегая, он прихватил с собой одного раба по имени *Манес*, который по прибытию в Афины сразу от него сбежал. Когда к *Диогену* обратились с предложением найти беглеца, *Диоген* ответил: «Позорно, что *Манес* без *Диогена* может жить, а *Диоген* без *Манеса* не может». В Афинах он примкнул к философской школе киников. Своим аскетизмом и эксцентричностью он превзошёл всех остальных философов

Древней Греции. В Афинах он получил прозвище «собака». В этом эпитете одновременно присутствовали как презрительный, осуждающий оттенок, связанный с бесстыдством, назойливостью, наглостью и бродяжничеством, так и предмет гордости кинических философов — верность, близость к природе, открытость. Однажды несколько горожан кинули ему, как собаке, кость и хотели заставить грызть ее. Однако результата они предсказать не могли – подобно собаке, *Диоген* отомстил задирам и обидчикам, помочившись на них.

Диоген был беден, поэтому купить жильё или хотя бы снимать что-то он не мог. Но это не стало для него проблемой. Недалеко от центральной площади *Диоген* нашёл старый пифос – большую глиняную бочку, в которой греки хранили продукты, чтобы те не пропали (античная версия холодильника), в которой и стал жить, что послужило основой для выражения «бочка *Диогена*».

Однажды в Коринф, где в то время жил *Диоген*, приехал *Александр Македонский*. К нему на аудиенцию просились многие политики и философы. *Александр* предполагал, что среди прочих его посетит и *Диоген*. Однако философа нисколько не интересовало присутствие в городе царя. Тогда царь решил посетить *Диогена* сам. В это время тот разлёгся и грелся на солнце. Слегка приподнявшись при виде множества приближающихся

Александр Великий посещает Диогена. И.Ф. Тупылев. 1787.

людей, *Диоген* пристально посмотрел на *Александра*. Царь сказал: «Проси у меня, чего хочешь», на что *Диоген* ответил: «Отойди чуть в сторону, не заслоняй мне солнца». Царь

был настолько поражён гордостью и величием философа, который отнёсся к нему с таким пренебрежением, что на обратном пути сказал: «Если бы я не был Александром, я хотел бы быть Диогеном»¹³.

Однако аскетизм *Диогена* не предполагал самоистязания и отказа от всех житейских благ, он отрёкся только от тех потребностей, которые требовали отказа от свободной жизни. Он мог посещать богатых людей и участвовать в их пирах, при этом он легко мог оскорбить хозяина своим непристойным поведением. *Диоген* утверждал, что мудрецам «можно всё то же, что и остальным людям». По легенде своим вниманием *Диогена* одаривали даже самые известные афинские гетеры *Лауса* и *Фрина*. Одновременно с аскетизмом *Диоген* отвергал понятия брака, отечества, первым введя в обиход слово «космополит», презирал условности.

Античные источники приводят множество историй о взаимоотношениях *Диогена* и *Платона*. Платон часто дискутировал с

Фрина. Франческо Барзаги. 1868.

Диоген. Копия моего зятя Александра, пращуря которого вполне могли быть из Синопа. Похож как две капли воды с той лишь разницей, что мой зять приверженец другого философского направления.

другими мыслителями, но перед *Диогеном* он зачастую оказывался бессилён. Однажды, когда *Диоген* мыл овощи, *Платон* сказал ему шёпотом: «Если бы ты служил Дионисию, не пришлось бы тебе мыть овощи», намекая на возможность стать богатым при дворе тирана Сиракуз, который «собирал» при дворе таланты Эллады. *Диоген* также шёпотом ответил: «А если бы ты умел мыть себе овощи, не пришлось бы тебе служить Дионисию».

После долгого пребывания в Афинах *Диоген* начал странствовать по Греции. Во время одной из поездок его захватили пираты и продали в рабство коринфянину *Ксеаниду*, который поставил его наставником своих детей. Стоит отметить, что учителем *Диоген* был хорошим – помимо верховой езды, метания дротиков, истории и греческой литературы, философ научил детей *Ксеанида* питаться и одеваться скромно, а также заниматься физическими упражнениями для поддержания своей физической формы и здоровья. Ученики и знакомые предлагали философу выкупить его из рабства, но он

отказывался, утверждая, что так якобы иллюстрирует тот факт, что даже в рабстве он может быть «господином своего господина». На деле же *Диоген*, наверное, радовался крыше над головой и регулярному питанию.

Обстоятельства смерти философа очень противоречивы (отравился сырым осьминогом; заболел холерой; задержал дыхание и умер от удушья; искусан собаками; дошёл до реки, упал и попросил рядом находящегося сторожа после смерти сбросить его тело в воду). Как бы то ни было, *Диогена* похоронили в Коринфе и на его могиле поставили мраморную колонну с фигурой собаки.

Греческие колонии южного берега Чёрного моря быстро богатели. Это стимулировало греков основывать поселения на его западном и на северном берегах. Особенно их привлекали плодородные равнинные земли, расположенные в устьях широких рек. Главное, что их привлекало на западной части Чёрного моря – это металлы и рыба. Греки вывозили из этих колоний в сирийские и малоазийские города огромное количество вяленой рыбы, которая стала там одним из главных видов торгового дохода.

В дельте Дуная они основали колонии Истр (ныне Констанца, Румыния), Томы, Одесс (ныне Варна, Болгария); немного севернее, в богатом рыбою лимане Днестра – Тирас (нынешний Аккерман или Белгород-Днестровский). Ещё севернее- там, где сближаются низовья Буга (Гипаниса) и Днепра (Борисфена), в которых много очень хорошей рыбы (было), греки среди роскошных нив и лугов основали Ольвию («Город Изобилия»). Город

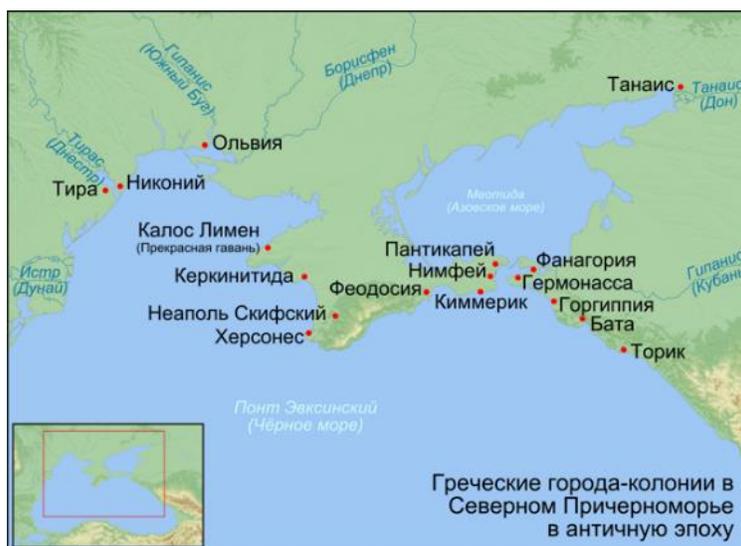
занимал площадь около 50 гектаров и представлял собой важный центр торговли, рыболовства и работорговли. Численность его населения предположительно достигала 15 тысяч человек. Для удобства торговли Ольвия выпускала собственные монеты в виде

Руины колонии Ольвия.

дельфинов — в основном медные и серебряные, реже — золотые.

Второй областью колонизации в северном Причерноморье был полуостров Крым. Там колонии чётко делятся на две группы: восточные и западные. На западе Крыма на гераклийском полуострове был основан легендарный город Херсонес (ныне Севастополь). Херсонес — это единственный античный полис Северного Причерноморья, в котором городская жизнь непрерывно поддерживалась вплоть до конца 14 века н. э. Основан этот город был дорийцами, выходцами из Гераклии понтийской (колонии на южном берегу

Чёрного моря). Гераклийский полуостров очень выгодно расположен с точки зрения природной защиты. Горы полностью закрывают доступ к полуострову со стороны материка. Весь Гераклийский полуостров был поделён на ровную сетку из наделов для

Руины Херсонеса.

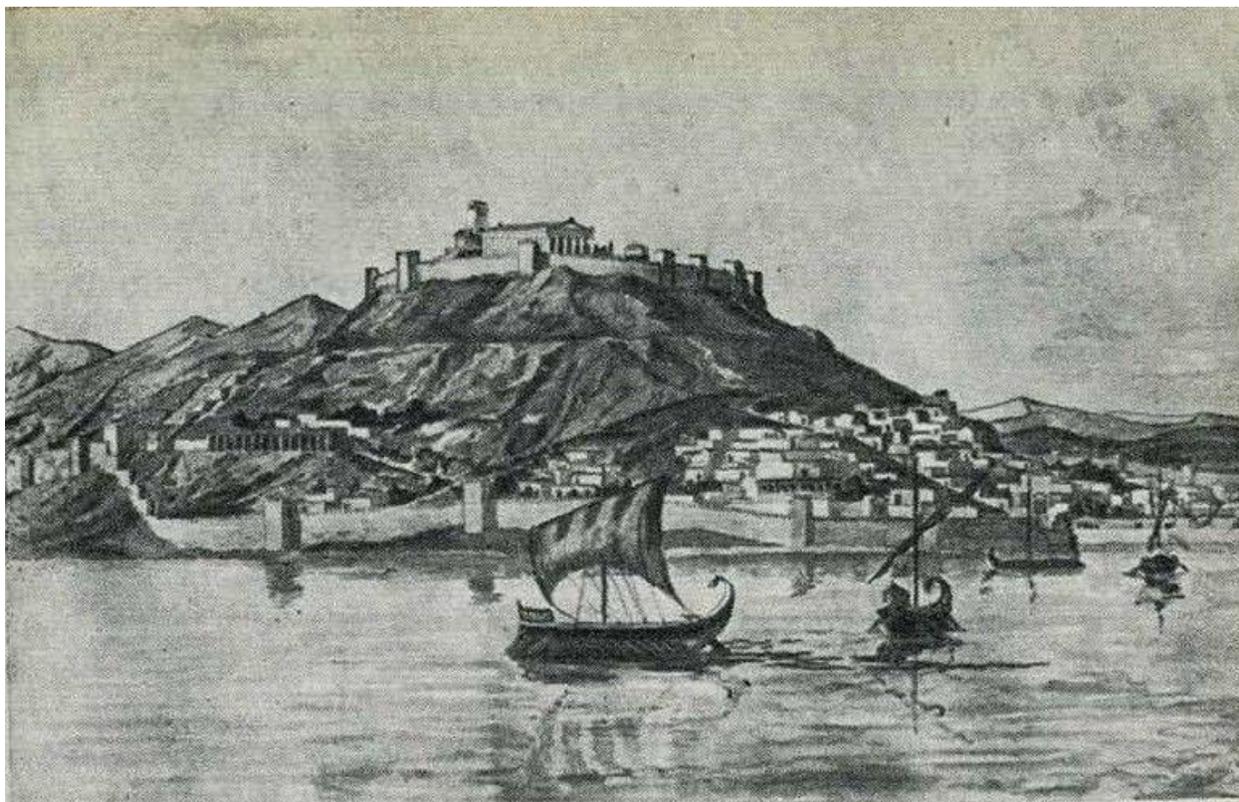
граждан. Между наделами, или клерами, были разбиты дороги. Выращивались, главным образом, виноград и злаковые. Будучи демократическим полисом, Херсонес принимал активное участие в общегреческих праздниках, спортивных состязаниях, вёл активную внешнюю политику.

Самый крупный колонизированный участок находился в восточной части Крыма и на Таманском полуострове. Скалистые берега и дикие нравы населения Крыма долго

казались грекам опасными, но наконец они построили на восточном его берегу колонию Феодосию, а у входа в Азовское море на таврическом берегу Пантикапей (Керчь) с крепким

акрополем (столица Боспорского царства, с которым мы познакомимся ниже). Появившись в Пантикапее, греки из Милета вступили в переговоры со скифским царем, который выделил им землю для основания колонии. В раннюю эпоху Пантикапей был окружен скифскими владениями, что заставляло осваивать лишь небольшой клочок земли на склонах и у подножия горы Митридат. В самом начале 5 века до н. э. на возвышенности Пантикапея возник ряд построек общественного назначения и мощная оборонительная стена, защищавшая центральную часть города.

Пантикапей (будущая Керчь). Зарисовка.

На другом берегу керченского пролива, (называвшегося тогда Боспором Киммерийским), в устье реки Кубань, они основали колонии Фанагория и Гермонасса.

Греческие колонисты даже проникли из Чёрного моря в Азовское и в устье Дона и основали там колонию Танаис. А уже переселенцы из Танаиса двинулись в глубину страны и для облегчения торговли с кочевниками построили фактории Наварис и Экснополь.

И наконец, милетяне основали поселения и на восточном берегу Черного моря в стране воинственных племен Кавказа (на территории современной Грузии). Они построили там города Фасис (Поти), Пителинд (Пицунду) и Диоскуриаду (Сухуми), ставшие рынками товаров внутренней части Азии.

Во все эти колонии шли большие караваны из дальних стран: в Ольвию и Танаис они везли продукты Урала и Сибири; в Фасис и Диоскуриаду металлы из Армении и драгоценные камни, жемчуг, шелк, слоновую кость из южной Азии.

Реконструкция греческой колонии.

Одной из особенностей греческих колоний на Чёрном море было их соседство с дикими кочевыми скифскими племенами («...соседство с галактикой Кин-дза-дза - наша беда. Они снедаемы страстями. Порочными...»). Отношения с местными аборигенами складывались по-разному. Контакты, которые основывались на взаимовыгодном экономическом сотрудничестве, устанавливались довольно редко. В большинстве своём окружающие племена проявляли враждебность к колонистам. Это приводило к частым войнам, истощавшим обе стороны, которые заставляли колонистов жить в постоянной настороженности.

Скифы и греки.

На Киммерийском Боспоре города, которые вступили в добрососедские отношения с местными племенами (Пантикапей, Нимфей, Фанагория), не испытывали серьезных потрясений, вызванных нападением кочевников-скифов, и быстро набирали влияние как полисные центры, остальные же постепенно угасали. Так, например на рубеже 4—5 веков до н. э. сложилась ситуация, когда Пантикапей стал ведущим полисом Северного Причерноморья с последующим становлением — метрополии городов Боспора в Боспорское царство.

Глава 3. «Понт, понтийцы и понты».

Примерно через 300 лет, после того как в 8 веке до н. э. на землю Понта Эвксинского (побережья Чёрного моря) ступили предки понтийских греков - ионийцы, там образовались два царства: Боспорское и Понтийское. Хотя эти царства просуществовали только около пяти веков, сама этническая группа греков понтийцев, жившая на этих территориях, продолжает существовать и поныне.

Боспорское царство образовалось где-то в 480 году до н. э. в результате слияния нескольких греческих полисов, которые располагались на Таманском и Керченском полуостровах. По общепринятой версии, грекам, скорее всего, надоели безобразия периодически чинимые дикими скифами и они решили объединиться с целью предотвратить

грабёж своих поселений. По другой версии, всему виной стала обычная человеческая жадность и тщеславие. Поэтому во главе такого объединения стояли тираны Пантикапея из греческого рода *Археанактидов*, которые узурпировали власть и прибрали к своим рукам большинство эллинских полисов располагавшихся на территории этих полуостровов. Через 42 года на этой территории к власти пришел новый тиран – *Спарток*. Он стал основателем династии Спартокидов, которая правила на Боспоре Киммерийском 330 лет. Спартокиды завершили объединение расположенных на полуостровах греческих полисов в единое государство со столицей в Пантикапее, которое приобрело характер наследственной корпоративной тирании. Как и присуще всем тиранам, Спартокиды начали тиранить соседей «принуждая их к миру». Так они подмяли под себя несколько греческих полисов таких как Нимфей, входивший в Афинский морской союз и Фанагорию, которая получила статус второй («азиатской») столицы царства. Особо сопротивлялся объединению полис Феодосия, метрополией которого, как и Пантикапея, был Милет. Феодосийский крупный порт находился относительно далеко от основных центров государства и пользовался поддержкой Гераклеи Понтийской — города на южном берегу Чёрного моря. Боспорское войско потерпело поражение в немалой мере из-за военных хитростей, применяемых гераклейским стратегом, который высаживал десант непосредственно на территории

Экспансия Боспорского царства

При Археанактидах
 Территория царства к концу V в. до н. э.

При Спартокидах
 Завоевания Левкона I (389-349 до н. э.)
 Завоевания Перисада I (349-310 до н. э.)
 Завоевания Фарнака II (63-47 до н. э.)
 Завоевания Аспурга (8 до н. э. - 37 н. э.)
 Завоевания Котиса I (45-69)

Боспорское царство.

Боспорского царства. Позже и Феодосия пала к ногам тиранов. Затем Спартокиды обратили свои алчные взоры на восточное побережье Керченского пролива, разгромив и покорив всех и всё что находилось по азиатскую сторону. Результатом всех этих завоеваний стало приобретение Спартокидами новых портов и обширных плодородных земель вплоть до современного Новороссийска, а также обладание торговой монополии на хлебный экспорт.

Особые отношения у Боспора (Керчи) были с Херсонесом (Севастополем). Помимо того, что Херсонес был прекрасно расположен и защищён горами и морем, надо принимать во внимание что он был основан гераклийцами, потомками спартанцев. Напугать их было нереально. Завоевать - себе дороже. Только когда Боспорское царство вошло в состав Понтийского Херсонес присоединился к этому союзу на правах независимого города. Здесь уместно напомнить легенду о *Гикее*. в которой наглядно передаётся спартанский дух херсонесцев¹⁴.

Давным-давно, когда цветущим, многолюдным Херсонесом правил первый архонт (высшее должностное лицо в древнегреческих полисах) *Ламах*, у него была прекрасная дочь - *Гикия*. *Ламах* был сказочно богат, имел много золота и серебра, скота и земли. Его большой дом выходил на несколько улиц. В городской стене *Ламах* имел даже отдельные ворота, чтобы многочисленные его стада, возвращаясь с пастбищ, не шли через город, а попадали прямо в загоны, примыкавшие к дому.

Гикия была единственной дочерью *Ламаха*. В Херсонесе, который славился своими риторам и мудрецами, она получила прекрасное образование. Среди девушек города она выделялась красотой и умом и, как истая херсонесистка, она горячо любила свой знаменитый город и мечтала сделать для него что-нибудь выдающееся.

В те времена соседним Боспорским царством правил царь *Асандр*. Он весь извёлся от мыслей о богатстве Херсонеса. Однажды он силой попытался захватить город, но потерпел фиаско. И тогда одержимый *Асандр* решил хитростью овладеть городом. Зная что у *Ламаха* есть дочь, он предложил своего сына ей в мужья в знак вечной дружбы и взаимопонимания. Он надеялся не только пережить *Ламаха*, но и на то, что после смерти херсонесского градоначальника, власть над городом от *Гикии* попадет в руки его сына и тогда все денежки достанутся ему. Царь посвятил сына в свой замысел и тот с удовольствием согласился принять участие в этом постыдном деянии.

Херсонесцы разрешили *Ламаху* брак *Гикии* с сыном *Асандра*, однако они поставили условие, согласно которому после свадьбы муж *Гикии* никогда не должен будет покидать Херсонес, а если он посмеет это сделать, то будет казнен. Боспорцы приняли это условие. Тогда сын *Асандра* женился на *Гикии* и стал дожидаться смерти её отца.

Пламенно и искренне полюбила *Гикия* своего выродка мужа. Он казался скромным человеком и преданным гражданином Херсонеса, не скупящимся на добрые дела. И вот однажды умер-таки *Ламах*. Тогда на совете именитых граждан полиса было решено поставить во главе управления города не мужа *Гикии* и сына *Асандра*, а другого видного херсонесца *Зифа*. Все планы Боспорского царя и его сына по захвату власти и богатства рухнули в одночасье. Но они не отказались от своей сокровенной мечты, а лишь затаились на время и стали ждать удобного случая, чтобы в конце концов осуществить свой подлый замысел.

В первую годовщину смерти отца *Гикия* пожелала почтить его память и с разрешения совета города устроила поминки. Она пригласила к себе многих граждан города и начала раздавать им вино, хлеб, масло, мясо, рыбу, бублики и шоколадные батончики - все, чем были полны кладовые ее зажиточного дома. Все были так довольны поминками, что городские власти разрешили *Гикии* так отмечать ежегодно годовщину смерти отца.

«Вот этим мы и воспользуемся», – подумал муж *Гикии* и для выполнения своего коварного плана послал преданного раба в Пантикапей к отцу чтобы сообщить тому, что пришло время искать путь к богатствам Херсонеса.

Асандр разработал план согласно которому, он стал присылать сыну и невестке подарки. Они морем доставлялись десятком юношей и когда на лодках те входили в бухту города, сын *Асандра* посылал туда за ними лошадей. Через несколько дней гости должны были якобы уезжать. Их отъезд муж *Гикии* приурочивал к позднему вечеру, когда совсем стемнеет. И вот под прикрытием темноты боспорцы отходили на некоторое расстояние от города, а затем сворачивали с дороги и возвращались по тропе к городской стене Херсонеса, туда, где были отдельные ворота дома *Гикии*. В подвалах её дома они и прятались. Сама *Гикия* не подозревала, что творится у нее в доме. Через некоторое время в подвалах её дома скопилось около двухсот боспорских воинов. Сын *Асандра* решил, что в следующий день памяти отца его жены, когда все херсонесцы, как обычно, перепьются и улягутся спать, он выведет спрятанных заговорщиков и совершит свое злое дело. Флот его отца к этому времени был уже готов к нападению на Херсонес. Всё может так бы и произошло, но в дело вмешался этот пресловутый Его Величество случай.

Одна из служанок *Гикии* провинилась перед ней и в наказание была заперта в комнате, находившейся над подвалом, где были собраны боспорские воины. Служанка в одиночестве пряла лён и нечаянно уронила пряслице, которое покатилося к стене и попало в глубокую щель. Чтобы достать его, девушка приподняла кирпич пола и сквозь отверстие заметила в подземелье вооруженных до зубов мужиков.

– Ничего себе заварушка намечается, - подумала девушка. Взвесив все выгоды и потери, она решила всё же доложить эту новость хозяйке. *Гикия* сразу всё поняла:

– Так этому боспорскому одноклеточному не нужна моя любовь? - догадалась наконец-то она. – Этому паскуднику нужны только мои деньги. И так как она была потомком беспредельщиков-спартанцев и превыше всего ставила интересы своего народа, она нисколько не колеблясь приняла решение уничтожить всех врагов, в том числе и своего благоверного.

Но в её жилах текла и кровь её мудрого отца. Небось какого дурака не назначили бы городом командовать. Да и образование у неё было классическим. Решила она не просто так эту новость рассказать отцам города, а поставила одно условие:

– Вы должны поклясться, что если мое сообщение признают важным, то, когда по мне зазвонит колокол, вы похороните меня в черте города и поставите монумент на моей могиле.

– Да ты сдурела что ли?! - воскликнул удивленный мэр города. У нас тут такая теснота, каждый сантиметр на учёте.

- От «веселого дома» даже отказались, ибо негде ставить. Нет, это решительно невозможно! – поддержали его представители муниципалитета.

– Ах так..., - прошипела *Гикия*.

Тогда она в словесной форме пригрозила кошмарным злом, которое обрушится на город.

После её слов, собравшиеся граждане не на шутку перепугались и поклялись исполнить её условие.

В крайнем случае мы всегда можем сказать, что сообщение «так себе» или вообще передумать после её смерти, - перемигнулись коварные сограждане.

Не подозревающая подвоха удовлетворенная *Гикия* сказала:

– Я открою вам тайну. Мой продажный муж, от отца своего унаследовавший ненависть к нашему городу, тайно провёл в дом множество вооруженных боспорян.

- Как я догадываюсь, они намереваются в день памяти моего отца напасть на нас, сжечь наши дома надругаться над всеми, а потом всех истребить, - продолжала *Гикия*.

Херсонесцы ожидали всего чего угодно, но такого... Они слушали *Гикию*, оцепенев от ужаса. А она всё заводилась и заводилась:

– Они всех вас посадят в сицилийского быка. (Устройство, известное как сицилийский бык, было создано в Древней Греции и представляло собой медного полового внутри быка. С одной стороны находилась дверца, через которую жертву помещали внутрь. Затем под быком разводили огонь и поддерживали его до тех пор, пока металл не раскалялся добела. Крики жертвы усиливались специальной железной конструкцией и звучали как рев быка).

Античный голосовой усилитель. пытка "Сицилийский Бык".

– Они подвергнут вас всех скафизму, – не унималась распоясавшаяся *Гикия*. (Скафизм - этот жестокий вид пытки, впервые появившийся в древней Персии. Её суть заключалась в том, что человека живьём съедали насекомые. Для этого жертву привязывали к стволу дерева или сажали в лодку (в переводе с греческого «скафоз» означает «лодка»), а затем насильно поили молоком и мёдом. Со временем у несчастного начиналась сильная диарея, из-за чего ему приходилось сидеть в своих собственных экскрементах. Вскоре на этот смрад слетались различные насекомые, которые медленно пожирали плоть и откладывали в ней личинки. Человек постепенно погибал от обезвоживания, септического шока или от распространения гангрены. Согласно *Плутарху*, в 401 году до н. э. таким образом был казнён персидский воин *Митридат*, убивший на поле боя *Кира младшего*).

Милый "Скафизм".

– Скоро, скоро подойдет этот жуткий день, – продолжала неистово орать *Гикия*.

– Успокойте кто-нибудь эту дуру. Дайте её валерьянки, – кричали зашуганные жители Херсонеса. – Мы на всё согласны. Где этот твой муж иуда и его каратели?

– Ладно, сделаем так, сказала чуть поостыв *Гикия*. – День поминок мы проведем как обычно, чтобы враги ничего не заподозрили. Вы получите все, чем я обещала угощать вас. Приходите в мой дом и веселитесь. Все, что вы получите ешьте и пейте умеренно, поминайте моего отца, пляшите на улицах, однако об опасности не забывайте. У каждого должны быть припасены хворост и факелы. Когда я знаком покажу вам что надо заканчивать пир, спокойно разойдитесь по домам. Но как только я велю закрыть ворота, вы тотчас высылайте слуг с хворостом и факелами, пусть они обкладывают весь мой дом, все входы и выходы. Чтобы дерево быстрее загорелось, велите обливаться его маслом. Тогда я выйду и вы зажжете хворост, а затем окружите дом и будете следить, чтобы из него никто не ушел живым.

Как и было условлено, в день памяти *Ламаха* население города целый день веселилось на улицах. *Гикия* щедро раздавала вино на пиру в своем доме, часто угощала своего мужа, сама же воздерживалась: она приказала своим рабыням наливать себе воду в чашу пурпурного цвета, из-за чего вода казалась вином.

Когда наступил вечер граждане разошлись по домам, а *Гикия* стала звать мужа отдыхать:

– Иди ко мне мой козлёночек. Забодай меня своими рожками.

Он плотоядно облизнулся и с большой охотой согласился, так как с одной стороны перевозбудился на празднике, а с другой стороны старался не возбудить в ней никаких подозрений. Она также приказала надежным служанкам тайно выносить из дома одежду, золото и драгоценности.

Дождавшись пока всё в доме успокоилось и убедившись, что уснул опьяневший полудурок муж, *Гикия* вышла из спальни, заперла за собой дверь, позвала служанок и вместе с ними оставила двор. На улице она сказала, чтобы подожгли дом со всех сторон. Огонь быстро охватил все здание. Боспорские воины пытались спастись бегством, но их тут же убивали. Они все до единого были истреблены.

Вот так славная *Гикия* избавила родной Херсонес от смертельной опасности, грозившей со стороны Боспорского царства. Благодарные граждане вскоре поставили на главной площади в честь *Гикии* две статуи. Одна изображала ее сообщающей херсонесцам о заговоре мужа, другая - вооруженной, мстящей заговорщикам. На постаментах были высечены надписи, гласившие, что сделала *Гикия* для города.

Через несколько лет мудрая *Гикия* задумала испытать будут ли граждане верны своей клятве похоронить её в черте города. Она сговорилась со своими рабынями, чтобы те разнесли по городу слух о внезапной кончине их госпожи. Печаль охватила население Херсонеса. Народ толпился у дома всеми любимой героини. Ее рабыни и близкие подготавливали тело «умершей» к похоронному обряду.

Старейшины после совещания все же не решились, несмотря на клятву, нарушить древний обычай греков хоронить своих покойников за чертой города и постановили вынести тело *Гикии* за город и там похоронить. Когда похоронная процессия остановилась у раскрытой могилы, *Гикия* поднялась из саркофага и истошно завопила.

– Что, гады, обманули меня!

Тогда пристыженные старейшины опять поклялись исполнить ее желание. Они позволили ей выбрать на территории города место для погребения и отметили его медным позолоченным бюстом. И всякий раз каждый, кто хотел испытать чувство восхищения прекрасным, смахивал пыль с медной таблички на памятнике *Гикии* и читал на ней надпись о смелом ее подвиге.

Олицетворением мощи государства, его политической и экономической зрелости и международного признания стало появление царского «культа личности», связанного с именем боспорского царя *Перисада I*. Как характерно для любого «культа личности», там часто пользовались успехом расследования преступлений против царской власти, к которым относились заговор против жизни светлоголикаго, восстание против царской власти, государственная измена, сношения с политическими эмигрантами. Рассмотрение дел по этим преступлениям начиналось по доносу и влекло за собой смертную казнь с конфискацией имущества осужденного. Всё это очень знакомо.

У *Перисада I* было три сына. Старший (*Сатир*) умный был детина, средний (*Притан*) был и так, и сяк, младший (*Евмел*) вовсе был дурак. Когда отец помер власть перешла старшему сыну – Сатиру. Но младшенький, то ли из-за своих честолюбивых устремлений, то ли по своему скудоумию, воспротивился этому и поднял бунт. *Евмел* собрал всякий слоняющийся по степи сброд в довольно многочисленное войско и пошел с ним на братьев откусывать свой кусок пирога. У братьев тоже оказалось немало

почитателей-прихлебателей, и они совместными усилиями разбили войско *Евмела* где-то в Кубани. Однако, старший из братьев был смертельно ранен и вскоре отошёл в мир иной. Власть по закону перешла к среднему. Воодушевленный происходящим младший отпрыск в конце концов разбил войско своего среднего брата где-то на берегу Азовского моря. После той битвы средний брат *Притан* вступил в мирные переговоры и вынужден был отказаться от царской власти. Ему была сохранена жизнь, однако он вскоре попытался вернуть себе престол, потерпел неудачу, бежал и был убит. После этого события *Евмел* расвирепел до глубины души так, что приказал казнить жен, детей и даже друзей *Сатира* и *Притана*.

К удивлению многих, *Евмел* после узурпации власти стал неплохо править своим царством. Может и совсем не дураком был младший. Он содействовал развитию торговли, особенно с Южным Причерноморьем, имея сильный флот на время очистил Понт (Чёрное море) от пиратов. Он восстановил право на беспошлинную торговлю для Пантикапея. Как свидетельствовал *Диодор Сицилийский* (авторитетный древнегреческий историк), «...он задумал было вообще покорить все племена, окружающие Понт, и скоро привел бы в исполнение свой замысел, если бы скоропостижная смерть не пересекла его жизнь. Однажды возвращаясь домой и спеша к какому-то жертвоприношению, он ехал к дворцу на четверке лошадей; экипаж был четырёхколесный и с крытым верхом; лошади чего-то испугались и понесли, а так как возница не смог удержать вожжей, то *Эвмел*, опасаясь быть сброшенным в обрыв, попытался спрыгнуть с колесницы, но при этом меч его попал в колесо, он был увлечен движением и тут же испустил дух»¹⁵.

Со второй половины 3 века до н. э. начинается упадок Боспора. В стране продолжал править клан Спартокидов, лишь с некоторыми перерывами на междоусобицы и вторжения кочевников, которые сильно усилились к концу 3 века до н. э. Упадок боспорской торговли в конце 2 века до н. э., вызванный изменениями в политической обстановке Греции и Малой Азии, больше не позволял боспорцам держать большую армию наёмников, чем не преминул воспользоваться лихой кочевой люд. Начались крупные набеги в глубь царства и чтобы избежать этой угрозы Спартокиды были вынуждены откупаться, платя дань кочевникам. Чтобы заработать средства на защиту цари обратились к хорошо испытанному методу: усилению в стране эксплуатации зависимых крестьян, что, опять же, как обычно, привело к частым крестьянским погромам и рабским бунтам. В страхе за своё положение боспорская аристократия принудила последних базилиевсов (базилиевс - монарх с наследственной властью в Древней Греции, а также титул византийских императоров) подписать «добровольно-принудительный» договор о присоединение Боспора к Понтийскому царству.

Понтийское царство (предыстория). Изначально располагалось на землях так называемой Северной или Понтийской Каппадокии, непосредственно прилегающих к юго-восточному побережью (Чёрного моря) Понта Эвксинского, отчего государство и получило название Понтийского. Хотя официально считается что оно было провозглашено *Митридатом I* в 281 году до н. э., на самом деле греки уже давно проживали на этой территории, как мы это узнали из предыдущей главы. Кроме того, немало местного народа постоянно стремилось эллинизироваться (т. е. “о-гречиться”), перенимая греческую культуру, религию и язык. Тут, наверное, будет уместно рассказать историю о скитаниях десяти тысяч греческих воинов по среднему востоку и их невероятному возвращении в Элладу через территорию Понта, где они встретили тогда своих сородичей. История нам эта доподлинно известна благодаря тому, что одним из военачальников у этих «архаровцев» был известный греческий писатель и историк *Ксенофонт*, который, собственно, и описал весь поход-восхождение (по-гречески: Анабасис) во всех красках и подробностях. Надо отметить, что несмотря на то, что не прошло и 50 лет с тех пор как греки закончили последнюю войну с персами, они уже нанимаются воевать за одного из персидских царей *Кира младшего*. В те времена вообще все постоянно воевали друг с другом. Различные военные союзы заключались и расторгались так часто, что удержать даты событий и кто был за кого в памяти просто невозможно. Все пытались найти свою выгоду и перехитрить друг друга. Однако, я всё же, хоть и тезисно, но напомним здесь какие были взаимоотношения между персами и греками в те времена.

Всё началось ещё тогда, когда ионийские греки, переселившиеся на территорию Малой Азии, решили организовать культурный союз между своими городами (такими как Милет, Эфес, Фокея и ещё 7 других) и двумя прибрежными островами (Самос и Хиос), постановив при этом не допускать в него другие города. Главной целью этого союза было укрепление и расширение власти городов-участников над Анатолийским побережьем. Ну и конечно этим союзом они хотели отделить себя от живущих там варваров. На самом деле туда, по-видимому, никто уж очень сильно и не стремился, кроме города Смирна (сейчас турецкий Измир). Да и толку от этого союза было мало. Всё равно в основном работал принцип «каждый за себя» и поэтому во время правления царя *Крѐза* вся Иония была им завоёвана и вошла в состав Лидии. Интересно, что *Крѐз* предоставил грекам самим управляться со своими внутренними делами и требовал от них лишь признания своей верховной власти и умеренной дани. Завоевал Ионию тот самый *Крѐз*, богатство которого вошло в поговорку и о ком сложилось много легенд.

Согласно одной из них, после того как *Крёз* показал греческому мудрецу *Солону* богатства своего дворца и все свои сокровища, когда тот однажды посетил столицу Лидии Сарды, он спросил его:

– Знаешь ли ты мудрец кого-то кто был бы счастливее меня?

– Конечно знаю, - ответил мудрец. - Вот у меня был дружба, которого звали *Телл*.

Гаспар ван ден Хукке. Крёз показывает свои сокровища Солону, 1630-е годы.

Он был человеком высокой нравственности, оставил после себя хороших детей, которые ни в чём не нуждались, погиб со славой, храбро сражаясь за отечество.

– А ты точно мудрец? – скептически скривившись уточнил царь.

– Так говорят.

– Да? Ну ладно. А знаешь ли ты кого-то другого кроме *Телла*, более счастливого, чем я?

– Конечно знаю, - ответил тот не задумываясь. - Братья *Клеобис* и *Битон*, весьма любившие свою мать. Когда однажды волы долго не приходили с пастбища, они сами запряглись в повозку и повезли мать в храм *Геры*. Когда граждане увидели это они назвали её счастливой, а она радовалась. Но на следующий день братья уже не встали. Их нашли мёртвыми; они, стяжав такую славу, без боли и печали узрели смерть.

Тут *Крёз* окончательно разуверился в мудрости *Солон* и в гневе проорал:

– Ну а меня, твою ж дивизию, ты считаешь счастливыми или нет?

На что *Солон* спокойно ответил:

– Пойми владыка, нам, эллинам, бог дал способность соблюдать во всём меру и ум у нас умеренный и думать мы, стало быть, не приучены как цари. С таким умом мы видим, что в жизни всегда бывают всякие превратности судьбы, поэтому наш ум не позволяет нам гордиться счастьем данной минуты и изумляться благоденствию человека, если ещё не прошло время, когда оно может перемениться. К каждому незаметно подходит будущее, полное всяких случайностей; кому бог пошлёт счастье до конца жизни, того мы считаем счастливым. А называть счастливым человека при жизни, пока он ещё подвержен опасностям, это всё равно, что провозглашать победителем и венчать венком атлета, ещё не закончившего состязания: это дело неверное, лишённое всякого значения.

Нахмурившийся *Крѐз* ничего не ответил, а лишь с задумчивым видом медленно побрёл по бесконечным покоям своего изумительного дворца.

У этой истории оказалось продолжение. Через несколько лет после того как *Крѐз* завоевал практически всё Малую Азию он по беспределу начал задаваться на саму Персию. Так как он очень хотел во всём подражать эллинам, он для начала отправил делегацию в Дельфы и Амфирай, чтобы послушать что по этому поводу скажут оракулы. Оба оракула дали ответ, что если он пойдёт на персов, то сокрушит великое царство. Не поняв своим царским умом, что оракулы имели ввиду его собственное царство, он без страха развязал войну с Персией. Тогда *Крѐз* и получил ответку по полной. Один неистовый перс - *Кир Великий* пошёл на Лидию, завоевал её всю и схватил *Крѐза*. Согласно одной из легенд, пленённый *Крѐз* перед сожжением на костре воззвал к *Аполлону*, вспомнив слова *Солона*. *Кир* потребовал остановить казнь, чтобы услышать рассказ *Крѐза* о разговоре с мудрецом. Однако пламя костра разгорелось настолько, что приказ *Кира* уже нельзя было выполнить. И тогда бог *Аполлон* к которому обращался *Крѐз* обрушил на землю ливень и затушил пламя. *Крѐз* пересказал *Кире* свой разговор с мудрецом. Потом они оба крепко задумались над словами *Солона*, даже пустили каждый по скупой мужской слезе и расстались друзьями. Вот такая вот философская байда. Ну, поехали дальше.

Через много лет после описанных выше событий ионийские города вдруг взбунтовались против власти персов, но неудачно. Опять не поделили кто будет главным, где-то оказались предатели и т. д. Короче, персидское войско *Дария I* прибрало к рукам практически всю территорию Ионии и воодушевленное успехами двинулось через Геллеспонт (пролив Дарданеллы) покорять Грецию. Для начала, в 491 году до н. э., *Дарий* отправил в Элладу послов с требованием «Воды и Земли» в знак покорности. В Афинах и Спарте по этому поводу никто долго не заморачивался и послов просто уколошили. Тогда персидские командиры двинули свои войска по направлению к Афинам. Главная битва произошла у деревни Марафон, где греки поколотили персов: 192 погибших грека на 6400

персов (1 к 32). Остальное войско погрузилось на корабли, которые двинулась на юг вокруг мыса Суний и обогнув полуостров (Аттику) стали на Афинский рейд предвкушая грабёж города, ведь, по их мнению, всё греческое войско осталось в Марафоне. Но не тут-то было,

Марафонская битва.

персы на минуточку забыли, что марафонскую дистанцию в 42 километра тренированным олимпийцам-грекам преодолеть раз плюнуть. И вот, когда на утро восходящее солнце позолотило своим сиянием крыши Акрополя, сквозь рассеивающийся туман персы вдруг увидели на берегу хищно поджидавших их «марафонских» греков.

- Да что это за напасть? - воскликнули войны *Дария*.

- Да ну их на фиг, этих олимпийцев, - заорали моряки *Дария*.

Проклиная всё на свете, персы развернули свои корабли и уплыли в свою Азию и зареклись не совершать походы в Элладу.

Однако, не прошло и десяти лет как сын *Дария Ксеркс* решил поквитаться за батькино унижение и снова пошёл на Элладу. По современным подсчётам *Ксеркс* набрал около 200 - 250 тысяч человек, а противостояло ему, по различным данным от 5200 до 7700 греков, (соотношение 1 к 38). Для переправки своего огромного войска *Ксеркс* приказал соорудить понтонный мост между Европой и Азией через Геллеспонт. Но во время бури недавно построенный мост через пролив был уничтожен. Тогда обезумевший царь приказал палачам сечь море, приговаривая:

- О ты, горькая влага Геллеспонта! Так тебя карает наш владыка за оскорбление, которое ты нанесла ему, хотя он тебя ничем не оскорблял.

Персы мудрохают море.

На славу избив море, персы построили второй мост и за семеро суток непрерывного движения перебрались через пролив.

Тем временем в Греции, после того как узнали какая орава прёт на них, собрали совет и как обычно начали умничать каждый на свой лад. Спартанцы заявили, что лучшим будет все силы направить на защиту коринфского перешейка, соединяющего Пелопоннесский полуостров с материком.

- А как же Афины? - возмутились афиняне.

- Да хрен с ними, забирайте своих баб и детей и айда к нам на Пелопоннес. Там и дадим бой персидским уродам.

- Это не приемлемо ни для нас, ни для других полисов, - ответили афиняне.

Короче говоря, решали себе решали пока *Фемистокл* не воскликнул, что надо бы уже что-то делать:

- Персы прут, а мы болтаем. Пока мы будем здесь умничать дальше надо чтобы хоть кто-то пошёл и задержал обнаглевших захватчиков.

Тем временем *Ксеркс*, по сложившейся уже традиции, послал послов в Спарту и Афины с требованиями «Воды и Земли», которых греки, опять же по традиции, укокошили. В Спарте персидских послов бросили в колодец, посоветовав, чтобы они сами взяли себе там землю и воду. Афиняне казнили не только послов, но и переводчика – за то, что он

Спартанцы отправляют персидских послов в колодец за «Водой и Землёй».

осквернил благородный греческий язык передачей столь гнусного предложения. После тайм-аута вызванного “гостеприимной” встречей персидского посольства, стратеги опять собрались для продолжения дебатов. Дальновидный и хитроумный *Фемистокл* предложил

взять всё командование греческими силами на суше спартамцам, а на море афинянам. Вдарили по рукам, но тут оказалось, что в Спарте сейчас какой-то религиозный праздник, да и проходят 75 олимпийские игры, так что им не до войны. Надо подождать.

- Но враг же не будет ждать, - гаркнул офигевший *Фемистокл*.

- Ладно, я возьму с собой пару-тройку сотен своих пацанов и выдвинусь с ними к Фермопильскому ущелью. - Там классное место для защиты, - сказал спартанский царь *Леонид*.

- Возьми хотя бы тысячу, - сказали ему.

- А зачем людей почём зря тратить. Чтобы погибнуть и 300 хватит, чтобы победить и тысячи мало, - ответил суровый грек.

Леонид взял с собой 300 спартамцев и пару другую сотню комсомольцев-добровольцев из других мест и выдвинулся с ними к ущелью. Пришли, осмотрелись и расположились на отдых поджидая противника. Ждать пришлось недолго: вскоре показались всадники из персидского авангарда. Они наткнулись на греков и сообщили об этом *Ксерксу*. Персидский разведчик долго рассматривал греческий лагерь, пытаясь определить численность сил противника и с любопытством наблюдая чем они там занимаются. Когда он вернулся и доложил царю что видел, тот, мягко говоря, очень удивился. Оказалось, что одни спартамцы горланили песни, сопровождая себя на музыкальных инструментах, другие занимались своей шевелюрой, тщательно расчесывая волосы, кто-то и вовсе беззаботно спал.

Ксеркс послал парламентёров с предложением сложить оружие, на что *Лёня* ответил:

- Приди и возьми.

- Но я велю своим лучникам вас засыпать стрелами, да так, что вы не увидите солнца, - вопил в истерике *Ксеркс*.

- Вот и ладушки, тогда мы будем драться в тени, - ответил *Лёнчик Спартамский*, прищуривая один глаз.

- Всё, моё терпение лопнуло! Мидяне *уперед!* - скомандовал *Ксеркс*. Разорвите их на части или нет, лучше приведите мне этих спартамских наглецов живыми... Я уж с ними тут...

В бой пошли мидийские воины, которые в основном были родственниками тех, кто погиб при марафонской битве десять лет назад. С криками у-ля-ля они кинулись на спартамцев. И вот те на, спартамцы повернулись и дали дёру. Осмелевшие мидяне рванули вперёд кто во что горазд, поломав свой строй. Вдруг спартамцы остановились, развернулись к врагу лицом, сомкнули щиты и ошетилившись копьями с мерными возгласами «Гу-Га» на каждый свой шаг пошли на персидских воинов, поубивав их несметное множество.

Тогда *Ксеркс* сменил мидян на воинов из других племён, славных своей воинственностью. Но и они раз за разом попадались на уловку спартанцев, которые использовали тактику ложного бегства — притворно отступали, но затем разворачивались и контратаковали беспорядочный строй персов. Тогда персидский царь бросил в атаку свою личную гвардию - элитный отряд «Бессмертных», свой, так сказать, спецназ. Но и тех постигла та же участь.

- Что происходит? - Что здесь, шайтан возьми, происходит? - кричал он в иступлении. Так и прошёл весь первый день битвы. Расстроенный царь в истерике метался, искал кого бы назначить виновным за весь этот позор, но так и не нашёл. Весь в слезах и соплях, измазанный помадой он уснул в изнеможении.

На второй день царь проснулся в хорошем настроении, придурок напрочь забыл о том, что было вчера. Взмахнул платочком и послал на штурм свою пехоту с обещанием либо награды за успех, либо смерти за бегство с поля боя. Успехи персидского войска на второй день были такие же, как и в первый, т. е. никакие. Персы сменяли атакующие отряды, греки, в свою очередь, сменяли в сражении друг друга. Спартанцы натывали своими копьями полчища персов, сами же потеряли всего трёх человек. Тогда *Ксеркс* в полном недоумении отступил в свой лагерь. Сначала он, как обычно, истерил. Кричал что опять ничего не получается, что всё опять зря, что понабировали какую-то шелупонь по объявлению биться со спартанскими профи, что надо сворачиваться и уматывать обратно и т. д., как вдруг к нему привели какого-то убудочного вида существо. Оказалось, что это житель близлежащей деревни подлый *Эфиальт*. Он рассказал о существовании обходного горного пути и предложил за денежное вознаграждение показать путь персидской армии. За свой поступок *Эфиальт* стал презираем во всей Греции. Впоследствии его именем стали называть демона, который вызывает ночные кошмары. *Ксеркс* в тот же вечер отправил в обход 20-тысячное войско.

На утро третьего дня персы, обходившие ущелье по горной тропинке, наткнулись на отряд фокидян, которых *Леонид* на всякий случай поставил охранять тропку. Персы с опаской спросили проводника: "Это спартанцы?" Услышав отрицательный ответ они успокоились и попытались отбросить противника. Под градом персидских стрел фокидяне бросились вверх по склону и выстроились в боевой порядок. Но персы не стали их

Персидский царь. Может так выглядел Ксеркс.

300 спартанцев (в редакции Голливуда 1962 г.).

преследовать, а двинулись по тропе дальше. Тогда начальник фокидян послал одного из воинов к *Леониду* с известием о движении персов в тыл грекам. Когда *Леонид* получил сообщение он срочно собрал военный совет, на котором спартанский царь объявил, что из-за выхода противника в тыл дальнейшая оборона Фермопил теряет смысл, поэтому он отпускает всех, кроме спартанцев, которым военный устав запрещал отступление при любых обстоятельствах. Кроме 300 спартанцев и их илотов (рабов-прислужников) с ними остались, отказавшись уйти ещё 700 героических воинов из городка Феспии в Средней Греции. Когда остальные ушли и защитники остались одни, *Леонид* сказал: "Давайте-ка позавтракаем, друзья, ведь обедать нам придется уже в Аиде".

Вскоре главные силы персов вновь двинулись на приступ ущелья. Оставшиеся с *Леонидом* воины покинули свою защитную позицию и стремительно атаковали противника. В завязавшейся схватке *Леонид* погиб одним из первых. Дальше спартанцы и персы дрались уже за его тело. Наконец спартанцам удалось отбить тело своего царя. Они обступили его вокруг и обороняли до конца, пока не были все сражены градом стрел персидских лучников. К полудню бой затих. Все защитники Фермопил были мертвы. *Ксеркс* распорядился из-под груды трупов выкопать тело *Леонида*, отрубить ему голову и насадить на копьё. Останки царя *Леонида* были перезахоронены в Спарте спустя 40 лет после его гибели. Жители города через 600 лет после сражения, уже в римское время, ежегодно проводили состязания в честь национального героя. Имена всех павших в Фермопилах были высечены на плите.

После поражения греков под Фермопилами путь на Афины и Пелопоннес для персов был открыт. Тогда у *Фемистокла* возник новый план действий, который в конечном счёте обеспечил победу греков над персами. Но чтобы воплотить его в жизнь, ему пришлось проявить всю свою хитрость и ораторский дар. Как водится, афиняне отправили делегацию в Дельфы, чтобы услышать предсказания оракула по поводу их дальнейшей судьбы.

Предсказания Пифии оказались хуже некуда. Тогда они повторно обратились к ней, но укуренная Пифия опять пробормотала что-то малопонятное, где говорилось о «деревянных стенах», которые принесут спасение, и упоминался «божественный Саламин».

«Лишь деревянные стены даёт Зевес Триптогенею

Несокрушимо стоять во спасенье тебе и потомкам

Остров божественный, о Саламин, сыновей своих жён ты погубишь»

Фемистокл малость покумекав и использовав все свое хитроумие, вышел к народу и так истолковал слова обкуренной Пифии:

- Дорогие афиняне, братья и сёстры, деревянные стены — это наши корабли, а «гибель сыновей» относится к персам, так как в ином случае оракул сказал бы «несчастный Саламин», а не «божественный».

- Ах, вот оно что, - загудел народ. - Ну тогда другое дело! Говори, что делать то надо.

- Надо всех женщин, детей и стариков эвакуировать на Саламин (ближайший к Афинам остров).

Все тут же побежали по домам собирать провизию и вещи. В общегородской суматохе кто-то спёр из храма священную змею (кому она была нужна?) и драгоценную эгиду *Афины* (накидка из козьей шкуры когда-то принадлежавшей *Зевсу* и обладавшей волшебными защитными свойствами). Это событие встревожило народ и он встрепенулся от страха. Но и тут великий *Фемистокл* нашёл рациональное объяснение:

- Змеюка уползла из города потому что богиня покинула город и это указывает афинянам путь к морю.

А под предлогом поиска драгоценной эгиды *Фемистокл* приказал обыскивать все вещи граждан и изымать деньги, которые убегающие из города жители увозили с собой.

- Все средства переходят в общественное пользование. Эти деньги пойдут на уплату жалованья экипажам кораблей, которые будут оборонять остров.

Через несколько дней персидская армия прошла по почти пустой территории Аттики и подошла к Афинам. Те афиняне, которые по тем или иным причинам не смогли уехать, а также особо упрямые граждане, которые истолковали бред оракула о «деревянных стенах» как указание на старинные укрепления Акрополя, укрылись в нем и оказали персам отчаянное сопротивление. Все они погибли обороняя Акрополь, который был разграблен и сожжен. Афинские моряки видели со своих кораблей как пылал их родной город. Их сердца горели жаждой мести. Пришло время решить где именно они будут осуществлять свою месть. *Фемистокл* предложил дать бой персидскому флоту в Саламинском проливе.

- Мы здесь у себя дома. - Правильно? – спросил *Фемистокл*.

- Ну, допустим, - прокряхтели военачальники.

- Мы здесь знаем каждую мель, каждую подводную скалу, тогда как финикийцы и египтяне (составлявшие основную часть персидского флота) в незнакомых местах ориентироваться как мы не смогут. - Правильно?

- Ну, допустим, - продолжали кричать военачальники.

- К тому же их корабли более крупные и тяжелые, чем наши. Поэтому использовать свое преимущество в скорости в Саламинском проливе персы не смогут.

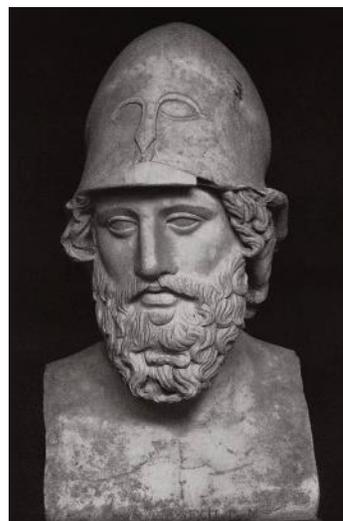
- Ну, как-бы да, - согласились тугодумы.

Однако командиры других греческих эскадр, как и командующий всем флотом, спартанец *Эврибиад*, были другого мнения.

- Нам надо отвести флот к берегам Пелопоннеса и вновь встретить врага уже там.

- Какого ляда? – не понял их упрямство *Фемистокл*.

- Ну, во-первых, там почти достроена стена, перегородившая весь перешеек, через который проходит путь в Южную Грецию и флот может комбинировать свои действия с сухопутным войском, которое будет оборонять эту стену, - молвил своё слово *Эврибиад*.

Фемистокл.

- Во-вторых, при морском бое у берегов Пелопоннеса моряки погибших греческих кораблей смогут спастись, доплыв до своей земли. А вот берег Аттики уже занят неприятелем и всех воинов добравшихся до него в поисках спасения прибьют, - продолжил он свои доводы.

- Если наши моряки увидят какой громадный флот у персов они сдрейфят и разбегутся. В узкий же Саламинский пролив все корабли войти не смогут, - продолжал высказывать свои доводы *Фемистокл*, и стратеги взяли паузу на размышление.

Тем временем хитрющий *Фемистокл* решил обдурить *Ксеркса*. Он послал своего преданного адъютанта-раба *Сикинна*, родом из Персии к персидскому царю с поручением передать что: «афинский военачальник *Фемистокл* переходит на сторону царя и первый извещает его о том, что эллины хотят бежать. Он советует не дать им убежать, а напасть на них, пока они находятся в тревоге по случаю отсутствия сухопутного войска, и уничтожить их морские силы».

В бункере у *Ксеркса* срочно собрался военный совет.

- Ну-с, уважаемые мои командиры поверим *Фемистоклу* или как?

- Да что тут верить или не верить, мочить греков надо, - кричали в исступлении генералы.

И лишь одна царица *Артемисия* советовала отказаться от сражения. Она тихо привела те же доводы, о которых говорил своим генералам *Фемистокл*. Тем не менее, к своему сожалению, персидский царь сделал стандартный мужской вывод: послушай что говорит женщина и сделай наоборот. Он дал приказ на окружение.

Пока греки ещё продолжали свои споры прибыл один из полководцев и доложил:

- Господа, я должен сообщить вам пренеприятное известие: мы окружены.

И грекам ничего уже не оставалось делать, кроме как готовиться к сражению, которое началось на рассвете.

Греки выстроили свои корабли в боевой порядок и двинулись навстречу персам. Гребцы налегали на весла под четкий ритм боевой песни:

«Наверх вы, товарищи, все по местам!

Последний парад наступает!»

Морское сражение при Саламине.

Персы же, уверенные что им придется иметь дело с горсткой готовых к бегству греческих триер, были изрядно озадачены, когда по морской глади до них долетел боевой гимн эллинских адмиралов:

«Неравный бой – корабль кренится наш

Спасите наши души человечьи!

Но крикнул капитан: "На абордаж!

Еще не вечер, еще не вечер!»

А когда, обогнув скалистый мыс, они увидели стремительно летевший им навстречу боевой строй греческих триер, то вообще растерялись. Вдруг центр греческого строя стал отставать, а фланги выдвигаться вперед. Персидские моряки кидались к своим капитанам вопрошая:

- Что происходит? - Что задумало это пиратское отродье?

- Да идите вы к дьяволу, мы сами ничего не просекаем, - отвечали озадаченные флотоводцы.

И тут неожиданно налетел шквал, поднявший в проливе крутую волну. Корабли персов, теряя управление, стали налетать друг на друга и сбились в беспорядочную кучу. Если грекам удалось сохранить боевой строй, то для персов с их неуклюжими броненосцами это оказалось просто невозможным. Тогда каждая греческая триера выбирала себе жертву и врезаясь тараном в борт вражеского корабля топила его.

Вильгельм фон Каульбах. Саламинская битва. 1868

Ксеркс, предвкушая знатное зрелище уселся на вершине горы и окружил себя секретарями и баснописцами, которые должны были записывать имена всех особо отличившихся в бою кораблей и командиров и прославлять в будущих поэмах его полководческий гений. Однако, он с ужасом увидел что его корабли гибнут не только от вражеских ударов, но и от столкновений друг с другом. Афиняне первыми одолели сражавшихся с ними финикийцев и пришли на помощь остальным своим товарищам.

Ксеркс разочаровывается своим флотом.

Персидский флот оказался в отчаянном положении. Персы, отступая пытались оторваться от противника, но с фланга по ним ударила еще одна греческая эскадра. Поднялась неизбежная в такой обстановке паника, которая и довершила разгром персидского флота. В этой битве персы потеряли около 200 своих кораблей а греки 40.

Победа греков при Саламине имела огромное значение для всего дальнейшего хода войны. Вдохновленные успехом греки завоевали господство на море. Они решили что им всё по плечу и намерились плыть на север чтобы разрушить наведенный по приказу *Ксеркса* мост через Геллеспонт. Хотели "поймать Азию в Европе". *Фемистокл* поначалу тоже так считал, но прикинув палец к носу решил, что ну его к чёрту:

- Когда крысу загоняют в угол она нападает и дерётся насмерть. Так что разумней было бы построить им ещё один мост, чтобы они умотали бы к чёртовой матери поскорее с Эллады.

Для этого он опять отправил к *Ксерксу* своего адъютанта-раба с информацией, что греки якобы собираются напасть и сжечь мост и тогда *Ксеркс* надолго задержится в Греции. Не верить донесению раба не было причины - ведь он не наврал в первый раз. Впрочем, и оставаться вдалеке от своего царства не было большого резона, т. к. в Персии узнав о его «великих победах» кто-то может решить захватить власть. *Ксеркс* решил спешно уносить ноги, но при этом оставил огромную сухопутную армию под командованием *Мардония*. Те же, сожрав всё вокруг и не имея возможности прокормить себя и свою конницу в Аттике, ушли на север на зимовку.

Афиняне вернулись домой и принялись вновь отстраивать свой родной город. Через какое-то время *Мардоний* направил в Афины посольство, которое предложило афинянам мир, дружбу, жвачки и союз с персами. Главнокомандующий от имени своего

царя *Ксеркса* обещал забыть все обиды, которые афиняне ему причинили, предоставить их государству свободу и независимость и восстановить за счет персов все, что было разрушено его войском в Афинах. Более того, он объявил, что персы не будут возражать ежели афиняне оттяпают у соседей столько земли, сколько им надо.

Афиняне слегка прибалдели от таких предложений и намерено решили затянуть переговоры. Они хотели чтобы слухи об этом предложении дошли до спартанцев и немного сбили с них спесь. Те опять начали важничать, вернувшись на свой полуостров, который практически совсем не пострадал от войны. Но когда слухи о любезности персов к Афинам дошли до Спарты, те забеспокоились и тоже направили к афинянам делегацию заклинавшую не соглашаться на предложение убраться *Мардония* и не предавать свободу Эллады. Афиняне почувствовали себя пупом земли и с помпой заявили, что ни на земле, ни в её недрах не найдется столько золота, которое помогло бы персам искупить все те преступления, которые они совершили как перед богами, чьи храмы и статуи в Афинах они уничтожили, так и перед всеми эллинами. Посему, между афинянами и персами нет и не может быть мира до тех пор, пока поганые варвары собственной кровью не смоят свою вину перед людьми и богами.

После того как *Мардоний* получил дерзкий ответ Афин на свои щедрые предложения он вновь вторгся в Аттику. Снова афиняне убежали на Саламин, снова персы заняли Афины и вновь обратились к афинянам с мирными предложениями. Афины запросили помощь у Спарты, которая по своему обыкновению медлила с ответом. Причины были очень вескими: то им неохота, то опять пиры и праздники, то спортивные состязания и т. д. Тогда Афины заявили им:

- Знаете, друзья, хватит юлить и придуриваться или мы вместе с вами, или мы вместе с *Мардоном*.

После таких слов войско спартанцев и их союзников поспешно выступило на помощь Афинам. Командовал объединенными силами греков спартанский царь *Павсаний*, племянник погибшего при Фермопилах *Леонида*.

Узнав об этом *Мардоний* помародёрничал ещё в Афинах и ломанулся опять на север в Беотию т. к. гористая Аттика была неудобна для действий его конницы. Объединённые греческие силы ринулись за ним. В 479 г. у городка Платеи, на границе Аттики и Беотии, состоялась последняя, решающая битва с персидской армией, вторгшейся на Балканский полуостров.

У персов была очень выгодная позиция. Пути сообщения, по которым к ним подходили подкрепления с севера, а также подвозили продовольствие, были у них за спиной. Положение греков было намного хуже. Из-за того что вся Аттика была полностью разорена припасы и продовольствие приходилось доставлять аж из Пелопоннеса.

Фуражирам приходилось преодолевать по пути горный хребет, подвергаясь опасности нападения персидской конницы, которая активно партизанила в тылу.

Если верить *Геродоту*, у греков было порядка 110 тысяч бойцов, тогда как у *Мардония* около 300 тысяч. Восемь дней оба войска стояли друг перед другом в нерешительности. На восьмой день греки решили поменять диспозицию и, пока они мельтешили туда-сюда, *Мардоний* решил, что час для атаки пробил. Вперед пошла конница, за ней пехота. Главный удар он обрушил на спартанцев т. к. считал, что их разгром будет означать конец битвы. Когда конница почти уже достигла плетущихся на расслабоне на новую позицию спартанцев, один из них оглянулся и всё войско моментально выстроилось в фалангу. Конница струхнула и развернулась. Дальше произошёл показательный случай вреда чрезмерного увлечения спартанцами религией. Они сидели как прикопанные в строю и ждали, положив щиты к ногам, когда потрохи барана наконец-то дадут благоприятное знамение. Пока жрец перерезал горло одному жертвенному животному за другим, персидские лучники начали палить по спартанцам со скоростью пулемётов. То там, то сям падали пронзённые спартанцы. *Павсаний*, обратив лицо к храму *Геры* промолвил:

Спартанский полководец Павсаний.

- Ну *Гера*, ну ё моё, ну поймей ты уже совесть. Я умоляю тебя, сжался над эллинами.

И тогда наконец раздался голос жреца:

- Боги сулят победу!

Моментально спартанский строй закрылся щитами и ошетинился копьями. Увидев это персы отложили луки и тоже взялись за копья. Но что персы могли противопоставить спартанцам в рукопашном бою. Это как дворовая шпана против профессионального боксёра. Все преимущества оказались на стороне греческих гоплитов, которые пронзали противника своими длинными копьями. В отчаянии персы хватались руками за спартанские копья пытаясь их сломать или перегрызть, но фаланга действовала как один человек. Она оставляла за собой груды вражеских трупов и настойчиво пробивалась к центру вражеского войска, где на коне в центре толпы отборных головорезов-телохранителей возвышался *Мардоний*. Защитники не отступали и все полегли, защищая своего босса. И вот наконец

пал и *Мардоний*. Весть о его гибели молниеносно разошлась по всему персидскому войску, которое незамедлительно обратилось в бегство.

Победа при Платеях произвела не меньшее впечатление, чем при Саламине. Греки прежде не видели такой богатой добычи. Персидские шатры были полны золотом и серебром. Вазы и чаши, украшения и мечи, все было сделано из золота и серебра. Даже ложи и столы были позолоченные и посеребренные, везде были пестрые ковры и расшитая

Битва при Платеях.

золотом одежда. Вся эта роскошь, окружавшая знатных персов даже в походе, была в дикость для греков, привыкших к простоте в быту. Часть полученных трофеев, как полагается, отдали во всякие святилища, часть в храмы Дельф и других городов, а остальное распределили между участниками победы.

После победы *Павсаний* приказал персидским поварам приготовить такой обед, какой они обычно готовили для своего хозяина, а спартанским поварам приготовить обычный спартанский обед. Когда еда была готова *Павсаний* пригласил всех греческих военачальников и, указав на персидский обед, разительно отличавшийся своей роскошью от спартанского, сказал:

- Ну не долбодятелы ли эти персы? Имея все это они пришли к нам, чтобы отнять у нас наши жалкие крохи.

Потом греки ещё долго гнали остатки персов поганой метлой с Эллады. Были битвы и были победы, как на суше, так и на море. В последствии персидские воины более ни ногой не ступали на греческую землю. В 449 году до н. э. между греками и персами был заключен мирный договор, по условиям которого установилось разграничение персидской и афинской сферы влияния.

По данным из википедии: (https://en.wikipedia.org/wiki/Greco-Persian_Wars) на юге граница прошла в районе юго-западного побережья Малой Азии, на севере — у входа в Чёрное море. Согласно договору, персидский царь обязывался не использовать свой флот в Эгейское море. Сухопутная граница в Малой Азии проходила на расстоянии приблизительно 75 — 90 км от моря (один дневной путь конного всадника). Мирный договор также предусматривал официальное признание империей *Ахеменидов* независимости ионийских греческих городов на малоазийском побережье Эгейского моря, что фактически означало их подчинение Афинам. С афинской стороны договор содержал обязательство не вторгаться больше на территории, которые вошли в зону контроля Персии, и не пытаться расширить сферу своего влияния на восток далее установленных границ. Данный мирный договор оказался весьма прочным. Нарушил его только спустя сто пятнадцать лет молодой македонский царь *Александр*, который решил покорить весь восток.

Несмотря на окончание греко-персидских войн отношения между греками и персами всё равно периодически возобновлялись. Так как Афины и Спарта опять вернулись

к своему излюбленному занятию «меряться своим детородными органами», хитрые персы периодически поддерживали валютой и наёмниками то одних, то других. Противоборство между двумя общественно-политическими системами: Спартой и Афинами за сферы влияния в Греции привело к почти 30 летнему конфликту между ними, который назвали Пелопоннесской войной. Как раз на фоне этой войны вырос и возмужал один из главных историков того времени *Ксенофонт*.

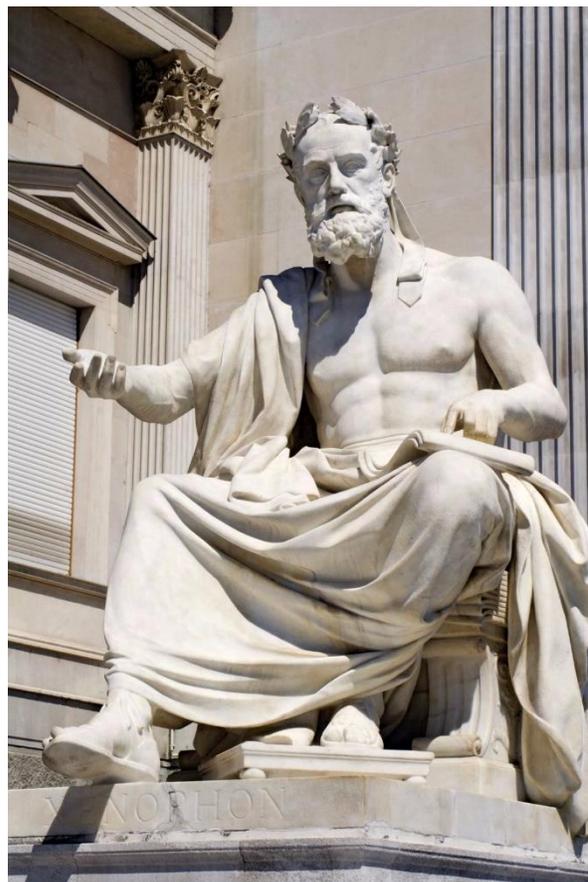
Когда в 404 до н. э., сын усопшего персидского царя *Дария II Кир Младший* замыслил захватить персидский трон, он решил нанять в свое войско греческих гоплитов. Прежде чем мы начнём наслаждаться рассказом про похождения 10 000 эллинов в Персии и их приключениях по дороге домой надо бы сказать пару слов о человеке, который всё это великолепно описал в своём нетленном произведении «Анабасис», вскользь упомянутое мною выше. Этим человеком был историк и военачальник *Ксенофонт*, принимавший участие в этом походе.

Ксенофонт родился в Афинах в аристократической семье. Его отец *Грилл* был, вероятно, состоятельным человеком. Об этом говорит тот факт, что *Ксенофонт* выбрал себе военную карьеру и служил в гражданской коннице, в которую могли быть зачислены только люди со средствами и положением в обществе. Он получил не только военное, но и блестящее общее образование. Он был учеником самого *Сократа*. Я обязательно позже расскажу поподробней об этом великом философе. Сейчас же просто опишу его знакомство с *Ксенофонтом*. *Сократ* имел привычку бродить по афинским улицам и «ловить людей» с целью заставить их болтать с ним. Многие из тех кто его знал кидались от него прочь как от чумного, но иногда в его сети попадались те, кто был не против с ним поумничать или просто незнакомцы. Стиль его бесед заключался в том, что он постоянно задавал собеседнику вопросы и всякими хитрыми ораторскими и логическими приёмчиками подводил вопрошаемого к «сократовскому», т. е. правильному решению какой-либо проблемы. Особо он старался привлекать в число своих учеников юношей, внешняя красота которых с точки зрения древних греков говорила о гармоническом развитии их телесных и душевных сил. Таким образом философ и «поймал» молодого *Ксенофонта*. Встретив однажды юношу на узкой улице, он, протянув поперек палку, загородил ему дорогу и спросил:

- Знаешь ли ты отрок, где тут можно харчами разживиться?
- Вон там за углом супермаркет, - ответил *Ксенофонт*.
- А может ты знаешь где воспитываются способные и хорошие люди?
- Не имею никакого понятия, дядя.
- Ну, так иди за мной и узнаешь.

Ксенофонт последовал за ним и с тех пор стал его учеником. Однажды во время Пелопоннесской войны в сражении при Делионе 20-летний *Ксенофонт* был ранен в бою и упал с лошади. Он наверняка бы погиб, если бы не *Сократ*, который тогда сражался в пехоте. *Сократ* подобрал раненого *Ксенофонта*, взвалил его к себе на плечи и вынес с поля боя.

В 404 году до н. э. Афины проиграли Пелопоннесскую войну. Пал демократический режим и победившая Спарта установила в городе власть аристократов («тридцати тиранов»). Аристократ *Ксенофонт* стал на сторону правящей коллегии. Однако, после того как в ходе восстания их власть была свергнута, *Ксенофонт* оказался в довольно трудном положении. Демократия, снова установившаяся после падения «тридцати», не могла относиться к нему благосклонно и он решил наняться в «солдаты удачи». После похода “10000” *Ксенофонт* примкнул к обожаемым им спартамцам и воевал против их врагов, в том числе и против Афин. Естественно, в Афинах он был заочно осуждён за государственную измену и подвергся конфискации имущества. Это определило его дальнейшую судьбу. Он продолжал воевать за спартамцев и те в благодарность подарили ему виллу на Пелопоннесе близ элидского города Скиллунта. Там *Ксенофонт* жил со своей семьёй в уединении, занимаясь литературными трудами, пока спокойствие его не было нарушено новой войной, на сей раз фиванцев со Спартой. Он возобновил добрые отношения со своей родиной Афинами, которые объединились со спартамцами в борьбе против Фив. Приговор о его изгнании был отменён, но после победы над Фивами *Ксенофонт* уехал в Коринф, где дожил до глубокой старости. Он написал около 15 книг, все из которых сохранились до нашего времени.

Памятник *Ксенофонт*у в Вене.

«*Анабасис Ксенофонта*». История Персии в эти годы была целым рядом зверств, измен и восстаний, в которых почти всегда принимала деятельное участие *Парисатида* - жена великого в прошлом, но уже дряхлого царя Персии *Дария II*. У *Парисатиды* было

тринадцать детей, из которых девять умерло в раннем возрасте. Из оставшихся четырёх старший *Артасеркс* считался наследником престола. Но мамашка обожала только одного из младших, которого она назвала *Киром младшим*. Это имя могли носить только цари или наследники престола. История умалчивает почему она была так не равнодушна только к нему. В 407 г. до н. э. она уговорила своего мужа *Дария* назначить своего любимчика сына *Кира* на важнейшую должность сатрапа Лидии, Фригии и Каппадокии, а уж заодно и главнокомандующим всех войск в Анатолии. Будучи наместником на западе Малой Азии он сошёлся с греками и с теми, кто проживал на этой территории, а также со служившими на него греческими наёмниками. *Кир* больше всего старался привлечь на свою сторону спартанцев и поэтому подкидывал им деньжат, тем самым стараясь оказать влияние на исход Пелопоннесской войны.

Пелопоннесская война, окончившаяся победой спартанцев, многих лишила родины, возбудив недовольство положением в своём отечестве и они нанимались к *Кире*. На службу поступали и те, которые за 30 лет уже так привыкли к военной жизни, что просто искали случая вновь вернуться к прежней военной жизни. *Кир* среди наёмников был известен как человек щедрый, особенно к греческим гоплитам, следовательно все они могли рассчитывать на хорошую награду. Однажды *Ксенофонт* получил весточку от одного из своих приятелей, который уже состоял на службе у *Кира*. В своём послании он написал *Ксенофону*:

Возможно так выглядел *Кир младший*.

«Хватит тебе торчать с этими вонючими демократами в Афинах. Давай к нам сюда. Здесь хорошо платят, регулярно кормят, вокруг полно симпатных лидиек и сладострастных фригиек. С твоим опытом тебе сразу комбата дадут».

Ксенофонт аж затрясся от возбуждения, но стараясь не подавать виду пошёл, типа, спрошу-ка я *Сократа*, что старик посоветует.

- *Сократ*, тут такое дело, зовут меня к себе мои бывшие сотоварищи-подельщики в Малую Азию ехать.

- И по што тебе ехать туды? – спросил его философ.

- Персы собрались дербанить наследство усопшего царя *Дария*, так вот его младшенький сынок *Кир II младший* предлагает мне подзаработать, присоединившись к его войнам.

- Не дело это для образованного эллина по окопам сидеть, да вшей кормить, да ещё за бусурман каких-то жизнью рисковать. Кроме того, ты думаешь что служба в прошлом 30 тиранам ты ещё недостаточно разозлил Афинян? Теперь ты хочешь подружиться с персами и усугубить свою вину. Что я могу тебе сказать? Отправляйся-ка ты в Дельфы и спроси, об этом *Аполлона*, чего он там думает за твою затею.

– Что ж падре, так я и поступлю и задам ему прямой вопрос.

- Помни только каков будет твой вопрос таков будет и ответ, - напутствовал его мудрец.

Ксенофонт отправился в Дельфы, накупил по дороге всякого барахла в подарок для Пифии и барана для жертвоприношения. Пифия осталась довольна презентами и ответила молодому офицеру каким богам нужно принести жертву. Он вернулся к *Сократу* и показал ему список персоналий, который он получил от оракула.

- Ах ты ж, паршивец этакий, - скривился *Сократ*, читая ответ обкуренной девы. Я что тебе говорил? Поставь правильно вопрос. А ты что спросил?

- Я её ни к чему не принуждал и ни к чему не склонял, а просто напрямую спросил:
- Каким богам поставить магарыч, чтобы предпринимаемая мною поездка была удачна и чтобы я после нее счастливо возвратился на родину.

- Ну и плута же я пригрел на своей груди. Если ты всё решил заранее, зачем было тащиться в Дельфы, тратиться на дорогу и на подарки для мамзели.

- Ну, чтобы всё было по правилам.

- Ладно, езжай, раз так. И давай прощай...

- Почему же сразу прощай? – удивился *Ксенофонт*. - Просто, до побачення.

- Ну да, ну да, - прошептал *Сократ*.

Только после того как *Ксенофонт* спустя несколько лет вернулся в Афины из своего персидского похода, он узнал, что за пару недель до его приезда свершился суд над *Сократом*. На суде его шизанутые соотечественники приговорили философа к смерти и он погиб выпив чашу с ядом. Это известие ещё больше оттолкнуло *Ксенофонта* от Афин. Он сильно переживал смерть своего кумира и в отчаяние снова уехал на очередную войну.

Пришло время рассказать ещё об одном важном персонаже «скитаний 10 000» – об спартанском полководце *Клеархе*. Это был неистовый и великий воин, который жил только войной. Даже по спартанским меркам *Клеарх* являлся свирепым начальником. Эго лозунг гласил: «Солдат должен бояться своего начальника больше, чем врагов». Когда он сидел дома без дела, он мог оказаться катастрофой для всех окружающих, поэтому неистового воина посылали на самые опасные задания. Неудивительно, что как только случилось очередное восстание в спартанской колонии Византий (будущий Константинополь), его сразу отправили туда - за тридевять земель от Спарты. Прибыв в город *Клеарх* моментально

навёл порядок, казнил всех бунтовщиков без разбору, прикарманил всю казну и объявил себя тираном. Колония эта была стратегически важная и очень доходная и терять её Спарта никак не хотела. Тогда Спарта оправила туда карательный отряд, на этот раз для того, чтобы наказать уже *Клеарха*. Старый вояка очень хорошо знал силу и нрав своих бывших, идущих по его душу, товарищей и недолго думая прихватил всю казну, несколько верных сослуживцев и дал дёру. О нём прослышал *Кир младший* и, конечно же, сразу пригласил к себе на работу, на что *Клеарх* с удовольствием согласился. Таким образом на блеск персидского золота в Малой Азии со временем слетелась довольно большая греческая «гопкомпания», которая состояла из примерно 13000 человек: 10400 гоплитов (тяжеловооруженная пехота) и 2500 пелтастов (легковооружённая пехота).

К этому времени испустил дух царь *Дарий* и новым царем стал старший сын усопшего *Артасеркс II*. Стремясь выслужиться перед новой властью один из собутыльников *Кира*, являвшийся наместником Ионии и Карии, *Тиссаферн* донес *Артасерксу* что его брат *Кир* готовится к восстанию и хочет присвоить себе персидский трон. Разгневанный правитель хотел было сразу казнить брата, но их маманя *Парисатида* сумела отговорить его от этого:

- Да что ты! Что ты! - наигранно запричитала она защищая своего любимца *Кира*.
- Это всё наветы злых и подлых людей, которые хотят вбить клин между вами.

После этих слов *Артасеркс* успокоился и даже решил вернуть коварному *Кир*у его прежнее наместничество. Тогда *Тиссаферн* сделал вторичный донос.

После того как *Кир* узнал об этом доносе, он воспользовался им для того, чтобы разрешить несогласия которые у него были с *Тиссаферном* за некоторые ионийские города, и объявил кляузнику войну. Царя *Артасеркса* наклёвывающаяся разборка между его братом и подручным полководцем очень даже устраивала потому, что для сохранения своих прав на территорию они оба вносили в царскую казну подати за спорные города.

И вот *Кир* выступил с войной. Присоединившиеся к 70 000 тысячному войску *Кира* греческие наёмники во главе с *Клеархом* тоже двинули в путь. Однако, весной 401 года до н.э. их повернули на юго-восток — под предлогом войны с мятежными горами псидийцами.

- Нам что этих мочить, что тех - всё одно, лишь бы бабки капали - рассудили греки.

И только тогда, когда было пройдено две трети пути, им объявили что истинная цель похода – война с законным царем Персидской империи.

- Не, ну это уже беспредел. Мы на такое не подписывались, - загудело войско. – Воевать с персидским царём, да за такие копейки. Нет уж, увольте.

- А если не за копейки? – спросил *Кир* греков.

- Ну и что предлагается?

- Полоторная плата, а в случае победы ещё пять мин серебра (почти 3 кг.) каждому,
- пообещал им *Кир*.

- О, ну то ж другое дело. – Давай, веди нас.

3 сентября 401 г. до н. э. войско *Кира* встретилось у Евфрата (примерно в 82 км. к северу от Вавилона) с армией *Артаксеркса*. Именно здесь состоялась битва при Кунаксе. *Артаксеркс* привел к Кунаксу около 100 тысяч воинов из Ирана, Индии, Бактрии, Скифии. Согласно *Ксенофону*, в армии *Артаксеркса* были также и 150 серпоносных колесниц, которые были направлены именно против греков. Каждую из этих колесниц несли четыре лошади, к большой оси крепились серпы длиной около 90 сантиметров, и ещё по два вертикальных серпа крепились снизу.

Перед битвой у *Кира* и *Клеарха* возникли серьезные разногласия по поводу плана предстоящего сражения.

- Бейте в центр, где будет стоять мой брат. Мне не нужна в этой битве военная победа, мне нужна гибель или в крайнем случае пленение царя! - вполне резонно говорил *Кир*. - Узнав о его смерти, все войско *Артаксеркса* прекратит сражение и перейдет на мою сторону, признав во мне нового законного монарха.

- Но это противоречит логике битвы, - воспротивился *Клеарх*. Я умею воевать только за победу в битве, а не за одного человека. По всем правилам военной науки необходимо нанести мощный удар правым крылом по левому флангу вражеской армии, опрокинуть его, а потом, развернувшись, ударить по центру.

И тот и другой план был по-своему хорош. Каждый из них сулил бы победу если бы *Кир* и *Клеарх* сумели договориться. Но они не договорились.

На следующий день греческая фаланга ошетибилась копьями и неумолимо, сметая все и всех на своем пути, двинулась вперед. Несмотря на то, что эллинам противостояли персидские и египетские пехотинцы, около 500 всадников во главе с *Тиссаферном* и знаменитые персидские серпоносные квадриги, остановить их не удавалось. Фаланга пёрла и пёрла как асфальтоукладчик, оставляя за собой кровавый шлейф из противников.

- Тебе надо подождать пару часиков пока мы раскурочим их войско и только когда мы перейдем на бег, можешь подключаться, - напутствовал молодого *Кира* опытный *Клеарх*.

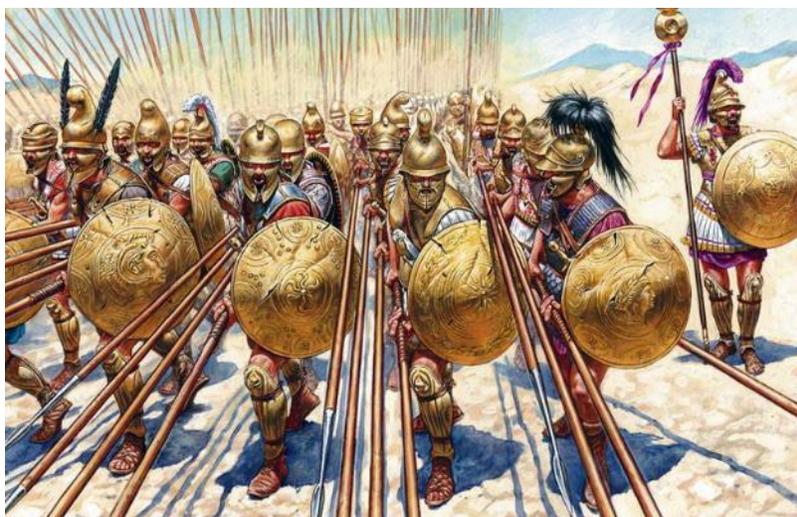
Однако невыдержанный *Кир* не смог сдержать своего нетерпения. В его душе бурлил компот состоящий из ненависти к брату, нетерпения и злости.

Персидская боевая "тачанка".

- Эх мать. Была, не была - прокричал он и, не выдержав предварительно оговоренных нескольких часов, ринулся со своей кавалерией в центр войска противника туда, где находилась ставка *Артаксеркса*.

Кир даже умудрился лично ранить царского коня и *Артаксеркс* упал на землю. Дабы показать всем свою удасть, бесшабашный *Кир* сражался без шлема, за что и поплатился. Когда бактрийцы забросали его дротиками, он получил рану в висок, а потом кто-то поразил его копьём. *Кир* погиб, ему отрубили голову и преподнесли на копье *Артаксерксу*. Тот в свою очередь показал её войску мятежников, которые сразу прекратили сопротивление. Греки же, занятые своим делом, продолжали крушить всё и всех вокруг, не

Греческая фаланга гоплитов.

видя и не слыша ничего кроме команд своих командиров. Они продолжали методично делать свою кровавую работу: опрокинули всех пехотинцев, стоящих перед ними, умелыми манёврами разгромили персидские тачанки и конницу. На очередном повороте фаланги кто-то всё-таки увидел, что армия *Кира* перестала сражаться. Тогда фаланга развернулась и прижалась к реке. Персы стояли в нерешительности и как будто не хотели больше атаковать ее.

Тогда греки сами двинулись вперёд. *Артаксеркс*, уже насмотревшись на мощь фаланги, не пожелал испытывать судьбу и дал сигнал к отступлению, оставив грекам поле боя. Потери армии *Артаксеркса* составили около 9 000 тысяч человек, войск *Кира* – около 3000, а потери греков если и были, то минимальны. *Полибий* вообще сообщает, что в том бою не погиб ни один воин.

Греческие командиры спросили своего предводителя:

- И шо ты думаешь за эту ситуёвину?

- Нема понятия. – Надо заслать кого-нибудь за пояснениями, - ответил *Клеарх*.

Через некоторое время гонец вернулся с сообщением что греки победили, а *Кир* проиграл. Его убили, голову насадили на кол, а всё его войско перешло на сторону *Артаксеркса*.

- Вот это поворот! – удивились греки. - Что нам теперь делать? - Награды – нет, наш лагерь разграблен, вокруг тучи одних вражин, куда идти не ясно. - Да уж, положеньице не завидное, - роптал эллинский люд.

В ставке у *Артаксеркса* тоже не знали что делать. Крутили, вертели в мозгах всякие предложения, но так ни к чему путному не пришли.

На следующий день *Артаксеркс* сделал грекам предложение: "Сложите оружие и переходите ко мне".

Греческие командиры собрались на совещание, на котором по очереди начали высказывать своё мнение:

- Лучше смерть.

- Если он сильнее, пусть отберет оружие силой, если слабее, пусть назначит награду.

- Мы всё потеряли, кроме оружия и доблести, а они друг без друга не живут.

- Когда побежденный приказывает победителям - это или безумие, или коварство.

- Если царь нам друг, то с оружием мы полезнее ему, если враг, то полезнее себе.

Всё это передали персидскому царю. Тогда тот предложил заключить договор по которому персы обязывались под присмотром *Тиссаферна* проводить греческое войско в Элладу, не нанося ему никакого вреда и даже снабжать его съестными припасами и

помогать с переправами через реки. Греки, со своей стороны, должны будут воздерживаться во время пути от всяких враждебных действий против персов.

- Для вашего отхода мы разработали маршрут, проложенный от Евфрата к Тигру и через горы вверх по восточному берегу реки, через земли кардухов и армян, к Черному морю.

- Ни хрена себе петля! Это ж сколько лишних вёрст шкандыбалить? Почему нельзя обратно по прямой, так как мы сюда пришли? - возмутились греки.

- По прямой никак нельзя, пока вы сюда шли вы всё по дороге сожрали. Где вы там теперь харчеваться будете?

- Разрази меня *Зевс*, наверно они правы, - подумал *Клеарх*. – Чёрт с вами, давайте договор, мы подпишем.

После официальной церемонии, пожали друг другу руки и организовали небольшой фуршет. Потом нагрузили повозки с провиантом и потихоньку тронулись в дальний путь.

На самом деле забота о желудках греков вовсе не была главной причиной по которой персы не хотели пускать их обратно по тому же пути по которому те пришли. Персы тревожились, опасаясь как бы по пути эллины не овладели какой-нибудь провинцией, выбить из которой их будет очень трудно. Кроме того, *Артаксеркс* понимал, что греки не зная ни стран, ни местностей, ни дорог и не имея ни карт, ни надежных проводников, должны будут пролагать себе путь через степи и пустыни, горы и ущелья, постоянно подвергаясь нападению варварских народов. Он полагал что при таком раскладе они все погибнут по дороге на родину.

Провожая эллинов на их пути в Мидию *Тиссаферн*, который был поставлен персидским царём наблюдать за ходом исхода греков из-под Вавилона, выказывал к ним большое недоверие и возбуждал постоянные столкновения между обоими войсками. Чтобы объясниться и разрядить ситуацию *Клеарх* договорился о личной встрече, надеясь объясниться. *Тиссаферн* согласился и явился на переговоры на которых оба битый час клялись в честности и любви друг к другу. После их милой беседы *Тиссаферн* пригласил к себе *Клеарха* со своими командирами на сабантуй по этому поводу. *Клеарх*, полный доверия к честности этого шакала, отправился в персидский лагерь в сопровождении своего военного совета из двадцати четырех военачальников. Как только они пришли в стан к неприятелю, то сразу были изменнически схвачены, свита их изрублена, а сами они отведены в столицу к *Артаксерксу* и там казнены. Подлые твари решили, что обезглавив греческое войско они смогут без труда переманить его на свою сторону. Но эти дети гиены не знали, что в Греции уже давно существует такое понятие как демократия, по законам которой потеря головы не означает смерть всего тела. Более того, эта голова обязательно

периодически должна меняться, чтобы она не вообразила о своей незаменимости. Греки собрали сходку и выбрали новых начальников во главе которых поставили *Ксенофонта*. В греческих войсках ни один командир не имел постоянного чина. Нередко происходило так, что человек занимавший в одном году место начальника служил в следующем простым солдатом. Все места ежегодно замещались новыми лицами. Вследствие такого устройства каждый солдат мог легко заменить командира и поэтому назначение новых командиров для больших и малых отрядов не представляло затруднений. *Ксенофонт*, начавший поход простым волонтером и как друг одного из полководцев теперь дослужился до предводителя. После перевыборов он заявил:

- После столь подлого вероломства этих падальщиков мы никогда не должны им доверять. Мы должны быть постоянно готовы к бою и оружием проложить себе путь домой.

Все командиры горячо поддержали *Ксенофонта*. Но был и один против, который сразу возбудил к себе презрение. Когда *Ксенофонт* ближе взгляделся в его лицо, то признал в нем уроженца Персии.

- *Хлопцы*, глядите у него уши проткнуты! - воскликнул он.

- *Ты бачь яка гадюка у нас здесь примостилась. А ну геть отсюдава*, - закричали воины, прогоняя шпиона.

И он немедленно был изгнан из войска, а на его место был сразу выбран другой; проверенный, свой товарищ, после чего греки двинулись в путь. Повозки, которые могли замедлить движение, были сожжены, воины выстроились в каре (прямоугольником), внутри которого были помещены женщины (ну куда без них) и вьючные лошади с провизией. Поскольку убив верхушку греческих воинов персы нарушили договор, то и греки решили дальше не церемониться ни с кем по пути. Конница *Тиссаферна* следовала за ними, непрерывно беспокоя мелкими пакостями. Персидские пехотинцы забрасывали их камнями и дротиками. Тогда по приказу *Ксенофонта* греки сформировали свой конный отряд и отряд пельтастов (метателей копий и дротиков), которые теперь успешно отгоняли персов от походной колонны.

На территории нынешней восточной Турции греки столкнулись с предками курдов – кардухами, которые слыли чрезвычайно злыми и дикими. Они считали, что имущество неизвестных пришельцев - это их законная добыча. Греки попали в отчаянное положение. Во-первых, они не знали дороги в горах. Во-вторых, со всех сторон были отмороженные кардухи, которые беспрерывно забрасывали их камнями и стрелами. В-третьих, греки на горных тропинках не могли действовать в строю, что было для них непривычно и лишало их преимущества в боевых столкновениях. Тогда *Ксенофонт* приказал оставить в засаде несколько лучших воинов, которым удалось уничтожить небольшой вражеский отряд и захватить в плен двух кардухов.

- Говори дикарь, где позиции твоей оравы? – спросил греческий дознаватель первого пленника.

- Не скажу! – гордо ответил кардух.

- Правильно, потому что не сможешь, - сказал дознаватель и перерезал ему горло. Кровь забулькала у него в горле и вылетев стремительным фонтаном забрызгала второго пленника, который в ужасе сразу же согласился всё рассказать и стать их проводником. Он сквозь зубы пробормотал:

- Впереди находится гора, которую невозможно обойти, а позиции горцев можно взять лишь только приступом.

Ночью под проливным дождем добровольцы взобрались на эту гору и перебили не ожидавших их появления кардухов. Благодаря этому эллины смогли продвигаться дальше и через какое-то время уже добрались до речки Кентрит, отделявшей страну кардухов от Армении (тогда территория Армении была больше и занимала часть современной восточной Турции).

Труден путь домой в Элладу.

Спустя некоторое время перед войском *Ксенофонта* встала новая преграда: мосты контролировали отряды персидских наемников. Но греки решили не поднимать кипеша и нашли брод, по которому по-тихому переправились на другой берег.

В Армении грекам опять пришлось бороться с интригами персов. *Тирибаз*, персидский наместник этой страны, заключил с ними мирный договор, но также скоро нарушил его. В отместку Греки захватили и разграбили персидский лагерь. Лишения греков усиливались тем, что проходя Армению в январе месяце они терпели гораздо больше

бед от зимних стуж и глубокого снега, чем от стычек с незначительными племенами. Однако, со временем убедившись что странные гуляки не претендуют на армянскую землю, аборигены оставили их в покое. Далее через какое-то время греки наткнулись в Каппадокии на людей, которые жили в пещерах вместе с домашними животными. Они решили остаться с этими людьми и видимо это их спасло от лютой голодной и холодной смерти. Греки отлично устроились там на зиму и даже, по-видимому, впервые бухнули по пивку, которое местные жители варили из ячменя. В один из дней, когда они уже собирались продолжить свой «исход из Вавилона» они обратили внимание, что аборигены тоже собирают куда-то свою экспедицию.

Эх снег, снежок. Белая метелица.

- Куда это вы собрались? Самых лучших коней отобрали. Не с нами ли хотите продолжить путь?

- Та ни, супостату дань готовим, - ответил беззубый вождь.

- И кто у нас супостат? – спросил *Ксенофонт*.

- *Артаксеркс*, кто ж ышо.

- Что ты сказал? Этот наглый обманщик вас доит? Так, всё! Мы конфискуем этих лошадей себе, так ему и передай.

Возникла стычка и небольшая потасовка. Греки отобрали лошадей, а в отместку за это обитатели пещер указали им неправильный путь к морю. Греки немного поблуждали, но их чуткие носы видимо уже учуяли морской воздух и они, как гончая по крови, пошли в

Море, море - мир бездонный. Мерный шелест волн прибрежных. Над тобой встают как зори. Нашей юности надежды.

сторону понта. Вперед у них всегда высылался отряд разведчиков. Вдруг те остановились и принялись что-то кричать размахивая руками и подкидывая шлемы в воздух. «Море! Море!» стало доноситься до колонны и всё побросав воины ринулись к нему.

- Мы дошли до моря! Мы спасены! Слава Зевсу, Гере, Посейдону, Аполлону, Аресу,

Артемиде, Афине, Афродите, Гестии, Гермесу, Гефесту и Деметре. Ураааа!!!

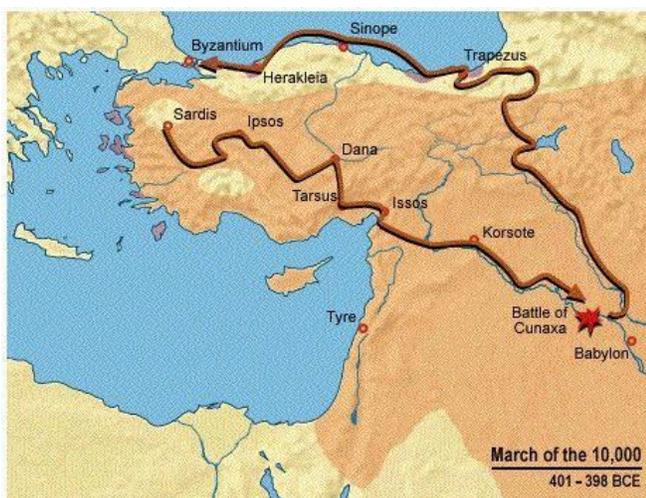
Первым греческим городом, который повстречался воинам *Ксенофонта* оказался Трапезунд. Они прибыли туда в начале февраля 400 года до н. э. Его жители были, мягко говоря, немного шокированы, увидев на своих улицах целую армию каких-то говоривших на греческом языке оборванцев, в порядке у которых содержалось только оружие. Однако, узнав кто это и откуда, закатили большой многодневный пир с жертвоприношениями и военными играми.

Из понтийского Трапезунда часть войска продолжила возвращение морем. На корабли погрузили больных, стариков (это тех, кому было свыше 40 лет), детей, женщин и все вещи, без которых можно было обойтись, остальная часть отправилась пешком. Однако теперь, когда на вояк опять повеяло греческим воздухом и исчезла опасность, исходящая от персов и варваров, между ними возникли разногласия и пробудилась страсть к грабежу. Граждане многочисленных греческих поселений южного берега Черного моря начали тяготиться своими гостями и всячески старались скорей от них избавиться.

Осенью этого же года часть воинов прибыла в Византий, где *Ксенофонт* хотел оставить войска и уехать на родину.

Но, придя в город воины поняли, что спартанцы к тому времени уже скорешились с персами. Спартанские начальники, которые правили этой колонией очень старались услужить персидским сатрапам. Они замыслили погубить возвращающееся на родину войско. Солдаты, возмущившись столь предательскими замыслами спартанского адмирала *Анаксибия*, пошли на штурм Византия и уже собирались начать грабить город, но разумные доводы авторитетного *Ксенофонта* всё же тормознули их.

Год и три месяца греческие наемники *Кира Младшего* добирались от Эллады до Вавилона и обратно. Восьмимесячный обратный путь от Кунакского поля боя (где убили *Кира* и откуда они начали своё возвращение) до Трапезунда на южном берегу Черного моря, составлял около 3300 километров. Из всего войска осталось в живых лишь около шести тысяч человек. Около 5000 из них под командованием мудрого *Ксенофонта*

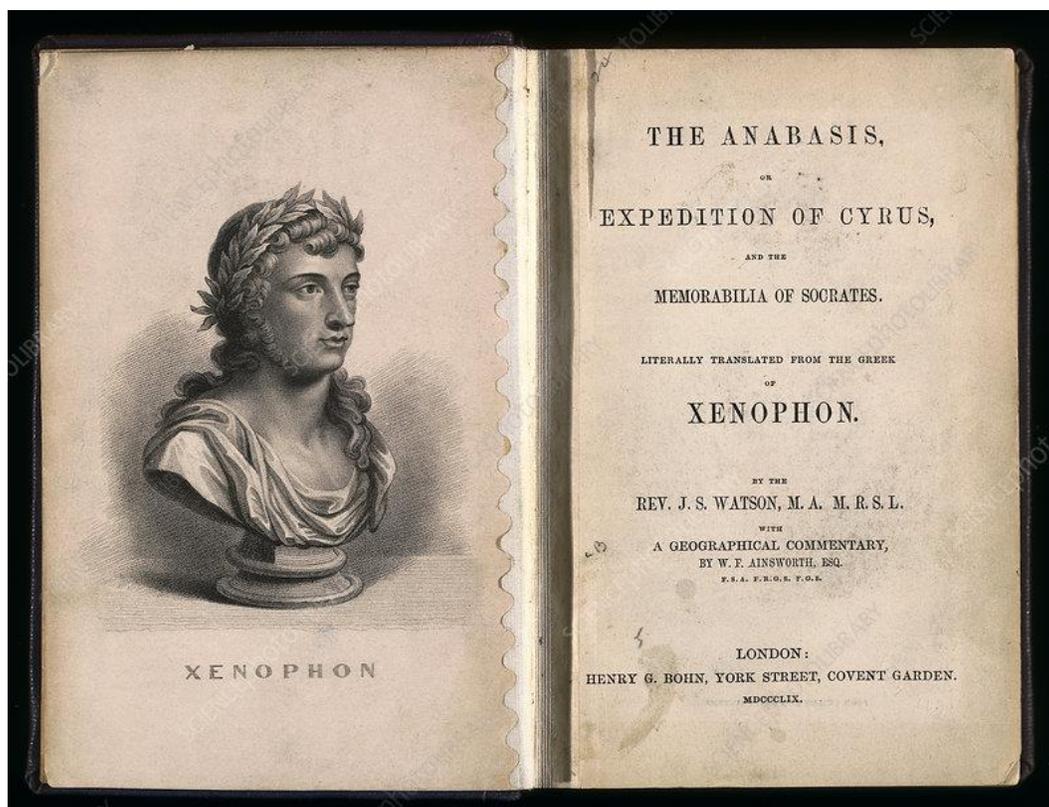

Путь 10.000 к Вавилону и обратно.

поступили на службу к фракийскому царю *Севту*, который сделал грекам самые блестящие предложения, а по укоренившейся традиции того времени при расплате обманул их. Потом они приняли участие в войне *Агесилая* против *Фарнабаза* в Малой Азии. *Ксенофонт*

разбогател, получив большой выкуп за богатого перса, захваченного в одном из сражений и спустя некоторое время вернулся в Элладу. А вот 400 его соратникам повезло меньше: за самовольные действия в Византии спартанские командиры продали их в рабство.

Примерно через 30 лет *Ксенофонт* описал все события в своём знаменитом труде «Анабасис», который историки считают одним из основных источников информации по истории военного дела в античной Греции.

Книга Ксенофонта «Анабасис», экспедиция Кира. Посвящена Сократу.

Лет через 40 после похода 10000 в Греции то там, то сям возникали различные конфликты. В основном они были вызваны желанием Спарты верховодить на всей территории Греции. Спарта стремилась к гегемонии путём насильственного расширения своего влияния и уничтожения демократических режимов, заменяя их олигархическим правлением. Однако, через какое-то время ресурсы Спарты (как финансовые, так и человеческие) истощились настолько, что она потеряла роль общегреческого гегемона, выдохлась и превратилась в рядовое государство Пелопоннеса, которое впоследствии уже никогда ничем не блистало. Афины попытались было воспользоваться этой ситуацией, но погрязнув в коррупции и различных политических махинациях также не сумели удержать лидерство в Греции. Это привело к тому, что в греческом мире восторжествовали

центробежные тенденции (проще говоря: все города-полисы разбегались из разных союзов по своим норам). В Греции уже не было более силы способной объединить города Эллады.

Этим не замедлил воспользоваться македонский царь *Филипп II*, который произвёл ряд реформ (как военных, так и экономических) и превратил своё царство в самое мощное государство Балкан. А что делает царь, возомнивший себя самым великим? Правильно – начинает завоёвывать всё вокруг. Поэтому *Филипп* начал операции по «принуждению к миру» сначала северные районы Балкан, а потом и Среднюю Грецию. Рост македонского влияния в Греции привел к расколу греческого мира, который поделился на промакедонские и антимакедонские группировки.

Тогда, чтобы покончить с этим расколом, в 337 до н. э., *Филипп II* созывает Коринфский конгресс всех государств Греции в котором отказалась участвовать только Спарта. На этой сходке была учреждена общегреческая Коринфская лига во главе с Македонией.

По дороге на конгресс *Филипп* собрался сделать остановку в красивом месте, но узнав, что там нет сочной травы для вьючных ослов, сказал:

- Вот наша жизнь: живем так, чтобы ослам было хорошо и по вкусу!

На конгрессе *Филипп* задвинул речь характерную для всех гегемонов-автократов (далее настоящий исторический текст перемешивается с бурной фантазией автора):

- Уважаемые члены Совета Независимых Греко-государств, депутаты всегреческого конгресса. Уважаемые граждане Греции! Весьма признателен за приглашение на столь представительную конференцию, которую я сам организовал и принудил вас всех на неё приехать. В эти трудные для всех греков годы призываю вас беспрекословно подчиниться мне, так как это будет высшим благом для всей нашей любимой Греции. – Попрошу для начала произнести следующие слова: «...я клянусь, что не буду ниспровергать ни царской власти *Филиппа* и его потомков, ни государственных устройств, существовавших у всех участников, когда они приносили клятвы на верность миру».

Все участники покорно и с мнимым восторгом промычали клятву.

- Далее призываю всех членов союзного совета и лиц, поставленных на страже общего дела, заботиться о том, чтобы в государствах, участниках мирного договора, не применялись ни казни, ни изгнания, вопреки установленным в этих государствах законам, ни отобрания в казну имущества, ни передел земли, ни отмена долгов, ни освобождение рабов в целях государственного переворота.

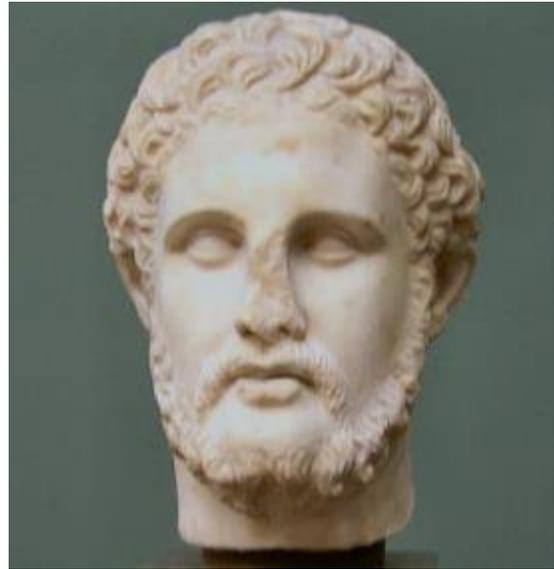
Царь простил нежелание Спарты участвовать в конгрессе. Хоть спартанцы и с явным презрением отнеслись к царю и к его постановлениям, считая не миром, а рабством тот мир, о котором не сами государства договорились, а который дарован победителем, он решил их пока не трогать.

- Чего волну гнать, сами приползут попозже, - подумал он.

Потом, когда его друзья возмущались, что на Олимпийских играх его освистали пелопоннесцы, с которыми он так хорошо обошелся, *Филипп* сказал:

- Можете себе представить, что же было бы, если бы я с ними дурно обошелся?

Через год после этого знаменитого заседания состоялась вторая сессия конгресса, которая была посвящена обсуждению предложенного царём *Филиппом II Македонским* грандиозного «национального» проекта — войны с Персией в отместку за прежние опустошительные походы ее царей в Элладу. После отказа персов выполнить требование *Филиппа II* о возвращении независимости ионийским и эолийским полисам, был найден формальный повод для вторжения и в 336 до н. э. македонская армия начала военные действия в Малой Азии. Однако, вскоре, после объявления войны, *Филипп II* погиб.

Филипп II Македонский

Гибель царя до сих пор представляет собой загадку и огромное поле для творчества выдумщиков-историков и писателей всех мастей. По факту же, зарезал *Филиппа* его преданный телохранитель *Павсаний*.

В один из прекрасных летних вечеров в 336 г. до н. э. в старой столице Македонии Эгах завершались торжества, посвященные бракосочетанию дочери *Филиппа* с молосским царем *Александром*. Буквально через несколько дней после этой пьянки-гулянки *Филипп* собирался отбыть в расположение войск, действовавших против персов в Малой Азии. В сопровождении двух *Александров*, зятя и сына, царь проследовал к входу в театр, где должна была состояться заключительная церемония бракосочетания. Однако узкий проход, ведущий в театр, вынудил свиту отстать. Под свод входной арки вступил царь, за ним оба Санька и телохранитель *Филиппа Павсаний*. Спустя несколько секунд царь упал, пораженный кинжалом *Павсания*. Убийца, бросив оружие, попытался смыться, но телохранители македонского царя прибили его на месте. Впоследствии смерть царя обросла различными версиями. В основном все пытались понять «кому выгодно». Греки подозревали одну из семи жён *Филиппа*, неукротимую *Олимпиаду*, которая возревновала любвеобильного муженька. Шептались, что сам царевич *Александр* (впоследствии Великий) причастен к убийству. Современные учёные обращают также внимание на фигуру зятя царя: *Александра Молосского*, который имел в убийстве и политический, и личный

интерес. Короче, дело ясное, что дело тёмное. Тем не менее, в результате убийства армия была отозвана на родину, а в Греции вспыхнуло антимакедонское восстание. Впрочем, восстание было легко подавлено новым македонским царём, сыном *Филипа II Александром III Великим*, который вторгся в Грецию, разрушил пару городов и продал в рабство всех жителей. Остальные полисы, увидев такую неистовость молодого царя подчинились ему без сопротивления.

Весной 334 до н. э. *Александр Великий* начал свой десятилетний Персидский поход, завершившийся гибелью персидской империи *Ахеменидов*, крупнейшей империи когда-либо существовавшей на Среднем востоке в древние времена и образованием мировой эллинистической державы.

Перебравшись через Геллеспонт, *Александр* первым делом посетил гробницу *Ахиллеса* в Илионе, где находилась воспетая *Гомером* легендарная Троя. Там он принёс жертвы и почтил память героев Илиады и также не забыл отдать дань духу троянца *Приама*. В последующие месяцы он одержал несколько блистательных побед: у реки Граник над объединёнными силами нескольких малоазиатских персидских сатрапий; без боя взял неприступную персидскую цитадель в городе Сарды; освободил ионийский Эфес, где предложил восстановить храм *Артемиды*, но жители города вежливо отклонили предложение; и наконец освободил от персидских наймитов самый главный ионийский город Милет. Так всего за одно лето *Александр* освободил от персидского владычества весь запад Малой Азии, восстановил демократическое правление у малоазиатских греков, чем приобрел у них любовь и уважуху, а также заслужил уважение среди туземных племен за то, что снизил налоги и усовершенствовал административное управление.

Позднее в главах, посвящённых нашему с папой путешествию по Малой Азии, мы немного познакомимся с некоторыми из вышеприведённых мест. Сейчас же я просто отмечу, что *Александр* так быстро проскочил территорию Малой Азии, что в некоторых провинциях (сатрапиях) он даже не появлялся. Главный противник его ждал на востоке, в Малой Азии он оставил лишь одного из своих военачальников *Антигона-одноглазого* (партийная кличка – «Циклоп»), который должен был довести все дела до полного ажюра на этой территории.

Антигон-одноглазый

Понтийское царство (от основания до Митридата VI Евпатора). Интересно, что как в далекой древности, так и сейчас среди историков нет единого мнения в том, кого считать единственным создателем Понтийского царства и династии. В основном это, по-

видимому, связано с двумя причинами: первая - почти все правители носили схожие имена (*Митридат* и *Ариобарзан*), а летописцы поначалу не заморачивались их нумеровать или нумеровали как им заблагорассудится и вторая – это путаница между тем кто был просто правителем и тем, кто уже называл себя царём. По тем временам мало было объявить себя царём, нужно было обладать определёнными атрибутами власти (происходить от какого-то знаменитого предка, иметь своё войско, чеканить свою конвертируемую монету, владеть значительной территорией) и главное - быть признанным в статусе царя другими царями. Мы не будем подробно дискутировать на эту тему, а просто быстро пройдемся по списку понтийских правителей и царей пока не остановимся на времени правления самого видного и значительного из них - *Митридата VI Евпатора*.

Всё, наверное, началось с *Митридата II* (в соответствии с большинством исторических источников будем называть его *Митридат II Киосский*), который правил в городе Киос, расположенном на азиатском берегу Мраморного моря. Этот город был основан греками из Милета и на протяжении своей истории несметное количество раз переходил из рук в руки различных правителей. *Митридат II Киосский* был из древнего персидского рода и являлся потомком малоазиатских сатрапов при персидском владычестве. Его родословная восходила к одному из сподвижников *Дария I – Отану*, вдохновителю заговора семи знатных персов против мага *Гауматы*. В результате этого заговора к власти в империи в 522 г. до н. э. пришёл *Дарий I*.

После смерти *Александра Великого* его ближайшие ставленники полководцы (диадехи) приступили к долгому дележу величайшей империи. *Митридат II Киосский*

«Циклоп», в голливудском представлении.

сначала служил одному из полководцев-диадеху *Евмену*, который завершил завоевание Каппадокии в центре Малой Азии. *Евмен* надеялся оттяпать свой кусок от бывшей империи *Александра* и конкурировал в Малой Азии с другим диадехом *Антигоном-одноглазым*. Это противостояние закончилось тем, что одноглазый пленил *Евмена* и впоследствии приказал придушить его в темнице. *Митридату* ничего не оставалось, кроме как перейти на службу победителю. Всё бы ничего, но однажды *Антигону* (циклопу) приснился сон, в котором *Митридат* собирается его предать и перейти на сторону ещё одного участника дележа – *Кассандра*. Сон, видимо, был с четверга на пятницу, и «Циклоп» решил, что надо бы *Митридата* на всякий случай порешить. Этими мыслями он поделился со своим сыном. Однако отпрыск симпатизировал *Митридату*.

Несмотря на то, что «Циклоп» взял с сына клятву молчать, тот сумел предупредить друга о батькином коварном замысле и написал копьем на земле «Беги Митридат, беги». Поступив так он и другу помог, и слово сдержал. *Митридат* долго не думая утёк в Каппадокию, где укрепился в крепости Кимиата у подножия гор на границе с Пафлагонией. Он искусно использовал междоусобную войну александровских диадохов: захватил часть богатой Каппадокии и прибрежные к Понту территории, сплотив вокруг себя большое число подданных. Однако, в 302 году до н. э. одноглазый всё же его достал и казнил по подозрению в измене.

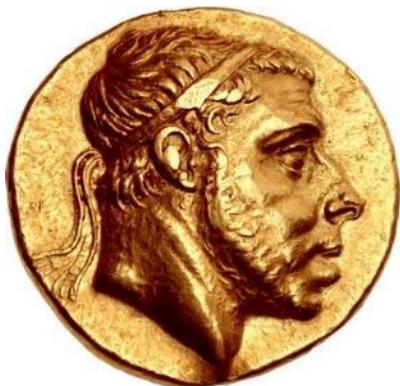
После казни *Митридата II Киосского* освободившийся пост достался его сыну и законному наследнику *Митридату I Ктисту* (строитель), позже ставшему основателем Понтийского государства. Понимая, что следующим после папани на плаху потащат его, он с шестью всадниками скрылся от преследований «Циклопа» и нашёл убежище в родовых владениях своих предков в Пафлагонии. Во время своего тридцатишестилетнего правления *Митридат I Ктист* занимался тем, чем занимаются все искатели власти и приключений: грабил караваны, поработал местные племена и собирал дань. Вскоре он добавил себе множество новых подданных и земель у Понта Эвксинского. Его узурпаторские успехи не пропали даром, а привели к тому, что в 297 году до н. э. он в одно и то же время с властителем соседнего Вифинского царства получил царский титул. Исходя из этого, 297 год до н. э. можно считать годом образования Понтийского царства. Образованию царства в немалой степени способствовали длительные распри среди македонских стратегов, удерживавших власть лишь с помощью военной силы. Местное население фактически находилось в противоборствующем лагере и относилось к македонянам враждебно. После смерти *Митридата I Ктиста*, около 266 до н. э., царский престол перешёл к его сыну *Ариобарзану*.

В конце концов, спустя почти пятьдесят лет после смерти *Александра Великого*, делёж его империи постепенно закончился и какой-никакой порядок был установлен. В результате империя была поделена на несколько эллинистических государств во главе с суверенными властителями: *Птолемей* правил Египтом, южной Сирией и некоторыми территориями на южном побережье Малой Азии; *Антиоху* достались обширные азиатские территории *Селевкидов*; Македония и Греция (за исключением некоторых регионов) достались «Циклопу» *Антигону*. Помимо этих трех великих монархий было несколько небольших государств, которые иногда играли важную роль в истории региона. Например, в западной части Малой Азии находилось государство *Атталидов* со столицей в Пергаме и морская держава остров Родос.

Что касается территории Малой Азии, то этот обширный и богатый регион постепенно выходил из-под крышевания его диадохами и был заново поделён на сферы влияния. К этому времени Понтийское царство уже было одним из ведущих государств полуострова Малая Азия (Анатолия) со столицей в городе Амасия, родиной великого географа и историка древности *Страбона*. Последующая за ним пара-тройка понтийских царей продолжала потихоньку оттяпывать себе небольшие куски земель у более слабых племён, но зачастую цари пытались решать вопросы утверждения своего могущества с помощью дипломатии. Основная задача их дипломатии заключалась в том, чтобы переженить своих отпрысков на отпрысках властителей других крупных эллинистических государств, укрепляя тем самым международные позиции своего царства.

Следующей заметной фигурой Понтийского царства стал весьма агрессивный и изворотливый царь *Фарнак I*. Главной заслугой этого правителя был захват и подчинение

Фарнак I.

Город-полис Синопа.

города Синопа в 183 году до н. э. Синопа был самым первым греческим полисом-колонией на Чёрном море. Эта территория являлась очень жирным и лакомым кусочком. Город имел две прекрасные гавани, которые делали его *супер-пупер* удобным перевалочным пунктом

как между колониями Чёрного моря, так и между Чёрным и Средиземным морями. Кроме того, этот город находился на пересечении торговых путей караванов идущих и из Европы, и из Азии. Надо отметить, что в это время в Европе всю хозяйничал республиканский

Последние секунды жизни Ганнибала.

Рим. Отгрохотали уже две Пунические войны (войны между Римом и Карфагеном) в результате которых Карфаген потерял все свои владения за пределами Африки, а его некогда величайший полководец *Ганнибал* уже совершил суицид отравившись ядом. Кстати, дни его закончились рядом с Понтом - в Вифинии, куда он попал после того, как потаскался немного по Армении. Он приехал с визитом к царю Вифинии *Пруссию*, который, вероятно, оказался римским холуём и коварно сдал его своим западным кураторам. Когда римские солдаты окружили *Ганнибала*, он, недолго думая слизал яд из перстня, который на всякий случай всегда носил при себе,¹⁶ запил его

вином и ушёл в небытие.

Так вот, Рим был не в восторге от того, что *Фарнак* прибрал к своим рукам Синопу. Одной из причин недовольства было то, что на владение этим городом претендовали также и родосцы, которые в то время вели дружбу с Римом и представляли собой довольно мощную морскую силу. Сразу после захвата Синопа *Фарнак* направляет посольство в Рим и предлагает римлянам любовь, дружбу и вечный союз. Рим же, следуя своей обычной дипломатической бюрократии, отправляет комиссию для рассмотрения «синопского» дела. Комиссия сочла действия *Фарнака* неопасными для Рима и отклонила притязания родосцев. Воодушевленный этим благожелательным решением Рима *Фарнак* полностью распоясался и напал на соседние государства: Вифинию, Пергаму и Каппадокию, которые, кстати, тоже были римскими союзниками. Как отмечает историк Моев¹⁷ «...Борьба союзников между собой в Риме всегда рассматривалась, скорее, как положительный фактор, поскольку, во-первых, она ослабляла их и увеличивала зависимость от Рима, а, во-вторых, при успешном возвышении одного из них Рим всегда мог остановить своего слишком зарвавшегося союзника руками других союзников...»

Обиженные *Фарнаком* цари бросились в Рим требуя найти управу для возмнившего себя пупом Малой Азии *Фарнака*, но Рим всячески затягивал с ответами, юлил и переводил стрелки с одного на другого. Целью такого промедления было желание чтобы в завязавшейся малоазиатской кутерьме его союзники колотили бы друг друга, тем самым

ослабляя себя. В конце концов соседние цари объединились и вынудили *Фарнака* заключить мир. В результате переговоров Понт заключил двусторонний договор с крымским Херсонесом и отказался от своих завоеваний в Галатии и Пафлагонии. Участие Херсонеса в мирном договоре давало ему возможность сблизиться с Понтом и надежду на своевременную помощь в борьбе со скифами. Ориентация Херсонеса на Понт может также объясняться его давними тесными связями с Синопой, ставшей столицей Понтийского царства.

Следующим царём Понта был брат и преемник *Фарнака I Митридат IV Филопатор Филадельф*. Он продолжил проримскую политику своего брата, но по отношению к своим соседям немного её видоизменил: вместо того, чтобы быть врагом всем царям Малой Азии он скорешился с царём Пергама *Атталом II* и теперь уже в паре они гоняли остальных правителей по всему полуострову.

В 150 году до н. э. на престол Понтийского царства вступает сын *Фарнака*, седьмой царь Понта *Митридат V Еввергет (благодетель)*. Этот правитель уже не только демонстрирует свою лояльность Риму, но и оказывает им реальную помощь кораблями и десантом при штурме римлянами Карфагена во время третьей Пунической войны. Он также помогает Риму закрепиться в Пергаме участвуя в подавлении восстания *Аристоника Пергамского*, который вдруг решил взбрыкнуть на республику. В результате подавления восстания Пергамское царство загнулось и досталось Риму. Тот в благодарность за союзничество подарил *Митридату V* нехилый шмат земли (Фригию). Далее царь-«благодетель» выдал свою дочурку за царя Каппадокии, и тем самым увеличил своё влияние в малоазиатском регионе и свел к минимуму возможность конфликта между двумя государствами. Все достижения пятого *Митридата* находились под пристальным вниманием Рима.

Митридат Еввергет

И тут однажды в римский сенат пришла шифр-телеграмма от своего резидента на Крите: «*Юстас - Алексу. Митридат через свое доверенное лицо (генерала Дорилая Тактика) занимается вербовкой наёмников для понтийской армии*».

- Нафига ему столько воинов? - забеспокоились римские сенаторы на заседании своего штаба национальной безопасности.

- Для чего это бряцанье оружием? Может он собирается напасть на наших малоазиатских вассалов и стать единоличным властелином Малой Азии?

- Как бы там ни было, надо бы что-то предпринять, - решили сенаторы.

- Да, но если мы ошибаемся, то можем потерять союзника и восстановим против себя тьму народа.

- Что ж, ситуация непредсказуемая и очень тревожная, - подытожил спикер парламента и поручил римской службе внешней разведки разработать ряд предложений по снятию напряжения в регионе.

Те же, недолго думая, решили использовать свою излюбленную тактику: «Нет неугодного царя, нет проблемы» и заслали в командировку (типа полюбоваться шпилями синопских башен) двух спецагентов. Они же, в свою очередь, вдоволь нагладевшись видами Синопа, напросились на один из банкетов, которые частенько устраивал царь *Митридат V Еввергет*. На банкете, уловив удобный момент, «туристы» сыпанули царю в чай, какое-то недавно разработанное в подвалах римского Капитолия зелье. Царь отхлебнул из своего

Туристы из Рима на банкете у Митридата Еввергета.

кубка, икнул удивлённо и испустил дух. Об этом открыто пишет *Страбон*: «*Еввергет изменнически убит в Синопе “друзьями”, составившими против него вероломный заговор*». При разборе банкетного инцидента синопская полиция даже подозревала, что в заговоре была замешана и жена *Митридата Лаодика*. Неспроста после смерти мужа она была назначена регентшей своих малолетних детей и вся верховная власть досталась именно ей.

Судя по всему, *Лаодика* была та ещё штучка. В её жилах текла кровь царей *Селевкидов*, первый их которых был *Селевк I Никатор*, служивший начальником конницы в армии самого *Александра Македонского*. С раннего детства она видела, как происходит

борьба за власть, была в курсе всех приёмчиков и махинаций, применяемых в этой борьбе. Её отец *Антиох IV Епифан* был последним из действительно великих правителей державы *Селевкидов*. Он провёл ряд удачных военных кампаний против египетских *Птолемеев* и чуть было не аннексировал Египет, который от этой участи спасло лишь весьма своевременное вмешательство Запада в лице римских легионеров. После смерти *Епифана* на престол вступил родной брат *Лаодики Антиох V Евпатор*, но долго править империей

Святое семейство: Лаодика, её папа Антиох Епифан и брат Антиох Евпатор.

ему было не суждено, всего через два года он был убит своим двоюродным братом *Деметрием*. Впрочем и *Деметрий* тоже ненадолго задержался у власти. Его в свою очередь сверг самозванец *Александр Балас*, а *Баласа* через пять лет прикончил сын *Деметрия Сотер*. Таким образом, по достижению возраста невесты мадемуазель *Лаодика* была уже довольно хорошо осведомлённой и подготовленной к борьбе за власть персоной. После получения статуса регентши она начала строительство новой столицы, которую весьма нескромно назвала «*Лаодикея*». Однако управлять Понтом у неё не очень получалось. Постепенно, царство стало утрачивать свои позиции в Малой Азии. От *Евергета* у *Лаодики* было семеро детей. среди которых будущим правителем должен был стать старший из них *Митридат VI Евпатор*.

Понтийские цари и время их царствования вплоть до *Митридата VI Евпатора*.

Митридат I Ктист (302–266 до н. э.)

Ариобарзан (266–255 до н. э.)

Митридат II (255–220 до н. э.)

Митридат III (220–190 до н. э.)

Фарнак I (190–159 до н. э.)

Митридат IV Филопатор Филадельф (159–150 до н. э.)

Митридат V Евергет (150–121 до н. э.)

Понтийское царство (Митридат VI Евпатор – настоящий понтёр).

(I) Кометы. Судьба самого знаменитого в истории Понта государя-полководца *Митридата VI Евпатора* была совсем нелёгкой. Из-за козней своей мамыши *Лаодики* и всяких прихвостней-опекунов из её окружения он не смог сразу унаследовать законно причитающийся ему отцовский трон. Когда его отца отравили ему едва стукнуло 11 лет. Для того, чтобы не оказаться следующей жертвой ему пришлось продолжительное время скрываться, опасаясь за собственную жизнь. Но, давайте всё по порядку.

На дворе был 132 год до н. э. Несколько понтийских воинов грелись у ночного костра, который они развели на холме у синопской гавани, будучи там в карауле.

- Подбрось-ка ещё пару дровишек в костёр, - попросил самый старый и опытный солдат. - Чего-то сегодня с понта дует прохладой.

- Это тебя от старости уже морозит, - ответил один из тех, что помоложе. – Ты и так почти в костёр залез. Смотри, не ровен час, загорится твоя борода.

Молодые воины, прикалываясь над старым воякой, напоминали собой крошечных львят, которые пытаются укусить мощного и громадного папу-льва. Тем не менее, один из них встал, взял пару поленьев из лежащей в стороне связки и подкинул их в костёр. Вдруг всё вокруг осветилось огнём и светом.

- Ты что наделал? - вскочил старый воин. – Что ты бросил в огонь?

- Да ничего такого, простые поленья.

- Смотрите! - завопил другой солдат и указал рукой в небо.

- Матка боска! Что это такое?

Народ задрал головы вверх и с удивлением, перемешанным со страхом наблюдал как с Востока по небу увеличиваясь в размерах плыла горящая звезда. Огненный хвост кометы растянулся на половину небосвода и закрывал собой весь млечный путь.

- Это «волосатая звезда», - пояснил начальник караула, подходя к группе постовых солдат. – От этого ничего хорошего не ждите. Она несёт нам войну, кровь, болезни и смерть предрекает гибель царя и крушение его царства.

Люди с ужасом смотрели на небо размышляя о своём будущем.

- Да нет, вы всё неправильно интерпретируете, - вмешался в разговор молодой воин-наёмник, явно не из местной братвы. – В моих краях считают, что это небесное тело, обращающееся вокруг Солнца по весьма вытянутой орбите в виде конического сечения. Согласно поверью, его появление возвещает о приходе царя-спасителя, мессии или великого вождя, который победит всех врагов.

- И откуда этот вундеркинд здесь? – спросил начальник караула.

- Я с Ближнего Востока, из городка Вифлеем, что на Западном берегу великой еврейской реки Иордан, недалеко от Иерусалима.

- И много у вас там умников?

- Да почитай все, - смущаясь ответил молодой воин.

- Понятно. Всем продолжать нести караул, а я пойду послушаю о чем по этому поводу шепчутся во дворце.

В эту ночь у Понтийского царя *Митридата V Еввергета*, у которого уже было несколько первенцев-дочек подряд наконец-то родился наследник. Сына назвали *Митридатом VI Евпатором*, что означает рождённый от славного отца.

Судя по всему, история о появлении кометы близка к правде. Так известный историк *Юстин*, основываясь на утраченной ныне истории *Помпея Трога* писал «*Ибо и в тот год, когда он родился, и в тот год, как начал царствовать, в течение семидесяти дней была видна комета, которая светила так ярко, что, казалось, будто все небо пылает огнем. По величине она занимала четвертую часть неба, а блеском своим затмевала солнечный свет, между восходом ее и заходом проходило четыре часа*¹⁸». Изображение кометы на монетах, чекинившихся во время правления *Митридата VI Евпатора* также, по-видимому, может служить подтверждением правдивости этой истории.

Второе знамение свершилось всего спустя пару месяцев. Был жаркий и душный вечер. По всему дворцу все окна были открыты настежь. Народ маялся от жары и ждал дождя как манну небесную.

- *Евника*, зараза ты этакая, неси своей хозяйке льда, да побыстрей! Не видишь - мне жарко, - кричала царица *Лаодика* своей рабыне.

- Ага, сейчас. Только разбег возьму. Думаете мне не жарко? Я даже когда моргаю, то уже потею.

- Беги, паразитка, за льдом, не то пошлю тебя в казармы солдатские, там тебя солдафоны быстро научат родину любить и хозяйку почитать.

- Ой, напугали ежа голой задницей. Была я в этих казармах, и не раз. Теперь эти brave защитники отечества сразу на учения убегают когда видят что я к ним направляюсь.

И вот, в то время, пока продолжалась эта вялотекущая перепалка между царицей и её персональной фрейлиной, вдруг засверкали молнии и раздался гром. Поднялся ветер и ливень хлынул как из ведра. Неожиданно покои царицы озарились ярким электрическим светом. Это через открытое окно залетела шаровая молния и покружив по комнате, словно выискивая себе жертву, направилась к кроватке где спал младенец - наследник *Евнатор*. Царица замерла в оцепенении. Молния ударила в колыбель, пеленки мгновенно вспыхнули, но младенец остался невредим, не считая метки на лбу, оставшейся на всю жизнь.

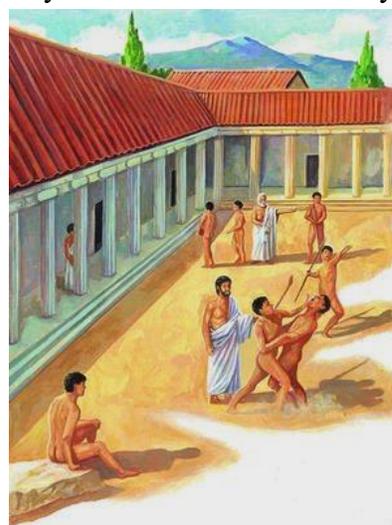
Эти истории об ударе молнии и яркой комете должны были символизировать величие и значимость будущих побед небом избранного повелителя, провозглашая его новым *Дионисом*, которого, как известно, тоже когда-то шандарахнуло молнией.

Перспектива быть малолетним наследником престола в те времена была незавидной, а регентство властолюбивой мамы еще больше усугубляло опасность ситуации. К

примеру, правительница соседней Сирии *Клеопатра* убила своего старшего сына для того, чтобы править страной от имени младшего. А в соседней Каппадокии тамошняя царица вообще умудрилась отравить пятерых своих детей и оставила в живых только младшего сына, от имени которого она собиралась править.

Евнатор поначалу не понимал почему маманя не была приветлива с ним так, как с его младшим братишкой *Хрестом* (милостивый). Чтобы скрасить одиночество, он всё больше времени начал проводить в дворцовой библиотеке, где получал знания не только по истории и географии, но также по фармацевтике и медицине. Вопросы создания ядов и противоядий занимали особое место в его самообразовании. Забегая вперёд отметим что *Евнатор* настолько глубоко и серьёзно работал над темой ядов, что достиг на этом поприще определённых успехов и стал пользоваться даже некоторым авторитетом в научных кругах.

Чтобы его не постигла участь отца, он с детства начал принимать понемногу один яд за другим, осторожно увеличивая дозы, стараясь, тем самым, выработать у себя привыкание к ним. Он также разрабатывал и противоядия. Например, как писал *Плиний Старший*, он придумал противоядие состоявшее из 54 ингредиентов, одним из компонентов которого была даже кровь понтийской утки, вскормленной ядовитыми травами.

Несмотря на свои прилежные занятия в библиотеке *Евнатор* был далеко не «ботан». Лишь немногие во дворце знали, что наследник там не только читает скучные книжки, но и качает мышцы, учится владеть мечом и копьем. Однажды его матери всё-таки донесли об этом и она решила поддержать желание *Евнатора* научиться ратному мастерству, в надежде что на занятиях его кто-нибудь случайно пришибёт намертво или зарежет.

- *Евнатик*, сыночек дорогой, подойди к мамочке, - подозвала наследника коварная *Лаодика*. – Почему ты скрываешь от меня, что занимаешься бодибилдингом и искусством умерщвлять людей с помощью холодного оружия? Ты наверное хочешь быть сильным и красивым как *Геракл*?

- Мама, я боялся, что если ты узнаешь об этом, то прикажешь своим опричникам прибить меня, - скромно, потупившись в пол, ответил наследник. - Ведь с ядами у вас не очень-то получается, - на этот раз уже с хитрой ухмылкой добавил он.

Лаодика вспыхнула, но попыталась поддержать шутливый тон сына.

- Мамочка хочет, чтобы её сынок поскорее вырос, стал сильным и умным и наконец-то начал единолично править царством.

После того как она произнесла всё это, её чуть не хватил кондратий.

- Тебе надо побольше заниматься ратным мастерством, чтобы стать непобедимым воином, - продолжала царица, хотя в действительности подумала, что может на военных учениях его укокошить будет полегче, да и подозрений возникнет поменьше.

- Спасибо, дорогая моя родительница. Я буду заниматься фехтованием по два раза в день. И не беспокойся за меня – я буду очень осторожен.

- Осторожничать тут не надо. Осторожничая ты ничему не научишься. Бросайся в самую гущу битвы, не бойся рубиться с двумя или даже тремя противниками одновременно. И не носи ты этих лат, панцирей и шлема. Они тебя будут только сковывать в движениях. И знаешь, я тут ещё подумала, тебе надо бы научиться скакать на лошади. Пойди на конюшню и попроси нашего конюха дядю *Виорела* чтобы он дал тебе недавно пойманного в степях Каппадокии дикого жеребца по кличке «Кровавый киллер». Тебе надо будет его усмирить и преодолеть конкурную трассу высшей степени сложности, под названием «Чёрная смерть». При этом попроси ещё дядю *Никандра*, начальника наших лучников, чтобы он дал приказ своим лучшим снайперам палить в тебя отравленными и

зажигательными стрелами, когда ты будешь на лошади преодолевать горящие препятствия. Это будет для тебя хорошая тренировка, которая научит тебя скакать на лошадке и уворачиваться от стрел.

- Мам, но я ещё никогда не сидел верхом на лошади, а тут сразу конкур со стрельбой...

- Ничего, сынок, тяжело в ученье, легко в бою, как в будущем скажет один великий полководец.

Евнатор утёр слёзы и пошёл на конюшню. Там дядя *Виорел* подвёл его к стойлу с «Кровавым киллером». Свою кличку этот конь не зря получил. Когда во время его ловли лучшие мустангеры пытались набросить на него лассо и стреножить, он отправил на тот свет ни много ни мало 17 человек. Мальчик тихонько подошёл к коню и ужаснулся его размерами. Конь был поистине гигантом. Он раздувал ноздри, храпел, прядал ушами и недобро поглядывал на мальчика исподлобья.

Евнатор слегка нахмурился и тихо произнёс:

- Бахталэс (привет). На дарпэ (не бойся). Джюкел джюклес на хала (пёс пса не укусит).

- Мишто явъян (добро пожаловать), - ответил конь. - Сыр ту дживэса? (как ты поживаешь).

- Ах так, значит ты говоришь по-цыгански, - удостоверился *Евнатор*. - Отлично, тогда нас никто не поймёт.

- Са авэла мишто (всё хорошо). Мэ тут мангав на холясов (я тебя прошу не злись).

- Мишто (хорошо), - ответил конь и подмигнул пацану.

- Мэ тут мангав (я тебя прошу) ... далее он что-то стал нашёптывать коню в уши, отчего тот утвердительно мотал головой и улыбаясь скалил огромные желтые зубы.

- Мэ дава тукэ миро лав (я даю тебе слово), - опять громко сказал *Евнатор* и потрепал коня по загривку. - Польян? (понял).

- Шукар (ладно), - ответил конь.

Тогда мальчишка вскочил на коня и вылетел на нём во двор. Погарцевав там немного вороной гигант показал отличную «выездку». Потом пацан опять что-то сказал коню в ухо и тот встал на дыбы, заржал и лягнул копытом конюха *Виорела*, который стоял и зачаровано

наблюдал за происходящим. После этого юный наездник направил коня на трассу конкурса и без ошибок прошёл все препятствия за рекордное время.

- Святая *Деметра!* – завопила ошарашенная *Лаодика*. - Это какой-то дьявол, а не человек.

Вот так молодого *Митридата* спасло хорошее знание иностранных языков. Не зря, значит, он просиживал свои штаны в библиотеках. Он и впоследствии прилагал много усилий для изучения иностранных языков и был единственным из всех людей умеющим говорить на двадцати двух языках. Как указывал всё тот же великий историк *Плиний Старший* «*в течение 56 лет своего царствования Митридат Евпатор ни к одному человеку из подвластных ему племен ни разу не обратился через переводчика*».

Так, продолжая совершенствоваться физически и умственно, молодой наследник престола преобразился в рослого, сильного и красивого юношу. *Митридат Евпатор* стал великолепным бойцом и прекрасным наездником. О его отличной физической подготовке свидетельствует *Аппиан*: «*Телом он был крупен, насколько можно судить по оружию, которое он послал в Немею и в Дельфы; крепок настолько, что до самого конца ездил верхом, мог кидать копья и проезжать в день тысячу стадий (~178 км.), меняя на известных расстояниях лошадей. Он правил колесницей, запряженной сразу 16 лошадьми*».

Однако *Митридат* чувствовал, что когда-нибудь его дорогая мамашка со своими прихлебателями всё же доберётся до него. Он понимал, что ему надо скрыться на время, набраться опыта и обрести связями, а уж потом, на законных правах наследника трона, захватить власть в государстве. Так как он был под неусыпным наблюдением понтийских жандармов, смыться с маминых глаз незамеченным было не просто. И тогда он с несколькими своими корешами разработал целый план побега. Он начал делать вид, что увлёкся охотой. Стал частенько выезжать за город, учиться выслеживать зверя, ставить капканы и силки и постигать азы следопыта. Он даже начал разводить охотничьих собак. И вот в один день он громогласно заявил что отправляется на очередную охоту. Царица, как обычно, послала за ним парочку филлеров (тайных наблюдателей). *Митридат* спокойно выехал за городские ворота и после этого очень долгое время не возвращался в Синопу. Во дворце поднялся переполох, снарядили поисковую группу, но все усилия поисковиков пропали даром. От *Митридата* и его товарищей и след простыл, а филлеров нашли повешенных с табличками на груди, на которых было написано «*я следил за Митридатом и вот что из этого вышло*».

Митридат был в высшей степени осторожным и недоверчивым человеком. Как писал *Юстин*: «*В течение семи лет он ни одного дня не провел под крышей ни в городе, ни в деревне. Он бродил по лесам, ночевал в разных местах на горах, так что никто не знал,*

где он находится. Он привык быстро убежать от диких зверей или преследовать их, а с некоторыми даже мерился силами. Таким способом он и козней врагов избежал, и тело свое закалил для перенесения доблестных трудов». Говорили, что одно время он прятался у царя Малой Армении *Антипатра*, который по достижении беглецом совершеннолетия

Питер Поль Рубенс. 1612. Каледонская охота на кабана.

помог ему вернуть отцовское наследство. А уже когда *Митридат* смог утвердиться на Понтийском престоле, то добровольно передал ему свои владения, поскольку не имел прямых наследников.

И вот, как только *Евпатору* стукнуло 18 годков, он собрал небольшую армию состоящую в основном из армян и греков и двинулся домой в Понт, в Синопу.

В ночном карауле, на холме над синопской гаванью у костра грелось несколько понтийских воинов. О чём бы разговор они не начинали, через некоторое время он неизменно скатывался на скользкую тему о тяжёлом и несправедливом житие-бытие в царстве.

- Слышали, наша царица опять часть земли римлянам отдала, - сказал один из воинов.

- Когда же это кончится? - риторически спросил другой солдат. - Сколько мы при *Евергете* земли завоевали! А эта, с позволения сказать, госпожа регентша со своим придурковатым сыночком, все профукала.

- А налоги - то с каждым годом растут и растут. Скоро за воздух, которым мы дышим, платить заставят. Нет мочи терпеть уже.

- Эти дети волчицы почти весь урожай за этот год себе в Рим увезли. Чем детей кормить будем?

- О хо-хо хо-хо. - закричал самый старый вояка. – Нема хозяина на земле понтийской. Такого чтоб объединил и поднял весь народ на борьбу за независимость. Мы потомки *Александра* и *Ахеменидов* должны каким-то макаронникам дань платить. Позор на мою седую бороду.

- Ты бы отодвинулся от костра, а то, не ровен час, подпалишь её.

- А ты бы не скалился на ветерана, а подкинул бы дровишек в костёр. Нынче холодом с понта тянет.

Солдат взял пару поленьев из связки и бросил в костёр. Всё вдруг вокруг осветилось ярким светом.

- Ты что в костёр кинул, олух царя небесного? – закричал, вскакивая ветеран.

- Да обычные поленья, - ответил он.

- Смотрите! - заорал молодой воин, указывая на небо.

Народ поднял головы вверх, и все увидели пылающую комету, хвост от которой растянулся на полнеба.

- Итить твою через коромысло, - выругался ветеран. – Неужто опять «волосатая звезда» прилетела. Ждите теперь неприятностей.

- Да нет, необязательно неприятностей, - вступил в разговор молодой солдат с длинными пэйсами свисающими с висков. То что вы видите - это космическое тело, которое обращается вокруг солнца с определенным периодом. При полёте к светилу оно образует светящийся хвост из газа и пыли, что отличает его от астероида, например. На исторической родине моего отца, - продолжил солдат своё выступление, - считают, что появление кометы может быть предвестником прихода мессии, нового вождя, который освободит народ.

- Кого-то ты мне напоминаешь, - задумчиво сказал старый воин.

Семьдесят дней и ночей полыхала в небе комета, предвещающая великие события и потрясения. В эти судьбоносные дни *Митридат V Евпатор* прибыл в Синопу.

Приход законного молодого наследника оказался триумфальным. Толпы народа встречали его песнями и размахивали пальмовыми ветвями, приветствуя криками:

“спасение, радость, слава”. Люди истосковались по былому величию своей страны. Никто не хотел защищать царицу-регентшу с её младшим сыном, считая их предателями отчизны и наймитами запада.

Утвердившись на престоле *Евпатор* первыми же своими деяниями показал, что клыки у него выросли, что он жаждет крови и что шутить с ним ни-ни. Перво-наперво он приказал арестовать свою маманю и заточить её в темницу, где, впрочем, вскоре она и загнулась. Сама ли от горя или помог кто - история умалчивает. Потом он устроил образцово-показательную казнь младшего братишки и женился на своей младшей сестрёнке, которую, как и мамашку, звали *Лаодика*. Надо сказать, что это была распространённая практика тех лет. Чтобы сохранить чистоту крови братья и сёстры часто вступали в инцест для рождения наследников, а в повседневной жизни сожительствовали с кем хотели. И в довершение истории про родственников - он устроил пышные похороны для своей матери и брата, показав народу, что он настоящий понтёр и реально умеет кидать понты. В чем мы ещё не раз убедимся.

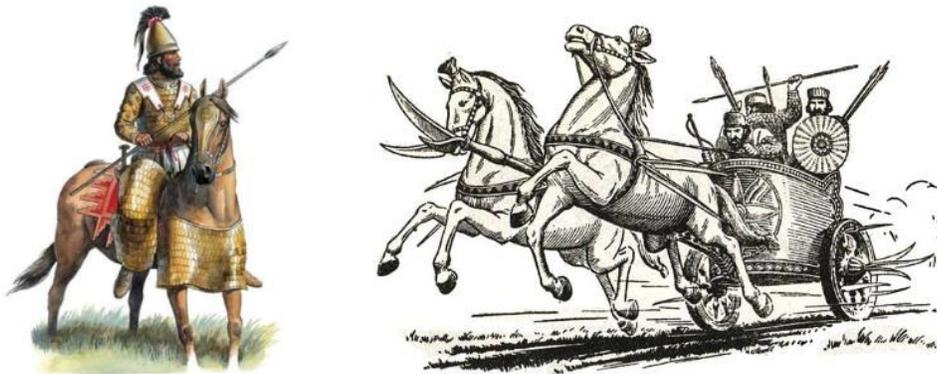
Лаодика - сестра и жена Евпатора.

Какое-то время *Митридат* уделил организационным делам по обустройству государства, а потом приступил к формированию и тренировке армии. Он создавал свою армию в классическом стиле армии эллинистического типа, где за основу бралась македонская военная школа *Александра Великого* и местные воинские традиции. В основе армии были царская гвардия, подразделения фаланги и отряды кавалерии. По составу понтийская армия была представлена отрядами гоплитов из тех греческих городов, которые находились в зависимости от Понта, а также из контингентов наемников, завербованных

Критский лучник и фракийский пехотинец.

в различных регионах Причерноморья. На Крите нанимались известные своим мастерством на весь античный мир лучники, во Фракии (территория современной Болгарии, северной Греции и Европейской Турции) - тяжёлая и лёгкая пехота, использовавшиеся в основном при первом натиске. Пращники и метатели дротиков – из азиатских владений *Митридата*. В основном это были выходцы из небогатых слоёв населения различных горных племён. В кавалерию нанимали выходцев из Каппадокии, Пафлагонии и Малой Армении. Особенно ценны были каппадокийские наездники, недаром Каппадокия переводится как «Страна прекрасных лошадей». Кавалерия делилась на два класса: тяжеловооруженную и лёгкую. Лёгкая состояла из наездников, вооружённых луками, дротиками и короткими копьями. Они выполняли функции разведчиков, совершали диверсионные рейды по вражеским тылам, а также занимались охраной. В тяжёлой кавалерии воины и лошади были защищены пластинчатыми доспехами (панцирями). Такая кавалерия нужна была для того, чтобы проломить вражеский строй по направлению главного удара. Интересно, что в состав понтийской армии входили также подразделения боевых колесниц с косами, которые к этому времени считались устаревшим средством ведения боя.

Каппадокийский кавалерист и боевая колесница.

(II) Чей Крым? Благодаря хорошо организованной шпионской сети в столицу Понта стекалась информация со всех концов Азии, Причерноморья и Средиземноморья. *Митридат* был в курсе всего происходящего в мире и эти знания помогли ему выбрать правильную стратегию по расширению своего царства. Конечно, самым сильным и заклятым его врагом был Рим, который в ту пору уже прочно утвердился в роли мирового жандарма. Но воевать с Римом было пока рано, так как и экономических, и людских ресурсов для такой войны ещё было недостаточно. Поэтому его в первую очередь интересовали земли вокруг Чёрного моря. Во-первых, там было много греческих колоний, которые либо симпатизировали Понту, либо, как минимум, были лояльны по отношению к нему. Во-вторых, у него возникла идея взять под контроль всё судоходство на Черном море, превратив его во внутреннее озеро своей империи. Это давало бы возможность стричь дивиденды в виде всяких там налогов, акцизов, портовых сборов и т. д.

Начинать военные действия на территории Малой Азии было тоже пока рановато, так как от этого могли возбудиться сенаторы Рима, которые имели там свой хороший гешефт. Поэтому он стал разрабатывать план захвата и подчинения себе прежде всего районов северного и восточного Причерноморья. Задача эта была не из лёгких. В Крыму всю хозяйничали скифы, а с азиатской стороны от Керченского пролива - сарматы. Если

Скифы.

в прошлом кочевники долгое время уживались с херсонесцами и Боспорским царством: торговали с ними, нанимались в войско, иногда, правда, беспредельничали и слегонца покусывали их, то в последнее время они становились всё наглее и наглее. Скифы довольно медленно, но всё же переходили к оседлому образу жизни. Они основали себе столицу Неаполь Скифский (Симферополь) и постепенно захватывали всё больше и больше земель,

которые принадлежали Херсонесу. Напомню, что Херсонес был союзником Понта ещё с фарнакских времён.

Как только Скифией стал править новый вождь *Палак*, он сразу повёл войско на Гераклийский полуостров решив осадить Херсонес. Греки оказались в смертельной опасности. Помощи от боспорян ждать не приходилось т. к. те в это время были в мире и дружбе со скифами. Тогда херсонесцы снарядили посольство к *Евпатору* в Синопу просить помощи. Отправляя своих послов они понимали, что *Митридат* за содействие в борьбе со скифами скорее всего запросит очень высокую плату и наверное им придётся лечь под Понт. Тем не менее, вариантов у них не было и они с надеждой стали ждать известий из Синопы.

Члены делегации Херсонеса вошли в большой зал дворца и сели подле стены. *Митридат* сидел на троне в окружении своих военачальников и добродушно смотрел на вошедших.

- Хайрете братья! (дословно «радуйтесь»), так древние греки приветствовали друг друга). - Что нового в Таврии? - спросил у посольских *Диофант*, который был первым полководцем у *Митридата*. - Почём ныне пиво в Херсонесе?

- Не время сейчас в Херсонесе пивком баловаться, - начал свою речь заместитель министра иностранных дел Гераклийского полуострова. - Трудные испытания свалились на голову гражданам Херсонеса. Басурмане совсем страх потеряли, на голову эллинам сели. Не ровен час сотрут в порошок последний анклав греческой культуры в Крыму.

- А кому сейчас легко? - спросил *Митридат*. - Смотрите какой бардак в мире творится. Волчьи выкормыши повсюду снуют, народ грабят, самых красивых женщин на чужбину жить переманивают, - продолжал сокрушаться царь. - А у меня в подбрюшье что творится? То один сосед, понимаете ли, на моё царство позарится, то другой. Жития не дают ироды. Трудное время. Трудное.

- Да уж, - согласились посольские.

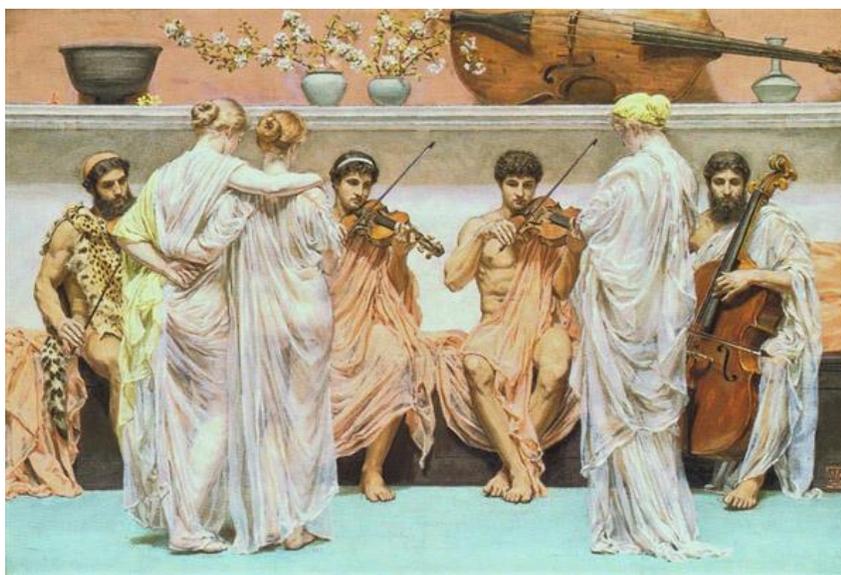
- Может по бокальчику красненького? Чистого, без воды, - спросил *Митридат*.

- Не плохо бы для разгончика, - ответили посольские, сладко закрывав и облизываясь.

Митридат кивнул головой и в зал быстро вбежало с десятков рабов. Затащили столы и скамейки. Появился струнный квартет и заиграл первые такты арии «Summertime» из «Порги и Бесс», великого иудейского композитора Яшки Гершвина. Молодые девушки в одеяниях нимф начали метать на стол большие куски слабо прожаренного мяса, пучки зелени и редиски. Пришли мальчики виночерпии с кувшинами и половниками.

- Прошу всех к столу, - призвал всех царь. - Итак, кто скажет первый тост?

- Можно я? – поднял руку второй секретарь посольства.

Древне понтийский камерный квартет.

- Валяй, - махнул рукой в ответ *Митридат*. Только покороче, не философствуй тут.

- Ну, чтобы все! - сказал секретарь и опрокинул в себя первый кубок с молодым «Роз де Масэ».

- Добре, ну понеслась, - ответили присутствующие и последовали заразительному примеру секретаря.

Минут через сорок, уже где-то после шестого тоста, захмелевший народ перешёл на новую волну переговоров. То били морды друг другу, то братались на крови режа на руках вены и прикладывая их друг к другу смешивая кровь. Квартет уже перешёл на джазовый

Херсонесцы на переговорах у Митридата.

репертуар и после каждой сыгранной композиции нагло требовал чтоб и оркестру плеснули по полной. Неуёмный второй секретарь посольства пустился танцевать «Гопак», при этом он пытался напеть мелодию для музыкантов чтоб они подхватили, но те уже не попадали не только в такт, но и вообще по струнам. Девушки официантки и виночерпии побросали свои обязанности и кинулись танцевать зажигательный «Жок» периодически вскрикивая "Фае верде бусуёк" (что означает «зелёные листья базилика»). Где-то сидели обнявшись *Диофант* и министр иностранных дел Херсонеса и на два голоса пели новый зарубежный шлягер: «Ой да не вечер, да не вечер». Потом перешли на «Флоаре» и «Фетяску». Понемногу начали повышать до креплённых: «Ауриу» и «Гратиешты» и под конец те, кто ещё был жив, отполировали жутким «Стругурашем» из отборных виноматериалов. Короче, переговоры удались на славу.

На утро царь еле-еле открыл ясны очи, нащупал бурдюк с водой, заботливо оставленный рядом его седьмой наложницей и в несколько глотков влил в себя содержимое. После чего его опять развезло и он, откинувшись на подлокотник диван-кровати, проспал до вечера.

Вечером понтийцы собрались на совет в узком составе. Поправив здоровье рюмкой ракии *Митридат* задал вопрос:

- Ну, кто чего помнит за вчера?

- Переговоры прошли довольно успешно, - начал потихоньку доклад *Диофант*. - Были достигнуты взаимовыгодные договоренности в сферах культуры, торговли, промышленной кооперации и научной интеграции.

- Так, ты мне тут пургу не гони, - строго прервал его царь. – Не помнишь ни черта, так и скажи. Мол виноват, сорвался, потерял над собой контроль, готов понести наказание. А то мямлишь тут ерунду какую-то.

- Прости, царь. Бес попутал. Это меня их министр с панталыку сбил. Всё подливал да подливал.

- Ладно. Но гляди у меня, - грозно пригрозил пальцем *Митридат*. – Давайте - ка, рассказывайте кто что помнит, только по чесноку.

- Ну херсонесцы просили подмогти войском, - вспомнил начальник штаба.

- А я что? – спросил царь.

- Ну, вы сказали чтоб они не беспокоились, что для вас это плёвое дело.

- А они что?

- Они сказал что небо ещё не видело такого классного царя как *Митридат*.

- А я что?

- Ну вы обняли посла и в засос поцеловали.

- И что он тогда?

- Он опал как озимые. Видать вы сильно его сгребли. Но ничего, потом откачали.

- Стало быть надо ехать и выручать братишек эллинов. Ладно, все идите отсюда, а мне тут с *Диофантом* тет-а-тет перетереть надо.

Все встали, поклонились царю и задом попятнулись к выходу, при этом начальник штаба зацепил себе бутылку с остатками ракии. Думал, дурашка, что царь не заметит.

- Положи бутылку! - гаркнул *Митридат* так громко, что начальник штаба его чуть не уронил. – Объявляю сухой закон на неопределённое время, не то всю родину пропьёте.

Когда все вышли он взял бутылку, разлил в две рюмки и сказал *Диофанту*:

- Давай по маленькой хряпнем и слушая, что я тебе говорить буду, мотай себе на ус.

Они чокнулись, выпили и закусили соленой капусткой.

- Ты поедешь в Крым на помощь Херсонесу. Но главная твоя задача - это не отстоять город, не велико дело, а прикончить *Палака* и подчинить Понту (то бишь мне) всю Малую Скифию. Понял?

- Да не рехнулся ли ты часом, государь? - поперхнувшись от этих слов взмолился *Диофант*. – Где это видано, чтобы бешеных скифов побить. Ни Филя Македонский, ни сынок его Шурик Великий, ни Кирюша, ни Дарий их нагнуть не смогли. А у них силища ого-го какая была. Утопия - это всё! - Ты на погибель меня отправляешь, - сказал уронив голову на грудь полководец.

- Цыц мне тут, - приструнил царь *Диофанта*. - Ишь ты, нюни-то распустил, а ещё римлян мутузить собираешься. Тут с умом надо бы подойти. Воевать не числом, а умением надобно. Запиши, кстати, эти простые, но вместе с тем великие слова, глядишь какому полководцу и пригодятся они в будущем.

Диофант обнял свою голову двумя руками и стал раскачиваться из стороны в сторону.

- Да не бойсь ты так, - погладил его по голове *Митридат*. – Надо сдюжить, надо. Я тебе хороших пацанов подгоню. Да и не так уж страшен чёрт, как его малюют. Прорвёшься. Более того, - царь сделал длительную паузу, - это ещё не всё.

Диофант с ужасом поднял на царя глаза и спросил:

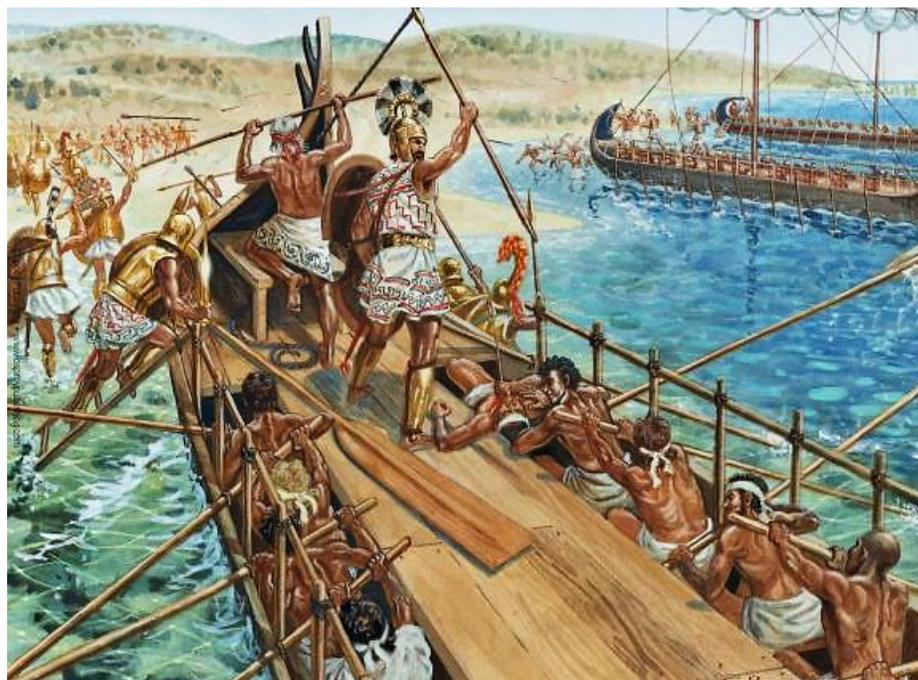
- Да чего же тебе ещё хочется, базилевс ты мой ненасытный?

- Когда поколотишь *Палака*, надобно и всё Боспорское царство нам заграбастать. Тут уж другие таланты нужны будут. У них там сейчас бардак и смута. Варвары их с востока прижимают шибко. Народ бузит, защиты требует. Да и аристократишки всякие с купцами недовольны, бизнес у них горит. Царь что правит там, *Перисад* пятый, по-моему, слаб и деньгами и духом. С ситуацией не справляется. Поэтому поедешь до него в Пантикапей и скажешь, что *Митридат* мол, предлагает всем крышу надёжную - понтийскую. А передаст он правление путём наследования (*Перисад* был бездетным, но женатым на сестре

Митридата) или же сам отойдет от дел, для меня не важно. Возьмёшь с собой людей сколько хочешь и денег сколько надо. Дело это важное. Через пролив Киммерийский суда так и шастают туды-сюды. С севера меха, железо, мёд да рабов немерено возят. Это же настоящее Эльдorado. Понимаешь ты, дубина стоеросовая, или нет? Всё это нам прибрать под себя надо. Деньжищ это нам целые горы сулит. В шелках ходить будем, из золотых кубков пить, любые наложницы нашими будут. Так что, давай, отдохни денёк - другой и в путь, с богом.

Диофант встал, поклонился царю и на ватных ногах поплёлся к выходу. Через несколько дней войска понтийского экспедиционного корпуса погрузились на триремы и отплыли на север в сторону Херсонеса.

Как показали боевые действия в Крыму и Тамани, *Диофант* оказался талантливым стратегом и великолепным тактиком. Подплыв к Херсонесу понтийский флот стал на якорь в бухте, а командующий спустился в лодку и отплыл в город. Там он ознакомился с ситуацией и принял решение начать десантную операцию в противоположной к городу бухте. По его замыслу предполагалось взять армию *Палака* в кольцо: с одной стороны

должно было наступать войско *Диофанта*, а с другой - гоплиты Херсонеса. Однако *Палак* разгадал манёвр и выслал навстречу *Диофанту* армию лучников. Те, прибыв на место высадки понтийцев, выстроились вдоль берега и буквально начали засыпать десантирующихся солдат своими стрелами. Сколь не было им тяжело и несмотря на потери, понтийские фалангисты всё же продолжали высадку на мелководье и прикрываясь щитами

Скифская конница.

продвигались к берегу. В это время прибыла скифская конница, однако после бешеной скачки лошади выдохлись и совершить массированный слаженный удар по понтийцам у них не получилось. Пока конница *Палака* перестраивалась, понтийская фаланга сомкнулась в строй, оцетинилась длинными копьями и, как танк пошла вперёд. Для *Палака* и его войска бой был проигран. Те из скифов, кто не попал под жернова несущей смерть фаланги, попрыгали на коней и драпанули что есть силы, вместе со своим царём *Палаком*. Так впервые скифы были разбиты наголову. На месте битвы из захваченных трофеев победители разожгли огромный жертвенный костёр. Позже, в память о победе и в честь своего босса в близстоящей бухте *Диофант* основал город Евпатория. Эта неожиданная и внезапная для всех победа *Диофанта* обезопасила на какое-то время Херсонес и тогда стратег решил посетить Пантикапей (Керчь), где должен был склонить боспорского царя *Перисада V* передать власть *Митридату VI Евпатору*. Победа при Херсонесе должна была заставить *Перисада* быть намного сговорчивей на переговорах и остудить пыл той части его окружения, которая выступала за мир со скифами. Надо отметить, что в его окружении были и те, кто подталкивал *Перисада* отречься от престола и передать правление государством царю Понта.

Вечером, накануне прибытия *Диофанта*, у *Перисада* собрались представители власти его царства чтобы обмозговать сложившуюся ситуацию и дать царю рекомендации

по ведению грядущих переговоров. Однако, никто не рисковал лезть со своими советами первым и в зале для заседаний царила тишина.

Совещание у царя Боспора Перисада.

- Что будем делать? – нарушив молчание спросил *Перисад*. Все обратили взоры на царя.

- О, великий царь *Перисад*, не вели казнить, вели слово молвить, - начал было советник по экономическому развитию.

- Говори! - лениво махнул рукой царь.

- Твоё царство погрязло в коррупции и долгах, всюду разруха и нищета, а правительство ничего не делает для того, чтобы улучшить положение простых людей. Народ вот-вот взбунтуется. Рабы уже нагло в лицо хихикают, шушукуются за нашими спинами. Чует моё сердце, грядёт беда.

- Чует, говоришь? А что оно чуюло, когда ты, гад, бабки из казны тырил, на строительство дворца по ту сторону пролива? - грозно спросил царь.

- Да как же, как же. Это же я не для себя старался, а только для тебя, «солнцеликий».

- Для меня? А по что мне оно надо? Я хоть раз там засветился? Это же какое-то убожество. Просто итальянский палаццо, неоренессанс какой-то с «аквадискотеками».

- Я думал, что это будет наша корпоративная резиденция, где можно было бы оттягиваться по-тихому, - сказал советник и, пустив от обиды слезу, сел на свою табуретку.

- О, величайший из величайших! Мы в кольце врагов. Чужеземцы зарятся на наши богатства и хотят превратить нас в своих рабов. Мы должны объединиться вокруг нашего царя и дать решительный отпор всем врагам, - выступил министр обороны.

- Да! Родина или смерть! - начал биться в истерике начальник сухопутных войск.

- И кто нам враг? Эллины с *Митридатом* или меоты, сираки и роксоланы? – спросил царь. - Что нам скажет по этому поводу министр иностранных дел? Давайте попросим его выступить.

Министр встал, раскурил трубку и начал мерно прохаживаться из угла в угол, всем своим видом показывая свою невероятную важность. Но вдруг он поперхнулся, не на шутку закашлялся, весь посинел, схватился за горло и, чтобы не упасть, даже ухватился одной рукой за косяк. Однако, вскоре нашел в себе силы продолжить и заговорил хриплым и сдавленным голосом, что слов было почти не разобрать:

- Да все они гады.

Тогда царь дал слово своему молодому тайному советнику, который курировал внешнюю разведку и внутреннюю безопасность.

- Ну, а что ты скажешь, *Поликарп*? Покажи чему тебя там в твоих заграничных институтах научили.

Советник встал, почесал затылок, сплюнул по блатному на пол сквозь щербинку в передних зубах и заявил:

- А ничего не делать, - сказал он и хлопнул себя обеими ладонями по бёдрам.

Народ в недоумении переглянулся, а либерального толка молодой советник продолжил:

- Всем улыбаемся, всем всё обещаем. - А там уж как черва ляжет, - сказал он и развёл руками, а потом подняв палец вверх добавил:

- Ибо как сказал один великий деятель востока: «Если долго сидеть и смотреть на реку, то можно увидеть как по ней проплывёт труп твоего врага».

- Вот это ход, так ход! Всё правильно! - загудело собрание. - Пусть сами голову ломают как им быть и что делать. А мы просто наблюдать будем. Во волчара, во молодец!

- Ладно! Кончай базар! - хлопнул ладонью по столу *Перисад*. - Утро вечера мудренее. Всем спать!

На следующий день *Диофант* прибыл в Пантикапей. Встретили его с помпой. Всё было как положено: фанфары, хлеб и соль, банька с девицами, банкет с массандровскими винами и заверения в любви к *Митридату* до гроба. *Диофант* остался доволен визитом и заскочив на пару деньков в Херсонес, проверить всё ли там «тип-топ», отплыл к своему повелителю в Синопу.

В Синопе *Диофант* доложил своему начальнику и всему генштабу о своих успехах на севере. Он выхаживал павлином и хвастался тем, что первым в истории разбил скифов. Однако, уловив испепеляющий взгляд *Митридата*, быстро поправился и начал всех уверять, что только под руководством великого гения современности *Митридата VI Евпатора* была возможна победа над скифами и что скоро всё Боспорское царство падёт к

ногам понтийского царя. *Евпатор* выслушал *Диофанта* со вниманием, а потом сделал пометку в своём блокноте: «Опасен. Склонен к узурпации власти. Требуется особого контроля».

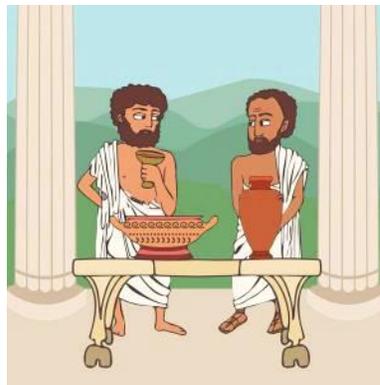
Но не долго радовался *Митридат* своим победам на северном побережье Понта Эвксинского. Вскоре оттуда опять пришли тревожные вести. Разведка доложила, что осенью, накануне закрытия пляжного сезона, Херсонес снова осадили кочевники. Правда на этот раз положеньице было вообще аховое. Мало того, что недобитый *Палак* опять собрал себе новое войско, так он ещё умудрился объединиться с царем сарматов *Тасием* и теперь они вдвоём угрожали эллинам северного Причерноморья. *Митридат* распорядился вызвать к себе *Диофанта*.

- Ты звал меня, повелитель вселенной? – подобострастно обратился *Диофант* к своему царю.

- Ну не надо так уж, не преувеличивай, - добродушно начал царь. - Это ты у нас герой, каких свет не видывал. Разбил скифов наголову, затмил именем своим великих царей Греции и Персии. - Так? – сощурившись спросил царь. - Всё правильно я толкую?

- Да так, помордовал их малёха, - с опаской ответил *Диофант*, не понимая к чему клонит царь.

- Вот именно, что малёха. А надо чтоб полностью, чтоб мокрого места от них не осталось, чтоб духу их там больше никогда не было, чтоб я никогда о них больше не слышал, - не на шутку распалившись орал *Митридат*. – Приказываю в захваченных скифских городах разместить понтийские гарнизоны. После чего официально отстранить *Перисада V* от власти. Давай, не раздумывай. Немедленно собирайся обратно в Крым!

- Дык, сезон уж кончился, шторма наступили. Зимой по понту «без понта» плавать, потонем все, - с надеждой и страхом напомнил известный факт стратег.

- Ничего бог не выдаст, свинья не съест. Поедешь немедленно. Я всё сказал. Жду от тебя радостных вестей или секир башка, - и царь провёл ладонью по горлу, наглядно показывая своему подчинённому что с ним будет в случае если что-то пойдёт не так.

Диофант вышел от царя, грязно ругнулся на пороге и саданул от бессилия подвернувшегося под руку караульному солдату по морде.

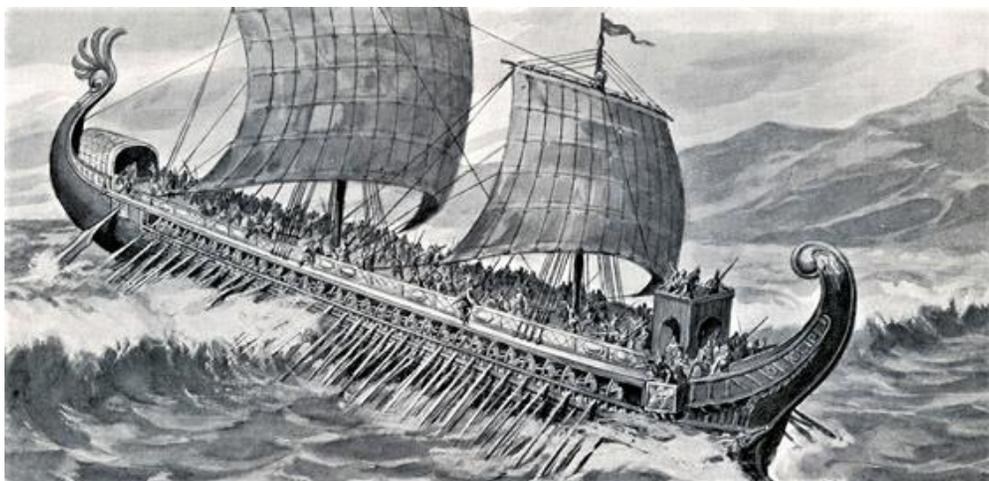
- За что по мордам то, ваше бродие? – возмутился ошарашенный солдат.

- Ты знаешь кого охраняешь?

- А то как же! «Солнцеликого».

- Вот и охраняй, а то стоишь тут дышишь и дышишь, - сказал стратег и пошёл собирать рюкзак. Что поделаешь, приказ есть приказ.

Чего уж никак не ожидали Херсонесцы, так это увидеть в конце ноября целую армию прибывших на кораблях с Синопы понтийцев. Ведь все знали, что зимой судоходство по Понту Эвксинскому прекращалось, так как нескончаемые бури представляли смертельную

Шторм на Понте Эвксинском.

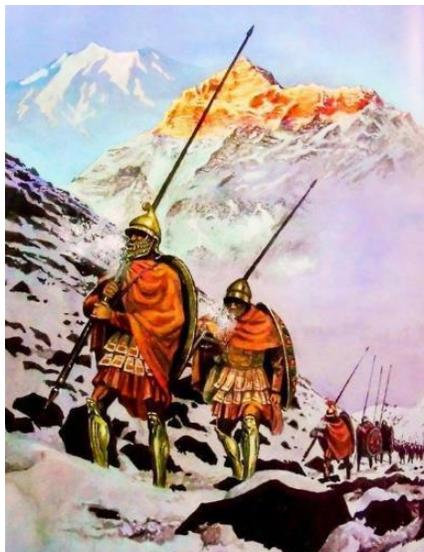
угрозу для мореходов. (Этот факт я сам могу подтвердить т. к. однажды я с семьёй возвращался в Одессу из Израиля последним парходом, это было как раз в середине ноября. До Константинополя, то бишь Стамбула - язык не поворачивается так называть великий город, всё было прекрасно, но как только прошли Босфор, то попали в такой шторм, что уже слабо верилось в спасение. В результате этого шторма мы почти на 8 часов опоздали с прибытием).

Достигнув берега Диофант без промедления высадил довольно большое войско и с ходу погнался за Палаком и Тасием, которые, узнав об армии прибывших греков, сразу драпанули в глубь полуострова. Несмотря на то, местные старались убедить его в том, что Крым это, мол, не Турция, где всегда тепло, он был упрям как осёл и погнал своё войско

на столицу кочевников Неаполь Скифский. По дороге армия сразу нарвалась на обстрел скифских лучников, но несмотря на постоянные потери продолжала тащиться вперёд. Кочевники же, как назойливые гаражные шавки, нападали гуртом и осыпали греков стрелами, а как только

их начинали преследовать быстро скрывались. Такая тактика позволяла скифам с минимальными потерями наносить очень существенный урон противнику. *Диофант* растерялся не зная что предпринять: если двигаться дальше, то его войско перещёлкают как

в тире, но и назад нельзя, ибо ждёт та же участь. Кроме того, начался холод и повалил снег с метелью. Теплолюбивые понтийцы бросали оружие и кутались в любые шмотки, напоминая фашистов под Сталинградом. Однако, непогода и шквальный ветер делали атаки скифских лучников бесполезными и тогда *Палак*, к счастью понтийцев, отозвал своих солдат в лагерь. Понтийцы воспользовались своим шансом на спасение и вернулись на побережье. Там они погрузились на корабли и отплыли на север к Керкентиде, где их реально никто не ждал. Город мгновенно пал, то ли от того что был слабо защищён (скифская версия), то ли понтийцы озверев от

лишений недавнего похода проявили легендарное мужество и героизм (понтийская версия). После столь молниеносной и блистательной победы, полководец *Диофант* приступил к осаде следующей крепости - Калос Лимен (Прекрасная Гавань).

Узнав об этом, друзья-союзники *Палак* и *Тасий* посовещались и подняли всех своих воинов на главный и решающий бой.

Высоко на холме *Диофант* сидел на своём коне и зорко всматривался в даль, туда, где войска противника заполняли долину. Враги тёмным пятном разливались по белоснежной простыне равнины и постепенно окрашивали её в чёрный цвет.

«Да уж, многовато их, как мошкары», - подумал стратег.

Неожиданно очередной порыв ветра растрепал его красный плащ и тут же его осенила интересная мысль: - При таком ветре скифские лучники для нас абсолютно безвредны и если я отдам приказ напасть на кочевников прямо сейчас, то тогда моя фаланга и тяжёлая конница растопчут это войско улюлюкающих варваров на раз - два - три. Но, надо торопиться, ибо «*periculum in mora*» - (промедление смерти подобно).

- Не дай *Зевс* ветер утихнет.

Повернув голову через плечо, он велел адъютанту передать по войску приказ:

- Строиться в боевые порядки!

- Строиться...строиться...строиться... - пронеслось по цепочке.

И вот уже загудели трубы и загремели боевые барабаны понтийцев. Мгновенно войско начало разворачиваться в боевые порядки. В центре, как обычно, *Диофант*

Понтийцы атакуют.

поставил фалангу, которую прикрывали пафлагонские и каппадокийские всадники. Во второй линии построения заняли свои позиции херсонесские гоплиты. Не очень-то и полезных из-за погодных условий воинов дальнего боя таких, как лучники, пращники и метатели дротиков стратег оставил охранять лагерь.

В это же время ничего не подозревающие *Палак* с *Тасием* безмятежно скакали в центре своих полков и лениво перекидывались ничего незначащими фразами. Они рассказывали друг другу о том, кто и где любит бывать, в какой школе и с кем учился, какие книги предпочитают и какие фильмы им нравятся, о чём мечтают и т. д. Вдруг, как гром среди ясного неба, к ним подскакал гонец и сообщил что понтийцы выстроились в боевые порядки и начали атаку на объединённые скифо-сарматские войска.

Скифский царь Палак и сарматский царь Тасий.

- Ты что, сдурел солдат? Какая такая атака? Да у нас сил вдесятеро больше! У них войско в 6000, а у нас - 50.000. Что за ерунду ты там несёшь? - отчитал *Тасий* воина, принёсшего донесение с передовой.

- Ничего не знаю. Мне вообще по барабану. Что разведка доложила, то и передаю, - огрызнулся не в меру дерзкий солдат.

- Слушай, вроде как и вправду сумасшедшие понтийцы идут в атаку, - приставив ладонь к глазам и осмотрев долину сказал *Палак Тасию*. - Не будь я царь скифский, но они реально атакуют. Что-то здесь не так. Давай-ка отведём войска пока не поздно. Спокойно всё продумаем, заслушаем доклады разведки, составим план боя и потом вдарим, - предложил он *Тасию*.

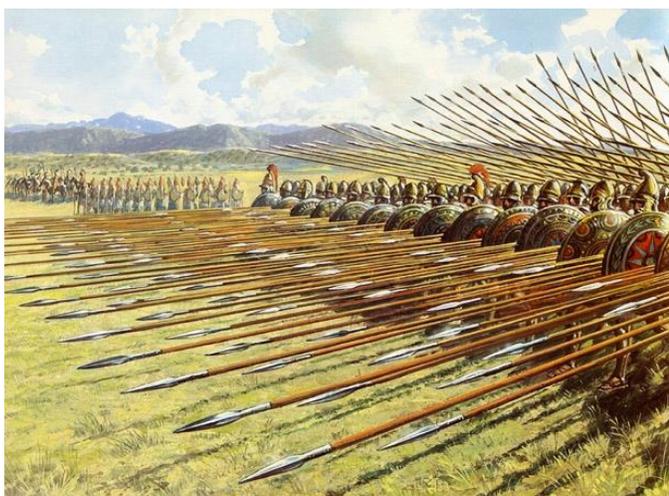
- Что?! Отступить?! Имея десятикратное преимущество? В уме ли ты, мой дорогой братец по оружию? Или ты сдрейфил опять, как полгода назад у Херсонеса? Сейчас ты увидишь как воюют роксоланы, - заявил сарматский царь и дал пехоте знак к атаке.

Палаку ничего не оставалось кроме того, как послать и своих пехотинцев в бой. Профессиональные пехотинцы и всякая легковооруженная шантрапа с улюлюканьем ринулись на понтийскую фалангу и наткнулись на её копья. Войско начало медленно превращаться в гору трупов. Через некоторое время, поняв бесперспективность своих атак, скифо-сарматская пехота начала бег в обратном направлении.

- Куда, негодяи?! А ну разворачивайтесь и вперёд в бой, - орали на паникёров герои из заградотряда и нещадно хлестали их кнутами.

Ситуация стала еще более аховой когда на отступающих в панике пехотинцев налетела идущая в атаку тяжеловооруженная конница *Тасия*. Лошади потоптали остатки своих же воинов.

Фалангисты увидели наконец достойных себя противников. Они плотнее сомкнули ряды и выставили вперед противокавалерийские пики. Клин конницы пришёлся akurat в середину фаланги и намертво там увяз. Мало кому удалось прорваться сквозь частокол длинных пик. Фалангисты без устали накалывали на пики всадников, иногда по двоих на одну, сбрасывали их на землю и добивали копьями. Потом, смыкая свои ряды медленно продвигались вперед. Через некоторое время от многочисленного войска

Фаланга - смертельный коток.

Тасия осталась лишь горстка его личной гвардии. Оценив масштаб потерь царь, как водится, дал дёру.

Не лучше дело обстояло и у скифской конницы. Поначалу они обходным манёвром ударили в тыл *Диофанту*, туда, где находились греческие гоплиты и херсонесское

Атака скифской конницы.

ополчение. Рубище было ужасное. Скифы тяжелыми мечами раскалывали шлемы гоплитов вместе с головами напополам. Всюду мелькали скифские палицы и топоры. Казалось, вот-вот и греки дрогнут, но в самый критический момент битвы в бой вступили пафлагонцы и каппадокийцы и рубище возобновилось с новой силой. А уж когда фаланга, разделавшись с сарматами, развернулась и пришла на подмогу, то скифам пришёл полный конец. Всё войско было разбито наголову. Те немногие, которым удалось выжить в этой сече бросились прочь с поля боя вместе со своим царём.

После такого невероятного разгрома имя скифского царя *Палака* пропало с эфира, как и требовал от *Диофанта Митридат*. Говорили, что он удрал в низовья Днепра. По другой версии, его из жалости приютил также побитый понтийцами *Тасий*.

Далее *Диофант* взял практически без боя скифскую столицу Неаполь Скифский, где разместил свой гарнизон.

Следующим заданием *Диофанта* было официально передать Боспорское царство в руки *Митридата*. Залечив боевые раны и отпарив ссадины и рубцы в херсонесских саунах полководец погладил свой выходной костюм, припудрил, намазился и обкурив себя

благовоньями поехал с небольшой группой телохранителей в Пантикапей. Там его встретили без энтузиазма и по-тихому передали ключи от царства с почти полностью разворованной казной. Чиновников волновала только их собственная судьба, поэтому они всячески пытались подкупить доверие доверенного лица *Митридата*, обещая ему все мыслимые и немыслимые блага. Всё было бы хорошо, но как чужало раньше сердце одного из советников *Перисада*, в царстве вспыхнуло восстание под предводительством никому не известного доселе *Савмака*. Самозванец распустил парламент и прикончил бывшего царя *Перисада*, после чего объявил себя королём горы (Пантикапей действительно располагался на горе). В город вторглись всякие скифские недобитки, которые братались с получившими свободу рабами. *Диофант* попал в ловушку. Ни один капитан не хотел его брать на свой борт, чтобы эвакуировать его из Пантикапея. *Савмак* же никак не решался разделаться с полководцем царя Понта, поэтому медлил, колебался, прикидывал как поступить и в конце концов упустил его. Спасли *Диофанта* херсонесцы, которые послали за ним в Пантикапей корабль, на котором он смог вырваться из капкана.

После возвращения в Херсонес обескураженный *Диофант* первым делом составил депешу своему шефу: *«В Пантикапее произошёл государственный переворот. Военные во главе с Савмаком захватили власть и ввели чрезвычайное положение. Бывший президент Перисад V казнён. Я чудом вырвался в Херсонес и приступил к подготовке наступления на Боспорское царство. Прошу выслать подкрепление. Действовать надо незамедлительно пока всё население Боспора не перешло к мятежникам.*

Навеки только ваш, Диофант.»

Херсонес таврический.

После дешифровки посыльный доставил телеграмму *Митридату*, который отдыхал и наслаждался обществом поэтов и писателей на арендованной им загородной вилле в понтийском «Переделкино». Развернув и прочитав письмо он послал за начальником тайной канцелярии и за бабой *Зоицей*, которая торговала жареными семечками на базаре в Синопе. Начальник прибыл через час, тогда как с бабой *Зоицей* пришлось повозиться. Она ни в какую не хотела оставлять без присмотра свою продукцию, так что руководителю фельдфебельской службы пришлось всю её выкупить и поклясться, что он достанет билет на концерт знаменитого барда «*Гомера младшего*», который в это время гастролировал в «Переделкино». Появившись перед светлыми очами своего господина они сделали реверанс и застыли на полусогнутых. *Митридат* задал им вопрос:

- Что вы слышали за *Савмака*? Что это за хрен с горы?

- Это который? С Малой Константинопольской, что ли? – спросила баба *Зоица*. По замашкам вроде бы фраер. Но не фраер, это точно. Ему в платок высморкаться, что тебе человека подрезать.

- Да я не об том! За того я сам знаю. Было время куролесили по Армении вместе. Я про *Савмака Киммерийского*, - уточнил царь.

- Ах ты об этом, - догадалась базарная кошёлка. – Мутный он какой-то. Одни люди говорят, что он был засланным скифским казачком у царя Боспора. Другие, что вроде как у *Перисада* в любимчиках ходил, всё о власти мечтал, всё ждал когда тот загнётся. А тут вона как, подрезал благодетеля своего, падла неблагодарная.

- Ты откуда про душегубство-то знаешь? – перебил её удивлённый царь. - Мне самому только что шифровку доставили.

- Так к тебе эта весть как шла? Пока *Диофант* в Херсонес бежал, пока там докладную тебе вымучивал, пока снарядили корабль с донесением, пока он в Синопу прибыл, пока в тайной канцелярии донесение на подлинность проверяли да курьеров пытали уйма времени прошла. А мне ещё неделю назад контрабанда из Пантикапея с пиратами прибыла. Вот капитан того корыта за бутылкой яловенского хереса мне всё и поведал.

- Ладно иди. Да, и в канцелярии скажи чтобы тебе из моих резервов парочку билетов на «*Гомера*» выдали и ещё пару мешков кукурузы в придачу, за службу справную твою.

- Какая такая кукуруза? Она ж в Америке растёт, а Америка ещё не открыта. Ты что царь, совсем что ли от своих трудов переутомился? Пусть мне лучше пару амфор с «*Алб де Масэ*» для моих девочек подгонят. Кстати, не интересуешься? Есть новенькие с Харьковщины и Приднестровья.

- Ладно, ступай себе, ступай. Загляну как-нибудь попозже. Сейчас недосуг (или не до сук, из аудиоматериалов не ясно), - сказал царь и взмахнул рукой, давая понять что аудиенция закончена.

- Ну что скажешь за то что слышал? – спросил *Митридат* начальника тайной канцелярии.

- По предварительной проверке её сведения полностью подтверждаются. Добавить нечего, - доложила канцелярская крыса.

- Ясно, можешь быть свободным, - задумчиво сказал базилевс. Он не мог взять в толк: на хрена он вбухивает в тайную канцелярию столько денег, если бандерша баба *Зоица* с синопского базара всё знает лучше и раньше его разведки.

Царь послал *Диофанту* помощь в Херсонес. Ко времени прибытия войска у стратега, как и было обещано им в депеше, уже был разработан план нападения на Боспорское царство. Он решил не наносить удар сразу по столице Боспора Пантикапею, где его ожидали превосходящие силы противника, а захватить для начала Феодосию. К городу подплыли тайно ночью и, несмотря на ледяную воду, начали выгрузку на мелководье. Десантировавшись и собравшись в отряды войска без шума и пыли подобрались к стенам Феодосии и приступили к штурму.

Используя сотни штурмовых лестниц и верёвок с крюками, понтийские воины нескончаемым потоком лезли на стены крепости, напоминая собой армию термитов. Когда стражники заметили штурм, было уже поздно. Передовые отряды уже перебрались через стены и вырезая всех вокруг пробились к воротам города. Выбив изнутри тяжёлые засовы понтийцы распахнули ворота и армия *Диофанта* вошла в город. Феодосия

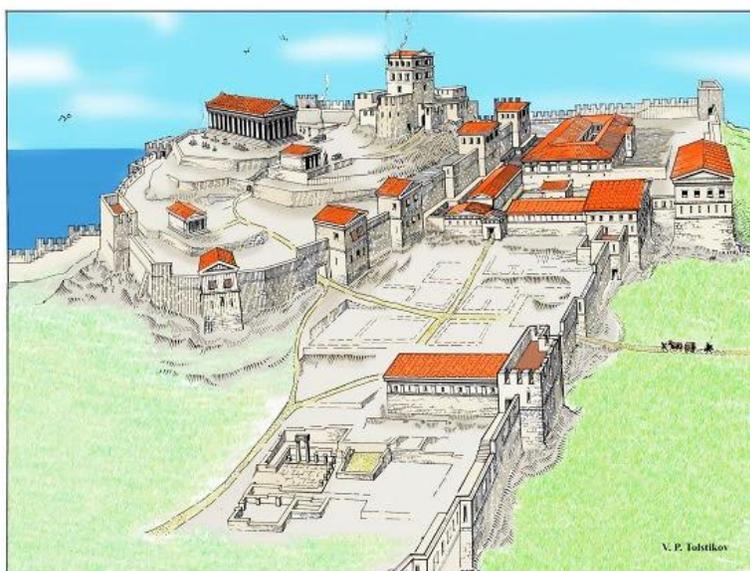
была взята. Дальше надо было идти на столицу. - Что бы я сделал на месте *Савмака*? – задал себе вопрос *Диофант*.

Ответ напрашивался сам собой: выступил бы с войском освободить Феодосию. А раз так, надо идти морем в Пантикапей и всеми силами попробовать его захватить. Всё так и случилось. Как только армия *Савмака* выдвинулась к Феодосии, *Диофант* погрузил своих людей на триеры и отплыл к Пантикапею чтобы используя фактор неожиданности пойти на штурм столицы Боспорского царства. Однако, подойдя к городу он понял что его там уже ждут. На сторожевых башнях города поблескивая шлемами и копьями стояли солдаты. Над стенами поднимался чёрный дым кипящего масла. Тем не менее *Диофант* отдал приказ к наступлению. Загудели трубы и загрохотали боевые барабаны, воины понесли штурмовые

лестницы. Началась битва. Несмотря на численное превосходство понтийцы никак не могли захватить стены города. Они неумолимо лезли и лезли вверх и казалось не обращали

внимание на летящие им на голову камни и раскаленное масло. У стен города образовались груды из искалеченных и обожжённых тел. Люди орали от боли и их крики разносились на многие километры вокруг. Неизвестно чем бы закончился штурм, если бы в городе не вспыхнуло восстание. Как мы видели раньше, не весь народ поддерживал самовыдвиженца *Савмака*. Было довольно большое число людей симпатизирующих *Митридату*. Они

Пантикапей.

видели в нём своего защитника от наседающих на царство варваров. Также в городе было и немало эллинов, которым претило воевать против своих. Все они объединившись перебили охрану городских ворот и распахнули их. Это и предопределило судьбу Пантикапея. Озверевшие от потерь и увечий нанесенных камнями и раскаленным маслом понтийские воины

молниеносно хлынули внутрь. Отчаянно сражавшийся наравне с простыми воинами *Савмак* был в конце концов схвачен в Акрополе у ступеней храма *Аполлона*, связан и этапирован в Синопу к *Митридату*.

Как сложилась дальнейшая судьба *Диофанта* после этой победы неизвестно. По всей вероятности, он слишком загордился своими успехами, за что впал в немилость у своего повелителя, который не терпел делить славу. Вероятно он был сослан послом в какую-то малоизвестную страну. На его место был поставлен новый наместник *Неоптолем*. Новый полководец ещё не раз подавлял на Боспоре Киммерийском всякие восстания и отбивал нападения шныряющих по степи вечно голодных варваров.

Ещё через некоторое время *Митридат* подавил сопротивление разрозненных мелких царств в Колхиде (Грузия) и оттуда потекло полноводной рекой продовольствие, главным образом пшеница и овцы. Лишь в этом одном регионе понтийским царём было основано более 75 крепостей. В некоторых из них он даже хранил львиную долю своей казны.

Итак, спустя примерно десять лет после того как *Митридат* взойшёл на трон Понта, он подчинил себе все территории вокруг берега Чёрного моря. Частью Понтийского царства стали земли Боспора (совр. Краснодарский край, Ростовская область, Абхазия и черноморское побережье Грузии, Малой Армении, Херсонеса (Крым), часть земли бастарнов, тянущаяся вдоль северо-западного берега Чёрного моря (к северу от Дуная;

Румыния, Молдова, Украина) и земли фракийских племен на западном побережье (сейчас побережье Румынии и Болгарии). В результате этих завоеваний Чёрное море стало внутренним морем его царства.

В Риме на проделки молодого завоевателя смотрели сквозь пальцы, хотя и не без некоторой доли тревоги. До тех пор, пока он не ущемлял интересы республики в Азии, сенаторов не сильно волновали его успехи где-то в далеком Причерноморье. *Митридат* же, вкусив славу побед, решил наконец рывкнуть на Рим и показать кто хозяин в Азии.

Прежде чем мы вернёмся к кровавым битвам на Анатолийский полуострове, давайте немного поближе познакомимся с царём как с личностью и рассмотрим некоторые моменты жизни самого великого понтёра - Понта *Митридата V Евпатора*.

(III) Характеристика на *Митридата V Евпатора Эвергетовича* (лидер партии «Понты и Воля»). *Митридат* был наверное единственным царём того времени кто носил

Митридат V Евпатор.

длинные волосы, хотя в то время в мужской моде были короткие стрижки и гладко выбритые лица на римский манер. Тем самым он, с одной стороны, может быть хотел походить на легендарного *Александра Великого*, а с другой это мог быть вызов ненавидимым им римлянам. В повседневной жизни в одежде он предпочитал старомодный персидский стиль: тунику из белого льна с длинными рукавами, обрамлённую пурпуром и широкие штаны, присобранные снизу. Не чурался он также и всяких праздничных нарядов, которые надевал по различным торжествам и в которых выглядел настоящим франтом.

Митридат был невероятно развит физически. Он поражал всех своим исполинским ростом (выше двух метров) и огромной силой. Известно, что он частенько принимал участие во всяких состязаниях, особенно один на один: кулачный бой, поднятие тяжестей, метание копья и дротика, гонки на колесницах и т. д. Но он был заядлым участником не только спортивных и ратных соревнований. Он обладал титулом самого большого обжоры и выпивохи. Так, например, он выступал спонсором соревнований по питью, где призом был целый талант (около 26 кг.) серебра. Чаще всего такие соревнования выигрывал сам царь, но любезно передавал свой приз спортсмену занявшему второе место по литературболу. Этими соревнованиями он тоже в какой-то мере подражал великому *Шурику Македонскому*, который мог поднимать тосты за здоровье своих друзей более двадцати пяти раз за ночь, а потом мучился двухнедельным похмельем. Что

касается прожорливости, то у него не было достойных конкурентов и он обладал непревзойденным чемпионством.

Понтийский царь был очень недоверчив и подозрителен по отношению ко всем окружающим. С ранних лет он привык ожидать предательства от любого, в особенности от самых близких ему людей. *Митридат* всегда был при оружии. На бедре он постоянно носил внушительный кинжал. В складках его одежды были сделаны специальные карманы, в которых он прятал различные короткие кинжалы, ножи и стилеты. Под подушкой у него обязательно было оружие, даже когда кувыркался в постели с женой или любовницами. В местах где он чаще всего находился повсюду в лёгкой доступности для него висели дротики, лук со стрелами и топоры. Говорят, что у него даже была своеобразная живая сигнализация, состоящая из оленя, лошади и быка. Зверей-охранников натренировали так, что они улавливали дыхание любого, кто приближался к палатке и будили царя громким сигналом тревоги: блеянием, ржанием или мычанием.

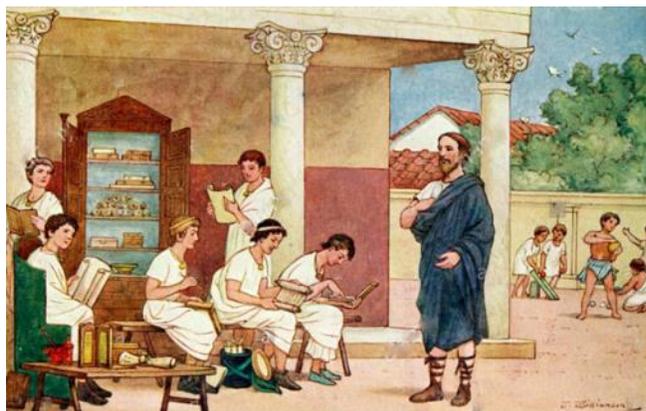
Царь был страстным коллекционером. Слава об его обширной коллекции агатовых колец и драгоценных камней гремела по всему античному миру. Он считался большим знатоком различных произведений искусства. Его кладовые ломились от изобилия кубков, кувшинов, блюдец, чаш и других сокровищ. Все они были искусно сделаны из отполированных агатов, которые доставлялись из Родопских гор (Болгария), Крыма и Колхиды, а также из ониксовых и каменных кристаллов из Каппадокии. Только одна сокровищница в Талавре насчитывала около 2 тысяч ониксовых и золотых кубков, кратеров и рогов для вина. Считается, что бесценный отполированный агатовый кувшин, который демонстрируется сегодня в Лувре (Париж), принадлежал *Митридату*. Путём медленного нагревания родопского агата в меду придворные умельцы добились уникального темно-коричневого цвета этого необычного кувшина. *Митридат* был настолько увлечен своим хобби, что даже писал трактаты о камнях и янтаре. После его кончины знаменитая

Агаты.

коллекция утонченной резьбы агатовых кубков и колец-камей оказалась в руках разных богатых римлян и даже вызвала всплеск моды на подобные украшения.

Теперь коснёмся образования *Митридата*. Греческие колонисты и македонцы, которые проживали в Малой Азии оказывали серьёзное влияние на жизнь молодого царя. Греческая культура была сильно развита в больших городах, особенно в тех, что

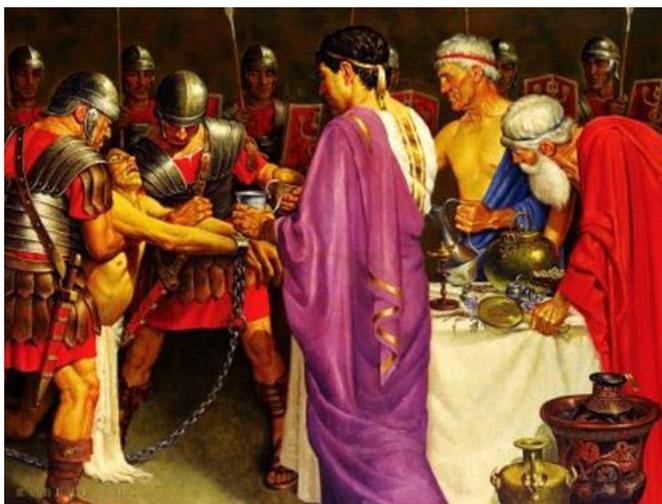

находились на побережье. Его отец был филэллином (любящий греков) и греческий язык являлся официальным при дворе. Юный *Митридат* исполнял все греческие ритуалы посвящённые богам-олимпийцам. Наряду с этим он также почитал древних анатолийских и иранских божеств. Это объяснялось тем, что хоть его отец и был поклонником *Аполлона* и *Зевса*, но будучи царем он

одновременно являлся и верховным жрецом зороастрийской религии иранских солнечных божеств *Ахурамазды* и *Митры*. Подобно *Киру* и *Александрю Великим* юный *Митридат* имел целую кофду разных там опекунов, наставников и учителей. Образование мальчика было смешанным и базировалось на основе греческой и персидской культуры. Большую часть преподавателей составляли греки имеющие глубокие познания в традиционной эллинской литературе, искусстве и музыке. Поэтому *Митридату* была хорошо знакома греческая история и мифология. С юного возраста он читал труды *Аристотеля*, *Платона*, *Фукидида*, *Ксенофонта* и *Геродота*. Мальчик даже заучивал гомеровскую «*Илиаду*» и полюбившиеся ему отрывки из греческой поэзии.

Помимо этого *Митридат* со страстью изучал действие различных ядов, это привело к тому, что он начал неплохо разбираться в ботанике и зоологии. Он много экспериментировал с различными ядами и пришел к пониманию что токсины можно использовать как во благо - для излечения, так и ко злу - для отравления.

Известно, что *Митридат* также был сведущим покровителем нововведений в науке и технологии.

Митридат проводит эксперимент с ядами.

Например, его военные инженеры построили первую водяную мельницу, а также технологически новые по тем временам или усовершенствованные осадные машины.

Выше уже было упомянуто, что царь был полиглотом и владел, как минимум, 22 языками. Согласно исследованиям *Адриенна Мэйор*¹⁹ мы можем с уверенностью перечислить следующие : (1) греческий, (2) македонский, (3) персидский, (4) латынь, (5) арамейский/иврит, (6) парфянский, (7) армянский, (8, 9) старый и новый фригийский, (10) каппадокийский языки и (11) галльский диалект. Он также мог изъясняться на (12) авестийском (древнеиранском языке), (13) санскрите, (14) египетском (15) карфагенском, и (16) кельтском. Он немного говорил на анатолийских языках, таких как (17) карийский, (18) мисийский, (19) исаврийский, (20) лидийский, (21) ликийский и (22) писидийский. Возможно, он мог знать и некоторые италийские диалекты и диалекты Колхиды, Сарматии и Скифии, а также марсийский, оскский и умбрский, фракийский и гетский.

Перейдем к личному и щекотливому вопросу. В сексуальном плане *Митридата* привлекали всегда только женщины. Его никогда не интересовали мальчики или мужчины, несмотря на то, что во времена античности содомия была довольно распространена. Искусству любви он учился ещё в ранней юности в известных храмовых святилищах Анатолии. В те времена в этих местах была хорошо известна практика «священной проституции», которая в немалой степени объясняла огромное богатство религиозных

Митридат в "священном борделе".

храмов. В Понте, Каппадокии, Армении, Вавилоне, Лидии и некоторых других древних культурах был обычай, согласно которому молодые женщины до того как выйти замуж за

определенную плату вступали в храме в сексуальные отношения с незнакомыми людьми. Заработанное за постыдные занятия серебро девушки отдавали храму богини любви.

Из различных источников нам известны имена пяти женщин *Митридата*, статус которых либо точно царский, либо близок к нему. О каждой из них мы в своё время поговорим подробнее, сейчас же просто вкратце перечислим их.

Итак, начнём. Почти все жены *Митридата* были гречанками нецарских кровей. Исключением была его младшая сестренка *Лаодика*, на которой он женился после того как вернулся из странствий и казнил за предательство мать и брата. В те времена родственный брак был устоявшейся в Понтийском царстве традицией. Цари почти всегда выбирали себе жен либо из своих сестер, либо, если выпадал шанс, из селевкидских принцесс, носящих как правило, имя *Лаодика*. Родство с *Селевкидами* подразумевало международный авторитет страны и указывало на степень эллинизации понтийского двора.

После насильственной кончины *Лаодики*, вопреки традициям, второй женой *Митридата* стала знатная македонянка из Анатолии *Монима*, родом из карийской Стратоникеи. Когда армия Понта во главе с *Митридатом* захватила её родной город, её красота произвела большое впечатление на царя. *Плутарх* писал о *Мониме*: «...когда в свое время царь домогался ее благосклонности и послал ей 15 000 золотых монет, она на всё отвечала отказом. Только тогда, когда он провозгласил её царицей, прислал диадему и подписанный брачный договор, она согласилась на их союз.

Третьей была *Береника*, аристократка из острова Хиос. Она стала его наложницей и третьей женой.

Потом идёт *Стратоника*, она была арфисткой во дворце *Митридата* и стала одной из его наложниц, а позже одной из его любимейших жён. В отличие от первых двух, статус которых может быть с точностью определен как царский, положение *Стратоники* неизвестно. *Плутарх* именует ее наложницей, *Аппиан* сомневается - наложница она или жена, *Дион Кассий* называет ее женой.

И наконец *Гипсикратия* - уроженка Кавказа. Являясь наложницей и шестой женой понтийского государя, *Гипсикратия* овладела воинским искусством и сопровождала его в военных походах. Она хорошо обращалась с копьем, топором, мечом, а также была неплохим лучником. Несмотря на поражение *Митридата* от войск *Помпея*, *Гипсикратия* одна из немногих не бросила своего супруга. В Фанагории на месте акрополя были найдены следы пожара и мраморная надгробная плита, посвящённая наложнице царя *Гипсикратии*, судя по всему погибшей во время народных волнений в 63 году до н. э.

Естественно, что у такого «мачо» как *Митридат*, кроме пяти вышеперечисленных жен-наложниц были довольно длительные любовные союзы и с другими женщинами. Например с *Адобогиной*, вероятно матери одного из его сыновей, известного под именем

Митридата Пергамского. Судя по имени она была галатка. Конечно существовали и другие наложницы, чьи имена неизвестны, все они были дочерьми знатнейших людей царства.

Всё это говорит о *Митридате* как о представителе классически эллинистических монархов, которые также имели значительное количество любовниц, но никогда большей одной (разумеется, одновременно) главной жены, происходящей из влиятельного царского дома.

Митридат был отцом многочисленного потомства. От *Лаодики* у него было четверо детей, а от остальных женщин ещё девятнадцать.

Мы ещё вернёмся к оценке его личности в конце изложения, когда познакомимся с основными его деяниями, сейчас же, давайте, двинемся дальше.

Мы остановились на том, что царь присоединил к своему царству обширные земли вокруг Чёрного моря. На этих землях он основал множество крепостей с военными гарнизонами. Его дипломаты установили дружеские отношения с покорёнными народами, которые в общем-то были довольны его правлением. Как говорится: «сам жил и давал жить другим». Он снизил налоги и подати, особенно с угнетённых народов. При помощи своего мощного флота он подавил пиратство, что способствовало взаимовыгодной торговле. Да и в конце концов он предлагал мир и защиту. Уму непостижимо, но даже звероподобные скифы и фракийцы признали что с таким атаманом лучше дружить и вести мирную торговлю. Жизнь наладилась, но труба всё равно звала своего «*Диониса*» на новые подвиги. Таковую погремуху он получил после того, как молния в первый раз чуть не долбанула его в колыбельке. Позже, уже в его зрелых годах в комнату где он спал опять ударила молния и сожгла стрелы в висевшем рядом колчане. После этих случаев его и стали называть *Дионисом*, намекая на сходство его с тем богом. Кратко напомним в чём была фишка.

Однажды, свихнутый на почве гиперсексуальности *Зевс-громовержец* встретил прекрасную *Семелу*, дочь фиванского царя *Кадма*. Он так её возжелал, что пообещал исполнить любую её просьбу, в чем бы она не заключалась и поклялся ей в этом нерушимой клятвой богов, священными водами подземной реки *Стикса*, всеми святыми и всеми чертями и даже всей своей коллекцией виниловых пластинок. Ну и кто после такого устоит? И *Семела* подарила ему ночь любви. Обо всём этом прознала законная жена *Зевса Гера*, которая не понятно почему (для мужиков), вдруг в очередной раз взревновала своего блудного кобеля. А когда ей стало известно что *Семела* понесла от *Зевса*, она совсем очумев от злобы, приняла образ кормилицы *Семелы* и посоветовала ей:

- Проси *Зевса* явиться тебе во всем величии бога-громовержца, царя Олимпа. Если он тебя действительно любит, то не откажет в этой просьбе.

Семела, измотанная токсикозом и перепадами настроения, решила что неплохо было бы проверить правдивость клятвы шалуна-громовержца. Она призвала его к себе и попросила показать свои истинный лик. *Зевс* поначалу заупрямился и резонно заметил:

- На хрена это тебе надо? Тебе что, плохо живётся? Тебе чего-то не хватает?!

- Хочу и всё! - стукнула своей сандалией об мраморный пол дворца капризная барышня.

- Так ты значит меня больше не любишь? - уже навзрыд простонала она. - А какие песни пел, какие клятвы давал...

- Это зрелище не для беременных дам и учти, всё может очень трагически закончиться. Я в эти моменты сам за себя не отвечаю, - предупредил её *Зевс*.

- Хочу, хочу, хочу... - заиклилась будущая мамаша.

- Ладно, не реви. Только чур, я не виноват!

И громовержец явился ей во всем своем блеске и величии царя богов и людей. В руках у него сверкала яркая молния, а раскаты грома потрясали дворец *Кадма*. Вдруг от молнии всё вокруг вспыхнуло и страшный, всё испепеляющий огонь охватил дворец, все кругом горело и рушилось. *Семела* упала на землю, а пламя жгло её тело. Она поняла что нет ей спасения, что погубила она себя своими идиотскими капризами. Тогда она собралась с силами, напряглась и аккуратно перед своей гибелью преждевременно разродилась. Казалось, дитя тоже обречено на гибель в огне. Но тут у папаши разыграли родительские чувства и он решил, что хотя мать ребёнка и оказалась полной кретинкой, пропадать в огне сыну самого *Зевса* как-то не комильфо. По его мановению из земли отовсюду потянулся густой зеленый плющ, который своей зеленью прикрыл от огня новорожденного и спас его от смерти.

Зевс взял на руки спасенного сына, немного погугукал ему, а так как он был еще недоношенным и мог в любую минуту загнуться, то зашил его себе в бедро. С пониманием последнего его действия у меня, как и, наверняка, у всего остального человечества, включая самых отмороженных психоаналитиков, полный швах. Почему в бедро???

В бедре своего отца *Зевса Дионис* окреп и родился второй раз с помощью бедренного сечения. После столь тяжелых родов царь богов и людей прилёг отдохнуть свернувшись калачиком на мягких облаках, которые обволакивали священную горку Олимп. Проснувшись он тут же призвал своего сына *Гермеса* и велел ему отнести новорождённого *Диониса* к родственникам *Семелы*: сестре *Ино* и ее мужу *Атаманту*. Он надеялся что они будут растить и воспитывать его пацана.

Рубенс. Смерть Семелы (до 1640).

Гера разнюхала об этом и разгневалась на *Ино* и *Атаманта* за их согласие опекать сына ненавистной ей *Семелы*. Несмотря на то, что у несчастных не было иного выбора, кроме как принять сына *Зевса*, *Гера* решила их наказать и наслала на *Атаманта* безумие. Тот в припадке умопомрачения убил своего родного сына *Леарха*. *Ино* едва успела спастись от него бегством с другим сыном *Меликертом*. Она добежала до прибрежных скал, перекрестилась и бросилась в море вместе со своим младшеньким. Пучина с удовольствием поглотила *Ино* и *Меликерта* и были они обращены в морские божества, и живут они с тех пор в морской пучине.

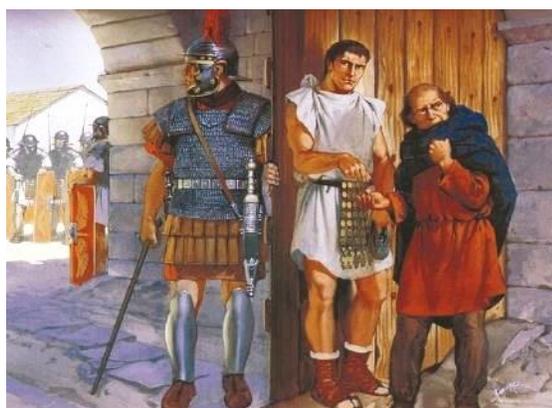
Диониса же спас от безумного *Атаманта* *Гермес*. Он перенес брата в Нисейскую долину и отдал там на воспитание нимфам. *Дионис* вырос прекрасным, могучим богом вина, дающим людям силы и радость. В награду за эту работу воспитательницы *Диониса* были взяты *Зевсом* на небо. Под названием *Гиады* они и сейчас светят в темную звездную ночь среди других созвездий.

Вот такая сюрреалистическая история. Прямо даже не знаю, хоть не верь.

(VI) Разведка без боя. *Митридат* понимал что его желание прибрать к рукам земли других царств в Малой Азии, приведет к прямой конфронтации с Римом. К тому же было ясно: Рим не будет сидеть сложа руки. Ему, как прожорливому чудовищу, также нужны

были новые земли и подданные для удовлетворения своего аппетита. В результате противостояния этих амбиций столкновение Понта с Римом было неизбежно. Как истинный стратег *Митридат* решил провести подробную рекогносцировку местности. Для этого он отобрал надёжных и преданных спутников и втихаря совершил длительный вояж по разным местам Анатолийского полуострова.

Во время своей поездки разведчики внимательно изучали расположение оборонительных сооружений и дорог. Они наносили на карты места подходящие для переправ, источники водных и других природных ресурсов. Важной частью этого турне были беседы с простолюдинами, позволявшие узнать насколько народ расположен к

Рекогносцировка на местности.

Митридату. Когда в греческих городах и деревнях он раскрывал своё инкогнито, народ устраивал ему овации и призывал прогнать римских поселенцев и их прихлебателей. Здесь же царь зачастую присматривал крепко сложенных молодых людей, снабжал их деньгами и отправлял в Понт, пополняя таким образом своё войско.

Митридат со своими спутниками посетил многие уединенные места в Вифинии, Галатии и Пафлагонии. Как правило, в этих районах верховодили влиятельные местные разбойники и вожди. Царь очень надеялся на поддержку этих местечковых авторитетов в грядущей войне. Он пытался завести с ними дружбу и даже обговаривал заранее будущие взаимовыгодные сделки.

В течении своего почти годового путешествия *Митридат* посетил все места в которых до него побывали *Александр Великий* и персидские цари.

Конечно же он посетил легендарную Трою. Она считалась священным местом не только у потомков героев, которые её штурмовали, но и у потомков тех героев, которые стояли на её защите. Когда царь проезжал по Фригии, он остановился возле храма в городе Гордий и вспомнил историю о том, как немногим более двухсот лет назад *Александр Великий* одним махом решил запутанную загадку царя *Гордия*.

Случилось это так: в стародавние времена Фригия (отметим: в названии страны ничего общего с фригидностью нет), страна расположенная в центральной части этого полуострова Малая Азия, осталась без царя. Как так случилось – неизвестно. Судя по всему, быть там царём было делом муторным и неблагодарным, поэтому никто и не бежал сломя голову к трону. Но жить без царя в голове это не одно и то же, что жить без царя во главе. Тогда местный оракул провозгласил, что следующий человек, который въедет в город на телеге запряженной волами должен стать их царем. Граждане уселись возле городских ворот и стали ждать. Через какое-то время на горизонте появилась чёрная точка, которая всё увеличивалась и увеличивалась. Скоро стало ясно что по дороге в город движется запряжённая волами каруца.

- Ура! – ликовали взволнованные жители страны уставшие от «безцарствования». – К нам едет наш царь!

Как только телега пересекла городскую черту народ бросился к сидевшему на ней человеку.

- Здравствуй, великий царь! Властвуй и правь нами! - кричали люди падая ниц перед обалдевшим мужиком.

Мужик этот был простым зажиточным крестьянином (что-то среднее между крепким середняком и нарождающимся кулаком). По дороге в город он немного хлебнул бражки и захмелев проспал весь путь. Снились ему обычные мужские сны, характерные для здорового и ещё не очень старого мужчины: всякие соблазнительные молодые девы, горы богатств и несметные тучи поклонников его таланта игры смычком на двуручной пиле. Поэтому проснувшись он сперва подумал, что это всё ещё сон. Но постепенно, когда его стали тормошить, гладить и просить благословения, он понял, что это не сон и попытался объяснить этим слетевшим с катушек людям что зовут его *Гордий* и что он просто честный колхозник, а не какой-то там царь. Тогда, не давая времени несчастному опомниться, мэр города, религиозные лидеры и представители творческой интеллигенции поставили его перед фактом что ему надо принять бразды правления страной.

- Вот тебе царские шмутки, - всучил ему шапку и сюртук церемониймейстер. - Царём будешь!

- Ни за что! - скривившись отпрянул мужик.

- Одевайся, или убьём, - пригрозили ему.

Вот так царство Фригия нашло себе нового правителя. Жизнь у новоиспеченной царской особы пошла что надо. Он перевёз свою семью из хутора в город, который, чуть оперившись, вскоре переименовал в честь себя – Гордий. В цитадели города им была установлена повозка, которая привезла его к трону. Он опутал ярмо повозки сложнейшей

связкой узлов из кизилового лыка. Эта связка состояла из нескольких узлов, запутанных настолько хитроумно, что невозможно было понять как они были скручены и как их развязать. По одним слухам, он сам установил знаменитую повозку, по другим – это был его весьма состоятельный сынок *Мидас*. Согласно легенде *Мидас* был наделён способностью превращать в золото всё к чему притронется. Он обрёл этот дар за то, что спас от гибели бухого *Селена*, учителя бога *Диониса*. По преданию тех мест считалось что человек, который сумеет распутать этот «гордиев узел», станет властителем всей Азии.

И вот, в 334 году до н. э. *Александр Великий*, мимоходом проходя этот город, завернул к храму попить водички и наткнулся на знаменитую телегу.

- Что за бардак у вас тут? Эй вы, ослы! Это же храм, святое место, а у вас тут сельскохозяйственная допотопная техника валяется, - возмутился великий полководец.

- Санёк, не кипятись! Сейчас тебе этот служитель культа расскажет интересную историю связанную с этой телегой, - стал успокаивать его начальник кавалерии подполковник *Селевкид I*.

Религиозный деятель поведал ему старую байку и с ехидцей предложил *Александр* развязать узел. *Александр* кряхтел над узлом, кряхтел, а потом, как обычно, вспыхнул и проорал «Да на хрена здесь мучиться!». Потеряв контроль над собой (о, как мне это близко) он вытащил свой меч и рубанул что было дури по узлу, который разлетелся на кусочки. Отсюда и пошло выражение «разрубить гордиев узел», что означает решить всё быстро и силой.

Fedele Fischetti. Александр разрубает гордиев узел.

Но вернемся к нашему повествованию. После визита Фригии *Митридат* посетил Пергам, который на тот момент был столицей римской провинции «Азия». Там ему народ плакался в жилетку на коррумпированное правительство и чудовищное налоговое бремя и призывал его в правители. Заехал он и в Кизик и Гераклею - два независимых и сильно укрепленных греческих города-полиса. Конечно же он посетил и Кимиату, город который построил его предок, основатель династии *Митридатов*, *Митридат I Понтийский*. В городе Киликия он встретился со знаменитым сирийским пиратом *Селевком*, который был давним и хорошим другом Понта и заверился его поддержкой.

После посещения этих мест *Митридат* направился в Эфес. Он, стремясь походить на *Александра Великого*, расширил границы права на убежище в храме *Артемиды* (одно из семи чудес света в античности). Ранее эти границы установил македонский царь, очертив их в пределах выпущенной им стрелы. *Митридат* тоже выстрелил и его стрела пролетела дальше александровской. Впоследствии он очень этим гордился. Подражая именитому

Храм Артемиды в Эфесе. Одно из 7 чудес света в древности.

македоняну, он после землетрясения предоставил городу Апамее деньги в сумме сто талантов для восстановления последствий этого стихийного бедствия.

Побывал *Митридат* и на нескольких греческих островах. Сначала он прибыл на Родос - могущественный и независимый греческий город-государство со своим собственным мощнейшим флотом. Этот остров был славен тем, что ранее пережил великую осаду правителя Македонии *Деметрия Полиоркета*. Не смотря на свои огромные осадные машины, тот так и не смог взять город. После победы жители острова использовали эти

катапульты для постройки гигантской статуи солнечного бога *Гелиоса*, которая сейчас нам известна как Колосс Родосский (ещё одно из семи чудес света в античности). Колосс рухнул во время землетрясения за сто лет до прибытия *Митридата*. Он и его спутники смогли полюбоваться только фрагментами огромного бронзового тела, которые всё ещё валялись россыпью по гавани Родоса.

Морская держава древности - Родос.

Миссия на Родосе была очень важна для *Митридата* потому, что в то время этот самый большой греческий остров официально являлся союзником Рима. Ему было необходимо понять как будут вести себя островитяне в случае войны Понта с республикой. *Митридат* не скупился на то, чтобы склонить расположение родосцев на свою сторону. Он одарил город богатыми дарами и в знак благодарности родосцы воздвигли мраморную статую *Митридата*.

После окончания своей миссии на Родосе царь отправился на остров Делос, который являлся главным рынком по продаже рабов во всём Средиземноморье. На Делосе заключалась львиная доля торговых сделок между разными странами Европы, Азии и Африки. Этот город был наводнён шпионами разных мастей. *Митридат* тоже создал тут глубоко законспирированную группу «Понтийская капелла». Позже это принесло свои результаты - её члены исправно снабжали его разведывательной информацией на протяжении всех трёх лет войны с Римом.

Вдоволь попутешествовав *Митридат* с товарищами отправился домой. За год странствий они провели огромную подготовительную работу. Они не только обогатились

знаниями об обстановке в Малой Азии, но и составили карты местностей, наладили подпольную и разведывательную деятельность, основали сотни подпольных ячеек организации «Великий Понт», подкупили массу чиновников во многих столицах Малой Азии и т.д. и т.п.

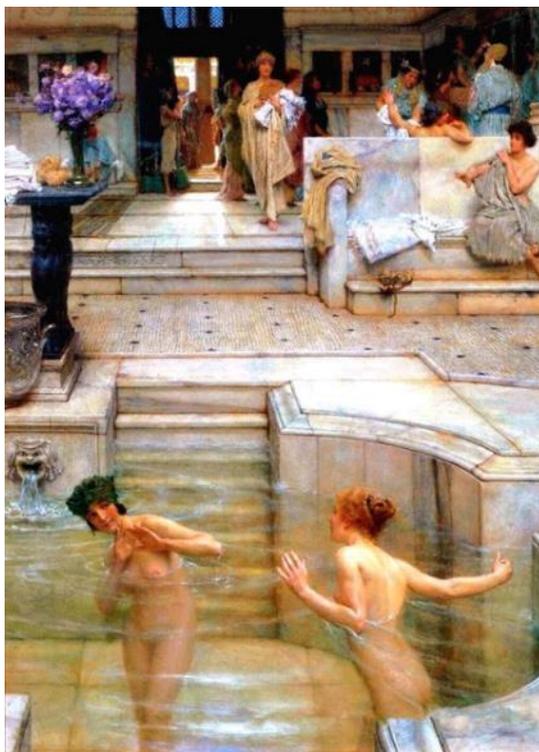
И вот уже на горизонте возникают очертания пригородов Синопы, знакомые с детства полустанки, индустриальная зона и рабочие окраины. Вот они уже проезжают мимо новостроек и центрального парка культуры и отдыха, уже видны стены дворца и перроны царско-сельского вокзала. Ещё немного, и он наконец-то дома. Бешено колотится сердце в предвкушении встречи с любимой женой, потоком текут слёзы радости от предстоящей скорой встречи, вот уже парадный подъезд дворца и ...

А тем временем во Дворце...

Когда *Митридат* отправлялся в долговременную разведку, он оставил во дворце свою жену-сестру *Лаодику* под присмотром евнухов и некоторых своих друзей. То ли евнухов не до конца подрезали, то ли друзья оказались не совсем друзьями, но вместо того, чтобы оберегать, да следить за царицей эти паскудники совратили её (или были совращены ею) и вступили с ней в преступную «пододеяльную» связь. Царица распустила слух, что такое длительное отсутствие *Митридата* наверное говорит о том, что он погиб и ей не похоти для, а здоровья ради нужно некое утешение, в виде волосатой мужской груди.

- *Макариус*, дорогой, чем будешь сегодня развлекать свою царицу? – барахтаясь в прохладной воде бассейна спросила *Лаодика*. - Мне уже всё опостылело: и эти заграничные певцы, и карты с нардами, и спектакли в амфитеатре. Хоть комедии *Аристофана* сейчас опять входят в моду, их сюжеты мне кажутся какими-то уж слишком невероятными. Возьмём, для примера, хотя бы ту же «*Лисистрату*». Не верю я в такую женскую солидарность. Да и вообще, аристофановская идея восстановления семейного счастья, как символа мира, мне кажется слишком архаичной.

- Ну, хочешь, мы можем на закате покататься на яхте. Возьмём ящик криковского шампанского, клоунов и шпагоглотателей, - предложил *Макариус* выходя из бассейна и одевая шёлковый халат на голое тело.

- Да ну, надоело! - закапризничала царица.

- Ну хорошо, тогда давай оргию с карнавалом закатим, - продолжал перебирать варианты развлечений сегодняшней фаворит царицы.

- О давайте, давайте - захлопали в ладошки царские наложницы, которые загорали рядом на шезлонгах - давно не безобразничали!

- А что там за шум на улице? – неожиданно встревожилась *Лаодика*. – А ну ка, глянь! Что там? – указала она рукой на окно жирному евнуху.

Тот подошёл к окну, привстал на цыпочки и выглянул наружу. Вдруг он пискляво вскрикнул и мгновенно присел, словно хотел спрятаться.

– Сейчас будет вам оргия! *Митридат* вернулся!!! – просипел он.

Лаодика потеряла дар речи и застыла как парализованная. *Макариус* упал в обморок, а евнух на четвереньках пополз прятаться за большие кадки с пальмами.

Тем временем *Митридат* слез со своего коня и размял заочевшие после восемнадцатичасового перехода ноги.

- Можно было бы, конечно, и завтра приехать - подумал он да и неплохо было бы сообщить заранее. Тогда бы весь город успел подготовиться и устроить достойную встречу своему лучезарному повелителю. - Но хотелось же побыстрее домой! – поэтому он сообщил о своём приезде за ранее только своему камергеру.

Тут его окружили цыгане с танцами и гитарами. На золотом подносе, знакомый ему ещё с детства старый добрый лакей поднёс гранённый стакан водки и шмат мамалыги. Цыгане звучными голосами запели старинную хоровую величальную песню:

К нам вернулся наш любимый
Митридат Эвергетович до-ро-гой!

Все присутствующие хором подхватили

Пей до дна!

Пей до дна!

Пей до дна!..

Митридат Эвергетович дорогой! Царь засосал стакан и спросил:

- А где же царица?

- Она в бассейне, - отвел глаза преданный камергер *Анатолий*. – Могу проводить.

- Ты что, старый хрыч, думаешь я совсем забыл что и где у меня во дворце? Пойду тоже в бассейн, с дороги пыль смою.

- Может ты и не забыл, но я всё равно тебя провожу, - настоятельно сказал *Анатолий*, многозначительно подмигивая и хмуря свои огромные кустистые брови.

Митридат понял, что у того есть для него конфиденциальная информация.

- Ну веди, коль так.

По дороге, улучшив момент когда они оказались одни, *Анатолій* резко остановился и с выражением ужаса спросил царя:

- Что это у тебя на башке?

Митридат погладил свою шевелюру. - Волосы как волосы - недоуменно ответил царь.

- Может расчёску тебе дать? Хотя, навряд ли тебе удастся причесаться.

- Ты что такое несёшь? – опять положил ладонь на голову царь. - Рога? – догадался он и ошарашенно округлил глаза.

- Ещё какие! Огромные, ветвистые, - ответил старик, при этом он размахивал руками и широко раздвигал пальцы над головой.

- Ну и кто их мне наставил?

- Спроси лучше, кто только не поучаствовал в этом.

- Понятно. Рот на замок! Полная тайна! Сегодня для всех праздник. Будет большой пир. Да, и надо придумать как бы мне эти рожки поизошрённой скинуть - гневно сказал царь.

Царь сделал глубокий вдох и медленно выдохнул через нос. Нацепил улыбку на лицо и, пихнув дверь кованым сапогом, зашёл в залу с бассейном.

- Ну что б... женщины мои, не ждали? А ну ка быстренько меня раздеть, помыть и причесать, - скомандовал он.

Вечером был пир по случаю счастливого возвращения повелителя. Праздничный стол был накрыт так изобильно, что не оставалось ни сантиметра свободного места. Из меню на холодные закуски были: сервированные на льду икра кетовая и осетровая, натуральный рулет из белуги с зернами горчицы и мака, запеченный мусс из судака с копченым лососем и шпинатом под сливочным хреном, паштет из семги с зелеными фисташками, легкий салат из кальмара и осьминогов с ароматным соусом из каперсов, холодная оленина с можжевельными ягодами и брусничным соусом, сыровяленые итальянские копчености, копченый язык в янтарном желе, форшмак и дунайская селёдка, рулет из филе цыпленка с мясом дальневосточного краба, галантин из фазана с лесной ежевикой, сочные томаты с домашним сыром «Моцарелла» и соусом из базилика, традиционные скифские соленья, включая фаршированные синенькие, нежинские огурчики с пупырышками, соленные помидоры и арбузы, чесночные гогошары с творогом, маринованные шампиньоны с зеленым укропом, оливки и маслины.

На горячее подали румяный пирог с форелью, морепродуктами и икорным соусом, медальоны из косули с ломтиками медовых яблок и соусом из ягод, каре молодого барашка, запечённых лебедей, лобстеров в имбирном соусе, жульен с пармезаном и красный украинский борщ с пампушками.

На десерт гостям были предложены мини-пирожные ручной работы, мильфей из орехового бисквита с кофейным кремом, московский пломбир, шоколадная колбаса с орехами и пирожное-картошка.

Всё это запивалось «Царской» водкой, армянским коньяком «Арагат», белым сухим вином «Шабли, Жан-Марк Брокер», красным сухим вином «Санта Мария Мореллиано ди Скансано, Маркези ДеФрескобальди» и вермутом «Букет Молдавии».

«Пир богов». Хендрик ван Бален.

Когда пир был в полном разгаре и народ потерял контроль над тем, что можно говорить, а от чего можно, в лучшем случае, остаться без языка, один сильно захмелевший гость встал и сказал:

- А я хочу выпить за недавно рождённого сына нашего царя.

Все подняли кубки и с шумом выпили, а *Митридат* поманил *Анатолия* и тихо спросил:

- Когда сын родился?

- Так уже почитай как с месяц. Вылитый папа, - издевательски подмигнул старик.

Царь встал из-за стола, громко срыгнул и напевая себе весело под нос:

«Ой-ё-ёй, а я несчастная девчоночка,
Ой-ё-ёй, а замуж вышла без любви,
Ой-ё-ёй, а завела себе милёночка,
Ой-ё-ёй, а муженёк, ты не гневись»

пошёл в сопровождении преданного *Анатолия* в детскую комнату. Там он пересчитал своих детей, дал каждому по монетке на мороженое и устался на байстрюка.

- Ну хорошо хоть не чёрный, - философски заметил он и велел позвать к нему начальника «пыточного отдела», *Ибрагима Изуверского*.

В своё время этого, в общем - то милейшего человека, обладавшего тонкой душевной организацией, подарил ему царь одного из горных племён северной Колхиды. Племя это никак не хотело подчиняться и *Митридат* долго возился с ним, желая перебить всех до

Ибрагим Изуверский

последнего человека. И вот когда царю этого самого племени уже отрубили в бою обе руки и обе ноги, на защиту его туловища и головы встал последний воин, царский телохранитель *Ибрагим*. Он был весь истыкан копьями, из одного глаза торчал обломок стрелы, из спины - боевой топор, вся одежда превратилась в пропитанные кровью лохмотья, а от порезов черты лица его невозможно было разглядеть. Он рычал как раненый лев, а оставшийся глаз излучал такую ненависть и злобу, что многие воины вокруг него падали от страха в обморок. И когда десятки воинов *Митридата* натянули тетиву своих луков, готовые превратить этих полтора человека в дикобразов, колхидский царь сказал:

- Эй, генацвале, мне уже «по-любасу» конец, так зачем тебе убивать моего преданного телохранителя. Возьми его себе, будет теперь тебе преданным как кавказская овчарка.

- Как же я смогу ему доверять ежели он тебя предаст? Если он такой преданный, то должен погибнуть защищая тебя, иначе я не поверю в его преданность.

- Эй, дорогой, не усложняй всё. Я прикажу ему остаться живым и служить тебе до гроба. Если он меня слушает, значит он мне предан. Логично?

- Ну, вроде, да.

- Ну так вот, *Ибрагим!* – скомандовала голова на туловище колхидского царя, - ты теперь будешь служить *Митридату* и выполнять всё что он прикажет. Ты понял?

- Да!!! – так заорал изо всех сил *Ибрагим*, что в Домбае с Алибека сошла лавина.

Тогда *Митридат* сразу решил его протестировать и приказал отделить голову от туловища своего бывшего босса, что тот мгновенно исполнил.

При дворе царь назначил *Ибрагима* главным дознавателем. Обычно, когда люди к нему попадали, они без промедления рассказывали всё. *Ибрагим* не был жестоким садистом, он просто бесстрастно выполнял свою работу, причём выполнял её всегда хорошо и доводил до конца. Он никогда не выказывал ни сочувствия, ни раскаяния в содеянном. И ещё, у него был дар - он точно знал всё ли человек рассказал или что-то ещё утаивает. Поэтому он не нанёс ни одной лишней царапины ни одному человеку которого допрашивал.

- Я собираюсь поговорить со служанками царицы, а ты просто стой рядом, - инструктировал его *Митридат*. - Я буду говорить с ними на их родном языке, поэтому ты не будешь понимать сути моих вопросов и их ответов, но, если ты почувствуешь в их голосе фальшь или что кто-то чего-то не договаривает, просто кашляни пару раз.

Через несколько минут к царю подвели двух служанок царицы.

- Привет, милашки! Откуда вы родом?

- Мы лидийки, - ответили красавицы.

- О, я только вернулся из долгого путешествия, во время которого побывал и у вас на родине, - перешёл на их язык царь. Там очень красивые места и живут очень хорошие и честные люди. - А уж девушки там просто прекрасные, - говоря это он приобнял их обеих: одну левой, а другую правой рукой. - Вы скучали за своим повелителем?

- Конечно, мы очень скучали, - улыбаясь прошептали девицы.

Тут он развернул их и они встретились лицом к лицу с *Ибрагимом*, который бесшумно подошёл сзади. Увидев его, они обе на короткое время лишились чувств, но царь крепко удержал их от падения в своих огромных руках. Очнувшись они сразу, перебивая друг друга, начали рассказывать царю, то, о чем он, собственно, и хотел их расспросить. Они выдали поимённо всех тех, кто имел тесные контакты с *Лаодикой*; от кого она родила сына и то, что она даже собирается его отравить, чтобы подобно своей матери потом единолично править Понтом.

- Ах, вот даже как, - нахмурился царь. - Спасибо, девочки, можете идти, только о нашем разговоре молчок. Договорились?

Царь отдал распоряжение, чтобы всех из тех, кого назвали служанки повязали и преправили в темницу. Сам же направился обратно на пир, взял царицу за руку и повёл в царскую опочивальню.

- Как ты жила в моё отсутствие? - спросил царь.

- Скучала, - небрежно ответила Лаодика, снимая с себя украшения и платье.

- Я пойду на горшок и в ванну, а ты ложись в постель и жди меня, - сказал спокойно царь. - Да, и закажи в номер бутылку шампанского. Давай выпьем вдвоём.

Он зашел в санузел и оттуда начал внимательно наблюдать за женой. Она позвонила в серебряный колокольчик и попросила принести бутылку шампанского. Потом, когда её принесли, сама откупорила вино и разлила в два фужера, в один из которых насыпала что-то из маленькой коробочки. Царь вышел из ванной и взял в руки протянутый ему фужер. По еле уловимым признакам, знакомым только ему, он догадался какой яд подсыпала ему его благоверная. Ему даже стало как-то обидно из-за простоты и обыденности происходящего. Этот яд был хорошо известен ему и у него ещё с детства была выработана к нему устойчивость. *Митридат* чокнулся с женой и медленно выпил все вино из фужера. Через минуту он схватился за горло и бездыханным упал на кровать. *Лаодика* покрутилась вокруг него, потрепала за волосы и похлопала по щекам. А когда убедилась, что он не реагирует вскинула руки вверх и победно воскликнула «*Yes, I made it*». Потом она налила себе ещё один полный фужер шампанского и залпом влила в себя шипучее вино, но на последнем глотке поперхнулась - кто-то положил ей на плечо огромную руку.

- *La commedia e finita* (финита ля комедия или - конец интриге), как говорят наши итальянские партнёры, - сказал с иронией *Митридат*.

На следующий день казнили всю честную компанию, включая и *Лаодику*, жену-сестру царя. «Яблочко от яблони не далеко падает» - философски заметил *Митридат*, вспоминая предательство их родной матери. Байстрюка же он пожалел. На данный момент у него было три законных наследника мужского пола и целый гарем, заполненный очаровательными наложницами. Пора уже было подумать и о войне.

(V) *Малая Азия- пролог*. Первой страной на которую обратил внимание *Митридат* стала Пафлагония – расположенная на побережье Чёрного моря, между Вифинией, Галатией и Понтом. Эта страна славилась своими всадниками и со стратегической точки

Никомед.

зрения была важнейшей областью региона. Загвоздка была в том, что Пафлагония была союзником Рима и, кроме того, на неё давно косился царь соседней Вифинии *Никомед III*. Политиком тот был хитрющим, переиграть которого было сложно. Это *Митридат* понимал хорошо. Тогда он сделал ход конём – предложил *Никомеду* поделить Пафлагонию на двоих, на что тот с радостью согласился. Через пару месяцев, согласно секретному протоколу к договору о ненападении между Понтом и Вифинией, Пафлагония практически без боя была полностью захвачена и разделена между *Митридатом* и *Никомедом*. Сенаторы в Риме подняли громкий хай и послали послов к обоим царям Малой

Азии с требованием вернуть Пафлагонию законному царю. *Никомед* включил дурачка и пообещал что всё вернёт. И вернул-таки, только не поверженному правителю, а своему сыну. Он заявил, что его сын тоже может считаться законным царем потому, что у того в родовом древе есть пафлагонийские корни. Он поменял сыну имя на имя присущее местным царям и передал ему свою половину владений. *Митридат* же просто завуалированно послал римское посольство. Он заявил, что эта страна ему досталась в наследство от его отца и он полон удивления, почему distinguished римские сенаторы оспаривают у него то, что у отца его не оспаривали. Рим опустив голову утёрся и тогда *Митридат* дерзнул и захватил еще и Галатию.

Вкусив радость первого успеха *Митридат* решил прибрать к рукам всю соседнюю Каппадокию. Он думал что сделать это будет просто. Страной тогда правил *Ариарат VI*, женой которого была старшая сестра *Митридата Лаодика* (опять это чёртового имя). Однако, приступив к осуществлению своих планов касательно этой страны, он ненароком открыл банку с голодными и хитрыми пауками, загнать которых обратно было ох, как не легко.

Для начала *Митридат* пригласил к себе в гости своего старого друга знатного аристократа *Гордия*, который служил при каппадокийском дворе. *Митридат* его встретил с помпой: сперва сауна с девицами, потом пир и подарки. Перед расставанием с *Гордием*, царь пригласил его выпить на «дорожку» кофе с коньячком в тенистом уютном садике своего дворца.

- Премного тебе благодарен, *Митридат*. На славу отдохнул, а подарки твои, это просто что-то с чем-то. Большое тебе человеческое спасибо!

- Да не за что. Это просто маленький аванс. Все твои подарки у тебя впереди, тебе надо будет просто найти помещение побольше где ты их будешь складировать, - с ухмылкой сказал царь.

- Не врубился, ты про что это?

- Я хочу чтобы моя старшая сеструха стала править в Каппадокии одна, - произнёс *Митридат* подливая в кофе «Курвуазье Экстра».

– Для этого ты должен отправить на тот свет её муженька.

- А что я буду с этого иметь?

- Поверь, не обижу. У меня виды не только на Каппадокию, но на всю Малую Азию.

Гордий в удивлении вскинул брови и крепко задумался. Потом взял бутылку с дорогущим пойлом и хлебнув прямо из горлышка сказал:

- Окей, я в деле.

Митридат передал ему коробочку с ядом своей последней разработки и, снабдив инструкциями, распрощался с другом.

Гордий сделал всё на отлично. На какой-то попойке он улучив момент подсыпал быстрорастворимый порошок в бокал с вином *Ариарата VI*, тот выпил яд, отчего вскорости отбросил копыта. Хотя народ догадывался кто это сделал и кто за этим стоит, ему всё сошло с рук, так как во всём обвинили иностранных агентов. На престол с широкой улыбкой взошла безутешная вдова. И вот, когда *Митридат* уже выбирал себе парадный костюм, чтобы навестить сестру и разделить с ней радость по поводу её столь неожиданной удачи в её карьере, к нему вбежал посыльный и протянул срочную депешу из разведцентра: «*Никомед III* стянул все войска к границам Каппадокии и с небольшим отрядом направился во дворец к царице *Лаодике*».

- Что за фигня?! - Что там происходит? - спросил он у срочно прибывшего по его приказу начальника разведцентра.

- Боюсь, у меня для вас плохие новости. По последним данным из каппадокийского дворца, *Никомед III* предложил *Лаодике* выйти за него замуж, на что она с радостью согласилась.

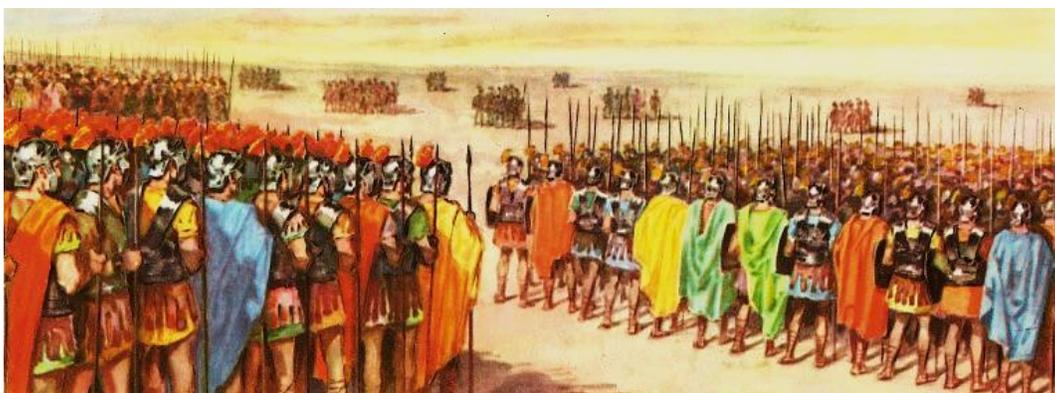
- Что такое?! – царь был в бешенстве. - Вот же пройдохи! Они за всё заплатят кровью! Трубить сбор, объявить тревогу, начальника штаба ко мне немедленно! - начал выкрикивать приказы царь.

Уже через несколько дней огромная армия *Митридата* атаковала передовые позиции коварного врага на границе Каппадокии и неумолимо двигалась к столице. Царь кинул клич что идёт освобождать трон Каппадокии от незаконных правителей и желая восстановить справедливость, хочет посадить на трон своего племянника, сына *Лаодики Ариарата VII*. Весь каппадокийский народ горячо поддержал понтийского царя в его святом стремлении. Вскоре вся Каппадокия было очищена от войск *Никомеда*, а сам царь с новоиспеченной женой сбежал к себе в Вифинию. Народ там долго смеялся над своим незадачливым правителем говоря, что из всех завоеваний в Каппадокии у него осталась только далеко не красавица вдова.

На первый взгляд для *Митридата* всё прошло хорошо. Для верности он посоветовал молодому царю Каппадокии взять себе в советники *Гордия*, того самого, кто отравил его отца. И тут юноша вдруг заартачился и решительно сказал что он не позволит какому-то там дядюшке командовать собой. Юнец собрал армию и приготовился сражаться за свою

независимость. «Вот же сволочь неблагодарная, - подумал *Митридат*, - весь в своих бабку и мать». Понтийский царь без труда одолел бы войска непокорного племянника, но тому в помощь прислали подмогу правители Софены и Коммагены, а также он получил подкрепление от незадачливого *Никомеда*. Для восьмидесяти тысяч хорошо обученных понтийских пехотинцев вкупе с десятью тысячами всадниками и шестьюстами колесницами это была вполне выполнимая задача, однако *Митридату* было неохота терять попусту людей, ему нужна была огромная армия для воплощения его более амбициозных планов. Поэтому он решил пойти простым путём – просто физически ликвидировать своего племянника. Но и тот, зная коварство членов своего семейства, был всегда начеку. Окружил себя уймой телохранителей, а пищу принимал только после того как трое-четверо рабов её пробовали накануне. Потерпев неудачу с физическим устранением царь решил: «Ну что ж, мы пойдём другим путём!» и дал сигнал на выступление своей огромной армии.

В то раннее утро была чудесная погода. Восходящее солнце заполонило своим жёлтым полукругом половину горизонта. Лёгкий ветерок тормошил пышную шевелюру понтийского царя, который сидел на коне в богато украшенном алом плаще. Позади него стояло его многочисленное войско. В центре покачивая пиками стройными рядами стояли

фалангисты. За ними блестя на солнце шлемами и копьями - ветераны боёв в Северном Причерноморье и Колхиде - греческие гоплиты. На левом фланге фыркали, прядали ушами и нервно перетаптывались с ноги на ногу лошади тяжелой армянской кавалерии. Хищно сверкали начищенной сталью страшные косы и серпы боевых колесниц. Царь запросил переговоры один на один с племянником и теперь ожидал гонцов с ответом. Через пару минут гонец подъехал к *Митридату* и передал условия встречи:

- Царь должен быть на встрече без оружия. Кроме того, его полностью обыщут телохранители *Ариарата VII*.

- Передай что я не возражаю.

Митридат отстегнул свой меч и кинжалы и передал всё стоящему рядом адъютанту. Потом медленно поехал в сторону войска противника. Подъехав на расстояние метров пятидесяти от ставки племянника он спешился и стал ждать. Со стороны противника подошли трое телохранителей *Ариарата*. Они поздоровались, уважительно поклонились и сказали что просят прощения, но у них приказ своего царя обыскать *Митридата* прежде чем тот подъедет на переговоры. *Митридат* смиренно поднял руки показывая, что не возражает. Молодой воин начал методично проверять одежду понтийского царя и когда дошёл до низа живота *Митридат* грозно, но с усмешкой сказал:

- Будь осторожен пацанчик, как бы ты не обжог свои руки кинжалом совсем другого рода.

Молодой воин засмутился и покраснев продолжил обыскивать дальше, но уже ниже колен. Закончив обыск, воин повернулся к своему царю и показал жестаами что всё в порядке и оружия нет. Тогда *Митридат* приветливо помахал племяннику и улыбаясь польстил:

- А ты оказался настоящим воином. Молодец.

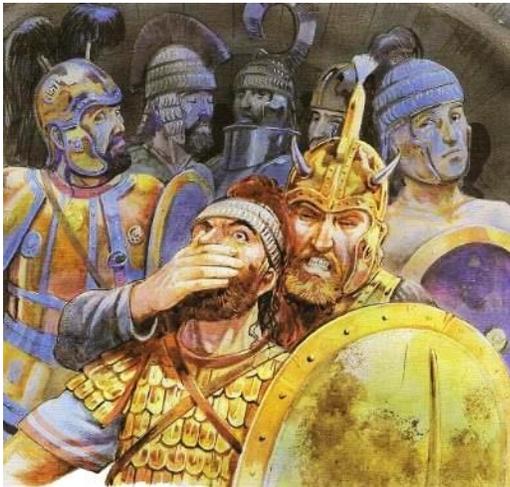
Ариарат не ожидая подвоха смело пошёл на встречу с царём, который в родственном приветствии широко расставил свои огромные руки собираясь обнять племянника. *Ариарат* в ответ доверчиво вскинул свои руки и они обнялись. Воины обеих сторон внимательно наблюдали за этой сценой и грешным делом подумали, что родственники помирились и сражения не будет. Однако, когда *Митридат* обнял *Ариарата*, он одной рукой сильно сдавил его шею, а другой мгновенно вытащил стилет, который прятал в штанах, в складке внутреннего шва в верхней части бедра. Он вонзил стилет в горло

племяннику и тихо произнёс ему на ухо:

- Ну что, сопляк, поиграл в независимость?

Кровь хлынула фонтаном и забрызгала алый плащ *Митридата*. Он отпустил племянника и тот упал к его ногам. После этого царь Понта поднял руки вверх и громко крикнул своим воинам:

- Теперь ваша очередь умыть свои руки в крови врага!

Армия *Митридата* перешла в атаку, а противник лишившись человека за которого должны были воевать, пустился в бегство. Задача была выполнена. После *Митридат* поставил править завоёванной страной своего восьмилетнего сына, регентом которого назначил своего друга *Гордия*.

Потом власть в Каппадокии ещё много раз переходила из рук в руки разных правителей. Рим попытался навязать там свою волю и послал своих спецпредставителей для наведения порядка. Однако те оказались жуткими коррупционерами и рэкетирами. Они

Каппадокия.

обложили народ такой данью, что людям было трудно выживать. За неуплату налогов или иные финансовые провинности наказывали безбожно. Ко всему прочему, они ещё постоянно устраивали разные провокации и всячески настраивали народы Малой Азии

против *Митридата*. Через какое-то время понтийский царь решил, что пришёл час проучить потомков волчьих выкормышей и договорился с царём Армении *Тиграном Великим*, женатому на дочери *Митридата Клеопатре* о совместных боевых действиях в грядущей войне. *Тигран* пообещал своему тестю поддержку при условии, что города и деревни достанутся *Митридату*, а пленники и все, что можно увезти с собой – ему, *Тиграну*.

К этому времени у *Митридата* была уже поистине огромная армия и очень мощный флот. В его армию стекались люди со всех сторон государства. Известный историк *Аппиан* так описывает многообразие войска *Митридата*: «под его знамёнами стояли колхи – племя, помешанное на войне, эллины, которые живут на берегу Понта, и варвары, живущие севернее их. Другими, готовыми на все, что только он прикажет, были у него скифы, тавры, бастрены, фракийцы, сарматы и все, кто живет по Танаису (Дону), Истру (Дунаю) и вокруг Меотийского озера (Азовское море), а также фракийцы, жители Понта, каппадокийцы, вифинцы, галаты и фригийцы и жители других стран, которые недавно были завоеваны *Митридатом*».²⁰

В 94 году до н. э. неожиданно скончался царь Вифинии *Никомед III*, оставивший двух незаконнорождённых детей: *Никомеда IV* и *Сократа*. Новым правителем стал *Никомед*, а второй брат, как принято, был вынужден удалиться в изгнание. *Никомед* оказался жестоким тираном и ярким сторонником Рима, в то время как *Сократ* был почитаем в народе и придерживался пропонтийской политики *Митридата*. Тогда царь Понта решил помочь *Сократу* и заказал *Никомеда*. Однако киллер оказался никудышный и убийство провалилось. Несмотря на эту неудачу, царь Понта не оставил мысли возвести на трон *Сократа* и передал ему в пользования часть своей армии для насильственного захвата власти в Вифинии. Видя, что народ поддерживает нового претендента на трон, действующий глава государства быстренько отправился в Рим, где начал жаловаться сенату на чинимые в его царстве безобразия. Сенаторы нахмурились, потопали ножками и опять отправили в Малую Азию своих представителей по вопросам защиты прав сочувствующих Риму граждан, чтобы они разрулили сложившуюся там ситуацию. Этими спецпредставителями были *Маний Аквиллий* и *Манлий Малътин*, бандитская деятельность которых и подняла на Анатолийском полуострове волну протестов против республики. Это послужило хорошим стимулом для *Митридата* начать войну.

Тигран Великий и Митридат.

Пару слов о гангстерской деятельности главы посольства спец представителей - *Маниа Аквиллиа*. Он был выходцем из известного итальянского клана *Аквиллиев*. Его отец был такой вор и аферист, каких ещё до него не видел весь античный мир. Жадность была его первой натурой. В своё время он за крупную взятку продал отцу *Митридата Евпатора Эвергету* целую страну - Великую Фригию, за что попал под суд в Риме. Однако, там он дал взятку судьям и был вчистую оправдан. Второй его натурой была чудовищная, даже для римлян, жестокость. Когда он подавлял восстание в Пергамском царстве, то отдал приказ отравить все источники и колодцы с питьевой водой, тем самым отправив на тот свет несметное количество ни в чём не повинных людей.

Так вот, его отпрыск был достойным сыном своего отца, впитавшим в себя все качества настоящего подонка. Назначая его для урегулирования дел в Малой Азии, сенаторы прежде всего полагались на его обширные связи на полуострове, которые ему достались в наследство от отца. Однако, вместо того чтобы предотвратить войны и смуты, он принялся активно их раздувать. При этом он брал деньги с обеих конфликтующих сторон. Он обложил народ непомерными поборами и податями. И ладно бы он вытворял это чтобы принести пользу Риму, отнюдь, его целью было лишь личное обогащение. Из-за интриг, которые наплёл этот спец представитель Рима, ситуация в Малой Азии только осложнилась. Пощипав большинство царей в этом регионе он сколотил себе сумасшедшее состояние. Но ему всё было мало и мало и тогда он обратил свой взор на Вифинию. В это время отравившись несвежей рыбой откинул копыта её тогдашний царь-самозванец *Сократ*. История умалчивает о том, кто именно ему помог отравиться, хотя в народе поговаривали, что может и сам *Митридат*. Он мог посчитать своего недавнего выдвигенца отработанным материалом, никакого толку от которого уже не будет. А может быть он хотел показать сенату свою лояльность и пустить пыль в глаза «отцам мира», чтобы притупить их бдительность по отношению к нему, как к потенциальному противнику. В результате этой возни *Никомед*, с помощью *Маниа Аквиллиа* и преданного ему на усиление полководца *Кассия*, опять залез на трон Вифинии, правда задолжал он им баснословные суммы. Он не только заложил им собственное царство, но и обещал огромные выплаты в будущем.

И вот в один из дней к нему во дворец пожаловали гости.

- Доброго вам здоровья, дорогие мои друзья *Маний* и *Кассий*. - С чем пожаловали? - учтиво спросил гостей *Никомед*.

- И тебе не хворать. - Должок за тобой крупный имеется, вот мы и приехали перетереть с тобой о том, как ты собираешься его возвращать, - зловеще улыбнулся *Маний*.

- Да. Хотим убедиться, что ты делаешь всё возможное перед тем как придёт время включать счётчик и поставить тебя на проценты, - перебрасывая с одной руки в другую тяжёлый чугунный утюг добавил грозный *Кассий*.

- Товарищи дорогие, ну вы же видите, что у меня ничего нет. Пока вы меня на трон возвращали все мои деревни разграбили войска *Сократа*, которые послал ему в помощь этот понтийский выскочка *Митридат*. Царская казна пуста. Мне, реально, даже угостить вас нечем. Питаюсь кашами и чечевичными похлёбками, как плебей какой-то. Хотите кашки?

Римляне проигнорировали его предложение, а только удобней развалились в

креслах и пристально посмотрели на него.

- Так уж и пуста?

- Зуб даю, - щёлкнул ногтем по гнилому переднему зубу *Никомед*. - Ничегошеньки нет. В сундуках паутина, а в кладовых только мыши повесившиеся.

- Ну а как же ты бабки возвращать собираешься? – спросил его *Маний*.

- Соберём урожай, дай бог погода не подведёт. Налоги повышу, займу где-нибудь или перезайму. – В конце концов, в валютный фонд обращусь за кредитом, - подняв палец вверх сказал царь.

- Да кто ж тебе его даст, ты ж банкрот полный.

Никомед повесил голову изображая страшную грусть и печаль. Развёл руками и обессиленно уронил их себе на колени.

- А ты подумай, подумай. Где деньги взять можно? У кого они есть? - пытался направить разговор в нужное русло *Маний*. – Может отобрать у кого? А?

- Да у кого же я отберу, все вокруг голозадые. Да и войско моё не так чтоб уж ахти какое. Их же тоже кормить да поить надо.

- Так уж и все голозадые. А *Митридат*? Он как по-твоему, тоже нищий?

- Ну *Митридат* это совсем другое дело. У него серебра да золота столько, что он давным-давно должен был бы ослепнуть от его сияния.

- Ну так походи на него войной и отбери, а мы тебе войском поможем. Да не крестьянами с рогатинами, а самыми что ни на есть римскими легионами. – Правда *Кассий*? – спросил полководца *Маний*.

Кассий в отличие от своего римского товарища был более законопослушным и для принятия таких решений ему нужны были консультации с Римом. Однако, он был наделён

Римом полномочиями принимать участие в боевых действиях если на союзников Рима совершались нападения. Поэтому он подумал немного и сказал:

- Тебе, *Никомед*, следует атаковать порты *Митридата* пока его флот находится у Крыма. Конечно, *Митридат* пойдёт тебе мстить, но к этому времени мои легионы его встретят и дадут отпор у твоих границ.

- Ладно, - ответил *Никомед*, - если Рим встанет на защиту Вифинии я потормошу понтийские порты.

Спустя некоторое время флот *Никомеда* напал на прибрежные города Западного Понта. *Никомед* вернулся с огромным количеством добычи и заплатил свои огромные долги и сенаторам, и полководцам, и другим кредиторам, включая *Манию Аквилию*. Однако в сердце *Никомеда* поселился ужас - его солдаты во время грабительских рейдов не встречали никакого сопротивления, что было необъяснимо. Эта тишина и бездействие со стороны *Митридата* его очень пугала.

Митридат действительно не вступил в сражения. Более того, он отправил своих гонцов в приграничные порты и города Понта, чтобы те предупредили их жителей о грядущей атаке. Они должны были схорониться в безопасном месте, оставив при этом в домах достаточно ценных вещей, чтобы враги могли их разграбить. Почему он так поступил, до конца не понятно. То ли он ещё не был окончательно готов к войне с Римом, и потому всячески оттягивал её начало, то ли хотел, чтобы у него было «*большее количество более благовидных предложений для будущей войны*», пишет *Аппиан*.

Римляне совершенно не ожидали от *Митридата* такой реакции, точнее её отсутствия. Вместо того, чтобы ринуться защищать свои владения он заслал послов с жалобами на своего соседа. В ответ на его недовольство римские уполномоченные сказали *Митридату* следующее: «*Мы бы не хотели, чтобы Митридат потерпел что-либо неприятное от Никомеда, но мы не потерпим, чтобы против Никомеда была начата война: мы считаем, что не в интересах римлян, чтобы Никомед потерпел ущерб*». - То есть, *Никомед*, хоть и сукин сын, но он свой сукин сын - истолковал для себя ответ римлян *Митридат*.

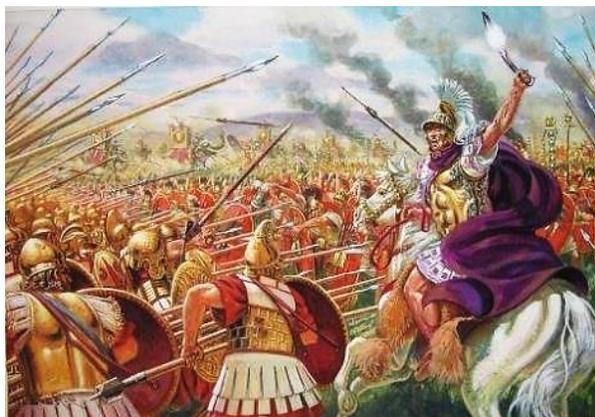
Тогда *Митридат* пошёл на обострение ситуации и нанёс удар по Каппадокии. Местный царь очередной раз сразу сбежал, а сами же спецпредставители стали спешно набирать в свои армии дополнительные войска в Вифинии, Галатии и Пафлагонии, не дожидаясь решения сената или народного собрания относительно столь значительного вопроса. Несмотря на то, что такие их действия были грубым нарушением римского законодательства, в один из погожих дней 89 года до н. э. объединённые войска *Никомеда* и *Аквилия* вступили на землю Понта. Так началась первая война *Митридата* с Римом.

Первая Митридатова война (89 - 85 годы до н. э.).

(VI) Малая Азия - начало. Благодаря *Аппиану* до нас дошли данные о численности армии *Митридата*: включая войска, стоящие гарнизонами по всей державе, а также контингенты, которые находились на Боспоре и в Закавказье. «У *Митридата* его собственного войска было 250 000 и 40 000 всадников; военных судов с крытой палубой 300 и с двумя рядами весел 100 и соответственно все остальное к ним оборудование; военачальниками у него были два брата – *Неоптолем* и *Архелай*, но над большей частью войска командовал сам царь. Вспомогательные войска привел к нему сын самого *Митридата* *Аркафий* из Малой Армении – 10 000 всадников и *Дорилай* выстроенных в фаланги, а *Кратер* – 130 боевых колесниц». Ко всему этому Понт имел многочисленных союзников: Египет, Сирию, Армению, Афины и киликийских пиратов, а также некоторые фракийские племена.

Согласно цифрам, которые он приводит, в войсках завоевателей было 176 тысяч человек (из которых 12 тысяч были римскими легионерами). Римляне создали три компактные и мобильные армии. Численность этих группировок *Аппиан* определяет в 40 000 пехоты и 4000 всадников каждую. Войска *Аквилия* собрались на границе Понта, воины *Кассия* прошли к границе Вифинии и Галании, а легионеры *Оппия* держали дорогу ведущую через Каппадокию. Противник также располагал армией вифинского царя *Никомеда IV*, в которой насчитывалось 50 000 пехотинцев и 6000 кавалеристов.

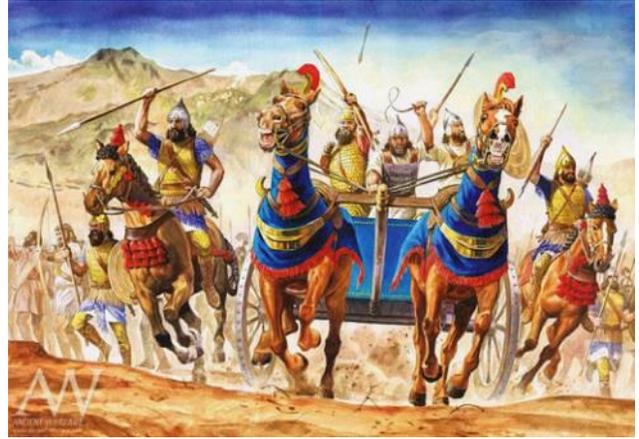
Первое сражение произошло в долине реки Амний. Войска *Никомеда* нарвались на

передовые отряды *Митридата* и сразу начали перестраиваться в боевые порядки. Когда полководцы *Митридата* увидели, что вифинийская армия намного превосходит их численностью и начала охват флангов, *Аркафий*, *Архелай* и *Неоптолем* решили идти в контратаку. Битва проходила с переменным успехом то тех пор, пока в бой не вступили боевые колесницы *Митридата*.

Использование этого вида оружия на то время считалось архаичным. Это как с шашками наголо идти против танков. Ещё во времена *Александра* воины его фаланги научились противостоять смертоносным машинам. Они просто открывали свои ряды и пропускали колесницы с серпами, позволяя им проехать, а затем атаковали их сзади. Такая тактика, в общем и целом, положила конец эре боевых колесниц. Из загашников каких музеев

Митридат вытаскивал этот архаичный хлам и для чего - непонятно. Может за неимением лучшего, а может посчитал, что фалангисты уже забыли как маневрировать при нападении колесниц. Как бы там ни было, но когда тяжёлая кавалерия *Митридата* ударила с обоих фронтов по фаланге вифинийцев, те сомкнули поплотней ряды и становясь спиной к спине старались защитить друг друга.

- Ага, поймались! - хищно улыбнулся *Кратер*, начальник митридатовских боевых колесниц и подал сигнал к атаке.

Колесничие хлестнули своих мощных коней, посылая их с места в галоп. Земля задрожала от стука сотен копыт, которые создавали жуткий грохот. И вдруг из поднявшейся пыли показались боевые серпоносные колесницы. Казалось, что огромные кони были

сделаны из золота, так как они были покрыты медными защитными пластинками и ярко блестели отражая от себя солнце. Выступающие на метр, сверкающие косы и серпы на осях колесниц крутились с чудовищной скоростью. Создавалось впечатление, что вокруг осей пылает огонь. На огромной скорости, словно снаряды, колесницы врезались в

фалангу, которая из-за своей чрезмерной плотности не могла расступиться. Острые лезвия серпов и кос приступили к работе и смерть начала пожинать свой урожай. По сторонам летели ошмётки человеческих тел: руки ещё сжимающие копья и мечи, ноги, головы и туловища. Смертоносные мясорубки носились по боевым порядкам вифинийцев молотя и разрезая на части всех вокруг, оставляя после себя кровавые просеки в неприятельских рядах. Так описал это зрелище со слов очевидцев натурфилософ *Лукреций*:

Так, говорят, лезвия колесниц серпоносных нередко
Столь неожиданно рвут тела в беспорядочной бойне,
Что на земле увидеть отсеченные руки и ноги

Можно в то время, как ум и сознание людей не способны
Боли еще ощутить, причиненной стремительной раной...
Ибо весь ум у людей всецело захвачен сраженьем.
Часто не видя, что нет уже левой руки, и волочат
Кони её со щитом среди колес и серпов беспощадных;
Не замечает один, что без правой он на стену лезет,
На ногу хочет другой опереться, которой уж нету,
А шевелит на земле она пальцами в корчах предсмертных...

Видя весь этот ужас фаланга *Никомеда* дрогнула и воины побросав пики, копья, мечи и щиты обратились в повальное бегство. Это спровоцировало панику, которая довершила дело - сопротивление вифинийцев рухнуло и битва превратилась в добивание проигравших. Тянувшие колесницы усталые лошади жадно дыша раздували свои ноздри. Их крупы были обильно забрызганы кровью, которая тонкими струйками стекала на землю. На осях колесниц гроздьями висели останки человеческих тел.

Царь Вифинии отступил и едва спасся: он и его римская свита бежали в лагерь *Аквилія*. На поле боя понтийцы, к своей радости, нашли всю полковую казну *Никомеда* - ларец, наполненный серебром и золотом. Более половины войска *Никомеда* сложила свои головы и другие части тел на поле брани, остальные сдались на милость победителя, после чего были направлены в Синопу к *Митридату*, который должен был решить их судьбу.

Это была первая крупная победа *Митридата* над численно превосходящим врагом. Она была достигнута благодаря воинскому искусству полководцев понтийского царя и доблести его воинов.

В честь этой победы в Синопе были устроены пиршества. *Митридат* был счастлив и весел. Он приказал выставить на площадях столы и устроить пир. По его распоряжению

были доставлены туши быков и баранов, и огромные амфоры с вином. Народ с цветами воодушевленно чествовал своих героев. В разгаре чествования на самую большую площадь ввели огромную толпу пленённых воинов *Никомеда*. Царь в парадном блеске выехал перед ними на своём коне и поднял правую руку вверх, давая всем понять что собирается толкнуть речь. Пленники знали о свирепости

понтийского царя и с ужасом ожидали своей участи. Раздалась дробь барабана и после неё *Митридат* начал говорить:

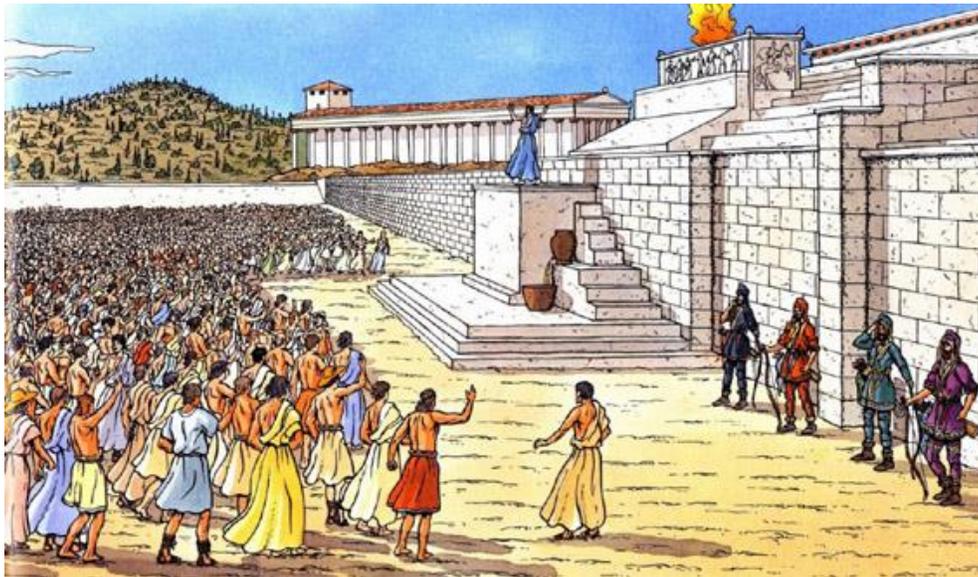
- Дорогие мои соотечественники, жители славного Понта и наши союзники, а также уважаемые туристы и гости нашей столицы. Сейчас силы Света и Добра наголову разбили силы Тьмы и Зла! Мы одержали сокрушительную победу над римскими прихвостнями и показали им свою доблесть, храбрость и воинскую выучку. Не зря я днями напролёт муштровал своё войско, ибо, как в далёком будущем скажет один великий полководец «Тяжело в учении - легко в бою».

- Ура-а-а-а! - протяжно разнеслось над всей Синопой. – Слава нашему *Митридату*!

- Мы сокрушили в этой битве огромное войско противника! Под грамотным руководством лучших из лучших греческих командиров мы ввели в бой только малую часть своих сил, - продолжал он.

- Ура-а-а-а! - ликовала толпа.

- Люди, посмотрите на этих солдат! - царь указал рукой на колонны пленённых. – Они храбро сражались, однако они сражались на стороне Тьмы и Зла. Многие из них попали в

римскую армию и в армию имбецила царя *Никомеда* по обману, по недоразумению или насильственно. Виноваты ли они пред нами? Конечно, виноваты! На поле брани погибло много наших товарищей. Многие жёны будут теперь проводить ночи напролёт кусая зубами подушку и выть по ночам в пустоту, лишившись мужниных ласок и тумачков. Многие девушки теперь будут вынуждены конкурировать и жестоко изводить друг друга из-за нехватки парней.

- У-у-у-у, сволочи! – яростно завопила женская половина толпы.

- Но мы должны быть милосердны к оступившимся по незнанию или по чужой злой воле. Ибо, как лет через сто скажет один мудрец: «любите врагов ваших и благотворите им, будьте милосердны к ним». Мы дадим им ещё один шанс стать на сторону Добра и Света.

- Итак. Я, царь всея Понта, *Митридат VI Евпатор Эвергетович* дарую свободу этим пленным воинам и постановляю, выдать каждому суточные в размере по одной серебрянной монете в день: на проезд к месту жительства. Взять с каждого подписку кровью, что он впредь не поднимет оружие против *Митридата*!

Толпа притихла стараясь переварить услышанное.

- Хау! Я все сказал! – торжественно закончил царь и картинно приложил руку к груди.

Что тут началось, трудно описать словами. Пленные упали на колени и начали прославлять *Митридата*: «Слава царю царей, великому Новому Дионису! Ура *Митридату*! Да светится имя твоё, наимудрейший!»

Это была великолепно выверенная политическая речь *Митридата*, с огромными позитивными последствиями для него. Это был эталон того, как кидают понты, настоящие понтийцы. Весть о том, что понтийский царь прощает врагов своих, да ещё и одаривает деньгами со скоростью курьерского паровоза разнеслась по всей Малой Азии. Подобный понт он проделывал ещё не раз в будущем, вызывая восторг у народов. Когда впоследствии *Митридат* проходил по завоёванным землям, люди выходили встречать его как бога, одевая белые одежды и размахивая букетами цветов.

После столь великолепной победы полководцы *Митридата* продолжили наступление, выбрав себе в жертву главного поджигателя войны - римского вора в законе *Манья Аквиллия*. Именно к нему сначала удрал *Никомед*. *Аппиан* пишет, что *Аквиллий* и римские полководцы пришли в ужас от разгрома армии царя Вифинии. Римляне решили отойти подальше от войск *Митридата* и после длительного перехода, стремясь оторваться от преследовавших их понтийских войск, расположились лагерем на отдых. Накануне днём, осторожный *Никомед* почуял своей пятой точкой неладное и дал стрелкача аж в лагерь *Кассия*, который находился в сотнях вёрст от *Аквиллия*. И не зря. Нападение на римский лагерь произошло под вечер. Войска под руководством стратегов *Неоптолема*, *Метрофана* и *Немана* (командир-армянин, которого послал армянский царь *Тигран*) со своими отрядами с ходу атаковали врага. *Аквиллий* был вынужден принять бой в невыгодных для него условиях и был полностью разгромлен, потеряв 10.000 воинов убитыми и около 300 пленными, которые, уже по традиции, сразу перешли на сторону Добра и Света. Лагерь римлян был захвачен, а сам пахан подался в бега, добрался до Пергама, где и залёг на дно.

Атака на римский лагерь.

Митридат двинулся дальше и теперь его невозможно было остановить. Подавляющее большинство городов без боя переходили на сторону Нового Диониса. Каждый день он принимал посольства представителей различных стран, городов и мест из всех краёв Анатолийского полуострова. Их послы спешили выказать ему своё подчинение и уважение. Народ вокруг ликовал и провозглашал его «богом и спасителем».

Когда перетрусивший *Никомед* ища спасения прибыл к *Кассию*, они объединили свои войска. *Кассий* даже объявил о всеобщей мобилизации, но та провалилась потому, что люди были враждебно настроены по отношению к римлянам и их приспешникам. Стараясь избежать призыва они убегали от него и скрывались в горах и труднодоступных местах. Центурионы *Кассия* отловили пару сотен крестьян и ремесленников, начали их обучать военному ремеслу, но те отлынивали и всячески пытались опять дать дёру. В конце концов *Кассий* бросил попытку сколотить из местного населения боеспособное войско и метнулся с остатками своих воинов на восток, в город Апамею. Это был процветающий торговый город, в котором давно проживала большая еврейская община. Жители города также были на стороне *Митридата*. И надо же так случиться, но в тот день, когда *Кассий* вошёл в этот город, там случилось страшное землетрясение. Может римлянин посчитал это каким-то знамением, а может по другой причине, но он решил уносить ноги ещё дальше. Теперь *Кассий* совсем отказался от мысли о сражениях и просто хотел добраться до Родоса - независимого острова, союзника Рима. А вот когда *Митридат* со своей армией прибыл в Апамею, то увидев ущерб, нанесенный землетрясением, понтийский царь (опять подражая *Александру Великому*) кинул очередной понт. Он распорядился выдать городу 100 талантов (более двух с половиной тонн) серебра на ремонт домов и синагог.

(VII) *Малая Азия - зачистка.* После первых оглушительных побед на римлянами *Митридат* занялся благоустройством вновь приобретённых земель. Он лично посетил большинство городов, там он ставил своих наместников и карал бывших римских чиновников. Он хотел чтобы люди могли сравнить прежнюю жизнь под властью римлян и новую под властью понтийского царя. Римляне и сотрудничавшие с ними жители Малой Азии стремились скрыться от преследований царя Понта. Со всех концов Анатолии они сбегали в большие города на побережье, где надеялись найти убежища среди более многочисленного римского населения или пытались отплыть в Италию.

С самого начала войны среди организаторов коалиции против *Митридата* помимо вифинского царя *Никомеда* и римских полководцев *Кассия* и *Аквилия* был ещё один римский военачальник – *Квинт Опций*. После того, как часть его войска разбежалась, либо переметнулась к понтийцам, он с оставшимися (основная их масса состояла из римских воинов) заперся в городе Лаодикее и основательно приготовился к длительной осаде.

Когда *Митридат* подошёл к Лаодикее со своей многочисленной армией он решил, что вместо того чтобы терять своих людей посылая их на приступ лучше предложить жителям города сделку. Он выслал к стенам своего глашатая.

На стенах города Лаодикее собралось почти всё взрослое население. Римляне, несмотря на страх перед штурмом, старались вести себя с достоинством, показывая защитникам города пример храбрости. Их центурионы пытались подбодрить народ рассыпая в разные концы своих людей.

- Не бойтесь, братья. У нас много запасов провизии и полные колодцы воды. Стены города крепки и высоки. *Митридат* со своим сбродом из пастухов и крестьян никогда не возьмёт этот город! – убеждали те горожан.

Народ же за спинами римлян шептался о своей скорой гибели и проклинал волчьих детей за такую участь. Все знали что *Митридат* бывает милосерден и справедлив к тем кто складывает перед ним оружие, но люто жесток с теми кто пытается сопротивляться его воле.

- Ишь, нашли себе братьев, - бормотали себе под нос мужики. - То мы были быдлом дремучим, а тут вдруг стали братьями. Как драть с нас три шкуры повышая налоги - так это запросто, а теперь сражайся за них. Вот пусть сами и отбиваются!

Тут они увидели несколько всадников приближающихся к стенам со знамёнами переговоров. Те разъехались в разные стороны от главных ворот и на расстоянии двух стадий друг от друга выстроились напротив стены. Потом одновременно раскрыли свитки и зычными голосами стали зачитывать послание *Митридата*.

- Великий повелитель и всемогущественный царь понтийский *Митридат* призывает всех жителей города сложить оружие и передать в его руки *Квинта Оппия*. За это он пощадит всех наёмников, которые воевали за эту помесь шакала с бешеной собакой. Они могут покинуть город или перейти на службу к светлоликому покорителю Малой Азии, Колхиды, Таврии и Боспора. Граждане города будут прощены и город будет помилован. Более того, они станут подданными его величества царя Понта и будут освобождены от выплаты налогов на целых пять лет. Им будут прощены все долги кредиторам из Рима. По прошествии пяти лет налог на жителей будет в разы меньше, чем они платили потомкам волчьих выкормышей. На всё про всё у вас есть время до того, как солнце взойдет в зенит.

Глашатаи развернули своих лошадей и рысью поскакали обратно. После получения послания *Митридата* город загудел как встревоженный улей, в котором рабочие пчёлы собираются выгнать их него трутней.

Буквально через полчаса ворота города распахнулись и из них потекли два ручейка состоящих из римских наёмников: один потянулся прочь от города – из людей бежавших подальше от войны, а другой - в сторону понтийского войска – из тех, кто решил воевать дальше, но уже за *Митридата*. После них вышла личная гвардия *Оппия* и в конце, под громкое улюлюканье - сам полководец.

Ко всеобщему удивлению *Митридат* не причинил ему никакого зла. Позже он возил *Квинта Оппия* за собой на осле и без оков, представляя его всем на потеху в качестве своего ручного фельдмаршала. А такую тактику переговоров с целью мирной сдачи города в обмен на подданство и финансовые привилегии он применял ещё не раз.

К 88 году до н. э. *Митридатом* была захвачена практически вся Малая Азия: Вифиния, Пафлагония, Фригия, Мисия, Памфилия, Ликаония, Лидия, Иония, Кария, Галатия и острова Кос, Лесбос, Самос и Хиос. Столицей своей он избрал город Пергам,

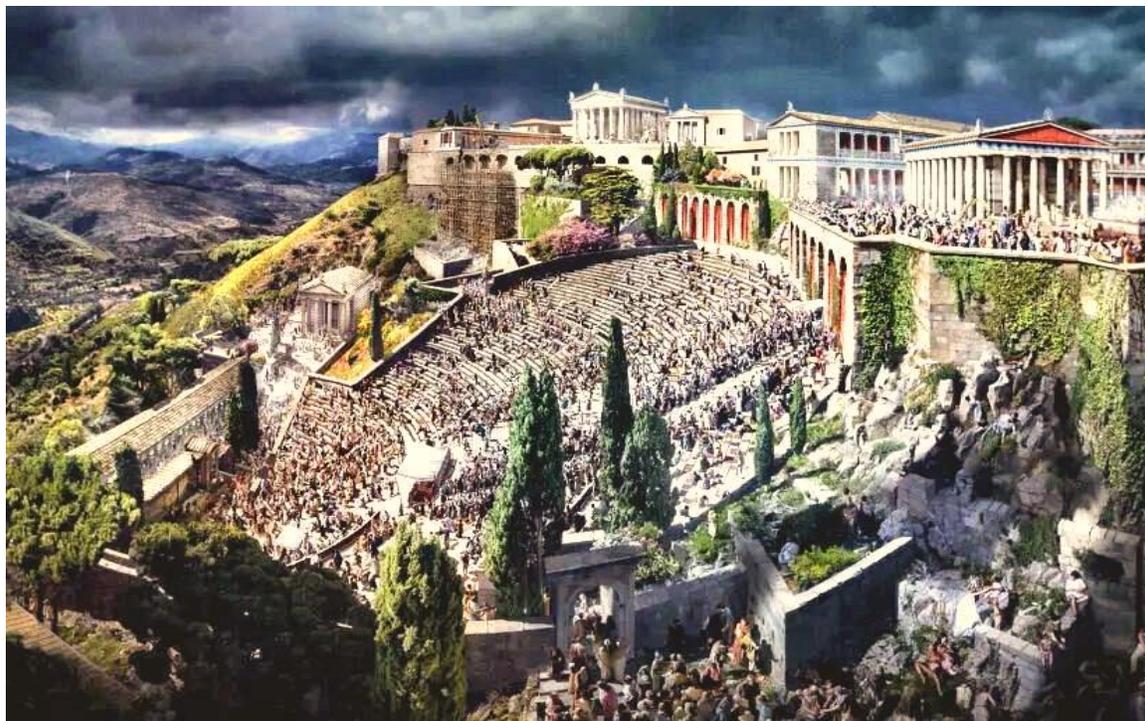
который до этого был столицей римской провинции Азия. Там он сразу приказал чеканить «спецвыпуски» золотых и серебряных монет с изображением себя любимого, нового Диониса, «царя-царей». Всего около года понадобилось Митридату чтобы из обыкновенного царька небольшого царства на южном берегу Черного моря превратится в одного из самых могущественных правителей всего Древнего мира.

Сейчас представьте себе такое зрелище: находясь в зените славы в один прекрасный день царь, напялил на себя лучший парадный костюм и нацепил множество блестящих цацек. Он собрал тьму-тьмушую народу в Пергамском амфитеатре (подробнее об этом городе вы узнаете в главе, посвящённой нашему с папой путешествию по тем местам), рассчитанному примерно на десять тысяч посадочных мест. И вот, после долгого ожидания наболтавшиеся и обсудившие последние новости зрители неожиданно примолкли. Они все как по команде вздрогнули и застыли в изумлении. В наступающих сумерках внезапно загорелись сотни факелов, расположенных по верхней кромке стены сцены. Факелы ярко освещали полукруглую оркестру, на которой расположился большой симфонический оркестр малоазиатской филармонии имени Диониса Олимпийского. Дирижер взмахивает палочкой и амфитеатр заполняют чарующие звуки увертюры к опере «*Mitridate, re di Ponto*» восхитительного Амадеуса. Через некоторое время на авансцену торжественно выходит расфуфыренный Митридат и поднимает руку. Все затихают, а он величественным голосом

произносит (далее текст основывается на версии древнего историка Юстина²¹ с мелкими поправками автора):

- Было бы желательно, - начал свою речь *Митридат*, мерно прохаживаясь по сцене с трубкой в руке, - обсудить: должно ли с римлянами воевать или же жить в мире с ними. Ведь в том, что следует сопротивляться нападающим, не сомневаются и те, кто не надеется на победу. Дело сейчас не в том, можно ли оставаться в бездействии - ведь сражение уже произошло; нам надо подумать какими способами вести войну, и на что можно надеяться.

Амфитеатр в Пергаме.

Царь сделал глубокую затяжку и затейливо выпустил дым. Народ зачарованно смотрел на поднимающиеся вверх кольца из дыма табака фирмы «*Crown Achievement*».

- Я уверен в победе – продолжил «солнцеликий». - Что римлян победить можно, вам не менее ясно, чем мне. Римляне утверждают что они непобедимы. Так ли это? – он обратился к залу, - я вас спрашиваю!

Народ находился в парализующем страхе, боясь согласиться или не согласиться с оратором. Царь же обвёл всех пронзительным взглядом и продолжил:

- Нэт (долгая пауза). Это нэ так.

Поняв какого ответа царь от них ожидает все разом выдохнули и утвердительно замахали головами.

- Разбили же мы ублюдка *Аквилія* в Вифинии, а *Мальтина* в Каппадокии. Так?

- Да-а-а-а... – протяжно завыл зал.

- Ну вот. Это раз, - и царь-царей загнул один палец. - Самниты в Италии разбили римские армии – это два. Римляне были в трех битвах разбиты *Пирром*, царем Эпира - это три. *Ганнибал* шестнадцать лет пробыл в Италии как победитель, а Рим не захватил не потому, что римское войско ему помешало, а из-за происков его врагов и завистников на его родине, в Карфагене – и это четыре.

Народ опять утвердительно закивал головами смотря то на царя, то переглядывались друг с другом. Царь же тщательно выбил трубку о каблук сапога и подошёл к столику стоящему в стороне авансены. Там он долго выбирал чем бы промочить горло и непатриотично выбрал вермут «*Cinzano*». Плеснул немного в фужер и пальцем поманил к себе раба. Тот подошёл, перекрестился и с опаской послушно сделал несколько глотков. *Митридат* выждал пару минут и налил вино в другой чистый фужер. Потом покрутил его в руке и с острым прищуром посмотрел через него на свет. Затем поднес к носу, глубоко вдохнул и удовлетворенно кивнув сделал маленький глоток. И вдруг схватился за горло, выкатил глаза и захрипел. Народ ахнул единым вдохом и замер, тогда царь перестал кривляться и хитро улыбаясь сказал: «Шютка».

Все выдохнули и напряжение понемногу спало. *Митридат* же продолжил речь:

- С тех пор как был основан Рим, итальяйские племена упорно боролись за свою свободу. Отмороженные на всю голову Галлы, которые славятся своим показным мужеством и бесполезной отвагой, вторглись в Италию и в союзе с *Ганнибалом* овладели многими крупнейшими городами. Сейчас, подобно урагану, кимвры из Германии наводнили Италию несметными тысячами диких и жестоких людей.

Царь подошёл к столику и налил себе ещё один фужер с вермутом, взял его в руки и повернувшись лицом к залу указывая на бутылку спросил:

- Этот флакон никто не трогал?

- Нет, никто... - в одном порыве загудел зал.

- Ну ладно, тогда продолжим. Мне наши разведчики доложили, что в настоящее время вся Италия охвачена восстанием. Идет Марсийская война, италики требуют уже не только свободы, но они ещё и хотят участвовать в управлении государством. Более того, я вам скажу, что не менее чем от этой войны, римляне страдают от внутренней борьбы - борьбы между разными партиями из влиятельнейших лиц в государстве, и эта война гораздо опаснее итальяйской.

Услышав так много секретной информации народ возгордился и принял важный и сосредоточенный вид. Однако, каждый из присутствующих боялся быть не готовым дать правильный ответ «Солнцеликому». А тот, в свою очередь, имел привычку задавать каверзные вопросы и если получал на них не те ответы которые ожидал, судьба вопрошаемого могла сложиться незавидно.

- Даже если римляне могут выдержать войну с каждым из этих племен по отдельности, то, когда разом поднимутся все, они легко уничтожат Рим. Откуда тогда, я вас спрашиваю, у римлян будет время для войны с нами?

Зал опять оцепенел в страхе от того, что не знал как правильно ответить царю. *Митридат* вновь медленно и пристально начал обводить всех присутствовавших своим тяжелым взглядом. Иногда, когда он на пару секунд задерживал взгляд на ком-то, то как правило тот, на кого этот взгляд был направлен падал в обморок и пара рабов быстро уносили несчастного из зала.

- Нам всё равно рано или поздно придется сразиться с римлянами. Так давайте воспользуемся удобным моментом и быстро собрав силы двинем по ним. Римляне сейчас в трудном положении - как раз самое время! Согласны ли вы со мной?

- Да...! - в припадке полного исступления заорала толпа. Раздались бурные аплодисменты и сначала отдельные выкрики «Митридат», которые переросли во всеобщее ликование. Люди одновременно хором скандировали «Митридат!», «Митридат!»

Царь радушно поднял правую руку и все мгновенно стихли.

- Я расскажу вам сейчас всю историю, из которой вы узнаете за что мы будем топить римлян в их же поганой крови.

Царь неспеша набил трубку табаком и несмотря на ветерок спокойно раскурил её бензиновой зажигалкой «Zippo». Выпустив пару колечек дыма он начал свой удивительный рассказ:

- Римляне, по существу, начали со мной войну уже тогда, когда они отняли у меня, в то время бывшего еще ребенком, Великую Фригию. Эту страну они в свое время уступили моему отцу, как награду за помощь против *Аристоника*. Кроме того, еще *Селевк Каллиник* отдал эту область моему прадеду в качестве приданого за дочь. Пыхнув еще пару раз трубкой он продолжил:

- Потом римляне приказали мне, уступить Пафлагонию. Разве это не было своего рода войной? Ведь мой отец получил Пафлагонию не насилем, не оружием, но в результате того, что он был усыновлен одним из местных царей и после того, как их род вымер согласно завещанию стал её правителем. Разве он не уступил этим волкам Фригию и Пафлагонию?

- Уступил! Как есть уступил, - хором ответили все присутствующие.

- Во, во, - *Митридат* кончиком трубки постучал по трибуне.

После небольшой паузы он продолжил:

- Теперь давайте разберём Капподокийские дела. Разве я не отозвал сына из Каппадокии, которую занял по праву победителя, согласно договору принятому всеми народами (*iure gentium*)? Это право было нарушено по отношению ко мне теми, кто сам

расширил свои владения войной. А для того, чтобы нанести мне оскорбление, сенат предоставил Каппадокии свободу, хотя другие покоренные народы были её лишены. Когда же каппадокийцы взамен приобретенной свободы умоляли дать им в цари *Гордия*, сенат этого не допустил только потому, что *Гордий* мне друг.

- Смерть римским оккупантам! - над амфитеатром пронесся рёв, вырвавшийся из тысячи глоток.

- Хотите дальше? – спросил царь.

- Да! – слились в едином порыве подданные *Митридата*. Говори, «Солнцеликий».

- Ладно. Будет вам дальше. По наущению римлян этот выродок *Никомед* напал на наши прибрежные города. Он вывез с Западного Понта огромное количество добычи. Когда же я, чтобы отомстить этому сыну танцовщицы, напал на него, римляне сами выступили против меня.

Затем *Митридат* поведал народу, что поистине римляне преследуют царей не за проступки, а за силу их и могущество. Так поступили они не только по отношению к нему, но и ко всем другим: с дедом его, *Фарнаком*, ставшим по решению родичей наследником пергамского царя *Евмена* и с самим *Евменом*, на кораблях которого они впервые переправились в Азию. При помощи войск *Евмена* они покорили и великого *Антиоха*, и галлов в Азии, а вскоре и царя *Персея* в Македонии. И несмотря на всё это они посчитали его врагом и запретили ему въезд в Италию. Полагая, что вести войну с бывшим соратником им зазорно, они вступили в войну с его сыном *Аристоником*.

Потом под неистовавшее улюлюкание слушателей оратор перечислил ещё с десяток царей, обиженных подлым Римом и объявил антракт.

Через пятнадцать минут он вновь явился подданным под грандиозную композицию «*Superstar*» входящего в моду молодого композитора *Эндрю Ллойда Уэббера*. Одет он был уже в другой наряд: в белый просторный балахон, а на голове красовалась серебряная диадема, сделанная в виде лаврового венка и украшенная множеством драгоценных камней. Зал зачарованно притих, а *Митридат* сжав руку в кулак продолжил речь:

- Римляне взяли себе за правило – ненавидеть всех царей. Очевидно этот закон у них прижился только потому, что у них были такие цари, от одного упоминания имен которых они краснеют. Это были либо туземные пастухи, либо сабинские гаруспики, либо коринфские изгнанники, либо этрусские рабы и их сыновья или же люди, носившие прозвище «Гордый», прозвище, которое из всех перечисленных было все же самым почетным. А основатели их государства, как сами они говорят, были вскормлены молоком из сосков волчицы. Поэтому у всего римского народа и души волчьи, ненасытные, вечно голодные, жадные до крови, власти и богатств.

- Смерть римским оккупантам! – взревела толпа в амфитеатре.

Затем *Митридат* вошедший в раж принялся, как обычно, начал кидать *понты*:

- Если бы я вздумал меряться знатностью с римскими царями, то оказался бы славнее этого скопища бродяг. Моими предками со стороны отца были *Кир* и *Дарий*, основатели Персидского государства. А со стороны матери я происхожу родом от *Александра Великого* и *Селевка Никатора*, основателей Македонской Империи. Если же сравнить подвластные мне народы с подвластными Риму, то я являюсь царем народов, которые не только равны народам Римской державы, но даже давали отпор и Македонской державе и Персидской Империи. Ни один из народов, мне подвластных, не знал над собой чужеземной власти, никогда не подчинялся никаким царям, кроме отечественных, взять ли Каппадокию или Пафлагонию, Понт или Вифинию, а также Великую и Малую Армении. Даже *Александр Великий*, покоривший всю Азию, или кто-либо из его преемников не завоевал ни одного из этих народов. Когда до меня два царя, *Дарий* и *Филипп*, осмелились только вступить в Скифию, они с трудом спаслись оттуда бегством. Я же покорил скифов и у меня именно из этой страны набрана большая часть войска для войны против Рима.

- Слава царю-царей, великому *Митридату*! Ура!!! Ура *Митридату*! – продолжала вопить возбужденная этими словами толпа.

- Теперь же я начинаю войну с Римом на моих условиях! Азия и Греция ждут меня. Их жадное нетерпение помощи взывает ко мне громким призывом. Что же касается моей справедливости и щедрости, то мне не приходится прибегать к другим свидетелям, кроме самих воинов, которые испытали это на себе.

- Веди нас на врага «Солнцеликий»! Мы все с тобой! – Слава Митридату! - овации продолжались целых полчаса. Никто не решался первым перестать хлопать и скандировать. Закончились это ликование лишь после того как плавно переросло в хоровое исполнение композиции "Славься!" из произведения «Жизнь за царя» какого-то малоизвестного композитора Глинки с далёкого севера. После всеобщего экстаза и единения царь сделал анонс на остальной вечер:

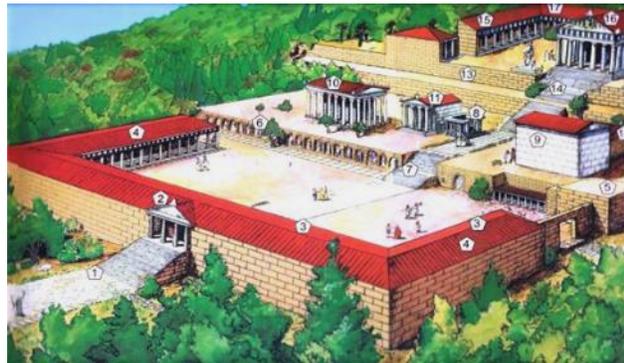
- Сейчас перед вами выступят девочки из кабаре «Le Crazy Horse de Paris» и цыгане из театра «Ромэн», которые исполнят всякие там весёлые танцы и песни. В конце вечера все будут приглашены на пир со следующими за ним оргиями.

Народ был без ума от счастья.

Гуляй, пляши кому не лень!
Хмельной нам выпал нынче день!
Бери-ка ковш да пей до дна!
У Митридата хватит всем вина!

На следующий день царь отбыл в Эфес и Милет в рамках своего турне по южной Анатолии. Там он тоже хотел попонтоваться перед народом и за одно проинспектировать финансы, свои кладовые и боеготовность войска.

По пути, проезжая по чудесной Ионии, он любовался очарованием местной природы. Была поздняя весна и все вокруг уже расцвело. Воздух был наполнен ароматами миллионов цветов доносившимися с отрогов Карийских гор. Иногда легкий ветерок менял своё направление и тогда с моря веяло приятной прохладой и свежестью. Яркие лучи солнца настойчиво пробивались сквозь густую хвою кипарисов и ветки могучих дубов. *Митридат* пребывал в прекрасном расположении духа. Он недавно посетил остров Кос, где местные жители передали ему целый клад из денег и сокровищ. Это клад доверила им на хранение в их храме *Асклепия*, великая царица-регент Египта *Клеопатра III* (супруга

Остров Кос. Руины храма Асклепия и реконструкция храма.

Птолея VIII, наследника лучшего друга самого *Александра*). Также среди переданных ему сокровищ были различные великолепные произведения искусств: статуи, картины, вазы, фаянс, драгоценные камни, ювелирные изделия, царские одежды и сундуки с золотыми и серебряными монетами. Но одна вещь была особо ценна для царя - это был пурпурный плащ, который некогда украшал плечи самого *Александра*. *Митридат* верил в то, что обладание этим сокровищем налагает на него особую миссию, которая заключалась в том, чтобы он как истинный наследник и последователь *Александра* освободил Азию и Грецию от римского ига.

Следуя дальше в своём турне *Митридат* пересёк полноводную реку Меандр. Эта река впадала в Гераклейскую бухту омывающую город Милет. Он подъехал к окраине города, переделся в одежды попроще, взял коня своего адъютанта и поскакал рысью в центр Милета. Царь решил немного пожить в городе инкогнито для того, чтобы послушать, так сказать, своими ушами, что судачат о нём в городе люди различных сословий. Уже будучи в городе он остановил одного из прохожих и спросил его:

- Уважаемый, где тут у вас есть гостиница поприличней? И чтобы там без всяких клопов!

- О-хо-хо. Приличная - то, милый человек, дорого тебе обойдётся. Сам *Митридат* к нам едет. Слыхал? Всё приличное уже забронировано для него и его свиты.

- Я спросил тебя: где тут есть приличная гостиница, а не о том есть ли там места и сколько они стоят, - холодно и очень жестко сказал царь.

- Ну, вон там, - указал пальцем человек, испугавшись немного его взгляда.

- Эфхаристó – поблагодарил *Митридат* и прищпорил коня.

Остановившись возле фешенебельной гостиницы, он лихо спрыгнул с коня, бросил повод, который тут же подхватил валет (гостиничный парковщик) и направился к стойке администратора.

- Мне нужен «президентский люкс», дня на два.

Администратор оценивающе посмотрел на *Митридата* и произнёс:

- У нас приличный отель! Сэр, поищите себе другой.

Царь запустил руку в карман и вытащил, зажав между двумя пальцами, золотую тетрадрахму. Эти монеты только начали чеканить, поэтому они стоили раз в десять дороже номинала. Кроме того, даже по номиналу, за такую монету можно было снять десять люксов на неделю.

Золотая митридатовская тетрадрахма.

У администратора заблестели алчные глазёнки. Он нервно покрутил головой по сторонам и тихо произнёс:

- Подождите немного, я посмотрю что можно сделать для вас. А пока вы можете присесть вон там, в то мягкое кресло под «кондиционер-флабелефер» (слуга с опахалом) и насладиться напитками. Он щёлкнул пальцами и флабелефер включился, а бармен, взял поднос с разными напитками и нацепив на себя дежурную улыбку направился к «жирному» клиенту.

- Не надо, благодарю вас, - он вальяжным взмахом руки остановил бармена, - у меня всё с собой.

Кондиционер, бармен и администратор переглянулись между собой и пожали плечами - мол у богатых свои замашки. Через минут десять номер был готов.

Это был лучший номер отеля с элегантным интерьером и мебелью из натурального бука. Отдельная спальня, гостиная-столовая с обеденной группой, зона отдыха с мягкими диванами и рабочий стол покрытый зелёным бархатом, всё это создавало прекрасные условия для работы и отдыха. Ванная комната была полностью отделана белоснежным

мрамором и блестяла золотом своих краников. Элементы декора, светильники, шторы, а также прекрасные статуи известных греческих мастеров создавали гармоничную и респектабельную атмосферу, отвечая высокому статусу гостей. Из огромного окна открывался потрясающий вид на бухту города и храм *Аполлона* к которому вела великолепная колоннада.

Показав эти шикарные апартаменты лакей склонился в учтивом поклоне. Царь протянул ему мелкую монетку.

- Ладно, сойдёт. Третий сорт не брак, - капризно оценил он.

- Может нимфами интересуетесь? – угодливо спросил. Если чего, то только позвоните в колокольчик.

- Посмотрим, посмотрим... Ступай себе с миром!

Президентский люкс.

Царь понежился полчаса в огромной ванне, после чего нацепил гостиничный халат и открыл свою дорожную сумку. Он достал оттуда фляжку с шестидесятичетырёхлетним виски «*The Macallan in Lalique*», глотнул из горлышка, прилег на кровать с ортопедическим матрасом и сразу уснул. Он проспал до вечера, а когда проснулся, то понял что дико проголодался. В его дорожной сумке были лишь шмат сала, луковка, да краюха черного хлеба. Он с досадой посмотрел на свои припасы, понимая что это его не насытит.

- В конце концов, меня никто здесь не знает, так что риск быть отравленным минимален, - подумал он. – Схожу-ка я в ресторан.

- Эй, человек! - позвонил он в колокольчик.

- Где здесь можно хорошо перекусить? - спросил он у мгновенно появившегося служителя гостиницы.

- Так у нас при отеле самая лучшая кухня в городе! К нам на ужин приходят самые знатные горожане. Давайте я вас провожу.

- Сюда, пожалуйста, - указал он на массивную дверь из моренного дуба. - Проходите и наслаждайтесь. Он открыл дверь перед своим постояльцем и за его спиной сделал определённые манипуляции пальцами, указывая метрдотелю на VIP персону.

- Проходите, пожалуйста, - перехватил клиента из рук администратора метрдотель.
- Садитесь вон там.

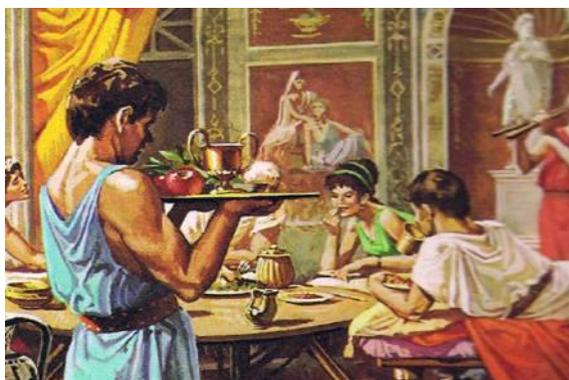
- Нет, я сяду там! - показал на дальний столик в углу *Митридат*.

- Я дико извиняюсь, но это столик забронирован навечно дворянской семьёй *Филопемена*. А они почти каждый вечер у нас ужинают.

Митридат проделал перед метрдотелем ту же манипуляцию с монетой, что и перед администратором от чего того бросило в жар и он затрясся от предвкушения огромного куша. *Митридат* сунул ему в ладонь новенькую тетрадрахму.

- Это за харчи и питьё, бой посуды, столик *Филопемена* и для оркестра за год вперёд. Сдачи не надо!

Опешивший метрдотель проводил его к злосчастному столику, по дороге соображая

В захолустном ресторане.

как будет выпутываться из сложившейся щекотливой ситуации. *Филопемен* был известным в Милете дворянином с очень древними греко-македонскими корнями. Однако, так ничего и не придумав, он решил что будет действовать по обстановке.

Митридату принесли меню, которое он даже не удостоил взглядом. Он продиктовал то, что бы он хотел отведать, а официант быстро записывал за ним заказ на пергамене.

До изобретения бумаги люди писали на папирусе. Но египетские цари, желая быть единоличными владельцами секрета технологии изготовления папируса для письма, запретили его вывоз за пределы Египта. Тогда в Пергаме во время правления царя *Евмена II* (197-159 до н. э.) придумали способ изготовления материала для письма из недублёной сыромятной кожи животных - пергамена.

В тот вечер царь заказал: *из холодных закусок* - морского гребешка с овощными блинами и соусом из белых грибов, копченного палтуса с листьями молодого салата, копченый язык в глазури с белым вином, скромный галантин из фазана с лесной ежевикой, блюдо черной икорки и букет свежих овощей и ароматных трав; *из горячих закусок* он пожелал только жаренного камчатского краба с мини рататуюем и капучино из кокосового

молока. На *основное горячее* он пожелал стейк из осетрины, фаршированный мини овощами с соусом шампань и каре ягненка с лазаньей из баклажан.

От десерта он отказался вовсе. Из напитков заказал два литра водки «Чёрная Смерть - похмелья не будет», литровую чашу местного самогона, пару литров «Жигулёвского» для ерша, пару бутылок «Шато де Тюильри» и пять стаканов джина «Beefeater».

По мере того как официант записывал заказ, его брови ползли всё выше и выше на лоб, пытаясь видимо спрятаться под чёлкой, а глаза становились всё шире и шире. Его очень подмывало спросить незнакомца: «а не треснет ли у него морда», но он взял себя в руки и лишь произнёс:

- У нас кроме сосисок и гречневой каши ничего нет.

Это услышал стоявший рядом метрдотель и злобно зашипел на наглого официанта. Он исподтишка уколочил его непонятно откуда оказавшимся в руках гвоздём и отвесив смачную оплеуху погнал на кухню.

- Покорнейше прошу простить. Он просто молодой и глупый. Он так шутит. Сейчас всё будет исполнено, в лучшем виде.

- В таком случае, передайте этому шутнику, что в следующий раз я на него в суд подам! - при этом царь вытащил из ножен огромный кинжал и с силой воткнул его в крышку стола. – Только пусть учтёт, что судьёй я буду сам, - добавил он и заржал аки молодой жеребец.

Вскоре все было подано и где-то через час царь насытился и немного захмелел, отчего пришёл в лениво-философское расположение духа. Ему безумно захотелось общения, но он понимал что с чужаком просто так никто говорить не будет. Созданная им самим система доносительства и стукачества заставляла людей постоянно держать себя в руках при разговоре друг с другом и уж тем более не откровенничать с незнакомцами.

Вдруг раздался какой-то истеричный женский крик и звон разбитой посуды. *Митридат* поднял глаза и увидел посреди зала молодую девушку кричавшую на метрдотеля.

- Я не принимаю никаких извинений, вышвырните этого наглеца отсюда немедленно. Мы за что платим вам такие деньги? Наш столик всегда должен быть только нашим!

Разгневанная фурия была очаровательна. Девушка выкрикивала претензии и при этом энергично взмахивала руками, отчего её большая и упругая грудь постоянно подпрыгивала под лёгкой кружевной туникой. Чёрные, словно ночь, стильно подстриженные волосы, красивый прямой нос, серые глаза и твёрдые, властного изгиба губы делали её неотразимой. Рядом с ней стоял толстый и плешивый мужчина, который всё

время пытался её успокоить. По тому, как он постоянно повторял ей: «Дочь, ну угомонись ты, ради бога», - царь понял, что это его дочурка, а он и есть тот самый *Филопмен*.

Митридат поднялся со стула и подошёл к скандалившей девушке.

- *Мадемуазель*, прошу вас за мой столик.

Разделите со мной трапезу, милая незнакомка.

- Да как ты смеешь мне такое предлагать? - Ты знаешь кто я такая? – громко спросила разгневанная девушка.

После того как *Митридат* казнил свою развратницу жену, он поклялся больше никогда не жениться. Конечно, он таскал за собой целый отряд наложниц, но они служили ему только для утоления физиологического голода. А тут, когда он вдохнул аромат исходящий от этой молодой бестии, который состоял из сложного купажа: духов «*Lanvin Eclat de Fleurs Eau de Parfum*» с фруктово-цветочным, теплый тон, где груша сочетается с цветочным букетом и древесным мускусным аккордом, а также летучим природным афродизиак, которым обладают исключительно эротичные женщины и запаха её пота, у него закружилась голова и потекли слюнки.

- Соглашайтесь, прошу вас. Я оплачу все яства для этого столика на год вперед.

- Ты думаешь меня подкупить этим? Ты, думаешь, что я какая-то нищелюбка? Отец, идём отсюда! Духу нашего здесь больше не будет!!!

И она, резко развернувшись, пошла вызывающе вихляя бёдрами, чётко ставя шаг в одну прямую линию. Её упругая попка совершала такие вращения, что казалось там стоит какой-то невидимый моторчик.

Митридата бросило в жар и он, чтобы хоть как-то восстановить ритм бешено колотящегося сердца, залпом выпил пол-литра водки. Занюхав рукавом он с бешеным выражением глаз спросил у метрдотеля:

- Как зовут?

- Его зовут мистер *Филопмен*.

- Бабу как зовут, идиот, - взревел царь.

- Ах, простите. Её зовут *Монима*.

- *Монима*, *Монима*, *Монима* – смаковал её имя царь. – Почему она так грубо со мной разговаривала?

Монима.

- Видите ли, она из очень известной дворянской семьи, а вы человек хоть и богатый, может быть даже и олигарх какой-нибудь, но по положению ей неровня.

- Что?! Это я то неровня?! Да ты знаешь с кем говоришь, холоп? Он хотел было назваться, но, вовремя взяв себя в руки, замолк и прикусил язык.

В полном расстройстве чувств, он, как бы и любой другой на его месте, приступил к тушению пожара в душе вином. Со временем он всё больше и больше соловел, однако эмоции бушующие внутри его души не улеглись, а наоборот требовали немедленного выхода. Тогда, чтобы дать выход своему возбуждению, он начал задирать сидевших в зале посетителей. Кривлялся, показывал всякие неприличные жесты, а потом и вообще разошёлся и начал кидать в незнакомых ему людей остатки пищи и обрызгивать их вином.

Его пытались как-то утихомирить, просили не безобразничать, грозились вызвать охрану или даже полицию. Но он либо вообще не реагировал, либо начинал кидаться уже посудой и стульями. В конце концов терпение владельца отеля лопнуло и он дал приказ охране уgomонить безобразника силой. *Митридату* этого только и надо было. Он прижался спиной к стене, пошире расставил ноги и по одному начал расшвыривать налетавших на него охранников. Тогда они решили напасть на него все вместе. На каждой из его широко расправленных рук повисло по два охранника. *Митридат* хлопнул в ладоши, охранники стукнулись лбами и свалились к его ногам.

- Ну, кто ещё? - заорал в бешенстве он.

Никто больше не хотел рисковать. Полицию всё же решили пока не вызывать: уж больно «жирный» клиент был. Послали за *Гришей Могилёвским*. Это был известный на всю округу силач, постоянно выигрывающий соревнования по реслингу и поднятию тяжестей. Когда он входил в ресторан, то ему пришлось пригнуться, так как даже двухметровый дверной проём был для него низок. Бицепсы у этого громилы в обхвате были не меньше зрелой туркменской дыни, а ноги - просто как стволы старого ливанского кедра. Однако, несмотря на свои чудовищные габариты, человеком он был мягким, покладистым и даже в какой-то мере застенчивым.

Он обратился к *Митридату* с предложением:

- Может, вместо того, чтобы кулаками махать, померяемся кто пьёт сильнее?

Митридат сразу догадался, что перед ним не сосунок какой-то, а истинный профессионал своего дела.

- Ну что ж, давай! Эй, вы, несите чашу побольше!

Половой тут же метнулся на кухню и принялся греметь посудой выискивая тару побольше. Наконец он выбрал двухлитровую серебрянную вазу и понёс её в зал.

- Ну что, для начала по маленькой? – спросил царь.

- Давай!

- Пей первый!

Вазу наполнили «бургундским» и *Гришка* медленно всосал её содержимое. Пришла очередь царя. Он тоже без остановки влил в себя вино.

- По второй? - спросил царь.

- Давай!

- Только давай теперь креплённое. Что скажешь за «Агдам»?

- Или у вас нет его? - обратился он к метрдотелю.

Литрбол - любимый спорт Митридата.

- Как же, как же, есть, есть, не извольте беспокоиться, уважаемый, - заверил тот и в зал внесли ведро «Агдама».

Митридат ещё раз взглянул на амбала *Гришку* и потребовал чтобы тот выпил хотя бы пол-литра водки перед креплённым, чтобы хоть чуть-чуть уравновесить шансы. Ведь он же уже до этого пил весь

вечер. *Гришка* согласился с резонным доводом незнакомца и сказал что, хоть он и не любит этот варварский напиток, но согласен выпить пол-литра, чтобы было всё по справедливости. Он заглотил водку и заметно поплыл. Царь настоял чтобы его противнику сразу налили «Агдам». *Григорий* шумно выдохнул и начал медленно пить. Глотков через десять вино начало переливаться из вазы и тонкой струйкой стекать по губам гиганта.

- Нечестно! Пей не проливая! - кричал *Гришке* в ухо *Митридат*.

Но тот уже ничего не слышал, а просто продолжал медленно и тихо, как рыба, пить. Тогда *Митридат* схватил первое что оказалось под рукой (а это была тяжёлая мраморная ваза для цветов) и саданул *Гришку* по черепу, от чего тот тихо осел.

Видя такое дело, затаивший на *Митридата* злобу официант схватил с другого стола бутылку коньяка «*Калараиш*» и огрел ею по голове царя-царей.

Тот крякнул от неожиданности, но не упал. Он, вместо того чтобы вырубиться, начал как раненый лев носиться окровавленным по залу, по ходу круша всех и всё вокруг. Хозяину отеля больше ничего не оставалось кроме того, как вызвать полицию. К тому времени в город уже вошли войска *Митридата* и его военный патруль приступил к слежению за порядком в городе. Каково же было всеобщее удивление, когда четыре воина из патруля, вошедшие в ресторан по просьбе хозяина, чтобы усмирить распоясывавшегося посетителя, увидев буяна, пали перед ним на колени и склонили головы.

- Да это же царь, это царь, это *Митридат*, - пронёсся по залу шёпот и все присутствующие тоже упали на колени.

Увидев, что враг капитулировал и бить уже некого, царь дал этим четырём воинам себя подхватить и препроводить в свой «президентской номер». По дороге в номер он постоянно твердил: «*Монима, Монима, хочу Мониму*».

Митридат получает по башке за безобразное поведение в общественном месте.

На утро властитель проснулся с больной головой (к счастью для дерзкого официанта страдалец не помнил кто ему её проломил) и потребовал лекаря. Лекарь сильно удивился тому, что царь просил его облегчить не его похмелье или обработать ссадину с запёкшейся кровью на голове, а дать ему снадобье, способное погасить его бешеное плотское желание, которое, как знают мужчины, особо остро возникает во время тяжелого похмелья. В этот момент пугливый организм думает что он умирает и запускает режим размножения для того, чтобы успеть оставить после себя хоть какой-нибудь след. Лекарь стал понемногу подсыпать ему в питьё широко известный в армейских кругах бром, отпаивать его настойками зверобоя, душицы, корня солодки и мяты. Но всё было напрасно. *Митридат* постоянно орал как самец горного марала во время брачного сезона. Поняв, что он с этим так просто не справиться, царь позвал своего лучшего евнуха.

- Пойди в город и найди дом *Филопемена*. Передай ему что я требую его срочно к себе, - распорядился озабоченный *Митридат*.

Через час евнух привёл *Филопемена*. Тот вошёл в царский «люкс» с большой опаской и увидев царя упал перед ним на колени и склонил голову.

- Послушай меня, *Филопемен*, я хочу взять твою дочь себе в наложницы. Если ты мне посодействуешь в этом, я в долгу не останусь.

- Я сделаю для тебя всё что могу и даже то, чего не могу, - ответил знатный грек. - Однако, моя дочь жуткая стервоза, вся в свою бешеную мамашу. Если уж втемяшила себе что-то в свою дурную башку, то переубедить её невозможно. Но я буду стараться изо всех сил.

Ни через день, ни в последующие несколько дней *Филопем* не добился в решении этого вопроса никакого прогресса. Его дочурка заявила что пойдёт к *Евпатору* только в качестве законной царицы. Эта юная мегера очень хорошо понимала, что как только царь удовлетворит своё желание обладать ею, он сразу забудет о её существовании. Поэтому она твердила: «Нет, нет и нет».

Тогда *Митридат* решил понтануться и послал *Филопему* 15.000 золотых монет. По тем временам - сумма совершенно немыслимая. Помимо этого он пообещал назначить его мэром города. Однако, как батя её не упрашивал или запугивал, что отдаст её в маркитантки (в военно-полевой бордель), она была непреклонна.

-Только женой и только царицей! - требовала молодая аристократка.

После всех своих неудачных попыток заполучить строптивую стервозу, *Митридат* вызвал своего адвоката *Самуэля Каца* и велел ему составить брачный договор. *Кац* был высокопрофессиональным адвокатом, получившим образование в Гарварде, где он являлся золотым медалистом юридической школы этого университета. Перед тем, как царь выписал его себе из Европы, он много лет проработал в «*Allen & Overy*», одной из лучших юридических контор мира.

И вот, на следующий день после визита адвоката к дому *Филопем* прибыла делегация сватов. Они занесли несколько сундуков с подарками и мешки с деньгами. Среди сватов был и *Кац*, он вручил *Мониме* брачный договор, который ей надо было подписать. Она взглянула только на параграф с записью о том, что *Митридат* провозглашает её царицей и просит одеть на свадьбу царскую диадему, которая прилагается к договору. И очень зря, между прочим, в чём мы убедимся позже. Если бы она была умна, а не упряма как ослица, то прочитала бы все 29 страниц договора, а особенно те, которые были прописаны самым мелким почерком.

Так *Митридат* женился во второй раз. Вечером сыграли свадьбу и царь наконец заполучил себе лакомый кусочек, с которым, не выходя из опочивальни, провёл пять дней

и ночей. По завершению своего сексуального марафона он с новоиспеченной царицей переехал в Пергам, решив что именно там, на месте столицы бывшей римской провинции «Азия» будет первопрестольный град его нынешней державы.

В жизни каждого великого человека есть некая отправная точка. В данном случае я не имею ввиду точку выбора, или по другому говоря, точку принятия решения, после которого уже нельзя переиграть ситуацию. Я имею в виду тот момент или то событие, начиная с которого жизнь человека меняется и все последующие его достижения или потери тесно связаны с ним. Прочитав ни одну книгу про жизнь *Митридата Евпатора*, я сделал для себя вывод, что таким отправным моментом в судьбе царя и была встреча с *Монимой*. И дело тут было вовсе не в вечной сумасшедшей любви между ними, которой по-видимому и не было, а именно в том, что после их встречи дела царя медленно, но уверенно пошли под откос. Нет, конечно у него ещё будут великие победы, но стратегические и тактические ошибки, которые он начнёт допускать всё больше и больше, будут наносить непоправимый ущерб его мощи и его держава неуклонно начнёт чахнуть и угасать.

А на данный летний день 88 года до н.э., *Митридат* был на пике своего могущества и славы. Он практически завершил все свои завоевания в Малой Азии и стал разрабатывать планы по покорению Балкан и освобождению Греции. Однако, перед вторжением на Балканы он задумал совершить ещё два знаковых деяния, оба из которых были связаны со смертями римлян.

Первым была показательная казнь *Манья Аквилля*, самого главного поджигателя войны и преступного римского авторитета. Мы уже знаем о тех беззакониях, которые творил этот корыстолюбивый вор и интриган. Ради наживы он осмелился даже пойти вопреки римскому законодательству и развязал абсолютно ненужную в тот момент войну с Понтом. После поражения в этой войне, он преследуемый войсками *Митридата* сначала бежал в Пергам, а оттуда перебрался на остров Лесбос, где и укрылся в городе Метилены. Однако, жители острова последовали примеру других эллинских поселений, скрутили римского консула *Аквилля* и передали в руки понтийского царя. Его, также как и *Оппия*, посадили на осла и провезли по всему эгейскому побережью Малой Азии. В отличие от *Оппия*, *Манья* везли связанным, а встречавший его по пути народ отвешивал римлянину звонкие оплеухи - столь сильна у всех была ненависть к нему. Окончился вояж незадачливого римского консула в Пергаме. Этот город был выбран *Митридатом* конечно же не случайно. Пергам завоевал его отец *Манья Аквиллий-старший*, а сам консул, сделавший его своей столицей, чувствовал себя в нём небожителем.

Дорога к Пергаму.

Жители Пергама высыпали из своих жилищ, услышав шум, который доносился с нижних террас города. Вверх по закрученной спиралью дороге к Акрополю поднимался отряд солдат, который окружал сидящего задом наперёд на осле человека. Через каждые 400-500 метров отряд делал короткую остановку, во время которой любому человеку разрешалось подойти к связанному пленнику и дать оплеуху. Этим пленником был бывший наместник

Рима в Малой Азии консул *Маний Аквиллий*. Во время одной из таких остановок к *Манию* подошёл какой-то однорукий старик:

- Приветствую тебя, консул, - обратился он к пленнику. – Узнаёшь ли ты меня?

Маний, привыкший к тумакам и плевкам в свой адрес, сидел с низко опущенной головой. От долгого сидения в деревянном седле и постоянной тряски у него сильно разыгрался геморрой. Поначалу эта боль была невыносима, но потом почему-то притупилась и он перестал обращать на неё внимание. Не поднимая глаз он процедил сквозь потрескавшийся от зуботычин рот:

- Кто-ты такой и что тебе надо? Собрался бить – бей. Не задерживай остальных.

- Не велико дело бить связанного и изможденного человека. Да и для тебя это не то наказание, какое ты заслужил. Я хочу чтобы ты вспомнил меня. Подними свои глаза.

Маний с трудом поднял на старика глаза, внимательно посмотрел, но, по-видимому, так того и не вспомнил.

- Нет старик, я не помню тебя. Иди прочь.

- Да дед, давай бей его и мы пойдём, - охранник взял осла по уздцы, намереваясь двинуться в дальнейший путь.

- Погоди, сынок, немного. Ты сам-то откуда?

- Я то? Да я из здешних мест. Моя семья живёт в деревне у устья Каика, рядом с городом Элея.

- Тогда ты наверное слышал что случилось с семьёй *Пелопида*?

- Как не слышать, вся долина гудела. Да и в Элеи народ возмущался зверствами, которые римляне учинили у *Пелопида* дома.

- Так вот, *Пелопид* - это я, - сказал старик и руки у него затряслись, а из глаз потекли слёзы.

- Что?! Так ты остался жив? Тебя искали пять дней и не нашли. Народ подумал, что ты утопился, - сказал потрясённый охранник. - И ты не хочешь даже ударить этого изверга?

- У меня для него кое-что есть - произнес старик и вытащил из болтающегося на груди мешочка, золотую монету.

- Ты наверное сошёл с ума, дед! Как можно дарить золоту тому, кто погубил всю твою семью? – охранник ошарашенно моргал глазами, не понимая, то ли дед действительно свихнулся, то ли что-то замышляет.

- И откуда у тебя эта золотая монета? По твоему виду не скажешь что ты богат.

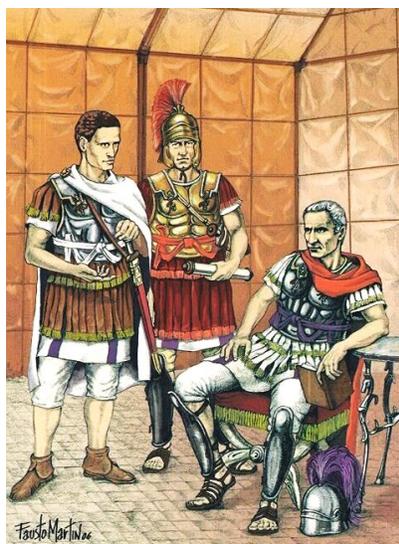
- Мне её *Митридат* дал, - ответил старик. - Я воевал за него и лишился руки, вот он меня и отблагодарил золотом.

- Зачем же ты хочешь её отдать этому ублюдку? Я тебя не понимаю, старик.

- Сегодня вечером поймёшь. Идите себе в город. Царь ждёт вас. А вечером увидимся и я передам этой римской гадине мою кровью заработанную монету.

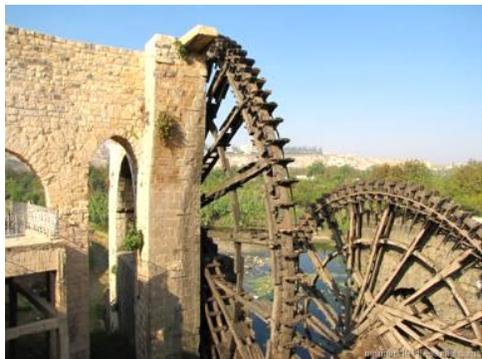
Так ничего и не поняв, охранник повёл под уздцы осла с пленником на спине дальше в город.

Маний вспомнил старика и тот день, когда они встретились. Однажды, он с приятелями возвращался в Пергам после того, как они отправили в Рим из порта Элея трирему полную серебра, пряностей и амфор с вином. По дороге они решили заночевать на водяной мельнице, которая одиноко стояла на реке.

Они вломились в помещение посреди ночи и начали требовать еды и вина. Хозяин пытался объяснить что еды у них нет, но, может быть, утром будет рыба, если поймается за ночь в сети. Тогда римлянин вытащил меч из ножен и пригрозил: - Если еды не будет мы зарежем твоих малолетних детей и зажарим их себе на ужин. Хозяин бросился собирать по соседским домам хоть какой-то провиант. Пока он носился от дома к дому, которые стояли в паре километров друг от друга, и умолял людей дать ему хоть что-то съестное, римляне изнасиловали его беременную жену и дочек. Не пожалели даже младшую, которой едва исполнилось десять лет. Перед тем как насиловать девочек, они связали его мальчишек и заставили их смотреть на весь это ужас, вставив в глаза палочки, чтобы те их не закрывали. А когда хозяин вернулся с собранной едой, они его избили, связали и бесчувственного бросили на мельничное колесо.

Чтобы скрыть следы своих преступлений они подожгли дом и ушли, напоследок ткнув коротким ножом хозяина в грудь. Однако нож наткнулся на каменный амулет, который несчастный носил под одеждой и лезвие скользнуло в тело под углом, что спасло ему жизнь первый раз. Второй раз ему жизнь спасло мельничное колесо, провернувшееся

во время пожара и сбросившее его в воду. Потом его подхватила река и унесла к морю. Когда соседи прибежали тушить пожар, было уже поздно. Дом сгорел дотла и все, кроме десятилетней девочки, погибли. Она и поведала всем что произошло, но кто это сделал она не знала. Сказала только что это были римские солдаты. От полученных ожогов и нанесенных травм она на следующий день скончалась. Хозяина же в море выловил какой-то рыбак и полуживого доставил на берег. Через несколько дней бедолага пришёл в себя, а ещё через пару дней поковылял к себе домой. По дороге он узнал всю правду от галдящих на всех углах про это преступление жителей, так что когда он добрался до дома то был готов к тому что увидит. Он решил никому не рассказывать о том, кто был у него дома и учинил эту жестокость, да и жаловаться на извергов можно было только им самим. От пережитого горя он поседел и внешне очень изменился настолько, что его невозможно было узнать. Подумав, он решил податься на север в Понт и наняться воином к царю *Митридату*, который собирался биться с Римом. В бою с войском *Никомеда* он потерял руку и царь вознаградил его золотой монетой.

Много месяцев спустя, когда *Мания* доставили к царю в Пергам, старик напросился на аудиенцию к *Митридату*, где показал правителю его подарок - золотую монету и поведал свою историю. Царь выслушал старика, сощурил глаза, задумался и попросил его сохранить эту монету до следующего дня.

- Раз ты так долго её хранил и не тратил, то, видимо, она тебе дорога. Я расплатился ею с тобой за твою преданность и храбрость, а ты расплатишься ею со своим врагом за его деяние.

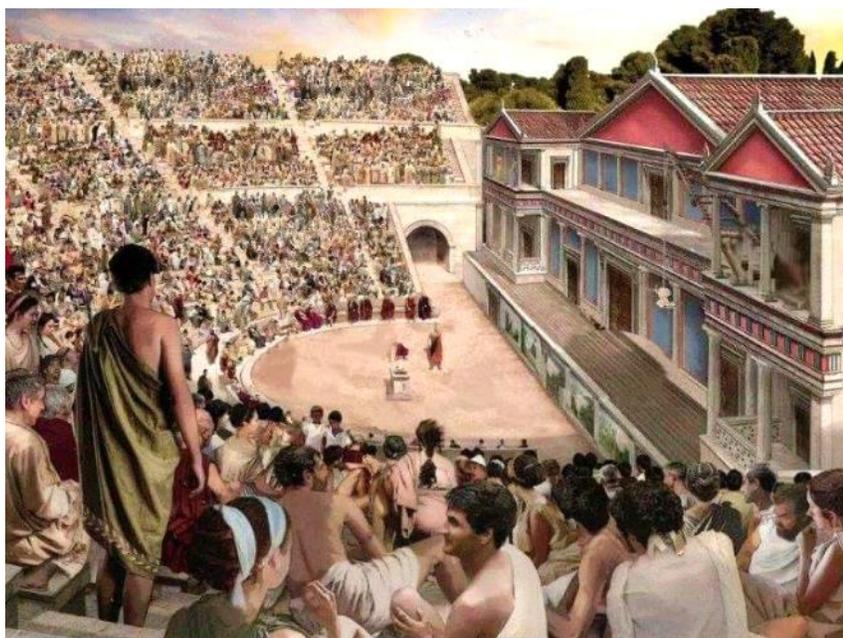
Старик, по-видимому, смекнул что задумал царь. Он попрощался и пошёл навстречу отряду ведущему *Мания* в город, в котором и произошла вышеописанная встреча, чтобы еще раз взглянуть в глаза этому извергу.

Вечером в амфитеатре, где недавно так помпезно выступил царь и объявил войну с Римом, опять собрался народ. Посреди оркестры развели костёр, возле которого суетился кузнец с непонятными инструментами. Потом солдаты вынесли на сцену длинную скамейку.

Народ егозил на своих местах в предвкушении кровавого шоу. Все знали что в город доставили ненавистного *Мания Аквилля* и что собрали их здесь именно по этому поводу. Люди гадали и заключали пари на то, каким образом его будут пытать и как долго он выдержит экзекуцию.

Зазвучали фанфары и забила барабанная дробь. На колеснице, запряжённой четвёркой гигантских битюгов, выехал *Митридат*. К колеснице был привязан *Маний*, он волочился за повозкой из последних сил. Подъехав к орхестре лошади остановились, царь спешился и поднялся на сцену.

- Вы все, видите кого я вам привёл?

- Да! Это подлый *Маний Аквиллий*! – откликнулся народ.

- Именно так! Это тот, кто годами убивал, грабил и насиловал людей на этой земле. От него пострадало столько народу, что не хватит и года чтобы всех перечислить. Он подстрекал моих соседей идти на меня войной и сам выступил против меня. Против меня, царя-царей! И вот этот потомок волчьих выкормышей здесь, в цепях, побитый и униженный. В городе где он жил и властвовал. В городе, в который он свозил всё, что награл у людей и царей ото всей Малой Азии. Его сокровищницы были забиты под завязку, не было уже даже места куда складывать награбленное добро, серебро, золото и драгоценности. Я тут посоветовался со своим приятелем *Пелопидом* и мы решили, что есть все-таки ещё немного места у него для пары килограммов золота.

Сказав это царь раскрыл поднесённый к нему ларец и взяв оттуда пригоршню золотых монет кинул их в тигель, который висел над костром. Потом кинул вторую, третью

пригоршню, и кидал до тех пор, пока тигель не заполнился расплавленным золотом почти доверху.

- Теперь твоя, - сказал царь и указал рукой на *Пелопида*.

Старик подошёл и бросил свою монету в тигель, через секунду она тоже расплавилась, смешавшись с остальным золотом.

Маний понял что его ждёт и обессиленно упал на мраморный пол орхестры. Двое

воинов подхватили его и уложили спиной на скамейку. Потом они его привязали и немного приподняли тот край скамейки, где была голова. Нечеловеческий крик ужаса и отчаяния вырвался из глотки консула, но через несколько секунд прервался. Римлянин сорвал голос и теперь только хрипел, прося чтобы его прикончили мечом.

- От меча погибают воины, а ты - вор, убийца и насильник, поэтому подыхать будешь так, как подыхают тебе подобные. Сколько бы ты золота не награбил, тебе всегда было мало. Надеюсь, что сейчас ты наконец насытишься им вдоволь, - и *Митридат* подал знак палачу.

Тот подошёл и вбил *Манию* в рот, между коренными зубами верхней и нижней челюсти, небольшие круглые камешки таким образом, что бывший консул не мог больше закрыть рот. Потом палач вставил ему в рот глиняную воронку. Застучали барабаны и палач, взяв тигель с расплавленным золотом начал медленно его вливать *Манию* в рот. С жутким шипением металл начал заполнять глотку римлянина и выжигать её изнутри. Через минуту всё было кончено.

Второе событие тоже связано со звериной жестокостью *Митридата* и получило у историков название «Эфесская вечерня» или «Азиатская резня». Победное шествие *Митридата* через центральные регионы Анатолии привело к тому, что римляне и их сторонники бежали от его армии к побережью, в основном концентрируясь в крупных городах. Во-первых, они надеялись найти способ уплыть из Азии, а во вторых, в городах находились большие храмы, в которых в случае опасности они могли найти защиту.

В древности отдельные священные места (храмы, гробницы, алтари, священные рощи и даже статуи богов) считались неприкосновенными для людского суда. Эти места гарантировали безопасность всякому преследуемому, в том числе рабам, преступникам, неприятелям и даже убийцам.

Со слов *Аппиана*, находясь в Эфесе и наблюдая за постройкой новых кораблей для своего флота *Митридат* издаёт тайный указ: «*Выждав тридцать дней, сразу всем напасть на находящихся у них римлян и италийцев, на них самих, на их жен и детей и отпущенников, которые будут италийского рода, и, убив их, бросить без погребения, а все их имущество поделить с царем Митридатом. Он объявил и наказания тем, кто их будет хоронить или укрывать, и награды за донос тем, кто изобличит или убьет скрывающих; рабам за показание против господ – свободу, должникам по отношению к своим кредиторам – половину долга. Такой тайный приказ он послал одновременно всем, и когда наступил этот день, то по всей Азии можно было видеть самые разнообразные картины несчастий*».

Удивительно, но этот указ так и остался тайной для римлян вплоть до часа *икс*, когда началась резня, что великолепно характеризует прекрасную работу митридатовских спецслужб. Кроме того, издание такого указа за месяц до резни, говорит нам о том, что эта кровавая акция не была последствием какого-то припадка ярости или ненависти безумца, но заранее спланированной и четко скоординированной мстью ненавистному Риму.

В один из весенних дней 88 года до н. э. волна кровавых убийств и погромов прокатилась по всему Анатолийскому побережью. В тот день зверская резня позволила смерти пожать богатый урожай. *Плутарх* указывает число погибших в этой резне римлян в 150 тысяч человек²², в то время как современные исследователи²³ указывают, что минимальное число жертв было около 80 тысяч. Может быть такая большая разница зависит от того, кто как считал: только римлян и италиков или же включались и их приспешники. Тем не менее масштабы резни впечатляют и делают это событие одним из самых кровавых в истории, затмевая даже такие боины как «избиение младенцев», «резня латинов», «сицилийская вечерня» и вырезание гугенотов в «Варфоломеевскую ночь».

Подробности резни остались в истории благодаря записям историков *Аппиана* и *Плутарха*, которые основывались на мемуарах *Корнелия Суллы*, римского полководца, посланного сенатом, чтобы отомстить за убийства, либо на показаниях выживших в той резне, таких как *Публий Рутилий Руф* - римский чиновник, который спасся и написал историю нападения и о том, что случилось потом.

В Пергаме во время резни тысячи римских семей, охваченные ужасом, бросились к храму *Асклепия* (или *Эскулапа* - в древнегреческой и древнеримской мифологиях бог медицины) в поисках защиты. По закону «*asylia*», что означает убежище в храме, преследователи не смели совершить страшное кощунство и убивать своих жертв на глазах у богов. Однако, в день резни народ, столпившийся вокруг статуи бога-целителя, не дождался милосердия. Жители города ворвались в храм и расстреляли своими стрелами в упор всех укрывшихся там римлян, включая не только мужчин, но и женщин и даже детей.

В крупном кораблестроительном центре Адрамиттий, близ легендарной Трои, жители города оттеснили римских поселенцев к берегу моря. Когда люди ища спасения от отчаяния бросились в воду, то убийцы последовали за ними и шли убивая и топя их в морских волнах.

В Эфесе, когда горожане стали громить римские статуи, римляне решили укрыться в храме *Артемиды*. Однако и там жители города нарушили священную традицию убежища. Проломив резные кипарисовые двери храма, они ворвались внутрь и изрубили людей, в надежде на пощаду цеплявшихся за статую *Артемиды*.

В другом известном малоазийском городе Кавн проживавшие в городе италийцы собрались вокруг статуи богини *Весты*, покровительницы семейного очага и жертвенного огня в Древнем Риме. Кавнийцы, преследуя их, хватали детей и убивали на глазах родителей, потом они перерезали отчаянно моливших о пощаде женщин. Мужчин истребили последними, свалив их тела поверх трупов убитых прежде членов их семей.

Когда в городе Тралл был получен злосчастный тайный приказ *Митридата*, жители не решились запятнать себя кровью жертв. На тайном собрании граждан они единодушно проголосовали за то, чтобы нанять профессиональных убийц. Для выполнения этой миссии они пригласили *Феофила* и шайку его душегубов из Пафлагонии. В назначенный день вооруженная кривыми ножами банда въехала в Траллы. Убийцы надели плетенные из ивовых прутьев шлемы и высокие кожаные сапоги, чтобы не обрызгаться кровью жертв. Они загнали италийцев в римский храм Согласия, где принялись полосовать несчастных ножами. очевидцы вспоминали позже, что они видели как отрубленные руки италийцев оставались висеть, вцепившись в священные для них статуи.

В Нисе, к востоку от Тралл, древние надписи свидетельствуют о том, что проживавших здесь италийцев убивали прямо в Храме *Зевса*.

Кем же были эти хладнокровные убийцы? Современные исследования помогли пролить свет на решение этого вопроса. За малым исключением (примером может служить город Тралл, где были наняты профессиональные киллеры) убийцами были коренные жители Анатолии, а также греки и евреи. Тогда возникает другой вопрос: как простые люди вдруг оказались способными на такую жестокость? Какие мотивы побудили их на столь необузданную жестокость? Ещё в древности ответ на этот вопрос дали сами римляне. В частности *Аппиан* писал: «*И в этом случае особенно было ясно, что Азия не вследствие страха перед Митридатом, но скорее вследствие ненависти к римлянам совершала против них такие ужасные поступки*». А вот цитата из *Юстина*: «*Такую ненависть к римлянам вызвали там хищность проконсулов, поборы публиканов, злоупотребления в судах*».

Последствия «Эфесской резни» были колоссальными. Во-первых - была разрушена римская система взимания налогов в Малой Азии, что привело к прекращению денежных поступлений в римскую казну. Таким образом *Митридат* значительно ударил по экономике Рима. Цицерон тогда заявил: «*очень многие люди потеряли в Азии большие деньги, в Риме, как мы знаем, платежи были приостановлены и кредит упал*». Во-вторых - перед наступлением в Греции царь довольно существенно пополнил свою казну за счёт конфискованного имущества. Это были, так сказать, экономические последствия. Но что не менее важно, пролитой римской кровью *Митридат* повязал жителей Малой Азии с собой. Он также дал выплеснуться народному гневу, направленному против римских оккупантов и поработителей и народы Малой Азии были ему за это признательны. И наконец, этим своим злодеянием *Митридат* наглядно показал, что римлянам в Малой Азии нет места и что отныне он единственный и полноправный повелитель этих земель.

(VIII) Битва за Грецию. Для всех эллинов, проживающих в континентальной Греции и в Малой Азии, а также для жителей островов *Митридат* был воплощением героического борца за свободу. Они надеялись что он восстановит демократию по всему греческому миру. В Афинах граждане, воодушевлённые успехами *Митридата* в Анатолии, на голосовании решили отправить к нему послом философа *Аристиона*, наказав ему упросить царя освободить Грецию от власти Рима.

Когда посланная афинянами трирема с *Аристионом* уже преодолела большую половину пути, внезапно задул крепкий северо-западный ветер, который, впрочем, был почти попутным и давал гребцам небольшую передышку. Однако, опытные моряки понимали, что ветер усилился неспроста и скоро грядёт шторм. К вечеру курчавые тяжелые тучи заволокли всё небо, пошёл дождь, а белые барашки волн глухо били о борт корабля,

всё выше и выше поднимаясь к палубе. Ещё через пару часов шторм разыгрался уже не на шутку. Большинство людей из команды корабля взывали к *Посейдону*, моля его сохранить их души. *Аристион* стоял на палубе и, крепко держась за борт корабля, без страха в глазах наблюдал за бушующим морем. Молодой матрос, привязывая себя верёвкой к палубной скамейке, уставился на философа и с удивлением спросил:

- Почему вы не просите бога моря о пощаде? Разве вам не страшно? Вы не боитесь погибнуть?

- Нет, матрос, я не боюсь смерти, а богов просить - вообще бесполезное занятие. Я наслаждаюсь стихией.

- Но как так можно? Вы, наверное, обезумели.

- Да нет же, нет! Я эпикуреец.

- А что это значит?

- Лет двести тому назад в Афинах жил один философ и звали его *Эпикур*. Он создал новую философскую школу, течение которой в его честь стали называть «эпикуреизмом», а людей, придерживающихся его учения - эпикурейцами. Как только философ-посол сказал это, его ударило огромной волной, которая перевалив через борт триремы, смыла несколько человек в море, где неистовая пучина сразу поглотила их. *Аристион* же запутался в такелаже и только это спасло его от неминуемой гибели. Он поднялся на ноги, встряхнул головой и зачесал назад свои мокрые волосы пальцами обеих рук.

- Ну и ну, вот это волнища! Видал, как шарахнула? Аж весь мой плащ разорвала. Надо, пожалуй, последовать твоему примеру и привязаться покрепче, а то некому будет с *Митридатом* разговаривать.

Аристион взял верёвку и, обмотав её вокруг себя несколько раз, привязался к мачте, которая скрипела и трещала на все лады.

- Господин, вы чуть не погибли. Неужели вам и сейчас не было страшно?

- Во-первых: смерти вообще не надо бояться, потому что наши пути и пути смерти нигде и никогда не пересекаются: когда мы есть, её еще нет, а когда она приходит, то уже нас нет. А во-вторых: бояться природных явлений заставляет людей незнание их причин. Я же знаю, что эта буря происходит из-за сильного ветра, который образуется когда холодный воздух встречается с тёплым.

- Но разве не боги посылают нам эти ветры?

- Ой, молодой человек, не заморачивайте себе голову этими богами. Они живут в своём собственном мире, по своим правилам и им нет никакого дела до людей. Боги заняты своими проблемами и частыми скандалами в своем многочисленном семействе.

Вдруг, когда трирема в очередной раз соскользнула вниз с гребня огромной волны, мачта с громовым треском переломилась посередине и её верхняя часть рухнула в воду.

- Вы по прежнему наслаждаетесь стихией? - с ужасом в глазах спросил матрос.
- Конечно! Эпикурейцы находят наслаждение во всём. Главный наш принцип это...
Но договорить *Аристион* не смог, мощная волна опять перевалила через борт и

окатила его мощным потоком. От этого он сильно ударился головой об обломок мачты и потерял сознание.

К утру шторм утих и мореплаватели подсчитали свои потери: двенадцать человек смыло в море, отсутствовала мачта и что самое плохое, вышел из строя руль. Спустя несколько часов, моряки наладили какое-то подобие руля, приспособив вместо него несколько связанных между собой вёсел. Оставшиеся гребцы заняли свои места и трирема продолжила свой путь. К счастью оказалось, что шторм не сильно сбил корабль с курса и через два дня *Аристион* прибыл в Пергам.

Митридат знал что афиняне послали к нему своего представителя и поэтому он отправил на побережье эскорт, задачей которого были встреча и сопровождение почетного гостя во дворец.

- Приветствую тебя, Аристион, - начальник эскорта слегка наклонил голову в знак приветствия и поднял вверх ладони обеих рук. - Как прошло плавание? Мы ждём вас уже три дня.

- Спасибо, всё было хорошо. Просто немного задержались в пути, - ответил на приветствие посол и также в знак признательности склонил голову.

- Какой там «хорошо»? Мы попали в бурю и чуть все не потонули. Двенадцать человек сгинули в пучине морской. А этому философу всё «хорошо». Он, видите ли, наслаждался стихией, - встрял в разговор уже известный нам моряк.

Начальник эскорта хлестнул наглеца плёткой.

- Как смеешь ты, смерд, вмешиваться в разговор двух благородных мужей.

- Простите, уважаемый, его бестактность, он немного «рамсы попутал», после пережитого страха, - сказав это *Аристион* повернулся и быстро взошёл на пригорок, показывая всем своим видом что он торопится на встречу с царем.

За время его короткого путешествия ко дворцу он заметил несколько полков, которые с усердием занимались строевой подготовкой. По мере приближения к Пергаму количество военных значительно увеличивалось. Одни сидели в тавернах, которые во множестве располагались в деревнях вдоль главной дороги, другие состязались в стрельбе из лука или метанию копья. Практически через каждые двадцать стадий на дороге

находился пост службы безопасности, где, несмотря на штандарты начальника царского эскорта, его спрашивали пароль для проезда.

Уже через пару часов *Аристион* был во дворце *Митридата* и ожидая его появления потягивал предложенный ему коктейль. Дверь зала приёмов распахнулась и в неё вошёл человек гигантского роста, облаченный в роскошные одежды и сияющую золотом диадему на голове.

- Царь, - подумал *Аристион* и склонился в глубоком поклоне. - От всего народа материковой Греции приветствую тебя, великий царь. Позволь мне выразить наше восхищение твоими успехами в борьбе с римскими захватчиками.

- Позволяю! Можешь петь мне дифирамбы сколько угодно, но для начала надо бы с приезде в баньку податься. Давай-ка выпьем, закусим, а после о делах наших покалякаем. Ты как?

- Я всегда за наслаждения и удовольствия, - склонил голову *Аристион*.

- Ты не из этих ли часом? Как их там? Эпикурейцев? - *Митридат* вопросительно взглянул на посла.

- Точно так! - приверженец этого учения.

- Тогда мы кашу сварим, - царь хлопнул в ладоши и в зал вошла полуобнажённая девушка неся на подносе два бокала с вином. - Давай, за знакомство!

Они чокнулись и выпили, после чего царь взял его под локоть и повёл в термы, построенные во дворце казнённым недавно *Аквилем*.

Вдоволь попарившись и отхлестав друг друга ароматными березовыми вениками они обернулись банными простынями и, удобно расположившись в креслах, позволили симпатичным массажисткам растереть им все мышцы своего тела. Потом, отхлебнув по стаканчику белого холодного «Шардоне», они перешли в комнату, где на дубовом столе громоздились угощения.

- Ну, как ты себя чувствуешь? - любопытствовал царь.

- Прелестно, просто прелестно. Даже не хочется говорить о делах.

- Вот завтра и поговорим, а сейчас подкрепись, выбери себе нимфу под бочок и баиньки.

На следующий день в девять часов утра после гимнастики, водных процедур и обильного завтрака *Аристион* стоял в зале делегаций и ждал аудиенции у царя. Однако, к

его удивлению, тот не появился, а вместо него пришёл уже знакомый ему начальник царского эскорта и объявил:

- Царь ночью удалился по неотложным делам на остров Родос, а мне велел проехать с вами по Анатолии и провести ознакомительную экскурсию.

Аристион задумался ненадолго, потёр лоб и сощурившись утвердительно кивнул головой.

- Отлично, это именно то, о чем я хотел его попросить, - подумал посол.

- Мне надо пару минут, чтобы написать письмо. Потом я вас попрошу переслать его экспресс-почтой в Афины.

- Не извольте беспокоиться. Всё будет «чики-пики», - фамильярно заверил его командир.

На самом деле никаких срочных дел на Родосе у *Митридата* не было. Он просто знал, что философа послали к нему с разведывательной миссией. Посланец должен был доложить в Афины действительно ли царь так могуч и действительно ли его успехи в борьбе с ненавистными римлянами столь грандиозны, как об этом судачат на базаре в Монастираки (центральный афинский рынок). Для того, чтобы подтвердить эти сведения Митридат решил подмять под себя Родос, где по его сведениям укрывался *Никомед*, бывший проконсул Азии *Луций Кассий*. Кроме того, он хотел понтануться своей очередной великой победой перед афинским послом именно в то время, когда тот находится в Малой Азии и сможет от первого лица описать всю его мощь. Возглавив недавно построенный огромный флот он отправился в путь на Родос.

Жители Родоса были готовы к нападению понтийского императора и заранее сожгли все городские предместья. Они решили дать бой *Митридату* на море. Но там у них что-то не заладилось с тактическими корабельными манёврами. Кроме того, когда они увидели что флот *Митридата* во много раз превосходит численностью их флот, то развернулись и удрали в родосскую бухту.

Колосс Родосский.

Отступая они подняли заградительные цепи и сделали вход в бухту для кораблей царя невозможным. Тогда *Митридат* высадил войска на берег и предпринял попытку штурма

сходу, но эта атака провалилась. Поразмыслив немного он расположился лагерем возле стен города. Периодически возникали ленивые мелкие стычки между войсками *Митридата* и защитниками города. Царь откровенно скучал, а так как для серьёзного штурма у него не хватало тяжелой пехоты, он послал корабли в Пергам за подмогой.

Пока он ждал эту самую подмогу, совершенно случайно, разразилось большое морское сражение в которое втянулись основные силы обоих флотов. Флотом Родоса командовал храбрый греческий флотоводец *Дамагор*. Он искусно выманивал корабли *Митридата* в открытое море, где профессионально маневрируя таранил их один за другим. *Митридат*, будучи весь на нервах, орал на своих флотоводцев, всячески их обзывал и грозил им ужасными карами. Перепуганные адмиралы в страхе начали совершать всё больше и больше ошибок и закончилось это тем, что союзное *Митридату* судно с острова Хиос мощно протаранило флагманский корабль с царём на борту. Конечно же, это

происшествие было делом нелепого случая, однако подозрительный *Митридат*, воспитанный в лучших традициях предательства и подозрительности, сразу узрел злой умысел. Он на время затаил свой гнев, но после боя приказал всё-таки высесть рулевого и вперёдсмотрящего с хиосского корабля. Его подозрительность ещё круче разыгралась после увиденной, вроде бы ничего незначущей сцены: стая ворон напала и заклевала до смерти стервятника, который насыщался останками погибшего воина. А ночью на место этой «птичьей трагедии» упал метеорит. После этого *Митридат* вообще потерял сон, пережевывая увиденное и пытаясь понять тайный смысл этих знамений.

Наконец прибыла тяжелая пехота и инженерные подразделения, которые разработали и привезли чудо-машину «самбуку». Это было изобретение невероятных

Самбука

размеров, которое было водружено на двух кораблях. Когда корабли бросили якоря у внешней стены храма *Исиды* (богини-покровительницы Азии), тяжеловооруженные пехотинцы начали подниматься по башне этого чуда инженерной мысли. Достигнув вершины они намеревались перекинуть большой и широкий мост от

самбуки до стены города и потом толпой переправиться по нему в город. Защитники Родоса дрожали от страха и мысленно прощались с жизнью, но вдруг из храма вылетел огненный шар и поджёг самбуку, отчего это чудо техники сначала завалилось на один бок, а потом и вовсе упало в море.

Царь был ужасно раздосадован созданным положением. Он для приличия ещё немного повоевал на Родосе и в один прекрасный день собрал свои манатки и умотал на материк, оставив своих военачальников дожимать Родос (который, к слову сказать, они так и не дожали). На материке его армия осадил город Патары в Ликии и предприняла штурм, который, также как и на Родосе, не привёл к успеху. Разочарованный своими военными неудачами царь плюнул на войну и подался домой к молодой жене. Дома он занялся государственными делами, пьянками-гулянками и показательными казнями людей, обвиненных в подготовке переворота против царя или поддержке римлян.

Как раз в это время с экскурсии вернулся афинский посол *Аристион*. Он объехал много городов Малой Азии, где видел как чётко работает власть *Митридата*, принося своему царю огромные доходы. Люди в большинстве своём превозносили понтийского монарха до небес, называли его *Новым Дионисием*, поклонялись ему и всячески поддерживали в борьбе с Римом. Составив несколько отчётов о поездке *Аристион* с каждой оказией отсылал эти свои донесения в Афины, которые, конечно, сначала проходили проверку спецслужбами *Митридата*. В целом миссия посла была выполнена и он засобиравшись обратно в Грецию, чтобы рассказать своими устами всё что он увидел и узнал в Малой Азии. Царь устроил отвальную для посла в своей резиденции в Эфесе.

- Ну, как прошла экскурсия по моим владениям? – наливая марочный портвейн в широкие бокалы задал царь вопрос *Аристону*.

- Просто великолепно! Я поражен мощью вашего государства, выучкой ваших войск, вашими богатствами и особенно вашей справедливой демократичной властью, признанной широкими массами общественности.

- Ну, про демократию ты конечно загнул, а в остальном всё так и есть. Ну давай, чтоб не последняя.

Они выпили на «Brüderschaft» и по обычаю трижды расцеловались. В это время в зал вошла жена царя *Монима*. Ослеплённый её красотой и привыкший по «эпикурейский» во всём находить повод для наслаждения, *Аристон* распустил слюни, пожирая красавицу царицу взглядом.

- Э не, так не пойдет! На чужой каравай рот не разевай. Это моё, личное, - постарался умерить пыл философа царь.

- Да ладно тебе, я ведь только посмотреть.

- Глаза испортишь. А ну ка, мать, давай-ка быстро на свою половину, а то ты мне

сейчас философа испортишь, - *Митридат* шлёпнул царицу по мягкому месту и препроводил к выходу из зала. Она с неохотой пошла, при этом всё время оглядывалась, подмигивала и невероятно крутила своей соблазнительной попкой. Потом, уже у самого выхода из зала, она повернулась к послу и показав ему язык, начала быстро шевелить им между своими пухленькими губками. От увиденного философ пошатнулся и чтобы не упасть ухватился за спинку стула.

- Ты где такую нашёл? - спросил пораженный *Аристион*.

- В кабаке подобрал, - царь налил полный фужер послу надеясь, что это его уgomонит. Пей давай. До дна!

- Да ладно тебе. Не верю, - философ взял обеими руками фужер и выпил содержимое большими жадными глотками. Потом вернул бокал на стол и тыльной стороной ладони вытер пот со лба.

Царь хлопнул в ладоши и в зал внесли несколько огромных сундуков с подарками.

- Это тебе маленький презент от всего понтийского народа. Вот тут ковры прекрасной персидской работы, а здесь картины, статуи и разная серебряная утварь, -

пояснял царь, указывая рукой на сундуки с подарками. - А вот тебе от меня лично, - он снял со своего пальца большой золотой перстень с агатом, на котором было искусно вырезано изображение его царского величества. И вот тебе ещё и этот пурпурный плащ взамен этой рвани, которую ты носишь.

- Благодарю тебя великий царь, но нам эпикурейцам роскошь не к лицу.

- А разве заниматься политикой вам к лицу? Да и не время сейчас философствовать. Давить надо римскую гадину.

- Нет, но я же... всё же... как бы...

- Хватит мямлить, это подарки от меня, а ежели кто будет дразниться или смеяться, скажешь мне, я этому шутнику язычок-то и подрежу. Теперь о деле!

Царь опять налил вино в фужер гостю и заговорщически сообщил:

- Очень скоро мои войска высадятся на севере Греции и пойдут с освободительной миссией к Афинам. Мне нужно, чтобы вся Греция восстала против Рима и поддержала меня в этом деле.

- Я не скажу за всю Грецию, ты же знаешь она очень велика, но в Афинах я гарантирую тебе поддержку и всяческую помощь.

- А как ты можешь говорить за Афины? У вас же там демократия и всё такое. Пока будете полемизировать, пока голосовать уже и Рим сам падёт.

- Скажу тебе по секрету - я собираюсь там узурпировать власть и стать тираном.

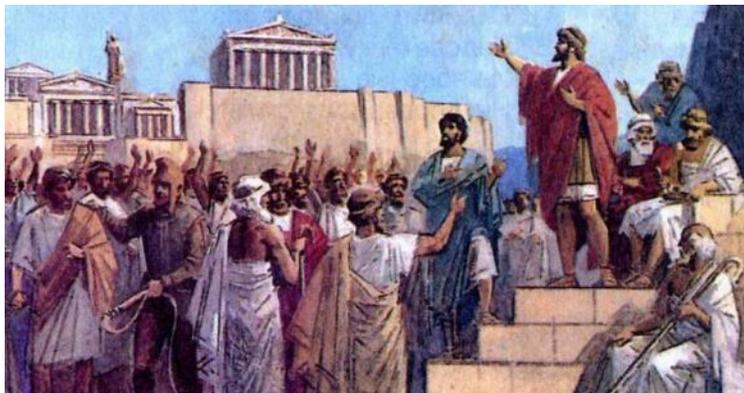
- Ого! Вот это новость. Это мне нравится. Я тебе тогда ещё пару сундуков с золотом подкину на это дело. По рукам?

- По рукам!

Когда *Аристион* вернулся в Афины его вышли встречать все жители города. Чтобы поприветствовать посла-философа они собрались в парке в Керамике, вдоль Священной дороги и на входе в Дипилонские Ворота.

Достигнув Агоры посол взобрался на трибуну, поднял правую руку вверх и начал свою речь:

- Дорогие афиняне! Братя и сёстры! Положение дел в нашем отечестве велит мне поведать обо всем, что я видел своими глазами в Малой Азии где правит великий царь *Митридат*. Хотите ли вы слушать об этом?

- Говори, конечно! -

загудел народ. - А то чего это мы тут все собрались? Чтобы наблюдать как рабы тащат твои

сундуки с золотом и добром? Или любоваться на твой пурпурный плащ, который ты променял на свой рваный плащ философа?

- Ладно, уговорили. Так вот слушайте все и не говорите потом, что не слышали. Царь Понта *Митридат* владеет Вифинией и Каппадокией, у ног его вся Малая Азия вплоть до Памфилии и Киликии, ему служат оружием цари Армении, Персии и вожди народов Меотилы и всего остального Понта на 6 тысяч вёрст вокруг.

- Переведи на наши меры...

- Хорошо, - *Аристион* вытащил кусок пергамента и начал в столбик что-то считать.

- По нашему это на 30 тысяч стадиев вокруг.

- О-го-го, - опять загудела толпа.

- Все города Малой Азии, воздавая царю сверхчеловеческие почести, признают его богом – *Новым Дионисом*. Пророчества со всех концов света возвещают грядущую власть над миром. Поэтому и во Фракию, и в Македонию он уже отправил великие воинства. Вокруг него толпятся послы из разных стран, предлагая свою вечную дружбу и возможность объединиться в борьбе против Рима.

Здесь оратор сделал паузу давая народу обсудить невероятные новости.

- Афиняне! Хватит нам более сносить то безвластие, которое поддерживает у нас римский сенат. Римляне закрыли наши храмы и наши гимнасии. Наши театры пусты, а суды и философские школы безгласны! Они отняли у народа даже наше священное место для проведения собраний.

Народ потихоньку завёлся и стал требовать свободы. – Свободу! Свободу! Свободу!
- понеслось эхом над Агорой.

- Афиняне, если вы выберете сейчас меня главнокомандующим, то я с вашей помощью, сделаю все, что в наших силах, чтобы в нашем городе процветала демократия и свобода.

- *Аристиона* в главнокомандующие! – раздались сначала отдельные возгласы, которые со временем переросли во всенародное скандирование.

Так народ в Афинах избрал главнокомандующего и, по традиции, высших должностных лиц – архонтов. Ещё через некоторое время *Аристион* объявил себя тираном и приступил, как и положено тиранам, к репрессиям.

Митридат получив шифровки от агентов в Афинах и от *Аристиона*, в целом остался доволен положением дел и дал отмашку на поход в Грецию. Время для выступления складывалось удачно.

Многие историки считают, что неучастие непосредственно самого *Митридата*, было его основной стратегической ошибкой в битве за Грецию. Так это или нет на самом

деле, сказать трудно, точнее, по-моему, вовсе невозможно. История, на мой взгляд, действительно не знает сослагательного наклонения. Можно до упоминания вообразить, что было бы если..., но историю это не изменит. Её изменить могут только те, кто её пишет. Например, взять и просто наврать. Так, что я буду просто излагать как было, без фантазий на тему «а вот могло бы быть так». А было так: *Митридат* послал на войну в Грецию своего сына *Аркафия*, который успешно продвигался по Фракии и Македонии. Также он послал воевать и своего лучшего, на то время, полководца *Архелая*, который начал освобождение от римского присутствия островов Кикладского архипелага, имея под своим командованием большой флот и крупный воинский контингент. Потом *Архелай* высадился в Греции и на его сторону перешли ахейцы и восставшие против Рима жители Лаконии и Беотии. *Аристион* привёл на помощь *Архелая* своё войско из Афин и теперь союзная армия стала самой серьёзной силой в Элладе. Другой полководец *Митридата*, *Метрофан*, высадил десант на острове Эвбея и стал подчинять те города и области, которые не поддержали *Митридата*.

Затем *Архелай* и *Метрофан* объединили свои силы осадили контролируемый Римом остров Делос. Сам город был разграблен и сожжен дотла, а несколько тысяч рабов, неожиданно освобожденных от римских оков, вступили в греческую освободительную армию. Воины *Митридата* фактически убили всех италийских купцов, а их жен и детей продали в рабство. Общее количество убитых на Делосе оценивается примерно в 20 тысяч человек. На острове также были захвачены сундуки с сокровищами из великого храма *Аполлона*, которые вместе с отборными двумя тысячами понтийскими солдатами были переданы *Митридатом* своему дружбану - философу *Аристиону* в Афины. Тот же на

вырученные за сокровища средства финансирует революцию в Афинах, формирует армию и с митридатовскими солдатами очищает от римских захватчиков всю Аттику. Афины официально объявляют войну Риму и заявляют о своем союзе с царем-спасителем *Митридатом Евпатором*.

Таким образом, примерно за два года *Митридат* освободил всю Грецию от римского господства. Пока, для понтийского царя, всё было прекрасно.

Тем временем в Риме творился полный бардак и лазутчики *Митридата* докладывали ему о том, что там творится. Царь понял что сейчас лучшее время напасть на Рим, так как тем сейчас не до войны с ним. Главные силы римлян сражались с италийскими повстанцами, а в самом Вечном Городе разразилась гражданская война. Там враждовали

Луций Корнелий Сулла.

между собой две партии: одна состояла из олигархов под предводительством *Суллы*, другая - популистов с *Марием* во главе. В этом противостоянии *Сулла* проиграл и был изгнан из города. Его послали руководить одним из легионов, принимавшим участие в подавлении восстания мятежников из племени марсов. Разбив мятежников *Сулла* повернул легион на Рим, который после кровопролитной схватки, пал к его ногам. Но Рим мало завоевать, его надо ещё уметь удержать. Лучшее что мог бы сделать *Сулла* чтобы укрепить свою власть в Риме это одержать

грандиозную победу, равную победе над *Ганнибалом*. На этот момент равным ему по величию был только понтийский царь *Митридат*.

Но, давайте перенесёмся ненадолго опять в Пергам, где припеваючи живёт царь Понта и купается в лучах славы. Фантазии придворных уже не хватало на то, чтобы придумывать все новые и новые способы прославления своего зажавшегося повелителя. Сказать что у *Митридата* было денег и золота «куры не клюют» – означает ничего не сказать. Понтийский царь всегда придерживался принципа «понты дороже денег». Он начал раздавать сокровища, княжества и провинции своим друзьям. Большие города выпускали благодарственные указы, чеканили монеты с его именем и изображением. Во всех агорах в честь него воздвигались его портреты и статуи. Царь самолично заказал у лучших мастеров две впечатляющие статуи самого себя, которые были отлиты из чистого золота, одна была в человеческий рост, а другая - в три метра высотой. По повелению царя также была отлита из золота статуя его любимого коня в натуральную величину, которую он всегда возил с собой.

В один из знойных вечеров, когда царь маялся от безделия, не зная чем бы себя ещё занять от скуки, в его кабинет постучался главный придворный инженер.

- Ну кого там ещё чёрт принёс? Заходи, не заперто, - раздражённо буркнул скучающий монарх.

- О, великий повелитель, владыка Азии и Боспора. Твоя слава затмевает собой солнце. Твои...

- Ладно, ладно, говори чего припёрся? Если ерунда какая-то, то лучше беги сразу, ибо я в депрессухе от скуки, могу садануть случайно.

- Я хотел бы показать тебе проект сногшибательного «перформанса» в твою честь.

- Ну и чего там такого офигительного? Ну-ка, покажь.

- Смотри, лучезарный, - и учёный муж раскрыл на столе чертежи от вида которых *Митридат* пришёл в лёгкое возбуждение.

- Вот это «ништяковая» придумка! - Царь полез на антресоль за заныканным от жены марочным «*Courvoisier*». – Давай накатим по одной и ты мне все детали расскажешь.

Выпив, они склонились над бумагами и долго обсуждали проект, при этом *Митридат* частенько похлопывал инженера по плечу приговаривая:

- Молодец, порадовал меня!

Уже через несколько недель после вышеупомянутого разговора было объявлено обо грандиозном шоу посвящённом победам *Митридата*. Были приглашены гости со всех союзных государств и городов. Путь в пергамский Амфитеатр был забит нескончаемым потоком богато украшенных колесниц и паланкинов последних моделей. Все парковки вблизи Акрополя были переполнены. Поэтому многие знатные гости парковались в нижней части города и вынуждены были нанимать носилки, на которых их доставляли прямо ко входу. Там звучным голосом церемониймейстер объявлял о прибытии каждого из этих почётных гостей. После «остограммливания» специальный лакей провожал их к заранее условленным местам. Когда все гости наконец то прибыли и расселись, вдруг раздался гром и в ту же секунду зажглись тысячи факелов. На сцену вышел конференсье и трубным голосом объявил:

- Многоуважаемые дамы и господа! Приветствуйте, - царь Понта великий *Митридат* и его царица *Монима*!

После этого он указал рукой на тронную ложу, где облаченные в богатые наряды сверкающими драгоценностями явились публике царствующие особы. Те радушно кивали и приветствовали ликующую публику со своих позолоченных, убранных китайским шелком, мягких тронов. После пошли приветственные речи и заверения в вечной любви и

дружбе, которые произносили разные чиновники. Знаменитые актёры пели благодарственные песни, а поэты читали стихи восхваляющие великого царя-освободителя.

Кульминацией торжества должно было стать появление крылатой богини победы *Ники*, держащей в руках подлинную царственную корону. Это и было фишкой грандиозного изобретения придворного инженера. При помощи разных механизмов и рычагов статуя богини должна была волшебным образом опуститься и возложить корону на голову *Митридата*. После этого *Ника* должна была подняться обратно на ввысь.

И вот, по музыку из *Рихарда Вагнера* - «Полёт валькирий», исполняемую академическим симфоническим оркестром пергамской филармонии, рабочие приступили к спуску тяжелой статуи. Но, прямо перед царской ложей, тросы оборвались и крылатая богиня с грохотом обрушилась на землю и разлетелась на куски.

Толпа и венценосные особы в страхе содрогнулись. Всех присутствующих сковал ужас и мёртвая тишина воцарилась над амфитеатром. Только карканье испуганных ворон раздавалось вокруг. Вдруг какая-то истеричная мадам завизжала и её ор сразу подхватили сотни остальных женщин. Началась суматоха, паника и давка. Народ топчет друг друга бросился к выходам. Сам царь и члены его семьи были спешно эвакуированы, подальше от ужасного предзнаменования.

После этого незадавшегося торжества царь на какое-то время впал в уныние, однако быстро спохватился и приказал собрать два совета: национальной безопасности и совет всех оракулов, магов и прочих служителей культа. Он внимательно их заслушал и после этого долго изучал сводки с фронтов, сверялся с картами, перепроверял секретные донесения. Он пытался понять откуда ждать неприятностей. Прорицатели, как обычно, трюндели какую-

то непонятную дурь, видимо обкурившись чахлыми листьям своей волшебной травки. Они надеялись на то, что никто ничего не понял и не обвинит их потом в лжепророчестве.

Через некоторое время он всё-таки дождался от них ответа на это предзнаменование: в тот самый день, когда рухнула статуя Ники, *Луций Корнелий Сулла* отплыл из Рима в Грецию с пятью римскими легионами.

- Наконец-то, - только и произнёс *Митридат*.

Римский главнокомандующий *Луций Корнелий Сулла* был жадным, хитрым, плотоядным. Он вышел родом из небогатой аристократической семьи. Всю свою юность провёл в постоянных гулянках и пьянках в компании артистов и дам с «низкой социальной ответственностью». По слухам, одна из этих дам (обслуживающей только богатеньких VIP клиентов) оплатила ему обучение и последующую за этим политическую карьеру. Он неплохо знал греческий язык и литературу, был знающим ценителем различных произведений искусств и, помимо этого, завоевал репутацию подающего надежды храброго военного вождя. По характеру он был очень непредсказуемым человеком: то он был проницателен и расчетлив, а вдруг становился опрометчивым и бесшабашным. Он был человеком железной воли, обладал талантом полководца и огромным личным мужеством. Он никогда не прятался от опасности, и, не взирая ни на какие препятствия, всегда шёл ей навстречу.

Сулла высадился в Греции с армией, состоявшей из пяти легионов (30 000 человек), и смотрел на неё как на своё личное войско. Сразу после высадки в Грецию его

политические противники в Риме сместили его со всех постов, объявили врагом государства и оставили без помощи и без поставок продовольствия. Странно, что враг Рима был единственным из значимых полководцев, который выступил против другого

врага Рима – *Митридата*. Таким образом он, оказался в весьма сложном положении. Ему надо было думать о том, чем кормить свою ораву и откуда брать деньги им на жалование. Единственным выходом из этой тупиковой ситуации было взять главную сокровищницу *Митридата* в Греции – Афины и порт Пирей. Он так же понимал, что взяв Афины, то

большинство мелких городов сами перейдут на его сторону, а это приведет к тому, что освобождение Греции от войск *Митридата* будет почти выполненным делом.

Архелай знал насколько трудно будет противостоять профессиональным легионерам в открытом бою, особенно если они обладали численным перевесом. Поэтому он сделал ставку на оборону, понадеявшись на мощные (около 18 метров высотой) стены и укрепления Пирея и Афин. Проблема заключалась в том, что ни у него в Пирее, ни у *Аристиона* в Афинах не было достаточно людей которых можно было бы выставить на защиту длинных шестикилометровых стен. Эти сооружения соединяли порт с городом и находились в полуразрушенном состоянии. Полководцы решили что Афины и Пирей будут обороняться каждый сам по себе.

Когда *Сулла* подошёл со своими легионами к Афинам, он решил отрядить часть войск для осады города, а основными силами штурмовать Пирей, понимая что главная опасность исходит именно оттуда. Нахрапом взять город оказалось тщетным и тогда *Сулла* приступил к осаде. Первым делом надо было изготовить осадные башни, для чего были вырублены близлежащие рощи с тысячелетними оливами. Вырубили даже сад в Академии *Платона*. Надо отметить, что несмотря на всю его образованность и стремление выглядеть порядочным человеком, *Сулла* оказался большим мерзавцем. Война войной, но великие памятники старины, статуи, сокровища храмов всегда являлись достоянием человечества и человек, почитающий историю, искусство и науку, разрушать их не имеет права. Как *Плутарх*: - «К римским полководцам таким как *Титу Квинцию Фламинину* и *Луцию Эмилию Павлу* можно относиться по-разному. На Балканах они тоже разрушали города, резали мирных граждан, но всё же они не только не тронули эллинских святилищ, но даже сами дополнили их новыми дарами, почтили и возвеличили». *Сулла* же обокрал даже храм *Аполлона* в Дельфах, святую святых всего античного мира. Правда, боясь народного гнева, он совершил это кощунство в тайне и самые лучшие сокровища Дельф *Сулла* отобрал для себя.

Воины *Суллы* принялись за разборку длинных стен соединяющих пирейский порт с Афинами. Они воздвигли огромную гору из камней для установки катапульт. Брёвна из стен шли в ход для постройки осадных машин, каждая из которых могла метнуть одновременно двадцать тяжелых свинцовых шаров на расстояние до 400 метров. Они использовали вырытую землю и строительный мусор для воздвижения осадной насыпи.

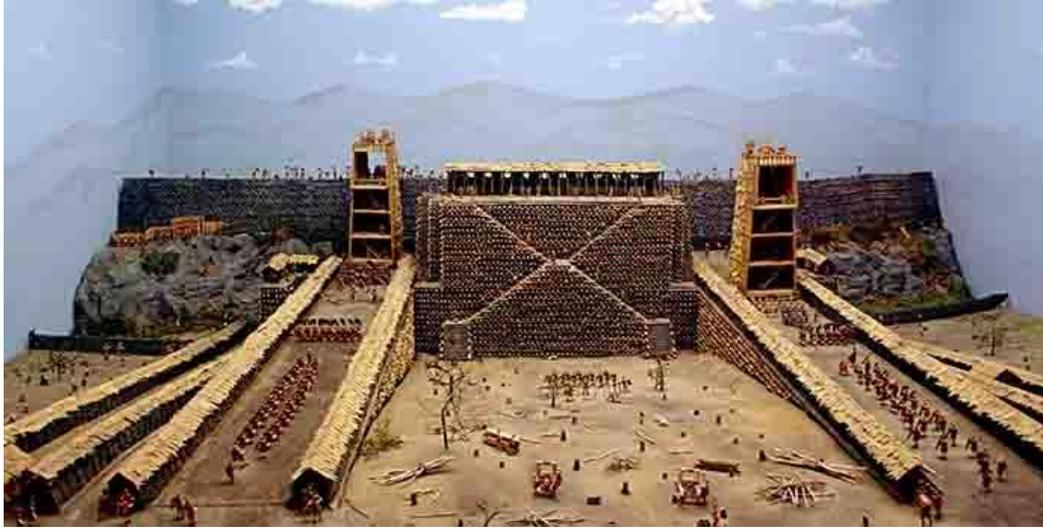
Время от времени защитники порта делали вылазки и сжигали строящиеся осадные машины и сооружения. *Сулла* со своей стороны предпринимал безуспешные попытки штурмовать город. Обе стороны несли в этих стычках большие потери. В конце концов осада затянулась, наступила зима и *Сулла* на время был вынужден отступить.

Тем временем в Пирей постоянно прибывали подкрепления, и что немаловажно - продовольствие. Благодаря господству на море, у царя была возможность беспрепятственно посылать помощь осаждённому гарнизону. В Афинах же всё было наоборот. Положение в городе всё более и более вызывало тревогу у *Архелая*. С обеспечением продовольствием защитников и жителей там стало критически плохо и поэтому стратег решил попытаться доставить осажденным съестные припасы. Под покровом ночи понтийский продовольственный обоз двинулся в сторону Афин. Ему надо было пройти около шести километров, но по дороге на обоз напал рыскавший там отряд легионеров. Предвидя, что в городе наверняка есть шпионы *Суллы*, которые доложат ему о попытке провоза продовольствия Афинам, *Архелай* собрал другой отряд, который должен был прорваться к осадным машинам и поджечь их. Так и получилось: *Сулла* разбил обоз с продовольствием, а *Архелай* сжёг машины. Боевая ничья.

Сулла понимал, что если поставки харчей в Пирей не прекратить, то осажденные могут защищаться до скончания веков. Это подвигло его послать своего помощника *Лукулла* с довольно дерзкой и секретной миссией - плыть на Родос, в Сирию и в египетскую Александрию и доставить оттуда военные корабли. Сделать это в кишевшем митридатовскими кораблями и промитридатовски настроенными пиратами море, было почти невозможно – но он сделал это.

Пока *Лукулл* вел переговоры по поводу доставки кораблей из Египта, *Сулла* сосредоточил всё своё внимание на Афинах. Он приказал окружить город множеством небольших укреплений и обнести их глубоким рвом, тем самым ещё сильнее затянув удавку на шее афинян. О том что тогда творилось в осаждённом городе, писали античные историки. «...люди питались девичьей ромашкой, росшей вокруг акрополя, варили сандалии

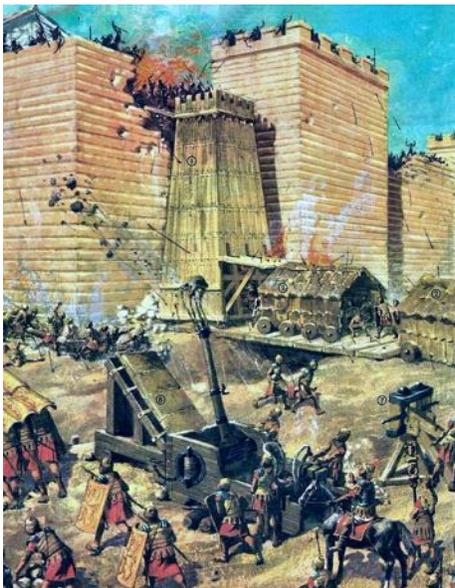

Длительная осада.

и лекифы (кожаные сосуды)», писал Плутарх. Аппиан описывает ещё куда более жуткие вещи «Римляне наблюдали, как афиняне испытывают все большую и большую нужду, что они перерезали весь скот, что они варят шкуры и содранные кожи и жадно поедают отвар, а некоторые из них поедают и мертвых». А когда Афины пали, продолжал он: «римские воины во многих домах находили человеческое мясо, приготовленное для еды».

Несмотря на весь ужас творящийся в стенах города, афиняне демонстративно поднимались на крепостные стены и высмеивали римлян. Они всячески издевались над уродливым, багровым как помидор, лицом Суллы и громко распевали похабные песенки о его жене. Сам Аристион, надев бронзовый шлем и нагрудник, танцевал на стене танец розового фламинго, выкрикивая оскорбления в сторону легионеров.

Катастрофа разразилась быстро и неожиданно и, как это часто бывает, виной всему оказалась излишняя болтливость. Плутарх в своём сочинении «О болтливости» так описывает случившееся: «...афинские старики как-то разболтались в цирюльне, что вот, дескать, Гептахалк (от автора - проход в городской стене) не охраняется и как бы, мол, с той стороны не захватили город, а лазутчики, услышав это, донесли Сулле».

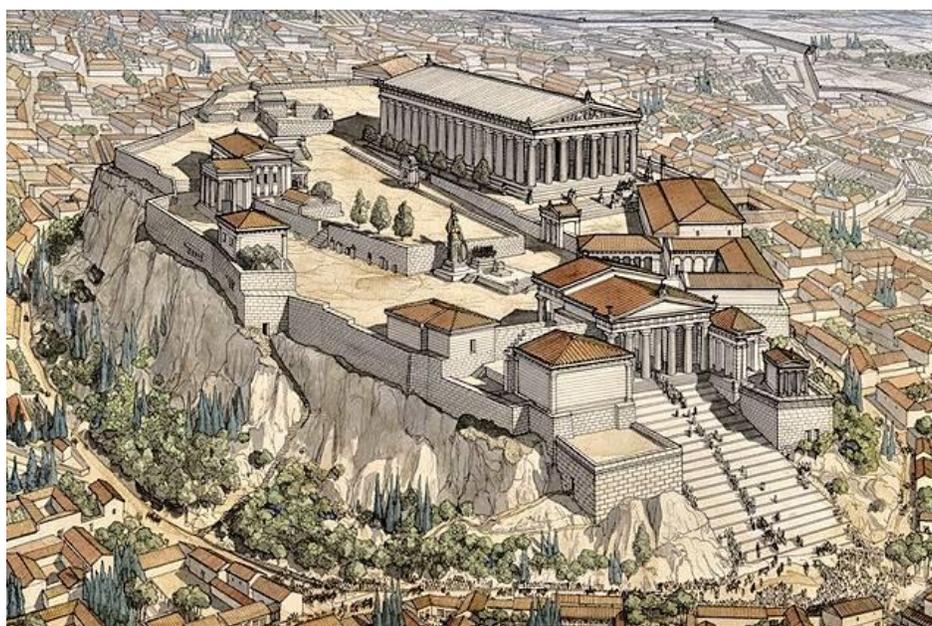
Особо тщательно подготовившись к решительному штурму, Сулла дал сигнал к атаке. Часть легионеров рванула к городу со стороны Гептахалка и по приставным лестницам вскарабкалась наверх, другая часть стала подкапывать стены. Действительно,

упорного сопротивления римляне на этом участке не встретили, они перевалили через стену и хлынули в незащищенный город...и тут началась резня.

В ночь на 1 марта 86 г. до н. э. *Луций Корнелий Сулла* вступил в поверженные Афины; согласно словам *Плутарха* «...под рев бесчисленных труб и рогов, под победные клики и улюлюканье солдат, которые, получив от Суллы позволение грабить и убивать, с обнаженными мечами носились по узким улицам. Убитых не считали, и вплоть до сего дня лишь по огромному пространству, залитому тогда кровью, судят об их множестве. Ведь, не говоря уже о тех, кто погиб в других частях города, только резня вокруг Площади обогрела кровью весь Керамик по самые Двойные ворота, а многие говорят, что кровь вытекла за ворота и затопила пригород. Но сколь ни велико было число людей, погибших насильственной смертью, не меньше было и тех, что покончили с собой, скорбя об участи родного города, который, как они думали, ожидало разрушение...»

Аппиан же описывал это вторжение так: «...Сулла ворвался в город, и в Афинах началось ужасное и безжалостное избиение. Ни бежать они не могли вследствие истощения, ни пощады не оказывалось ни детям, ни женщинам – Сулла приказал всех попадавшихся на пути избивать в гневе на их поспешный и нелепый переход на сторону варваров и раздраженный их неумеренными оскорблениями. Очень многие, услышав об этом приказе, сами бросались к убийцам, чтобы они скорее выполнили свое дело...».

Когда римляне ворвались в город *Аристион* с небольшой группой людей укрылись в Акрополе. Перед этим они подожгли деревянные балки знаменитого концертного зала *Одеон*, чтобы оставить Суллу без дерева, которое он мог бы использовать против них для осады священного холма. На следующее утро, пока Сулла был занят продажей рабов, его

солдаты приступили к осаде Акрополя, последнего оплота афинян. Через несколько дней этой осады жажда вынудила *Аристиона* и его воинов сдаться. *Сулла* распорядился казнить последнего избранного лидера демократических Афин.

После падения Афин *Архелай* решил что оборона Пирея потеряла стратегический смысл и отдал приказ к эвакуации гарнизона на корабли.

Уйдя из Пирея *Архелай* присоединился к остальным силам *Митридата* в Фессалии. Там узнал трагическую новость от командующего войсками группы «Север» *Таксила*, что любимый сын *Митридата*, *Аркафий* заболел в Македонии и умер. Тем не менее мы можем признать что, несмотря на эту скоропостижную смерть, *Аркафия* можно пожалуй назвать одним из счастливейших сыновей *Митридата*. Он умер как победоносный герой, проведя свою короткую жизнь в ореоле отцовской любви, в отличие от своих братьев, которым было суждено погибнуть в сетях измен и подозрений.

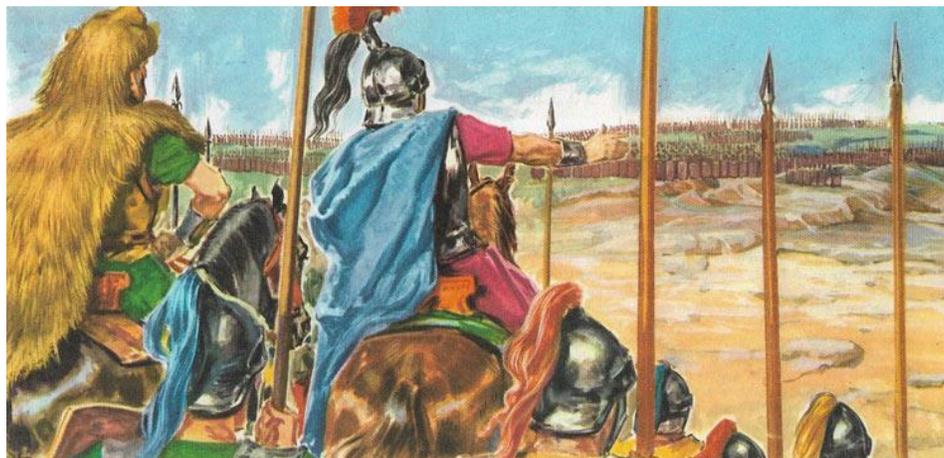
Объединившаяся армия *Митридата* насчитывала теперь 120 тысяч человек. Всё это полчище двинулось на юг, в то время как *Сулла* с 40 тысячами легионеров продвигался на север. И вот, в конце лета 86 г. до н. э. две противоборствующие армии сошлись на земле Фокиды. *Архелай* предпринял несколько попыток вызвать *Суллу* на решающую битву, но римский полководец постоянно уклонялся. В обеих армиях в поведении солдат стали намечаться «разброд и шатания». Многонациональные митридатовские воины часто игнорировали приказы командиров и даже нападали на близлежащие города и деревни желая пограбить их население. *Сулла* же, в отличие от своего врага, решил занять своих людей разными тяжёлыми работами, в частности бесполезным рытьём окопов «от забора до обеда». Такая работа, по его мнению должна была вызвать в подчиненных жажду боя.

В один из дней шпионы доложили *Сулле* что армия *Архелая* переместилась и разбила лагерь в скалистых холмах над Херонеей. Два предателя из Херонеи предложили *Сулле* свою помощь и сказали что они знают о тайной тропе, пролегающей высоко над лагерем *Архелая* и готовы провести его воинов по ней.

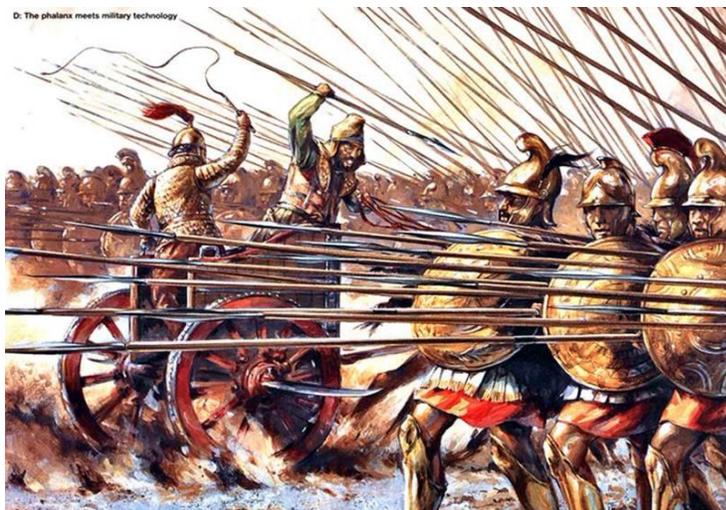
- Туда можно незаметно подкрасться и закидать палатки понтийцев камнями, таким образом заставив армию в беспорядке выбежать на равнину, - предложили они. *Сулла* дал добро на коварный план предателей и пока небольшой отряд карабкался наверх, он передвинул свои войска и занял выгодную позицию на склоне, непосредственно напротив вражеского лагеря.

Когда ни с того ни с сего на спокойно спящих воинов *Митридата* стали падать огромные валуны, они в замешательстве побежали вниз по склону горы. Образовалась жуткая давка, воины сбивали друг друга с ног и насмерть затапывали своих товарищей. В управлении войском образовался хаос, что вызвало панику. Численное превосходство *Архелая* было потеряно, чем немедленно воспользовался *Сулла* и дал сигнал к атаке.

Очухавшись от неожиданного камнепада и последовавшего за ним бегства, понтийское войско пришло немного в себя. Военачальники наладили управление и

выстроили свои подразделения в боевой порядок. Увидев что войско готово к бою *Архелай* сперва направил в атаку кавалерию и колесницы, но их действия не увенчались успехом. *Архелай* надеялся повторить недавний успех *Митридата* в бою с *Никомедом*, но маленько перепутал неумелую армию бывшего царя Вифинии с профессионалами своего дела из Рима. Легионеры ржали как подорванные когда увидели понтийские боевые колесницы. Это как в наше время наблюдать как ржавый кукурузник решился воевать с истребителем

F-35. Легионеры просто отступили в сторону, воспроизводя маневр, использованный армией *Александра Македонского* ещё 250 лет назад. Серпы колесниц бесполезно разрезали воздух, так как они беспорядочно неслись по безлюдному пространству, а их возничие были убиты копьями арьергарда армии *Суллы*. Тогда *Архелай* направил в атаку всё своё

войско. В центре шла пятнадцатитысячная фаланга, набранная из освобождённых *Митридатом* рабов. Легионеры узнали рабов по наколкам и опять начали ржать. Потом они побросали копья, достали свои короткие мечи и с яростными насмешками ринулись на стену ничтожных рабов, желая пробиться сквозь них и добраться до «настоящих» бойцов. Но зря смеялись волчьи выкорышши: шеренги бывших рабов, кипящих ненавистью к своим поработителям римлянам, показали потрясающее мужество, достоинство и военную

выучку перед наступающим врагом. Они долго стойко держались положили немало легионеров. Потом под градом горящих снарядов и копий арьергарда Суллы им, в конце концов, пришлось отступить.

Коннице *Архелая* удалось нарушить строй римских рядов и приступить к их окружению. Однако Сулла вместе со всадниками и двумя когортами легионеров умудрился отбросить силы понтийской кавалерии и та отступая смешала ряды своей же фаланги. Этим незамедлительно воспользовалась римская пехота и начала прорубаться сквозь ряды потрёпанной фаланги. Это и решило исход битвы при Херонее – понтийцы были разбиты.

Из войска *Архелая* уцелело около десяти тысяч человек. Пользуясь тем, что у римлян не было флота, *Архелай* беспрепятственно эвакуировал их на остров Эвбея. Там он привёл их в божеский вид и стал делать каверзные набеги на острова и побережье центральной Греции, стараясь нанести римлянам как можно больший урон.

Триумф Суллы.

Когда *Митридат* прочитал депешу о том что произошло в Греции, то долго рвал и метал, ругался по фене и стуча кулаком по столу орал что все его продали. В данной ситуации ему надо было бы разогнать всех своих женщин, возглавить и повести новое войско в Грецию. Но царь перебесившись, опять отдался в нежные руки своего гарема и забил на войну. Недаром впоследствии Сулла очень жестко высказался по поводу его бездеятельности: «Сидит в Пергаме и отдаёт последние распоряжения в войне, которой и в глаза не видал!» (по Плутарху).

Однако, Сулла не долго радовался победе. В Риме состоялся очередной переворот власти, *Цинна* и *Марий* захватили власть и устроили массовую резню сторонников Суллы. Потом *Марий* вдруг неожиданно умер и *Цинна* официально назначил своего полководца *Флакка* на замену Сулле в войне против *Митридата* и тот вскоре с двумя легионами высадился на Балканах. *Митридат* также не бездействовал. Он послал в Грецию на помощь

Архелаю восьмидесятитысячное войско во главе со своим понтийским другом и соратником *Дорилаем*. Это были хорошо обученные и дисциплинированные воины, которые жаждали реванша в Греции за унижительные потери в Херонее. Всё бы ничего, но между формально командующим понтийским контингентом в Греции *Архелаем* и *Дорилаем-младшим*, который был молочным братом царя и вместе с ним воспитывался, возникли трения кто круче. Помимо чисто личностных склок за главенство у них были и разногласия по тактике дальнейшей борьбы. *Архелай*, наученный горьким опытом боёв с легионерами настаивал на необходимости изматывания римских войск, а недавно прибывший *Дорилай* немедленно рвался в бой. Однако, после небольшой стычки у Тилфоссия, где понтийцы сразились с римлянами, он резко поменял своё мнение и стал горячим поборником войны на истощение. Но тогда изменилось мнение *Архелая*, и он стал не менее горячим сторонником немедленного сражения. В конце концов обе их армии стали лагерями на широкой равнине у Орхомены. Местечко для сечи было выбрано отличное. Сама равнина, лишённая деревьев, вытянулась до заросших тростником болот. На ней было

где разместить фалангу и конницу и воспользоваться численным преимуществом. Конечно это же заметил и *Сулла* прибывший на поле предполагаемого боя. Он недолго думая приказал части солдат поменять мечи на лопаты и рыть противокавалерийские рвы. В самый разгар работы римляне заметили клубы пыли, поднимающиеся к небесам. Потом они услышали грохот от тысяч

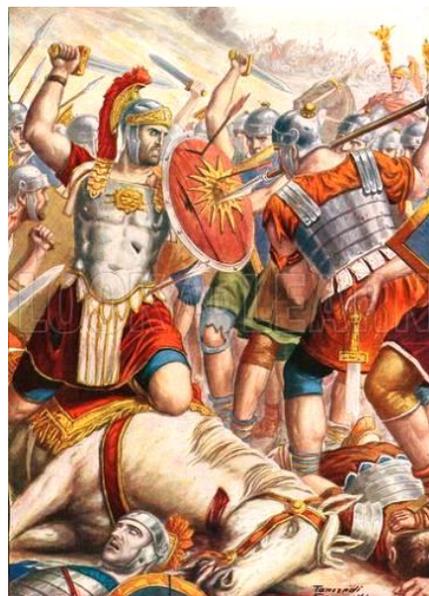
копыт и воинственное улюлюкание понтийских кавалеристов. Стройными рядами, с копьями наперевес, мчались армянские аристократы. За ними неслась отборная скифская и сарматская конница, а уже за ними пошла в бой широким фронтом легковооружённая пехота.

Удар понтийцев был страшен, они с разгону вломились в римские шеренги, круша и сминая всё на своём пути. Римляне дрогнули и начали пятиться назад. Новые волны понтийской конницы усилили натиск, а когда подоспела понтийская пехота, то легионеры не выдержали и пустились наутёк. *Сулла* не верил своим глазам.

- А ну назад, трусы! Позор на мои седины! Как вы можете убегать? Одумайтесь сволочи, вы же римские легионеры, - орал он на убегающих солдат. Увидев, что его слова

не оказывают никакого воздействия, он спрыгнул с коня и отобрал у драпающего знаменосца знак легиона - орла. Затем высоко поднял его над головой и с криком: «*Римляне, если вас спросят, где вы предали своего полководца, отвечайте – при Орхомене!*» – пошёл на встречу врагу.

И тут римским солдатам стало стыдно. Они вспомнили, что их называют непобедимыми и сначала по одному, а после по двое, по трое начали присоединяться к своему неистовому полководцу. Через секунды их стало сотня, потом тысяча, они выстроились в боевые порядки и пошли навстречу врагу. Тут на подмогу к ним прибыли две когорты (720 бойцов) из запасного легиона и римляне умудрились сначала остановить атаку, а потом и отбросить понтийские войска назад. Понтийцы же усталые после тяжелого боя, повернули к себе в лагерь. Невероятно, но понтийцы в этом бою потеряли около пятнадцати тысяч солдат, в числе которых был и сын *Архелая, Диоген*.

На следующее утро обе армии вновь стояли друг против друга. Все понимали, что сегодня будет решающая битва. Кто выиграет, тот и победит. Гнетущая тишина стояла на поле. Противники всматривались в глаза друг другу, пытаясь как-то оттянуть начало сечи. Но тут один из легионеров не выдержал и метнув своё копьё пронзил им понтийского воина. После чего разгорелся бой сразу по всему фронту. Сражение было яростным

и продолжалось целый день, в ходе этой схватки воины с обеих сторон проявили незаурядные героизм и мужество. Ближе к вечеру легионеры прижали таки понтийцев к болоту, а потом и вовсе загнали их в мутную жижу, где многие из них падали в глубокие омуты и тонули. Окончательный итог боя остался неясным и каждая из сторон увела свои войска в лагерь.

На следующий день *Сулла* решил атаковать лагерь *Архелая*. Для этого он хотел сначала выманить противника из него, а потом атакуя, на плечах отступающих, ворваться в лагерь и закончить войну одним ударом. Чтобы выманить противника *Сулла* отдал приказ

опять копать ров, но уже гораздо ближе к вражескому лагерю. Увидев стройбат Суллы, понтийцы открыли ворота и выпустили лёгкую пехоту в атаку. Этого как раз Сулла и ждал. Легионеры сперва отбили атаку, а потом бросились на штурм лагеря. Они стали карабкаться на частокол из деревянных копий. Несмотря на большие потери, натиск римлян не ослабевал. Перестроившись «черепашьей», легионеры сумели прикрыть часть своих воинов, которые разрушили угол укрепления. В образовавшийся проём хлынули войска Суллы.

Спустя несколько минут оборона понтийцев рухнула, их охватила паника, и они ринулись бежать в разные стороны. Кто-то сдался в плен, а кто-то побежал на болото, где многие утонули. Армия *Митридата* была разбита вдребезги.

Через пару дней одному из римских солдат из числа поставленных следить за тем, не вылезет ли кто-то из болота, вдруг показалось что мелькнула тень. Присмотревшись внимательней он так и никого не заметил. Померещилось, - подумал воин. А этой тенью был *Архелай*, который выжил в битве и два дня прятался в болоте. Найдя на берегу моря лодку, он втихаря, ночью, перебрался в сторону Халкиды, где был его штаб.

(IX) Террор. Весть о том, что его армия разбита привела *Митридата* в состояние ужаса. *Аппиан* свидетельствует о реакции царя на разгром у Орхомена: «*Известие о таком поражении в первый момент поразило Митридата ужасом; его охватил страх, как обыкновенно бывает при таком событии*».

- Как такое могло случиться? – поражался *Митридат* произошедшей в Греции трагедии. - Я считал себя освободителем Эллады. Люди чтили меня за полубога. Всё было на мази и вдруг такая катастрофа. Как этот красномордый мужлан, имея в десятки раз меньше, хоть и суперпрофессиональных, солдат, мог уничтожить полчища моих воинов? Наверняка без измены не обошлось.

- Немедленно ко мне начальника службы внешней разведки! - отдал приказ царь.

Спустя некоторое время ко дворцу *Митридата* подкатила ничем не приметная колесница. Из неё вышел человек одетый в тёмный плащ и такой же тёмный хитон. Маленькими быстрыми шажками он поднялся во дворец и прошёл прямо к царю. Когда он проходил по коридору все окружающие поворачивались к нему спиной. Он провёл у царя около получаса и также быстро ушёл. После его визита царь затребовал к себе на завтра шефа тайной полиции.

На следующий день в его кабинет вошёл невысокий крепыш с лысой головой. Это был опытный, выдержанный и очень хитрый человек, проявивший себя выдающимся организатором и мастером своего дела.

- Я не хочу будить в тебе злобную химеру подозрительности, по отношению к нашим товарищам по партии и совместной борьбе с римлянами, но факты говорят о следующем, - начал загибать пальцы царь.

- Первое - по Пергаму ползают упорные слухи о том, что некоторые наши союзники готовы вступить в переговоры с римлянами; второе – есть информация о том, что не всё спокойно у галатов. И, наконец, третье – известно, что в армии *Архелая* было много бойцов из Галатии. Они, косвенно правда, но всё же причастны к провалу в Греции. Хотя явного предательства вроде бы нет, но и проявлений героизма среди галатов, во славу великого Понта, тоже как-то не наблюдалось. Я хотел бы оказаться не прав в своих размышлениях. Мне, откровенно говоря, нравятся эти смелые и бесшабашные воины и мне хотелось бы получить от тебя документальные опровержения моим внезапно появившимся подозрениям.

- У нас пока не было на галатов никаких сигналов, а от неудач в нашей борьбе никто не может быть застрахован.

- То есть тебе кажется, что я сильно ошибаюсь?

- Ну отчего же? Конечно, возникшие подозрения нужно проанализировать со всех сторон. Иначе зачем тогда вообще держать весь мой аппарат. Нас всех тогда можно назвать бездельниками, отклоняющимися от войны на греческом фронте. А ещё какие-нибудь факты у вас есть, «Солнцеликий»?

- Да как тебе сказать... Я просил наших лучших соглядатаев послушать, что говорят люди о сложившимся положении. Так вот, те кому я безусловно верю, открыто говорят друг другу о трагизме положения в Греции, тупости моих полководцев, кретинизме *Архелая*, о болване *Дорилае*, и о том страшном, что нас всех ждёт если римляне ворвутся в Малую Азию. А галаты отвечают:

- Всё нормально. Ерунда. Всё развивается по плану.

Митридат встал и подошёл к резному буфету, достал оттуда бутылку дешёвого картофельного самогона, откупорил крышку, понюхал и передёрнулся.

- Любовь и преданность мне, - продолжил царь, - заключается не в том чтобы слепо мне врать, или врать своим союзникам по борьбе. И тогда я спросил себя: - А не болваны ли они? У нас ведь много тупиц, которые бездумно повторяют шапкозакидательские лозунги сочинённые в министерстве пропаганды. Но нет, они не болваны. Тогда почему же они не искренны? Они или никому не доверяют, или чего-то боятся, или что-то затевают.

- Сначала вы сами посмотрите досье на глав галатских родов и семей или я сразу возьму - уточнил шеф тайной полиции.

- Возьмись-ка сразу ты. Меня сегодня вечером *Монина* на дискотеку тащит, дёрнул меня чёрт женится на молодой девчонке.

- Ты много пил последнее время? - *Митридат* задал вопрос пронзительно взглядываясь в глаза полицейскому чиновнику.

- Совсем не пил!

- А почему у тебя глаза красные?

- Я не спал. Было много работы по Беотии, Фессалии и Эвбеи. Наши люди повисли на хвосте у *Суллы* и *Флакка*. Вообще, там будет интересно в ближайшие недели.

выполнения срочного задания *Митридата*.

- Выпей самогона, это тебя взбодрит, - сказав это царь разлил по половине гранённого стакана себе и полицаю.

- Спасибо. Правда я от самогона зверею. Люблю, знаете ли, поностальгировать под «*Стругураш*».

- Ле Хаим! - Они чокнулись, выпили и шеф полиции удалился для

По результатам проверки оказалось, что практически все галаты с радостью ожидают приход римлян в Малую Азию. На многих ключевых должностях в командовании понтийского войска были галаты предатели. Они даже замыслили убийство царя.

- Измена!? Ну что ж, ждите расплаты!

В тот же вечер когда царь получил исчерпывающий отчёт о предательстве галатов, он велел написать главам всех галатских семейств приглашение на маскарад во дворец. Царь, который с нетерпением ждал гостей, заказал на “Амазон” полкило свежего мышьяка. В предвкушении веселья ничего не подозревавшие гости собрались во дворце. Вечеринка оказалась короткой, после первого бокала «Шато де Люжи» все гости в страшных муках заснули навсегда. Пощады не было никому, а бежать удалось лишь немногим, но именно они и возглавят в дальнейшем борьбу против *Митридата*. Тех же, кто замыслил убить *Митридата*, царь приказал показательно казнить мечом, выбросить их тела голыми на свалку и запретил хоронить, оставив гнить на окраинах города.

Резня галатов на бале - маскараде.

Интересно, как отмечали римские историки (с удивлением, учитывая, что у них были учителя-греки), *Митридата* привлекали только женщины, но никогда - мальчики или мужчины, и тем не менее, у него была какая-то непонятная привязанность к одному из приговорённых на казнь, красивому галатскому юноше по имени *Беполитан*. Он во многом напоминал ему его погибшего сына *Аркафия*. Он вспоминал дружеские беседы с *Беполитаном* и не мог согласиться, что такой невинный юноша заслужил смерти за заговор старших! По словам *Плутарха* *Митридат* был очень опечален и в срочном порядке отдал приказ спасти жизнь юноши. Когда зачинщик заговора *Поредориг* и его соратники уже были казнены и брошены на съедение воронью, тот, кто вершил казнь, захотел заполучить красивое одеяние *Беполитана* себе. Возникла заминка из-за того, что палач не хотел запачкать приглянувшуюся ему одежду кровью, воин «*неспешино снимал ее, и вдруг увидел, что к нему бегут посланники Митридата, выкрикивая имя юноши*». Таким образом *Беполитан* остался жив.

На следующий день полицаи *Митридата* увидели, что над голым телом *Поредорига* плачет молодая женщина. Её схватили и привели к царю, за то, что она, вопреки закону, пыталась прикрыть тело *Поредорига* грязью.

- Почему ты посмела ослушаться моего приказа?

- Этой мой возлюбленный. Я его очень любила, - ответила плачущая девушка.

Узнав, это, царь смягчился. Он разрешил ей похоронить должным образом того, кто готов был стать его убийцей. Так *Митридат* обыграл известную трагедию *Софокла* «*Антигона*», в которой тиран казнил молодую девушку за то же преступление. Но он изменил известную историю придав ей счастливый конец и, тем самым, упрочил свою репутацию милостивого правителя.

Только *Митридат* разобрался с галатами, как к нему со срочным докладом опять прибыл начальника службы внешней разведки.

- Повелитель, мои агенты независимо друг от друга прислали мне тревожные донесения с Хиоса.

- Чего там ещё стряслось? – недовольно буркнул царь.

- Похоже на заговор.

- Вот же подлый народец - то. Я к ним со всей душой, а они... Эх ... мать, - царь махнул от досады рукой.

- Эти гады мне ещё за бой у Родоса не сполна ответили. Помнишь, как они мой корабль своей триремой протаранили? Каялись, что типа случайно, по недосмотру. Но я тогда уже чуял неладное. Я всегда всё чую. Данные - то из надёжных источников?

- Вполне. Но чтобы раньше времен не поднимать кипиш, я хочу забросить туда ещё две разведгруппы. Они должны будут собрать информацию о контактах хиосцев с Римом, настроениях царящих на острове, а также о состоянии финансов: количество золота, серебра и свободно конвертируемой валюты.

- Что ж, задание не из лёгких. Кого собираешься послать?

- Как я уже говорил, сформированы две группы. В первой два человека, во второй три. Это опытные агенты, за плечами которых не одна спецоперация. На всякий случай, я их привёл с собой, если вы вдруг захотите на них посмотреть или поддержать перед заброской.

- Ну давай, зови!

Главный разведчик вышел за дверь, но вскоре вернулся в сопровождении пяти человек. Царь увидев перед собой цвет разведуправления слегка офигел и даже присвистнул.

- Это и есть суперагенты?

- Не обращайтесь внимание на внешность, это специфический камуфляж, подобранный под их легенды. Представьтесь царю по очереди, - отдал приказ начальник внешней разведки.

- Агент «*Соси Лорен*», - представилась первая девушка, делая шаг вперёд. Работаю по легенде портовая шалашовка. Девушка была одета в эффектную полупрозрачную тунику, которая акцентировала внимание на ее пышных прелестях. Царь посмотрел на неё оценивающе и сказал:

- После задания ко мне лично на доклад, после чего обратил взгляд на второго человека в строю.

Юродивый

- Агент «*Юродивый*». Оскорбляя и высмеивая царя, провоцирую собеседников на откровенность. - Заранее прошу прощение за измывательства и критику ваш адрес, - сказал склонив голову худющий молодой человек в грязных обмотках.

- Чего уж там, веселись. Для дела ведь, не для забавы. Не так ли?

- Так точно!

Следующей в строю стояла дородная баба, одетая в тесную короткую блузку голубого цвета, которая оголяла её пупок и леопардовые лосины плотно обтягивающие её необъятные бёдра. На груди у неё висел большой

кошелёк.

- А ты кто така, чудо гороховое?

- Агент «*Манька - две драхмы*», работаю под прикрытием обменщицы валюты.

- И что может обменщица валюты путного узнать?

- Великий государь, у *Маньки* докторская степень по математике. Она с лёгкостью вычисляет финансовое

Соси Лорен

Манька - две драхмы.

состояние местного рынка и источники происхождения средств по динамике курса основных валют, - просветил *Митридата* главный разведчик.

- Ну - ну. А это кто такой? – царь указал пальцем на молодого щёголя.

- Агент «006», - симпатичный парень сделал шаг вперёд и едва кивнул головой. Он был одет в приталенный пиджак и немного облегающие брюки. Строгость костюма достигалась с помощью плотной, почти военной бортовки, выраженных плеч и подчеркнутой талии. В итоге получился подтянутый и агрессивный силуэт. Его чёрный костюм сочетался с ботинками Crockett&Jones, рубашкой с воротником под булавку, черными перчатками Mulberry из оленьей кожи и черной двубортной шинелью La Renie Blanche, изготовленной из мериносовой шерсти.

- Ну а ты, франт, как собираешься добыть мне ценные сведения?

- Через соблазн и постель, - четко ответил агент.

- И что, ты всегда всех соблазняешь?

- Не было ни одного промаха ни с одной из 375 клиенток. Ах нет простите, среди 380, просто ещё один случай вспомнил.

- Ну и ну! После задания тоже ко мне, расскажешь про свои методы.

Последней в строю стояла толстая бабка в синей телогрейке, опоясанной засаленным коричневым фартуком и в широких байковых серых штанах. На голове был одет шерстяной платок.

– Агент «*Беляш*», - доложила она. Торгую на базаре беляшами, горячими пирожками и другой немудреной едой.

Беляш

- Ну тут всё ясно. На базаре все базарят. Желаю вам успеха, удачи и боевого настроения! Помните, от того что вы мне расскажите зависит жизнь многих тысяч людей. Ну, *Зевс* вам в помощь!

– Можете отправлять группы, - *Митридат* отдал распоряжение начальнику внешней разведки и поспешил на женскую половину дворца.

Буквально через несколько недель с Хиоса стали поступать донесения от разведчиков. Что остров мол переполнен агентами влияния запада, что настроение предреволюционное, что все хотят кинуть *Митридата* на хорошие деньги, что решили

006

перестать выплачивать ему налоги, что многие молодые люди нанимаются в римскую армию *Суллы*. Прочитав всё это царь сильно опечалился и собрал совещание.

- Не я ли их с ложечки поил и кормил, не я ли с них римскую дань снял, - причитал он раздосадовано.

- А налоговые льготы? - Какой тиран давал такие льготы своим олигархам спрашиваю я вас наконец? - обратился «Солнцеликий» к представителям крупного бизнеса.

- Ну ладно, ладно, - пригрозил он пальцем. Послать немедленно на Хиос ревизионную комиссию! Пусть перетрясут весь этот гадюшник. Сразу по прибытию с выводами ко мне.

Доклад комиссии подтвердил ранее полученную информацию и тогда царь вызвал к себе двоих своих полководцев.

- Видимо там, на Хиосе, одной полицейской операцией не обойтись. Там нужна полноценная войсковая, - обратился *Митридат* к *Дорилаю* и *Зенобию*. Поедите туда, возьмёте под контроль город и зачитаете жителям моё послание им. - В канцелярии возьмите пакет с инструкциями с вашими действиями на острове, - сказав это царь махнул рукой, давая понять, что разговор окончен.

Полководцы склонили головы, чётко развернулись и строевым шагом направились к выходу.

Прибыв на остров стратег *Зенобий* ввёл в город войска, сразу занял все ключевые пункты и разоружил народ. Затем он отдал приказ всем явиться на общее собрание, на котором он зачитает послание *Митридата*. Когда всех людей согнали на агору, он поднявшись на трибуну развернул пергамент и стал читать:

- Я великий царь Азии, покоритель Вифинии, Пафлагонии, Кападокии, Лидии, Колхиды и т. д. и т. п., обвиняю вас, жителей Хиоса, в пособничестве врагам. Несмотря на все ваши козни, например такие как таран моего корабля вашей паршивой триремой, ваш отказ конфисковать собственность римлян и возможность, которую вы дали римлянам сбежать к *Сулле*, я, являясь истинным отцом нации, всё вам прощал. Я надеялся вы одумаетесь и ваш славный остров вернётся в лоно родины-матери, то бишь в мою империю. Но вы упорно продолжали мне гадить. Вы скрывали от меня доходы, не платили в казну установленную квоту. За все ваши прегрешения, за ваше пособничество *Сулле* и заговор против меня, все вы должны быть приговорены к смерти! Но, как вы все знаете, я милосерднейший из милосердных, поэтому удовлетворюсь тем, что вы все сдадите ваше оружие и отправите ко мне в качестве заложников детей аристократов Хиоса.

Большого выбора не было, жители согласились и приказ царя был выполнен. Они сдали всё свое оружие и выдали детей из аристократических семей *Зенобию* и *Дорилаю*, которые отослали их в Пергам.

Также царь наложил штраф на остров в размере 2000 талантов (52 тонны серебра). Эта сумма и сейчас кажется невероятной, а по тем временам вообще запредельной. На неё можно было содержать целую армию наёмников в 32000 человек, целый год. Но дотошные митридатовские фининспектора дотошно посчитали всё имущество граждан, включая общественное и решили что выплатить такую сумму им будет хоть и на грани, но всё же по силам.

С плачем и стенаниями хиосцы сняли убранство с храмов. Они отдали все свои сбережения, включая фамильные женские украшения. Однако, следуя секретным инструкциям *Митридата*, *Зенобий* опять собрал всех жителей, но на этот раз в театре. Он отделил рабов, провозгласив их свободными, а остальному народу приказал направляться в порт. Воины окружили театр и выстроились в две шеренги образуя живой коридор до моря, по которому жители пошли в порт, так что никто не мог куда-нибудь скрыться. В

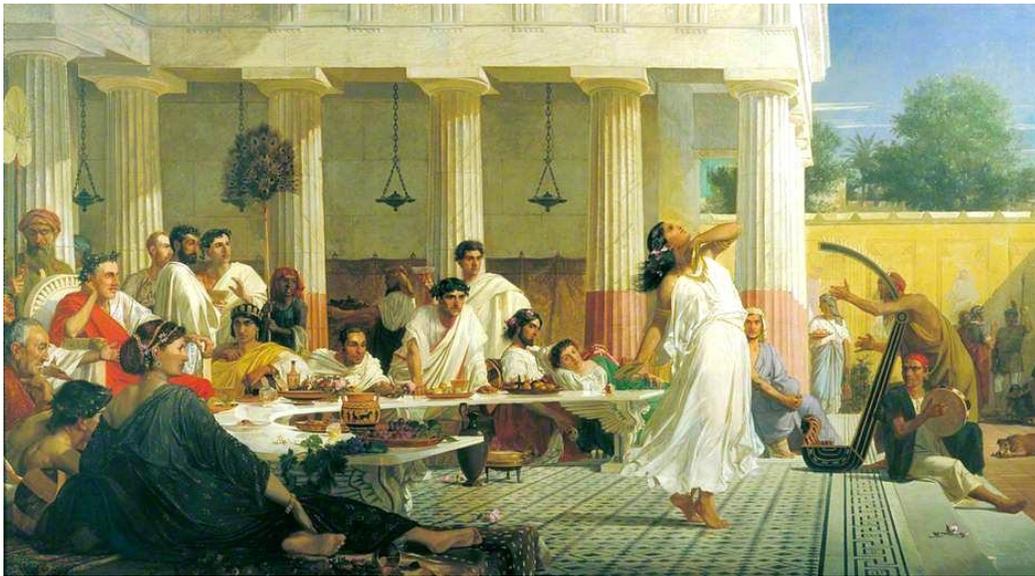
Переселение хиосцев.

порту их опять рассортировали на мужчин и женщин, погрузили на корабли и отправили в море. Через пару недель они прошли босфорский пролив и вошли в Чёрное море. В море им сообщили, что они плывут в Колхиду, где до скончания своей жизни должны будут работать, в качестве рабов, в шахтах принадлежащих *Митридату*. Стоны и рёв раздался на кораблях. Люди стали неистово молиться богам. И чтобы вы думали? Боги таки услышали их. И послали им на помощь спасителей из Гераклии Понтийской, союзников Хиоса. Этот город-полис был основана дорийцами из Мегар, который сохранил свою независимость и от Рима и от *Митридата*. Они атаковали караван кораблей с хиосцами и освободили пленников, многие из которых впоследствии вернулись на родину.

Кроме сумасшедших денег, на Хиосе *Митридат* захватил еще один трофей. Этим трофеем была очаровательная молодая девушка по имени *Береника*. Она, вероятно, была выбрана из детей аристократов, посланных в Пергам. Как и галатская принцесса

Адобогиона, *Береника* была спасена от печальной участи своих соотечественников благодаря любвеобильности и сладострастию царя.

Трофей в виде *Береники* был очень кстати, так как *Митридат* был всё больше и больше недоволен царицей *Монимой*. Как пишет *Плутарх*, ее брак не был для неё счастливым - она жаловалась, что «получила хозяина вместо мужа». Царь в последнее время охладил к ней. Говорят, что он считал, что своенравная жена-гречанка стала причиной его неудачи во время Греческой кампании. Возможно он сам распускал эти слухи, так как хотел от неё избавиться. В конце концов, царь отослал её в Понт в сопровождении царских евнухов, где она в роскоши прожила остаток жизни (забегая вперед, скажу - совсем недолго). Повелитель же теперь наслаждался своими недавно заполученными цыпочками. Он смаковал звуки имени *Береники*. Она должна была стать его новым талисманом, так как её имя означало «Приносящая победу».

Береника с Хиоса - новый сладкий трофей Митридата.

И опять, как только *Митридат* разобрался с Хиосом, начали поступать тревожные новости, но уже из Эфеса. Царь, недолго думая, послал туда уже хорошо зарекомендовавшего себя в борьбе с повстанцами *Зенобия*. Однако, жители Эфеса прознали как он обошёлся с народом на Хиосе и разрешили ему войти в город без оружия и только с небольшим отрядом сопровождения. Первым делом стратег решил переговорить с мэром города *Филопоменом*, отцом царицы *Монимы*.

- Здоровеньки були. Как жизнь в Эфесе? – начал разговор *Зенобий*.

- Да корячимся помаленьку. А у царя как дела? Люди говорят, что он, почем зря, много бойцов своих в Греции положил.

- Не твоего ума дело. Я тебя за твой город спрашиваю. До царя слухи дошли, что вы с римлянами разные разговоры разговариваете. Врут али нет?

- Да врут всё! Так ему и передай. Мол, наговаривают всё на нас. Ты мне лучше скажи как там доча моя?

- Живёт, хлеб жуёт.

- А она мне писала, что забижает её узурпатор. Буд-то давно к ней будуар не входил. Так ли это?

- Не знаю я. Я воинский стратег и свечку ему в опочивальне не держу. А дочку твою он в Понт отослал.

- Да как так? Ягодку мою, да в Понт на поселение. Вот же Ирод царя небесного!

- Ты что, хрыч старый, белены объелся? Ты как, поганец ты этакий, царя называешь. Вот я тебе сейчас покажу как на царя собачится, - *Зенобий* замахнулся на *Филопемена*, но его руку перехватил телохранитель мэра.

- Цыц мне тут! Это тебе не Хиос. Крути его ребята и в темницу, - отдал приказ *Филопемен*, своим набежавшим воинам.

- Изме..., - начал было кричать царский посланник, но его оглушили, заткнули рот кляпом и поволокли в темницу, где позже стратега бесславно придушили.

Затем *Филопемен* объявил в городе режим ЧП (чрезвычайное положение). По приказу мэра жители свезли в город со всей округи запасы продовольствия и скота, запаслись питьевой водой, и, поголовно вооружившись, вышли на боевое дежурство в ожидании атаки митридатовских войск.

Пример Эфеса оказался заразительным и по всей Малой Азии вспыхнули восстания против Понтийского царя. Траллы, Гипепы, Месополь, Смирна, Колофон, Сарды и другие города, прежде бывшие союзниками *Митридата*, объявили о своей независимости. Когда *Митридату* доложили, что в основном воду мутят аристократы и комерсы, которые после поражения потеряли огромный рынок сбыта товаров и сырья, он сделал очередной «ход конём». Была провозглашена свобода греческим городам в Малой Азии и объявлено о прощении их долгов. Он сделал метеков (в Древней Греции метеки – это чужеземцы, переселившиеся в тот или иной полис, а также рабы, отпущенные на волю) полноправными гражданами, а рабов объявил свободными, и заявил, что именно царь Понта является гарантом их прав и свобод. После этих громких заявлений он послал свои войска на подавление восстаний, которое, по словам *Аппиана*, проходило довольно жестоко: «*Митридат послал войско против отпавших городов, и с теми, кого он захватил, он поступил со страшной жестокостью*».

После карательных акций заговорщики ушли в подполье, где продолжали вынашивать планы как бы лишить жизни царя Понта.

У царя был давний кореш *Асклепиодот Лесбосский*, который когда-то даже принимал его у себя в качестве гостя. Как и остальные друзья *Митридата*, он занимал хорошую должность и в деньгах не нуждался. Жить бы ему поживать и служить верой и правдой своему благодетелю, так нет же - связался с дурной компанией. Компания эта была не абы какой, а состояла их митридатовских близких родственников: *Клисфена Лесбосского*, *Миннио*, и *Филотима Смирнского*. И вот эти деятели, то ли от скуки, то ли просто по глупости и жадности человеческой, то ли ещё почему объединились в заговоре против царя. *Асклепиодот* очень мучился тем, что якшается с такими мерзавцами и в один день таки не выдержал. Попросился к царю на тайную аудиенцию.

- Здорово, брателла! Сколько лет, сколько зим! – *Митридат* обнял друга и отошел немного назад, рассматривая его прикид. Тот был одет в длинный до пят чёрный балахон с капюшоном. – Ты чего шифруешься? Проблемы какие?

- Да по ходу - проблемы как раз у тебя, - ответил *Асклепиодот* снимая капюшон.

- Ну садись, рассказывай.

- *Евнатор*, ты же знаешь как я тебя уважаю.

- Да ты не менжуйся! Говори по порядку.

- Товарищи твои и родственники заказать тебя хотят.

- Какие товарищи? Какие родственники? Да что я из тебя клещами вытягивать каждое слово должен?

- Не надо клещами. Я же сам пришёл, - перепугался *Асклепиодот*.

- Ладно, не дрейфь! Это я образно.

- Ага, знаю я твои образы!

Царь встал, прошёлся вокруг друга и потрепал его волосы. Потом отдернул руку и усталился на свою ладонь.

- Говори, *Асклепиодот*, всё по порядку, - произнёс он стальным голосом, от которого у собеседника вообще дар речи пропал.

Тот начал что-то нечленораздельно мычать и сипеть, при этом, ещё и размахивать руками. Царь посмотрел на него и вытащил из сапога складной стаканчик из, а из

внутреннего кармана своего кителя плоскую серебряную фляжку. Налил полный стаканчик и протянул *Асклепиодоту*. Тот отрицательно замотал головой.

- Да не бойся ты. Не отравлю. Ты же мне ещё ничего не рассказал. На возьми, промочи глотку.

Асклепидот согласился с логикой царя, взял стаканчик и в несколько больших глотков выпил содержимое. Вискарь был явно не палённый и враз снял с него приступ надвигающейся истерики. Он хмыкнул и начал говорить:

- Помнишь *Филотима Смирнского*?

- Ну как же, конечно помню! Он меня как-то от стрелы прикрыл. Так я его на какой-то своей племяннице женил в благодарность.

- Так вот, он с твоей женой *Монимой* был знаком еще до вашей с ней встречи.

Царь нахмурил брови в ожидании услышать какую-нибудь гадость про свою благоверную.

- Не, не, ты не подумай. Ничего такого. Они просто были знакомы. Он до неё ни разу даже не дотрагивался, хотя и сох по ней как фраер с лимана. Думал сватов заслать, да никак не решался. Голозадым был, с хлеба на воду перебивался, а она..., ну ты и сам знаешь - в Милете знатней рода не было.

Асклепидот бросил взгляд на стаканчик, потом взял его в руки и протянул царю.

- Плесни ещё малёха.

Царь открутил пробку и налил ему вискаря до краёв. *Асклепидот* выпил, занюхал рукавом и продолжил:

- Так вот, этот мерзавец, - его явно начало развозить от выпитого, - собрался со своим корефанами: *Миннио* из Смирны и *Клисфеном* Лесбейским. То есть. Бррр..., он мотанул головой. Лес... Лес...Лесбиянским. Не... Ну как это? Лесбосским. О точно, как и меня, Лесбосским. А о чём это я? А... О... Не... Налей мне ещё, пожалуйста.

- Расскажи сначала! - опять стальным голосом настоятельно потребовал *Митридат*.

- Ну ладно. Хорошо. Слухай суда. Так вот, это отродье, эти выродки, эти дети шакала, эти...

- Говори уже дело! - заорал царь.

- Хорошо, хорошо, не неврррррничай так. Ик... ик. Так вот, это..., значит. Эээ... Ну ты же знаешь, как я тебя люблю. Я так тебя люблю, ну просто так сильно...

Царь понял, что навряд ли добьётся сейчас от него чего-то вразумительного, размахнулся и врезал ему затрещину, от которой тот слетел со стула и сразу же заснул. *Митридат* хлопнул в ладоши и тут же показался его адъютант.

- Принеси ему подушку и одеяло. Сторожить. По утру умыть, накормить и ждать меня. Я приду дослушаю. Сейчас же, за теми кого он называл, пустить хвост. Не спускать глаз! Если попробуют покинуть город, задержать и отправить в кутузку.

Утром *Асклепидот* всё рассказал царю. Он поведал: римляне, мол, посулили *Миннио* большой пост в своей провинции, после того как они освободят Малую Азию от *Митридата*, а *Клисфену* - существенные преференции в торговле. У *Филотима* свои личные обидки на царя из-за *Монимы*. Он же в их группу попал по недоразумению и всё время порывался уйти. А недавно они все друг с другом сильно разругались из-за того, что не могли поделить деньги, которые им римляне на борьбу с *Митридатом* подкинули.

- Как я могу тебе верить? Они все уважаемые мною люди. А вдруг, вы поругались из-за чего-то там другого, а ты решил таким образом сотоварищем отомстить, - проявил сомнение царь.

- Всеми олимпийскими обитателями клянусь, я правду сказал. Да ты и проверить можешь. Сегодня у нас сходка будет на моей хате. Будем одного лоха в организацию вербовать.

- Да уж, гады вы знатные. Взять и предать того, кто вас из грязи в князи вытащил. Ладно, судьба моя такова, что только родные и близкие предают. Привык я уже к этому. Это карма моя.

Царь решил сам проверить слова *Асклепидота*. Он незаметно пробрался на хату, где его друг, в тайне от своей жены предавался любовным утехам с разными блудницами. Сегодня это логово разврата и супружеского предательства должно будет стать и логовом предательства царя. Они вошли в дом, где была только одна комната, а из мебели только раскладушка.

- Не богатая обстановка у тебя тут, - царь обвёл взглядом клоповник.

- Так мне мебель всякие здесь не надобны. Раскладушки хватает.

- Где ж мне сховаться то? Под раскладушкой что ли? Она вон какая продавленная у тебя. Если кто сядет так об меня и упрётся.

- А я скажу, что она поломана и садиться на неё нельзя.

Делать нечего, царь залез под раскладушку и они стали ждать гостей. Через короткое время раздался условный стук в дверь: два коротких, один длинный и два зелёных. *Асклепидот* открыл дверь и впустил заговорщиков. Так как никакой мебели кроме раскладушки в комнате не было, то гости сразу к ней и направились.

- Стойте!!! – истошно заорал *Асклепидот*, умоляю вас! Только не садитесь на раскладушку. Она поломана.

- Ладно, чо орать, - то так. - Давая я её выкину, - сказал *Филотим* и ухватился за любовное ложе.

- Нет!!! Не трогать! И вообще не приближайтесь к ней.

- Да что с тобой не так? – гости явно не понимали поведения своего сотоварища.

- Она дорога мне как память о прекрасно проведённом здесь времени.

Друзья понимающе заулыбались и отстали от него с вопросами и комментариями.

- Товарищи, - обратился к присутствующим *Миннио*, который всё больше и больше проявлял задатки лидера и претендовал на главенствующую роль в их тайном обществе. Сегодня нам, возможно, предстоит принять нового члена.

- Ты не мог бы выражаться как-то по-другому, - запротестовал *Филотим*. Называй его хотя бы нашим будущим товарищем или на худой конец, соратником.

- На чей худой конец? – уточнил непонятливый *Клисфен* и все заржали как молодые жеребцы.

Тут опять раздался условный стук и в открывшуюся дверь вошёл молодой парень.

- Ну давай, давай проходи! Как зовут тебя?

- *Пеос Пергамский*.

- Как, как?!

- *Пеос*.

Тут раздался дружный гогот. Дело в том, что персидское имя *Пеос* на греческом означает именно то, над чем и смеялись заговорщики.

- Всё успокойтесь! - Мы не ради смеха здесь собрались, - призвал всех к порядку *Миннио*.

- Молодой человек тебе известно для чего тебя сюда пригласили? - задал вопрос *Клисфен*.

- Ну, мне сказали что по поводу нашего великого правителя – «Солнцеликого» *Митридата*.

- Великого? Солнцеликого? Да брось ты! От этих эпитетов у всех нас и так в ушах звенит.

- Я не понимаю, - проямлил *Пеос*.

- Да ладно. Всё ты прекрасно понимаешь. *Митридат* не способен принимать правильные решения, он погряз в роскоши, пороках и коррупции. И нам всем не следует смешивать интересы Малой Азии с личными интересами *Митридата Евпатора*.

- Вы отдаёте себе отчёт с своих действиях? – поднял *Пеос* свои испуганные глаза на *Клисфена*.

- Да, да, да, мы все здесь присутствующие отдаём себе отчёт, - перехватил разговор *Миннио*. Тут все свои и нас никто не подслушивает, а тебе никто не поверит, передай ты эти слова. Мы все друзья царя. Да ты и не решишься их никому передать. Ты лучше себе отдай отчёт.

Молодой человек конечно подозревал куда и зачем его пригласили, но оказавшись перед свершившимся фактом явно перетрусил.

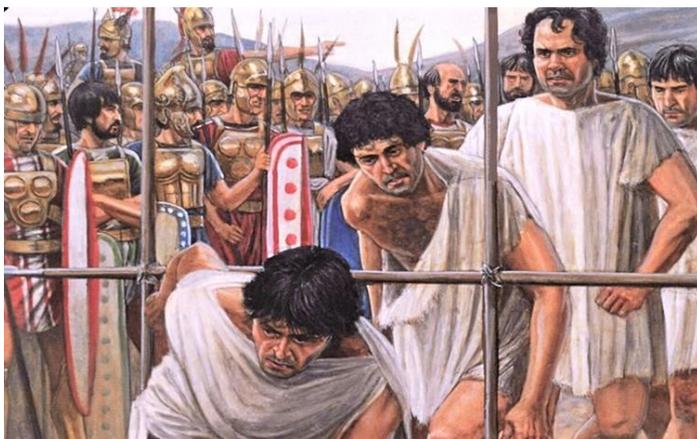
- *Митридат* ведёт Малую Азию к катастрофе и мы не видим другого выхода как свергнуть его и заключить мир с Римом, - продолжил *Миннио*.

Вдруг раздалось смачное «Ааааа...пчххии».

- Будь здоров, - начали желать присутствующие друг другу, однако скоро до них дошло, что из них никто не чихал.

Митридат лежа под раскладушкой силился как мог сдержаться. Но то ли от возмущения, то ли не в силах больше дышать пылью, которая за долгое время толстыми катышками скопилась под «ложем любви», царь не выдержал и чихнул. Он понял, что этим физиологическим действием себя выдал, и тогда он решил воспользоваться фактором внезапности. Опрокинув раскладушку царь в бешенстве вскочил на ноги и что было мочи заорал «Измена!!!».

Заговорщики в один голос заорали в ответ «Нечистая!!!», и в это время в комнату ворвались бойцы митридатовского спецназа и скрутили заговорщиков.

Арест заговорщиков.

После случившегося тайная полиция вышла на всю подпольную сеть Пергама. Было арестовано 80 человек причастных к тайной организации «Римские Прихвостни». Контрразведка царя выявила подобные организации по всей Анатолии. Было схвачено и казнено около 1600 человек, которые были на прикорме у Рима. Поговаривали, что на многих приговорённых испытывали новые виды ядов, изобретённые в лабораториях царя.

Таким образом: борьба с Римом происходила не только в Греции на поле брани, но и на территории подвластной царю. Римские агенты шныряли по всей Малой Азии, повсюду активно сея смуту и стараясь вредить царю всеми правдами и неправдами.

(X) Дарданский мир. Но, как водится, «беда не приходит одна», пока *Митридат* занимался подавлением выступлений сторонников Рима у себя в Малой Азии, опасности подкралась к нему с других сторон.

Помните помощника *Суллы Лукулла*, который отправился собирать флот, когда его босс осаждал Афины? Так вот, как это не удивительно, он не только пробился сквозь патрулирующие Средиземноморье митридатовские корабли, но также добыл в Египте кучу денег, на которые нанял корабли с полным составом матросов и командиров из Сирии, Финикии, Памфилии, с Кипра и Родоса. Более того, ему удалось склонить к измене *Митридату* остров Кос и город Книд, а затем высадить десант на острова Хиос и Самос и очистить их от понтийцев.

На Балканах две соперничающие римские армии стремительно продвигались по Греции, беря под контроль всё больше и больше территории. Одной армией командовал Сулла, который был по решению Рима объявлен вне закона, другой - направленный сенатом на замену *Сулле Флакк*. По характеру *Флакк* был такой же корыстолюбивый как и *Сулла*, но в отличии от него полный профан в военном деле, да к тому же ещё и жесток в наказаниях. По этой причине немалая часть его легионеров переметнулась к *Сулле*. Чтобы как-то помочь *Флакку* управлять войском и вести боевые действия к нему в помощь Рим направил советником *Флавия Фимбрию*. В военном деле он был спец, а вот как человек полный отморозок с сумасшедшими амбициями. Однажды, когда начальник *Фимбрия Флакк* уехал на пару дней по делам в город Халкидон, тот устроил в римском лагере мятеж и узурпировал власть. В довершение он нагнал в столице Вифинии Никомедии бежавшего от своего бешеного помощника *Флакка*. Отыскал его укрывшегося в колодце, отрубил ему голову и швырнул ее в море. В Риме все просто офигели от такой выходки своего посланника и объявили его тоже вне закона. Теперь *Митридату* приходилось иметь дело с двумя «бродячими» римскими армиями.

Несмотря на большие потери в Греции, у *Митридата* всё ещё оставались значительные силы. Однако он решил перейти к плану «Б» и подключил дипломатию. Он отдал *Архелаю* распоряжение, чтобы он заключил мир с *Суллой* на как можно более выгодных для *Митридата* условиях.

Для предварительных переговоров был выбран небольшой городок Делион в Беотии (60 км. От Афин). *Архелай* прибыл туда с небольшим отрядом сопровождения. Отдохнув в специально отведённой для него палатке и приведя себя в порядок он направился на первый раунд переговоров.

- *Митридат* неплохо осведомлён о текущих событиях в Риме. Он хорошо понимает как тебе осточертела эта война Греции. Ты бьёшься здесь за славу Рима, который считает тебя вне закона. Тебе надо поскорее вернуться в Рим, прикончить там всех своих врагов и стать полновластным диктатором.

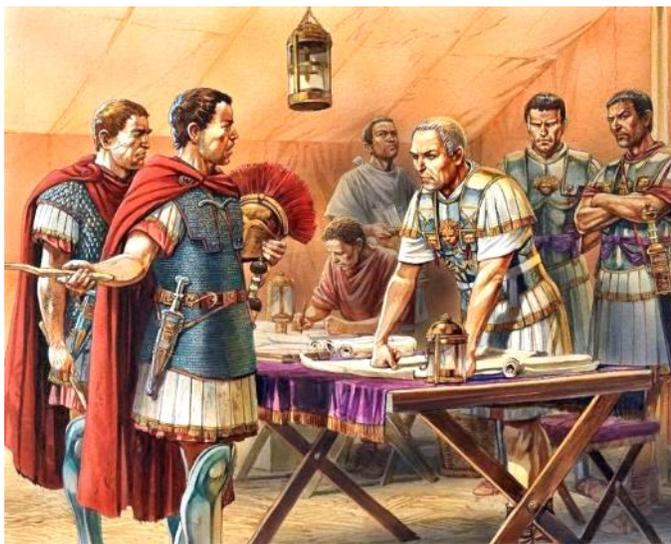
Сулла молча выслушал вступительное слово *Архелая*, стараясь не смотреть ему в глаза. Всё что сказал понтийский полководец было сущей правдой, но римлянин пока не понял к чему его визави клонит. Он жестом показал, чтобы тот продолжал.

- *Митридат* считает, - продолжил *Архелай* - что возвращение Греции под Рим и переход Азии к *Митридату* должны удовлетворить твои амбиции в этой войне.

Сказав это *Архелай* сделал паузу.

Он никак не мог понять, как *Сулла* относится к этому предложению. На лице у своего партнёра по переговорам он не заметил никаких эмоций. *Сулла* смотрел куда-то в даль и всячески пытался делать вид, что ему всё что сказал *Архелай* просто до фени. Тогда понтиец сделал дерзкое предложение:

- Если ты пообещаешь вернуться в Рим прямо сейчас, тогда мой царь обеспечит тебя очень щедрыми средствами для ведения там тобою

Переговоры.

войны. Кроме того, ты получишь множество кораблей и столько войска, сколько тебе надо, чтобы перебить в Риме всех своих врагов и захватить власть.

По мере того как *Архелай* говорил, у *Суллы* глаза лезли все выше и выше на лоб. По конец он даже провёл ладонью по лицу, чтобы они не выкатились вообще. *Архелай* рассудил этот жест *Суллы* как знак радости и счастья и подумал что всё уже на мази. Однако, встречное предложение *Суллы* сильно ошарашило его.

- Почему бы тебе не бросить *Митридата* и не привести ко мне всех его наемников? Тогда мы вместе легко разгромим *Митридата*, и я сделаю тебя царем Понта!

Архелай наклонил голову в знак прощания, повернулся и пошёл в свою палатку. Первый раунд закончился. Оба полководца негодовали от непристойных предложений предательства, которые они друг другу сделали. На следующий день переговоры начались с того, что *Сулла* начал кидать предьявы понтийскому царю.

- *Митридат* по беспределу захватил очень много земли, и отмечу: множество этих земель принадлежит самому Риму - *Сулла* поднял вверх палец на который уставились оба полководца.

- Он прибрал к рукам все наши самые прибыльные точки, обязав коммерсов платить дань ему. Он освободил рабов за которых римские барыги заплатили немалые деньги. А сколько он душ загубил? Тысячи римлян поставил на перо! Это как? А?!

Архелай опустил глаза, это была правда и скрыть ему было нечем.

- А теперь, когда я покромсал на ремни его 160 тысяч бойцов, он запросил мира и хочет со мной скорешиться? - Дудки ему! - и *Сулла* протянул *Архелаю* под нос фигу.

Архелай сглотнул обидные, но правдивые слова и холодно заметил:

- К тебе лично у него претензий нет. Причиной этой войны стала неумная жадность других римских полководцев. Мой царь рассмотрит твои требования к перемирию. Но должен тебя предупредить, он будет рассматривать только честные условия.

Сулла хотел было сказать что-то грубое, но потом передумал. Он понимал, что *Архелай* честный воин и только исполняет волю своего царя. *Митридата* же он оскорбит своими требованиями, которые предъявит завтра. Ему нужно было время хорошо подготовиться, поэтому на сегодня они распрощались.

Всю ночь обуреваемый несусветной жадностью *Сулла* мучился составляя список требований. Он несколько раз черкал цифры, показывающие сколько денег он хочет в виде штрафа за войну, сколько кораблей потребовать у *Митридата*. К утру список был готов и он вручил его *Архелаю*. Посланник понтийского царя взял пергамент, быстро пробежался по записям взглядом и без каких-либо комментариев или уточнений сказал что всё Окей. Потом скомкал лист и сунул в карман. *Сулла* поразился такому безразличию и подумал, что он продешевил. А требовал он следующее:

1. Возвращение к территориальному Status Quo на 89 г. до н. э.; Греция принадлежит Риму. *Митридат* сохраняет свои владения на 89 г. до н. э., но уходит из Пафлагонии, Вифинии и Каппадокии, давая возможность *Никомеду* и *Ариобарзану* вернуться на трон.

2. *Сулла* пообещал объявить *Митридата* другом и союзником Рима за выплату им штрафа в размере 2000 талантов (50 тонн серебра).

3. *Митридат* должен предоставить *Сулле* семьдесят полностью оснащенных, бронированных бронзой военных кораблей.

4. *Митридат* должен освободить всех римских военнопленных, включая послов и офицеров, находящихся в плену.

5. Все римские дезертиры и римские беглые рабы, присоединившиеся к армии *Митридата*, должны быть выданы *Сулле*.

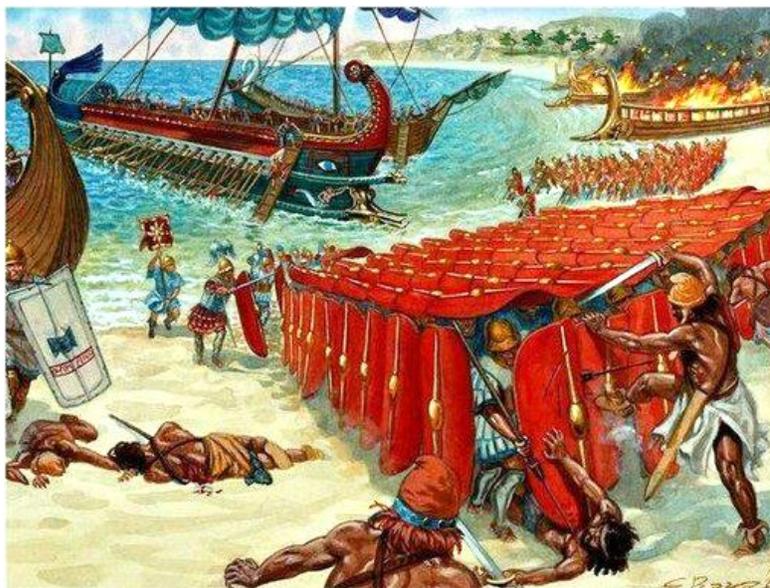
Архелай так быстро согласился с требованиями *Суллы* потому, что его главной задачей на сегодня было любой ценой заключить поскорее столь выгодное на тот момент для *Митридата* перемирие, а выполнение же этих требований, судя по всему, ни его ни его царя не волновало. Как настоящий пацан - "слово дал, слово забрал!"

К этому договору также прилагался секретный протокол не для общественности. Согласно ему *Сулла* давал *Архелаю* имение на острове Эвбея в 10 тысяч кв. км., а *Архелай*

выводил из Эвбеи свои войска и соглашался сопровождать Суллу в город Дардан, где официально должно быть заключено перемирие с *Митридатом*.

Как свидетельствует *Аппиан*, «*Архелай* тотчас же стал выводить гарнизоны отовсюду, а относительно остальных условий запросил царя». То есть, без согласования с *Митридатом* стратег занялся самодеятельностью и под личную ответственность стал сдавать римскому командующему города и крепости. Это было грубейшей ошибкой *Архелая*, потому что это лишало царя важнейшего козыря на переговорах, так как присутствие понтийских войск в Греции должно было сильно затруднить жизнь проконсула и делать его сговорчивей в будущем. Этот поступок *Архелая* сильно компрометировал его в глазах *Митридата*. Царь вполне резонно считал, что *Архелай* слишком много на себя взял и сунул свой нос туда, куда не имел права. Ибо внешняя политика - это исключительная прерогатива царя. Кроме того, царь также узнал о знаках уважения, которые *Архелая* демонстративно оказывал *Суллу*. О том, что он заботился о нем как о своём собственном офицере, когда тот приболел в пути и о секретной части их соглашения. Судя по всему, это стало последней каплей, которая переполнила чашу терпения *Митридата*. Он перестал доверять ему и постепенно отдалил от себя. Как сложилась дальнейшая судьба опального полководца доподлинно не известно. Одни говорили, что он предал своего царя и переметнулся к римлянам, которые обласкали его. Другие - что всё это байки и он продолжал воевать за *Митридата*.

Вернёмся теперь ко второму римскому «вне законнику» - *Фимбрию*. Тот отчаянно нуждаясь в деньгах, чтобы расплатиться со своими войсками, решает переправить их в Малую Азию и напасть на Пергам, где находился в то время *Митридат*. Поначалу понтийским войскам удалось достойно встретить *Фимбрию* и даже остановить его наступление. Но потом хитрый римский полководец с помощью нескольких коварных манёвров разбил понтийское войско,

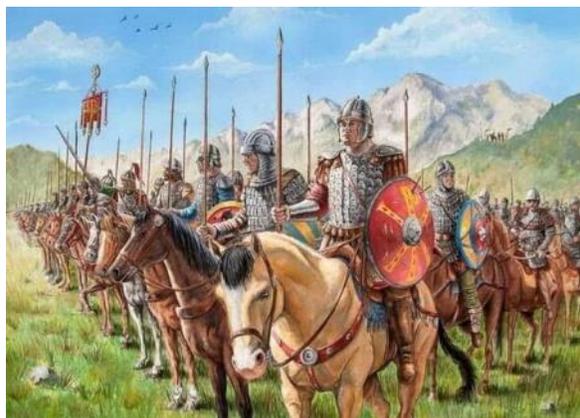
которым руководил сын *Митридата* *Митридат младший* и направился напрямик в Пергам, где его ждала богатая добыча. По дороге *Фимбрия* наткнулся на город Илион (древнюю Трои). Несмотря на то что люди напомнили *Фимбрию*, что, согласно мифу об

основании Рима, Троя была священным городом-прародиной для Рима, *Фимбрия* сжёг город дотла и истребил всех мужчин, женщин и детей. После Трои *Фимбрия* вплотную подошёл к Пергаму. Царь понял, что столицу ему не удержать и отступил в приморский город Питану. Римляне разграбив Пергам сразу двинулись дальше и заблокировали Питану земляным валом. Таким образом, с одной стороны они отрезали *Митридату* пути отхода по суши, но с другой, у них не было флота, чтобы предотвратить отступление царя морем.

Тут как раз до *Фимбрия* дошли сведения, что *Лукулл* собрал большой флот и уже вовсю воюет на море с флотом *Митридата*. Тогда он отправляет своего посланника к *Лукуллу* с предложением объединить усилия и совместно вдарить по *Митридату*: *Фимбрия* будет атаковать с суши, а *Лукулл* со стороны моря. Аппиан приводит его слова *Лукуллу*: «Если он, *Фимбрия*, будет теснить *Митридата* с суши, а *Лукулл* запрет его с моря, то честь победы будет принадлежать им двоим, а хваленые победы *Суллы* у *Орхомена* и под *Херонеей* римляне не будут ставить ни во что». *Лукулл*, прочитав это послание рассвирепел не на шутку. *Лукулл* был потомственный аристократ и терпеть не мог убийцу и выскочку *Фимбрия*, особенно после того как тот замарал свою честь убийством *Флакка*. Кроме того, *Сулла* был не только командиром, но и другом *Лукулла*, с которым *Архелай* пришёл к предварительному согласию на перемирие. Поэтому он послал *Фимбрия*, а *Митридату* позволил уйти на кораблях в Понт.

На равнине, расположенной недалеко от легендарной Трои, в городе Дардан осенью 85 г. до н. э. состоялась встреча *Суллы* и *Митридата*, на которой они должны были объявить о заключении мира. Это была их первая встреча лицом к лицу и поэтому к её подготовке они отнеслись с полной серьёзностью.

Сулла привёл с собой на стрелку с *Митридатом* тысячу пехотинцев и 200 всадников, а понтийский царь прибыл в сопровождении двухсот военных кораблей, 20 000 гоплитов, 6000 всадников и большого числа боевых колесниц. Тем самым, хитрый понтиец хотел

продемонстрировать римскому аристократу, что может он и побеждён, но отнюдь не разбит.

Место переговоров заранее украсили золотыми орлами римских легионов и понтийскими штандартами с полумесяцем и восьмиконечной звездой. На столе лежали стопки пергамента, глиняные таблички с палочками, ручки «Parker» с золотыми перьями и калькуляторы «Citizen», на случай если лидеры захотят подбить бабки, кто, кому, сколько и за что должен.

Сначала прибыл *Сулла*. Он осмотрел место переговоров, приказал чтоб подобрали вокруг все бычки от сигарет и фантики от конфет, поправил расположение предметов на столе и спёр одну ручку. Затем он принял надменный вид, сложил руки на груди, широко расставил ноги и принялся ждать *Митридата*. Царь же, по своему обыкновению, опаздывал. К этому его «бзику» уже все привыкли и выдвигали кучу разных версий, из которых более-менее правдоподобными, по мнению большинства античных журналистов, являлись две. Первая - это то, что царь опаздывает целенаправленно, а его опоздания являются способом психологической манипуляции. Заставляя равных себе ждать, *Митридат* пытался показаться более значимым, лицом более высокого ранга, т.е. обычная клиническая «мания величия». Вторая просто отражает его невоспитанность, отсутствие уважения к собеседникам и вечную расхлябанность в этом вопросе. Известно, что ещё в детстве, царь постоянно опаздывал на уроки дзюдо и даже на свидания со своими будущими женами. Для него было нормально прийти на свидание на полтора часа позже назначенного времени, а иногда даже пьяным, что доводило его невест до слёз.

И вот наконец, зазвучали трубы и кларнеты, загремели барабаны, запели флейты и появилась процессия *Митридата*. Не доходя до стола переговоров метров двадцать, царь остановился и поднял руку в приветствии. Всё сразу смолкло. Царь обернулся к свите, что-то им буркнул и уже в одиночестве приблизился к проконсулу *Сулле*.

Они стояли друг против друга и долго не моргая смотрели друг другу в глаза. Именно так смотрят друг на друга готовые к нападению животные или боксёры на ринге. Через минуту глазного противоборства *Сулла* неожиданно икнул и моргнул. *Митридат* щёлкнул пальцами в знак своей победы, поднял правую руку вверх и потрясая ей, сделал полный оборот вокруг себя. В ту же секунду всё его войско загудело, послышались радостные выкрики и удары мечей об щиты.

- Рад тебя видеть, великий воин, - прищурился правый глаз молвил царь.

- Так уж и рад? - усомнился в его искренности *Сулла*, стоя навтыжку в римской парадной военной форме.

Митридат был на две головы выше своего визави, но казалось этот нюанс совершенно не смущал римского полководца. Он повернулся к своим воинам и также

вскинул в приветствии свою правую руку вперёд и вверх. Римским легионерам очень тяжело было переорать митридатовскую ораву, но они старались из-за всех сил. Минут через двадцать все охрипли и над равниной раздавался только глухой сип тысячи глотков.

Митридат повернулся к своей свите и что-то показал пальцами. Тут же два раба принесли складной столик и разложили его. Другие рабы принесли чаши с разными орешками, с абрикосами, персиками, с виноградом, а также доселе невиданный ещё никем в старом свете ананас. Не забыли поставить и пару кувшинов с вином.

- А что это жёлтое в тарелке? - с подозрением спросил римлянин.

- О... это вкуснейший из вкуснейших фруктов, мне его привозят контрабандой из далёкой и ещё не открытой Бразилии, где в лесах очень много-много диких обезьян. Угощайся! Не бойся!

Сулла пытался себя перебороть. Он знал о коварстве *Митридата* и о том, что тот по сотни человек в месяц травит всякими, им же изобретёнными ядами. Хотя искушение было безумное, стойкий римский оловянный солдатик пока не поддавался. Он взял в руки орешки и начал их раскидывать вокруг. Сразу же налетели голуби и, откуда не возьмись куры, которые принялись ворковать, кудахтать и клевать угощение. Потом *Сулла* все-таки не выдержал и заискивающе попросил *Митридата*:

- А не мог бы ты первым отведать этот жёлтый фрукт?

- Да ты чё, римлянин? Ты мне не доверяешь? – царь нацепил на лицо гримасу удивления. А ну ка быстро, - он жестом подозвал раба, который взял кусочек ананаса в рот, прожевал его и с удовольствием на лице проглотил.

- Вот видишь, всё без подставы, - молвил он и тоже взял в рот кусочек.

Сулла захлёбываясь слюной хватанул оставшиеся куски и с невероятной скоростью всё сожрал.

- А у тебя ещё есть? - поинтересовался римлянин.

- Мало-мало есть. Будешь паинькой, я тебе подарю целый плод.

- Только не надо меня подкупать, - сказал *Сулла*, наливая себе в кубок вина. - Я не продаюсь за желтый фрукт, хотя он и чертовски вкусный.

Сулла, выпив пол кубка, только потом понял, что он поступил не по этикету и очень неинтеллигентно. Сначала, конечно же надо было предложить царю.

- Извини, дорогой. Будешь 100 грамм? – попытался римлянин исправить оплошность.

- Да нет, спасибо. У меня своё - и *Митридат* вытащил свою серебрянную фляжку, открутил пробку и сделал несколько крупных глотков.

- Ну, как знаешь, - *Сулла* взял свой кубок и поднёс его ко рту. Вдруг он в страхе отбросил его, схватился за горло и вопросительно уставился на царя.

- Что? Думаешь, что оно отравлено? Страшно тебе? – понтиец вплотную приблизился к Сулле и щёлкнул ему пальцами по подбородку. – Саечка за испуг. Не бойсь! Мне нет понта тебя травить. Ты мне живой нужен.

Услышав это Сулла сразу обмяк на расслабоне. – Мне надо отойти до ветру, - прохрипел он.

- Давай по-быстрому, а то мы тут до ночи провозимся.

Вернувшись Сулла застал Митридата сидящим за столом и просматривающим какие-то пергаменты с эротическими картинками.

- Что это у тебя? Дай подзыбать.

- После, служивый. Сначала о делах наших скорбных покалякаем.

- Это у тебя они скорбные, ты и начинай.

На самом деле, по Плутарху, он сказал: «*Просители говорят первыми – молчать могут победители*»

- Ладно, слушай, победитель. Когда-то я и мой отец были хорошими друзьями Рима.

Потом ваши послы, всякие там уполномоченные сената и военачальники нанесли мне жуткие обиды. Вы вернули *Ариобарзана* в Каппадокию, которую я «по-чесноку» у него отжал. Вы отняли у меня Фригию, которую подарили моему бате. Вы оставили без внимания нанесенные мне оскорбления этим бараном *Никомедом*. И все это вы сделали из-за денег, которые брали то у меня, то от них. Вы, римляне, – жадные и очень, очень корыстолюбивые. Война началась

именно из-за жадности и корыстолюбия ваших военачальников, и начал её я исключительно для самозащиты.

- Трындеть ты конечно мастер, - перебил его Сулла, - но *Ариобарзана* в Каппадокию вернул лично я, когда был управляющим в Киликии. А сделал я это по решению римского сената. Или ты считаешь, что я должен был послать своих начальников? Фригия была передана твоему отцу противозаконно, за взятку. А баран *Никомед* жаловался нам, что ты подослал к нему сначала *Александра*, чтобы убить его, а когда это ему не удалось, то и так называемого *Хреста-Благого Сократа*, чтобы отнять власть. Вот *Никомед*, пытаюсь

оградить себя от твоих пакостей, вторгся в Понт. Что, съел? Ты, змей подколодный, всё задумал ранее. Ты захватил Крым и Колхиду. Снюхался с дикими фракийцами, сарматами и скифами. Но тебе всего этого было мало. Ты решил завоевать всю Малую Азию. Ты напал на *Ариобарзана*, *Никомеда*, галатов и Пафлагонию, и даже на Азию, нашу собственную область. Ты вырезал всех италиков, не пощадив даже женщин и детей. Ты попёр в Грецию. Освободитель задрипанный. Народ там жил с нами в любви и согласии, а ты разжёл в них ненависть к нам. И что теперь с Грецией?

- Ладно, кончай базар, - теперь уже *Митридат* прервал *Суллу*.

- А... правда глаза колет? Буду говорить столько сколько хочу. И делать буду, то что посчитаю нужным. Я - победитель!

- А я тебе тогда ананас не дам, паршивец ты этакий, - попытался вразумить его царь.

- Да засунь ты его себе знаешь куда? – в этот момент и так красное по природе лицо *Суллы* ещё больше побагровело от злости.

- Что!?! Что ты там вякнул? - *Митридат* сжал свои пудовые кулаки.

Наступил кульминационный момент переговоров. Вот-вот должно было разразиться мордобитие. Оба лидера напряженно смотрели друг другу в глаза. И на этот раз *Митридат* первым отвёл взгляд.

- Так у нас ничего не получится. Мы должны успокоиться. Этот мир нужен нам обоим.

- Правильно? – спросил царь.

- Ладно, давай договариваться. *Сулла* налил себе вина и выпил. *Митридат* также налил себе этого вина, теперь он тоже был уверен, что оно без яда. Выкурив молча по сигарете они окончательно успокоились и продолжили переговоры.

- Ты уходишь из Вифинии, Каппадокии и Пафлагонии, - начал озвучивать свои требования *Сулла*.

- Замётано. Что ещё?

- Ты выплачиваешь мне 2 000 талантов.

- Без базара. Деньги – брызги. Бабки сейчас же тебе принесут.

- Добре. Потом ты должен мне ещё отдать, - тут *Сулла* решил увеличить заранее договоренное количество кораблей, 100 своих посудин.

-50

-90

-60

-80

-70 и не корытом больше, - прервал торг царь. Плюс я дам тебе «бонус»: 50 лучников.

- Ладно, по рукам. Но прежде, чем мы расцелуемся в знак договорённости ты должен сделать ещё одно дело.

- Чего же тебе ещё надо?

- Ты должен пожать руки *Ариобарзана* и *Никомеда*, - потребовал *Сулла*.

- Кому?! Этим уродам, сам жми им всё что хочешь.

- Это моё условие.

- Хрен с тобой, пожму, - сказав это *Митридат* надеялся, что как и всё остальное, кроме денег и кораблей, которые он должен передать сегодня, он делать не будет.

- Ну вот и хорошо. *Сулла* поднялся и призывно взмахнул рукой. Из толпы его воинов вышли двое и когда они приблизились, *Митридат* узнал в них царей Вифинии и Кападокии.

- Итить твою...они у тебя что с собой, что ли? – удивился царь.

- А как же? Мы должны здесь решить все вопросы.

Цари мелкими шагами приблизились к столу переговоров и встали напротив понтийского царя, потупив свои пороссячи глазки в землю.

- Давай забудем все обиды, - сказал *Никомед* и протянул *Митридату* руку для рукопожатия.

- Пусть всё плохое, что было между нами, останется в прошлом, - вторил ему *Ариобарзан*.

Митридат смотрел на них с презрением.

- Ну, давай, не тяни, - подстёгивал его *Сулла*, - замиришься с ними.

Митридат протянул руку, но не как для рукопожатия, а как для того чтобы они её поцеловали. Царьки же не возражали и пожали ему с поклоном его открытую ладонь. После этого довольный *Сулла* обнял *Митридата* и расцеловал его. Войско царя загалдело от радости, а вот легионеры злобно молчали.

- Теперь ты удовлетворён римлянин? Все твои мерзкие желания я исполнил?

- Да, теперь порядок. Да не расстраивайся ты так. Какие твои годы? Ты же ещё молодой. Ещё покурлесишь.

- Слушай *Сулла*, я хочу тебя попросит напоследок об одном одолжении.

- Да всё что угодно, братан.

- Не трогай пожалуйста города и не чини вреда людям, которые служили мне. Будь человеком. Пообещай мне.

- Зуб даю, - и *Сулла* щёлкнул по верхнему зубу ногтем.

- Побожись!

- Чтоб я сдох!

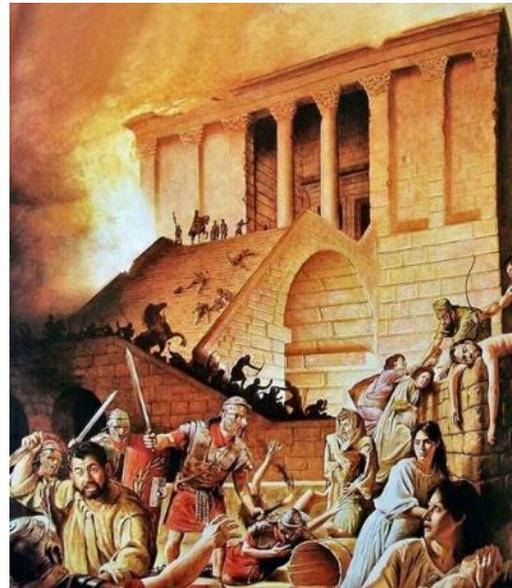
- Ну, тогда давай, пока.

- И тебе не кашлять.

Переговоры закончились и *Митридат* отбыл к себе в Понт. За ним остались земли Понта в тех пределах, в каких они были в то время, когда он начинал свою войну с Римом. Две тысячи талантов контрибуции были для него сущим пустяком по сравнению с тем, что он награбил во время войны. Он только с Хиоса поимел такую сумму. Помните?

Сулла поначалу держал своё обещание и не разрешал своим солдатам грабить Малую Азию. Но они роптали и роптали. Недовольство в войсках росло, грозясь перерасти в бунт. Хитрый *Сулла* пытался объяснить солдатам, что если бы он не заключил мир, то *Митридат* мог бы объединиться с *Фимбрией*, и тогда им бы пришлось воевать сразу на два фронта. Солдаты погудели ещё немного, но в конце концов согласились с доводами своего полководца. Тогда он повёл их в поход против *Фимбрии*. Спустя некоторое время обе армии встретились и стали своими лагерями друг против друга. *Сулла* не спешил нападать и не прогадал. Из лагеря противника началось массовое дезертирство и через некоторое время *Фимбрия* оказался без солдат. Он в отчаянии бежал в Пергам. Там он весь на нервах вошел в великий храм *Асклепия*, приставил к груди меч и положил конец своей жизни, упав на него.

Потом мерзавец *Сулла* нарушил своё обещание, данное понтийскому царю и начал со своими выродками грабить и убивать народ по всей Малой Азии. Он обложил всех огромной данью, все освобожденные *Митридатом* рабы были опять возвращены в рабство. *Сулла* самолично награбил себе тысячи предметов искусства, известные картины, ценные манускрипты, прекрасные скульптуры и другие ценности. Интересно, что большинство из награбленного затонуло во время шторма, когда его корабли перевозили всё добро в Рим. Сам *Сулла* вернулся в вечный город с 40 тысячами воинами. Устроил по всей Италии знатную резню и грабёж и в 81 году до н. э. стал диктатором Рима.

Таким образом, первая война между *Митридатом* и Римом была окончена.

Продолжение следует...

1. Jan N. Bremmer, Andrew Erskine, *The Gods of Ancient Greece: Identities and Transformations*, p. 104, Edinburgh University Press, 2010.
2. Pagel, M. in *Time Depth in Historical Linguistics* (eds Renfrew, C., McMahon, A. & Trask, L.) 189-207 (The McDonald Institute for Archaeological Research, Cambridge, 2000).
3. Gray, Russel D.; Atkinson, Quentin D. (2003). *Nature*. **426** (6965): 435–439.
4. Tartaron, Thomas F. (2013). *Maritime Networks in the Mycenaean World*. Cambridge: Cambridge University Press. ISBN 978-1-107-06713-4.
5. Скарлато, Георгий. *Захватывающая география. Учебное пособие.* —К.: «Альтерпресс», 1998. — 414 с
6. Геродот. *История*. I, 142
7. DeSesso, JM. The arrogance of teratology: A brief chronology of attitudes throughout history. *Birth Defects Research*. 2019; 111: 123– 141. <https://doi.org/10.1002/bdr2.1422>
8. Niklas, K.J., Kutschera, U. Historical revisionism and the inheritance theories of Darwin and Weismann. *Sci Nat* **102**, 27 (2015). <https://doi.org/10.1007/s00114-015-1279-2>
9. *Греческий мир в эпоху колонизации*, Reclam Philipp Jun., 1981.
10. Boardman 1964. P. 186-188]
11. Плутарх, Моралия «Пять трагических историй любви» II.
12. Хейзинга Й. *Номо Ludens/ Человек играющий. Статьи по истории культуры.* М.: Айрис-Пресс, 2003.
13. Плутарх, 1994, Александр.
14. *Легенды Крыма". Симферополь: Бизнес-Информ, 1995.-с.69-74*
15. Диодор Сицилийский. *Историческая библиотека*, XII, 31.
16. Корнелий Непот, Ганнибал, 12, 3—5
17. Моев Е.А. Рим и Понт от Фарнака I до Митридата VI. *Вестник Нижегородского Университета*. 2012, 6, 168-172.
18. Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога «История Филиппа», Глава XXXVII.
19. Мэйор Адриенна "Митридат. Отважный воин, блестящий стратег, зловецкий отравитель. 120-63 гг. до н. э." Центрполиграф: 2018.
20. Аппиан. *Римские войны*. СПб.: Алетейя, 1994.
21. Юстин Марк Юниан. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiae Philippicae» СПб., 2005.
22. Плутарх. *Сравнительные жизнеописания*. Сулла. С интернет версией книги можно ознакомиться здесь: <http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1439002400>
23. Brunt P.A. *Italian Manpower. 225 B.C. – A.D. 14*. Oxford, 1971. P. 224–227.

